

Стивен Сейлор

ЗАГАДКА КАТИЛИНЫ

*А поодаль виден был Тартар,
Дата глубокий провал
и жестокие кары злодеев:
Здесь, Катилина, и ты,
прикованный к шаткому камню,
В лица фурий глядишь,
неотступным терзаемый страхом.*
Вергилий. «Энеида». VIII: 666-669

*Что случилось с каждым гражданином,
Случилось с ним,
С тех пор как злобный Катилина
Покинул Рим?
Сначала был он невиновен,
А после обвинен,
Но заговор раскрыт, и больше
Не властен он.
Одни советуют — к оружию
И взять его.
Но лучше — на него грехи возложим
И пустим вон.*
Бен Джонсон. «Заговор Каталины». Акт V: 863–878

Что есть истина?
Понтий Пилат

Часть первая НЕМО

ГЛАВА ПЕРВАЯ

— Согласно утверждению Катона... — произнес я и остановился, напряженно вглядываясь в текст свитка.

Яркий свет из окна освещал пергамент, и полустертые буквы плясали у меня перед глазами. Теперь, в сорок семь лет, зрение иногда подводит меня. Я, конечно, могу сосчитать листья на оливковом дереве, растущем в пятидесяти шагах от меня, но с трудом отличаю О от U, а порой даже I от L.

— Согласно утверждению Катона, — снова начал я и вытянул руку, безмолвно читая написанное. — Да это же просто смешно! Катон говорит, что именно сейчас, в июньские

календы, сбор сена должен подходить к концу, а мы даже и не начинали!

— Могу ли я кое-что сказать, хозяин? — заговорил стоящий возле моего локтя Арат, предварительно кашлянув. Раб, не достигший еще пятидесятилетнего возраста, давно исполнял обязанности управляющего и надсмотрщика за остальными рабами.

— Да?

— Хозяин, травы еще не отцвели. В этих краях случается, что они созревают довольно поздно. И в прошлом году то же самое было: сено начали заготавливать только в конце июня...

— Видел я, что стало с этим сеном! Целые кипы сгнившей травы в сарае — едва до весны дотянули.

— Но ведь так получилось из-за того, что зимой сильный ветер повредил крышу сарая, а потом пошли дожди, и сено испортилось. И поздний сбор здесь вовсе ни при чем. — Арат опустил глаза и сжал губы. Его терпение, очевидно, подходило к концу, но услужливость не давала проявить характер.

— Но ведь Катон совершенно ясно утверждает: «Собирайте сено в надлежащее время и следите за тем, чтобы не пропустить начало сбора». Пусть Марк Порций Катон и умер сто лет тому назад, но ведь природа за это время не изменилась. — Я взглянул на Арата, который все еще сжимал губы. — И вот еще что... — Я пробежал глазами по списку, ища то место, которое привлекло мое внимание прошлым вечером. — Ах, вот: «Нут, или бараний горох, как его еще именуют, вреден для скота, и его следует отделять от полезных трав». Но вчера я видел, как один из рабов вынес из кухни опаленные семена нута и смешал их с кормом для быков.

Арат на мгновение возвел глаза к небу. Или мне показалось?

— Стебли нута действительно вредны для скота, господин, но не семена. Они вредны и для людей, насколько я полагаю, — добавил он сухо.

— Хорошо, тогда все понятно.

Я закрыл глаза и помассировал пальцами переносицу.

— Ты сказал, что травы еще не отцвели, может, нам и в самом деле стоит подождать со сбором сена. А как обстоят дела на виноградниках? Листья уже появились?

— Да, господин. Мы уже начинаем подвязывать лозы к подпоркам и подрезать их — все, как и говорит ваш Катон. А поскольку он еще говорит, что такую работу следует поручать самым опытным и искусным рабам, то я пойду наблюдать за этим занятием.

Я кивком отпустил его.

Комната неожиданно показалась мне душной и жаркой, хотя полдень еще не наступил. Виски мои бешено пульсировали, и я решил, что это из-за жары, хотя, скорее всего, это было следствие столь усердного чтения текста и спора с Аратом. Я вышел в небольшой садик, где было прохладнее. Из дома донесся неожиданный крик — завизжала Диана, а затем послышался громкий голос Метона: «Не трогал я ее!», сопровождаемый упреками Вифании. Вздохнув, я продолжил путь, прошел через ворота и свернул на тропинку, ведущую мимо загонов для коз, где два раба занимались починкой сломанной ограды. Они едва взглянули на меня.

Дальше мой путь лежал мимо виноградника, где Арат уже наблюдал за тем, как подвязывают молодые виноградные лозы. В оливковом саду я передохнул в тени. Над моей головой прожужжала пчела, скрывшись между стволами деревьев. Я последовал за ней и вышел к холму, где уже начинался девственный лес. Возле его каменистого гребня я заметил несколько старых пней — видимо, когда-то здесь предпринимали попытку вырубить лес и расчистить землю, но после отказались от этой затеи. Хорошо, подумал я, что дикий лес не тронули, хотя Катон бы посоветовал очистить такое место для домашних растений; Катон всегда предпочитал возвышенности и недолюбливал низменности, где собирается туман, портя урожай.

Я сел на пенё и перевел дыхание в тени огромного сучковатого дуба.

Над головой снова послышалось жужжание пчелы — видимо, ее привлекал запах миндального масла, которым Вифания смазала мои наполовину седые волосы прошлым вечером. Живя в провинции, не было необходимости стричься так часто, как в городе, поэтому пряди волос у меня свисали над ушами и плечами; впервые за всю жизнь я отрастил бороду — она тоже оказалась наполовину седой, особенно на подбородке.

Да и Вифания тоже седеет и подкрашивает волосы хной, отчего они приобретают какой-то совершенно красный цвет, похожий на кровоподтек. Но ее волосы до сих пор густые и пышные. Теперь она все чаще ухаживает за ними, а я свои совсем запустил. Утром она собирает их в кольца и закрепляет булавками, укладывая в прическу, как у римской матроны — хотя ее все равно выдает египетский акцент.

От этой мысли я улыбнулся, обнаружив, что моя голова перестала болеть. Я смотрел на простирающуюся передо мной долину и вдыхал ароматы лета: запах диких животных, травы, шелестящей под легким ветерком, земли, дремлющей под жарким солнцем. Передо мной словно бы развернули план поместья: вот красная черепичная крыша главного дома, скрывающая под собой спальни, кухню, библиотеку и столовую; более высокая крыша указывала на то место, где располагалась купальня; сразу же за воротами — главный двор с прудиком и цветами; вон там — задний двор, где делают вино и где виднеются котлы и чаны; третий двор вымощен кирпичом и выходит на солнечную сторону; к библиотеке примыкал сад, откуда я и пришел сюда. По бокам располагались сараи, загоны для скота, навес для оливкового пребса. На окружающих землях раскинулись хлебные поля, виноградники, оливковые сады.левой границей поместья служила река с поросшими кустами берегами, правой — дорога из Рима — широкая, мощеная Кассианова дорога; а прямо передо мной, за обработанными полями, можно было разглядеть невысокую каменную стену, соединяющую реку и дорогу. Река слева, дорога справа, стена спереди, а сзади границей служил холм с каменным гребнем, где я и сидел. Идиллическое место, достойное поэмы. Даже суровый Катон, пожалуй, похвалил бы его. Мечта любого римлянина — богатого или бедного — получить себе поместье в провинции, скрыться от тревог и волнений сумасшедшего города. Неожиданно для меня самого все это оказалось моим. Разве я не счастлив?

— Ты похож на чужака, Гордиан.

Я резко обернулся.

— Клавдия! Ты напугала меня.

— Лучше быть испуганным, чем озабоченным и несчастным.

— Почему ты думаешь, что я озабочен и несчастлив?

Соседка подперла бока руками и посмотрела на меня изучающе.

— Ноги врозь, — заметила она, — Локти на коленях, руки обхватывают подбородок, голова наклонена в сторону, сутулые плечи. Будь ты на тридцать лет моложе, я бы сказала, что ты безнадежно влюбился. А так ты просто не похож на местного жителя. Давай я присяду на соседнем пенёке и покажу, как надлежит по-настоящему любоваться таким зрелищем.

Пень оказался ниже, чем ожидала Клавдия. Плюхнувшись на него своим грузным телом, она добродушно рассмеялась, вытянула ноги, шлепнула руками по коленям и прямо-таки засияла. Более довольной она выглядеть не могла, даже если бы сидела на той стороне холма и рассматривала свое собственное поместье. Клавдия приходилась двоюродной сестрой моему старому другу и покровителю Луцию Клавдию, от которого я и унаследовал свое поместье. Она так походила на него, что казалась его родной сестрой, или даже просто женским воплощением Луция: с первого взгляда я почувствовал к ней расположение, когда она пришла к нам и представилась. Как и у Луция, у нее были толстые руки, пухлые щеки и вздутый нос. У нее, конечно, было больше волос на голове, чем у ее брата, который перед смертью совсем облысел, но они были такого же желто-рыжего с проседью цвета и такими же жидкими; макушку украшал пучок, а лицо обрамляли небрежно свисавшие неровные

пряди. Но, в отличие от Луция, она не любила украшения, и лишь одна золотая цепочка красовалась на ее шее. Женскую столу она считала неудобной для деревенской жизни и предпочитала носить длинную шерстяную тунику, так что издали, принимая во внимание ее телосложение, ее можно было принять за мужчину, даже за раба, но, по иронии судьбы, в ней текла чистейшая кровь патрициев. Ее имение располагалось по другую сторону холма; Клавдия владела им одна, без помощи отца, брата или мужа. Она, как и Луций, не обзавелась семьей, а жила независимо, как ей самой нравилось. Такое положение считалось бы героическим подвигом даже для городской матроны; в сельской же местности это было более чем удивительно и свидетельствовало о силе характера и о решительности, о которых никак нельзя было догадаться по ее внешности.

Я не знал, как ей удалось выбить себе участок земли из богатств Клавдиев. Поместье ее было всего лишь малой частью их владений. Со всех сторон я был окружен этим семейством. С юга — имение Клавдии, самый худший их участок, с каменистым склоном и низменностью, где зимой случаются столь ненавидимые Катонем туманы. На западе, за рекой, находятся владения ее двоюродного брата, Публия Клавдия; с холма я мог разглядеть крышу его дома, возвышающуюся над деревьями. За северной стеной — владения еще одного родственника — Мания Клавдия; на таком расстоянии они почти не видны. К востоку от Кассиановой дороги местность поднимается и переходит в гору, которую местные жители называют Аргентум;¹ ее склоны покрыты густыми лесами. Ими владеет еще один брат Клавдии — Гней Клавдий. Говорят, что в них хорошо охотиться на кабанов и оленей. Когда-то там была шахта, где добывали серебро, но месторождение давно истощилось. На склоне хорошо заметна тропа, она извивается и теряется в лесах; раньше по ней ходили многочисленные рабы, но потом ее забросили, и дорога превратилась в тропу для коз. И всеми было признано, что владения моего благодетеля, Луция Клавдия, самые лучшие, а Луций, согласно своему завещанию, оставил их мне. Клавдии, в лице молодого Гнея и многочисленных адвокатов, пытались оспорить завещание, но безуспешно. Суд в Риме прошел в мою пользу, и поместье осталось за мной. Разве этого мало?

— На самом деле приятное место, — сказала Клавдия, глядя на черепичную крышу и прилегающие к дому земли. — Когда я была девочкой, поместье было запущено. Луций вовсе не интересовался им, и оно понемногу приходило в негодность. Потом около пятнадцати лет тому назад, после того, как он встретил тебя и вы провернули первую совместную сделку, он неожиданно обратил внимание на это место и стал часто сюда приезжать. Он купил Арата, назначил его управляющим, посадил виноградники, оливки, привез новых рабов, отстроил заново дом. Поместье начало приносить доход и одновременно позволяло отдыхать от городской суеты. Все мы следили за успехами Луция. И его неожиданная кончина в прошлом году всех нас потрясла. — Клавдия вздохнула.

— А также вас расстроил выбор наследника, — добавил я тихо.

— Да нет, Гордиан, не ворчи попусту. Не стоит порицать Гнея, ведь он брат Луция, и все мы ожидали, что наследником он объявит его, поскольку владения Гнея годятся только для охоты, а серебряная шахта давно заброшена. Увы, Цицерон блестяще провел твое дело, как всегда, — тебе повезло, что твои интересы защищал такой человек, и мы все тебе завидуем. Аргументы Цицерона убедили судей в законности передачи наследства. Клавдии не были обделены: у покойного было много других владений и богатств, которые он распределил между родственниками. Мне достались драгоценности его матери и дом на Палатинском холме в городе. А тебе этруское поместье. Мы все уже смирились с этим.

— Ты-то смирилась, но я не уверен насчет остальных.

— Почему? Разве они тебе чем-то досаждают?

— Не совсем. Ни Гнея, ни Мания я не видел после суда ни разу, но оба они послали

¹ Серебро (лат.).

своих людей, чтобы мой управитель не позволял моим рабам приближаться к их собственности — если я не хочу, чтобы у меня остались одни покалеченные и безрукие рабы.

Клавдия нахмурилась и покачала головой.

— Сожалею. А как Публий? Он ведь самый старший, и у него всегда была трезвая голова.

— Сказать по правде, нам предстоит скоро обсуждать еще одно дело в суде.

— Но почему?

— Мы так и не пришли к соглашению относительно реки, разделяющей наши владения. Документы, которые я унаследовал от Луция, ясно указывают, что я имею полное право использовать в своих интересах реку и все, что в ней находится, но недавно Публий прислал мне письмо, в котором говорит, что считает реку только своей.

— Ах, вот в чем дело.

— Рано или поздно нас рассудят. Но вчера мои рабыни стирали одежду, а рабыни Публия на том берегу и выше по течению принялись мутить воду. Мои в долгу не остались и стали осыпать их упреками и бранью, женщины на противоположном берегу им ответили, а потом в ход пошли уже не только слова. Двое управляющих прекратили перебранку, но одной из моих рабынь попал в голову камень.

— Она серьезно ранена?

— Нет, но крови было достаточно, и теперь у нее будет шрам. Если бы у меня был сутяжнический характер, я бы добился, чтобы Публий заплатил мне за причиненный ущерб.

Клавдия шлепнула руками по коленям.

— Невероятно! Я и не знала, что против тебя затеяли, Гордиан. Но я поговорю с родственниками и постараюсь их убедить, что с тобой лучше поддерживать добрососедские отношения, вспомнив о здравом смысле.

Она так театрально разгневалась, что я рассмеялся.

— Я отблагодарю тебя за помощь, Клавдия.

— Это все, что я могу сделать. Может, в городе и принято все время таскаться по судам, но здесь, в провинции, не место бесконечным спорам. Здесь должны царить спокойствие, изобилие и домашний уют, как говаривал сам Луций.

— Да, я помню эти его слова.

Я посмотрел в направлении реки, разглядывая нечетко виднеющиеся постройки на стороне Публия, почувствовал беспокойство, потом: повернулся и решил поговорить о другом.

— Ты часто видела Луция, когда он приезжал в поместье?

— Ах, я никогда не пропускала случая повидаться с ним. Такой приятный человек — да ты и сам знаешь. Мы сидели как раз на этом гребне холма, на этих самых пенях и разглядывали дом и поля, строя планы на будущее. На реке он собирался построить мельницу. Ты знал об этом?

— Нет.

— Да-да, с таким огромным колесом и всякими приспособлениями, чтобы молотить зерно и заодно разламывать и отесывать камни, добываемые в шахте Гнея. В планах все было так грандиозно и запутанно, но Луций сказал, что он и сам сможет справиться с планом. Жалко, что он умер, да еще так неожиданно.

— Лучше умереть неожиданно. Большинству так не везет.

— Да, я понимаю. Хуже, когда умираешь долго и мучительно или в одиночестве...

— А Луций умер быстро, в окружении друзей, пересекая Форум, где его все знали и любили. Смеялся, шутил — так мне позже рассказывали — и вдруг неожиданно схватился за грудь и задохнулся. Он умер почти сразу, страдал недолго. А его похороны превратились в целое событие — множество друзей отовсюду.

При этом воспоминании я улыбнулся.

— Завещание свое он хранил в храме Весталок, как поступают многие состоятельные люди, я и понятия не имел, собирается ли он мне что-то оставлять. И вот оказалось, что поместье досталось мне, вместе со старыми документами и книгой Катона о земледелии. Я предположил, что он часто слышал, как я мечтаю покинуть безумный Рим и отдохнуть в провинции. Конечно, это были всего лишь мечты — разве человек с моими средствами может себе позволить приобрести приличное поместье и необходимых для его содержания рабов?

— Прошел год, и твои мечты сбылись. Теперь ты здесь.

— Да, и все благодаря Луцию.

— Но я нахожу тебя нахмуренным и разглядывающим долину с таким видом, будто ты — Юпитер, склонившийся над горящей Троей.

— И причиной тому в немалой степени мои соседи, — заметил я печально.

— Согласна, но тревожит тебя не только это.

Я пожал плечами.

— Этим утром мы с Аратом едва не подрались. Он считает меня невыносимым, глупым и самодовольным горожанином, который ничего не смыслит в хозяйстве, но желает при этом управлять по-своему. Мне кажется, что в его глазах я выгляжу очень смешно, когда разглагольствую о том, что прочитал у Катона.

— А что ты думаешь о нем?

— Я знаю, что Луций его очень ценил, но мне кажется, что поместье управляется не очень хорошо. Могло быть и лучше. Много отходов и потерь.

— Ах, я сама ненавижу отходы! — сказала Клавдия. — Своим рабам я ничего не позволяю выкидывать, если это что-то может принести хоть какую-нибудь пользу.

— Между мной и Аратом всегда были натянутые отношения с тех пор, как я приехал сюда прошлой осенью. Возможно, я и в самом деле самодовольный осел из города, но я же все вижу, могу заметить множество отходов и прочесть кое о чем у Катона. И кроме того, мне не симпатичен этот Арат. Возможно, я просто не привык управлять таким количеством рабов и находить всем им подходящее занятие, а особенно трудно следить за столь самоуверенным и волевым рабом, как Арат. Луций дал ему огромные права, а мой приезд, конечно, явился для него помехой. Он смотрит на меня как на занозу в пальце; а я гляжу на него как на лошадь, которая может понести, и поэтому ей не стоит доверять: ее можно заставить скакать, куда ты хочешь, но она способна сбросить тебя в любое мгновение. Я часто ловлю себя на мысли, что слишком придираюсь к нему. В ответ он дерзит.

Клавдия сочувственно кивнула.

— Да, нелегко найти хорошего управляющего. Но ведь в сельской жизни наслаждения и радости перевешивают тяготы и заботы, по крайней мере, я всегда так считала. Мне кажется, не только мысль об Арате беспокоит тебя.

Я искоса посмотрел на нее. Она уже подбиралась к моим чувствительным местам.

— Должен признаться, что мне недостает моего старшего сына.

— Ах, да, молодого Экона. Я видела его, когда он помогал тебе осенью переезжать. Милый молодой человек. Почему он не здесь, не рядом с тобой?

— Он устроился в моем доме на Эсквилинском холме, — и, кажется, ему там вполне нравится. Не следует ожидать от молодого человека двадцати семи лет, что он бросит городские развлечения ради скучной сельской жизни. Кроме того, он недавно женился, его молодой жене нравится вести собственное хозяйство. Представь себе, что было бы, если бы ей пришлось соперничать с Вифанией? Я просто содрогаюсь при этой мысли. Тогда ни о каком спокойствии и не помечаешь! Он также там и работает. Он выполняет те поручения, что и я когда-то, — довольно опасные, и поэтому я тревожусь. Рим всегда был беспокойным местом...

— Так или иначе, дети всегда взрослеют и уходят из дома. Или так считается. Но у тебя ведь есть еще дети.

— Да, и когда я сюда переехал, они просто передрались. Метон уже почти взрослый, в будущем году ему исполнится шестнадцать лет и он наденет тогу взрослого юноши. Не следует ему ругаться с Дианой, ведь ей всего шесть лет. Но она постоянно доводит его своими придирками...

— Диана? Так вы ее называете для краткости?

— Да, Гордиана — слишком длинно для такой маленькой девочки, не правда ли? Да и к тому же имя богини ей подходит; ей нравится все дикое и неприрученное. Здесь, в сельской местности, она счастлива. Я слежу, как бы она не убежала слишком далеко от дома.

— Подумать только, каким большим поместьем представляется шестилетней девочке! Этот холм, должно быть, для нее — целые горные цепи, стена — мощные укрепления, а река — бурный поток. А Метону нравится здесь?

— Он вырос не в городе, а неподалеку от Бай, на морском побережье.

Клавдия взглянула на меня подозрительно.

— Приемный сын, как и его старший брат, — объяснил я. При этом я не добавил, что он родился в рабстве; другим позволено узнавать об этом, но я сам никогда не проговорюсь. — Поэтому сельская жизнь как раз подходит для него. И в городе ему было хорошо, но здесь лучше.

— А как твоя жена, Вифания?

— Она из тех женщин, которые быстро осваиваются на любом месте. Но если уж говорить по правде, ничто не сравнится с ее родной Александрией, даже Рим, не говоря уже об этрусской провинции! И мне все-таки кажется, что ей недостает рынков, сплетен, запаха рыбы в гавани, людской суеты на Форуме по праздникам, — всего городского беспорядка и сумасшествия.

— А тебе?

— Что мне?

— Тебе-то тоже всего этого недостает?

— Вовсе нет!

Она посмотрела на меня пристально и без сожаления.

— Я была хозяйкой двух поколений рабов, повидала много людей — странников и купцов из Рима — и научилась распознавать, когда человек просто старается быть со мной вежливым. Тебе здесь не нравится, и вовсе не потому, что ты ссоришься с соседями или своим управляющим. Ты скучаешь по дому.

— Ерунда!

— Тебе скучно.

— Это когда под моим руководством находится целое поместье?

— И ты одинок.

— В окружении семьи?

— Тебе скучно не потому, что не хватает дел; ты скучаешь по неожиданностям, которые преподносит городская жизнь. Одинок не из-за отсутствия близких, а потому, что теперь в твоей жизни не появляется незнакомых людей. Деревенским жителям тоже знакома тоска по чужестранцам, я сама с удовольствием знакомилась с новыми людьми. Думаешь, я не устаю видеть постоянно вокруг себя Публия, Мания, Гнея со своими рабами? Потому я и люблю разговаривать с тобой, Гордиан. Но я выросла в провинции, а ты в городе, так что твоя тоска и одиночество сильнее.

— В твоих словах есть доля правды, Клавдия, но не думай, будто я так сильно скучаю по городу. Я и дожидаться не мог, когда мне представится возможность покинуть его! Действительно, когда человек молод или когда он движим исключительно своими страстями — то нет места лучше, чем Рим, для удовлетворения своих амбиций и жажды власти и денег. Нет, я в свое время отвернулся от всего этого. То, что Луций оставил мне свое поместье, — не случайность, а воля богов, они подсказали мне выход из этой суеты. В Риме стало

невозможно находиться — это грязный, шумный, опасный город. Только сумасшедшие могут оставаться там!

— Но твоя работа...

— Я скучаю по ней меньше всего! Знаешь, чем я зарабатывал на жизнь? Я называл себя сыщиком. Меня нанимали судьи, чтобы разносить грехи своих врагов; политики — надеюсь, что больше никого из них не увижу, — чтобы я приносил им скандальные сведения об их противниках. Когда-то я думал, что служу правосудию и истине, но слова эти ничего не значат в Риме. Их с успехом можно было бы исключить из латинского языка. Я получаю доказательства, что человек виновен в тяжком преступлении, а целая когорта подкупленных адвокатов признает его невиновным! Я узнаю, что человек невиновен, а на другой день его обвиняют и с позором изгоняют из города! Или, например, один из известных людей допустил прегрешение, но с этой точки зрения никто из нас не безгрешен, в остальном он очень порядочный и приличный человек; но в городе все только и охотятся за скандалами, и его изгоняют из Сената, а на самом деле за всем этим скрывается неизвестная мне политическая игра. С другой стороны, громогласный негодяй может увлечь толпу, подкупить законодателей и стать консулом! Я привык думать, что Рим становится все хуже и хуже, но на самом деле это я постарел. Я устал, я не могу больше выносить этот идиотизм.

Клавдия никак не отозвалась на эту тираду. Она только нахмурилась и заерзала, потом, как и я, принялась снова разглядывать панораму местности. Из кухни подымался столб дыма. Приглушенный стук деревянных молотков, которыми рабы чинили изгородь, эхом разносился по долине, смешиваясь с жалобным блянием потерявшегося козленка, сбежавшего через дыру и оказавшегося в высокой траве. Искать его отправился юноша-раб, но он пошел не в том направлении. С севера по Кассиановой дороге двигался караван повозок, их содержимое было скрыто под плотными покрывалами. Поскольку его сопровождала группа вооруженных стражников, содержимое повозок представляло значительную ценность — возможно, это были вазы из мастерских Арреция, которые везли на продажу в Рим. Навстречу повозкам двигалась процессия рабов, несущих на спинах тяжелые тюки; их погоняли всадники. Новые цепи блестели в лучах заходящего солнца. За дорогой, на пологом склоне горы Аргентум, приблизительно на одной с нами высоте, паслось небольшое стадо коз, медленно двигаясь по тропе, ведущей к заброшенной шахте Гнея. Через жаркую, пыльную долину до нас едва доносилось их тихое бляние.

— И все же... — вздохнул я.

— Да, Гордиан?

— И все же... знаешь, о чем я думаю, сидя здесь, на холме?

— О Риме?

— Да, Клавдия, о Риме! Город стоит на семи холмах, и с каждого открывается неповторимый вид. Я как раз вспоминал о вершине Квиринальского холма. Оттуда можно увидеть все северные кварталы Рима. Тихим летним днем, наподобие этого, волны Тибра сверкают, словно всполохи костра. Фламиниева дорога переполнена повозками и всадниками. На половине пути вырисовывается Фламиниев цирк; он выглядит словно игрушечный, но при этом все же необычайно велик; вокруг него теснятся непрочные постройки и лавочки, словно щенки, присосавшиеся к груди своей волчицы-матери. За городской стеной колесницы мчатся по Марсову полю и вздымают клубы пыли. Городские запахи и шум подымаются вверх, в теплый воздух, и кажется, что город дышит.

— Ты скучаешь по своему городу, Гордиан.

— Да, — вздохнул я. — Несмотря на его опасности и пороки, несмотря на грязь и шум, я все же скучаю по нему.

Мы молча посмотрели вниз. Раб наконец нашел козленка, взял его на руки и понес обратно в загончик. Девочка с кухни принесла рабам дымящуюся похлебку, и они перестали стучать молотками. В наступившей тишине я услышал, как Арат кричит одному из рабов,

работающих в винограднике: «Неправильно, весь ряд повязан неправильно! Нужно все переделать!» Потом опять наступила тишина, и только пчелы тихо гудели над нами.

— Я так и надеялась, Гордиан, что встречу тебя сегодня здесь, на холме.

— В чем дело, Клавдия?

— Знаешь, ведь близится время выборов.

— Не напоминай. После прошлогоднего фарса я ни за что не соглашусь участвовать в подобном зрелище.

— Тем не менее, некоторые из нас не утратили чувства гражданского долга. В следующем месяце предстоит выбрать двух консулов. Среди нас — «этрусских сельских Клавдиев», как мы себя называем — стало традицией собираться перед выборами и обсуждать кандидатов, назначать нашего представителя для голосования в Риме. В этом году моя очередь устраивать собрание. Не важно, что мой дом невелик и у меня не хватает рабов для достойного проведения мероприятия: обязанность есть обязанность. Собрание состоится в конце месяца. Ты окажешь мне величайшую услугу, если одолжишь мне своего повара и некоторых слуг с кухни. Мне они понадобятся всего лишь на пару дней, чтобы приготовить праздничный обед и обслужить как следует гостей на самом празднике. Всего три дня. Для тебя это не слишком обременительно, Гордиан?

— Конечно, нет.

— Я в долгу не останусь. Тебе всегда может понадобиться бык в хозяйстве или лишняя охапка сена. Ведь мы, соседи, всегда должны выручать друг друга, не так ли?

— Да, конечно.

— Надеюсь, ты не прикажешь своим рабам капнуть несколько капель яда в бокалы с вином, чтобы избавиться от досаждающих тебе соседей?

Это была шутка, но я нахмурился вместо того, чтобы улыбнуться. В Риме я слишком часто сталкивался со случаями отравления.

— Ну ладно, Гордиан, не сердись! Я на самом деле поговорю со своими родственниками, скажу им, чтобы они тебя не беспокоили.

— И я тоже в долгу не останусь!

— Какого из кандидатов ты нам посоветуешь? Консульство твоего друга, Цицерона, было довольно успешным. Мы ничего не имеем против него, хотя он и защищал тебя в суде по делу о завещании Луция. Ты должен гордиться таким другом. Он оказался очень хорошим консулом — жалко, что нельзя его избрать на два срока подряд. По крайней мере, он бы оставил не у дел этого ненормального — Катилину. А так его теперь ничем не остановишь, или, как говорят...

— Пожалуйста, Клавдия, не надо о политике...

— Да, да, конечно, ты и так устал от нее.

— Вот именно. Я, может, и скучаю по Риму, но...

Тут снизу, из долины, донесся голосок. Это кричала Диана, которую послали за мной — дело близилось к обеду. Я видел, как она вышла из дверей библиотеки и прошла по саду. Для ребенка ее волосы были необыкновенно густыми и темными, в солнечном свете они отливали почти синим. Одета она была в короткую желтую тунику, руки и ноги оставались неприкрытыми. Кожа ее казалась почти бронзовой, как и у ее матери. Она выбежала в ворота и проворно устремилась вверх по тропинке, мимо виноградников и загонов для коз. У подножия холма, в оливковой рощице, она исчезла. Потом я снова заметил ее желтую тунику среди листвы и услышал ее смех и крик:

— Я тебя вижу, папа! Я тебя вижу!

Через мгновение она уже сидела у меня на коленях и хихикала, задыхаясь от быстрого подъема.

— Диана, ты помнишь нашу соседку? Это Клавдия.

— Да, да, я помню. Ты живешь в лесу? — спросила Диана.

Клавдия рассмеялась.

— Нет, моя дорогая. Я пришла сюда, только чтобы встретиться с твоим папой. Я живу в долине по другую сторону холма, в своем собственном поместье. Ты можешь приходить ко мне в гости.

Диана серьезно посмотрела на нее и повернулась ко мне.

— Мама говорит, чтобы ты пришел немедленно, а то она отдаст твой обед козам!

Мы рассмеялись и поднялись с пеньков. Клавдия попрощалась со мной и исчезла в лесу. Диана обвила ручками мою шею, и я отнес ее домой на руках. После обеда стало еще теплее. Все вокруг — животные, рабы, дети — забрались в тени и уснули. Но я не стал дремать. Я прошел в библиотеку, взял в руки пергамент и стил. На пергаменте я начал рисовать круги с зубцами, стараясь представить себе мельницу, которую хотел построить Луций Клавдий на своем участке реки.

Вокруг меня воцарились тишина и покой, поэтому мне никто не мешал, и я вовсе не скучал. Какой же я дурак, подумал я, что сказал Клавдии, будто скучаю по городской жизни! Никто и ничто в мире, ни человек, ни даже Бог, не могли заставить меня вернуться к прежней жизни.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Десять дней спустя, когда я снова занялся проблемой водяной мельницы, ко мне вошел Арат и привел с собой повара и двух его слуг. Конгрион был человеком не худым, да и какой из него был бы тогда повар? Как однажды заметил Луций Клавдий, тот повар не повар, чье телосложение не доказывает, какие изумительные деликатесы может он готовить. Конгрион не был лучшим поваром Луция — тот трудился на Палатинском холме в Риме, где Луций давал званые обеды для своих друзей. Однако мой покойный друг был не тот человек, который способен лишать себя удовольствий в жизни, где бы он ни присутствовал; его сельский повар вполне удовлетворял моим вкусам.

Еще не наступил жаркий день, а Конгрион уже вспотел. Два его помощника стояли позади, из чувства уважения к своему наставнику.

Отпустив Арата, я попросил повара с его помощниками подойти поближе и объяснил им, что собираюсь одолжить их на несколько дней своей соседке Клавдии. Конгрион знал Клавдию, потому что она иногда обедала вместе с его прежним хозяином. Она всегда восторгалась его искусством, уверил он меня, и он счастлив будет снова порадовать ее, так что мне не придется стыдиться.

— Хорошо, — сказал я, обдумывая, поможет ли это мне уладить некоторые разногласия с Клавдиями. — И еще вот что...

— Да, хозяин?

— Ты, конечно, постарайся угодить Клавдиям, подчиняйся повару того дома, поскольку будешь находиться в ее владениях.

— Конечно, хозяин. Я все понимаю.

— И еще, Конгрион...

— Да, хозяин? — Он нахмурил вспотевшие брови.

— Не говори ни о чем, что мне было бы неприятно, пока ты находишься на службе у Клавдии.

— Конечно, хозяин! — Он казался обиженным до глубины души.

— Не болтай с ее слугами, не распускай слухов, не говори, какого мнения придерживается твой хозяин в каком бы то ни было вопросе.

— Хозяин, я же понимаю, что следует делать рабу, когда его одолжили в соседний дом.

— Я в этом уверен. Но кроме этого, будь всегда настороже и прислушивайся к разговорам.

— Да, хозяин? — Он наклонил голову, ожидая разъяснений.

— Это скорее относится к твоим помощникам, ведь ты почти не будешь переступать порога кухни, а они будут прислуживать Клавдиям за обедом. Их семья в основном будет обсуждать предстоящие выборы консулов, это меня не интересует, и к этим обсуждениям вы можете не прислушиваться. Но если вы услышите мое имя или если разговор пойдет о моем поместье, ловите каждое слово. Не обсуждайте ничего между собой, просто запоминайте, что они скажут. Когда вернетесь, я потребую у вас отчета в каждом слове. Вы все поняли?

Конгрион отклонился назад и с важным видом кивнул. Его помощники, стараясь во всем следовать ему, поступили точно так же. Как еще можно расположить к себе раба, не иначе как сделав из него доверенное лицо, шпиона?

— Великолепно. О моих распоряжениях вы никому не должны говорить, даже другим рабам. Даже Арату, — добавил я. Они снова кивнули.

После того как они удалились, я подошел к окну и вдохнул аромат свежескошенного сена. Травы наконец-то отцвели, и рабы принялись за сенокос. Я также заметил Арата, идущего вдоль дома. Он отвернулся от меня, как будто, стоя у окна, подслушивал мои распоряжения.

Через два дня, в обед, появился незнакомец. Я взял с собой свитки и письменные принадлежности и спустился к берегу реки, прислонившись спиной к дубу, положил на колени восковую дощечку и взял в руки стиль. В моем воображении на берегу реки уже стояла мельница.

Я попытался изобразить то, что придумал, но пальцы мои оказались чересчур неуклюжи. Тогда я разгладил воск и снова принялся за чертеж.

— Папа! Папа! — раздался откуда-то голос Дианы, эхом отозвавшись на противоположном берегу. Я не ответил и продолжал рисовать. Вторая попытка также не удалась. Я снова разгладил воск.

— Папа! Почему ты не отвечаешь? — Передо мной стояла Диана, упершись руками в бока, как ее мать.

— Потому что я прятался от тебя, — ответил я, проводя очередную линию.

— Глупый. Я ведь всегда тебя найду.

— Неужели? Тогда мне и не нужно отвечать.

— Папа! — Она закатила глаза, опять подражая Вифании, потом шлепнулась на траву, тяжело вздохнув, будто от усталости.

Пока я рисовал, она свернулась в колесо, затем снова распрямилась и прищурилась от света, проникающего сквозь листву.

— Я правда всегда могу тебя найти.

— Да? А как?

— Меня Метон научил. А его научил ты. Нужно идти по твоим следам в траве, и тогда это очень просто.

— Неужели? — сказал я удивленно. — Не уверен, что это мне понравится.

— А что ты рисуешь?

— Эта штука называется мельница. Такой домик с большим колесом, которое погружено в воду. Вода вертит колесо, то, в свою очередь, вертит другие колеса, а они перемалывают зерно или пальчики неосторожным маленьким девочкам.

— Папа!

— Не бойся, я пошутил. Сделать мельницу слишком сложно, даже для меня.

— Метон говорит, что ты все можешь сделать.

— Он так говорит?

Я отложил дощечку в сторону. Диана подпрыгнула, потом свернулась клубком и положила голову мне на колени. Солнце заставляло ее блестящие волосы радужно переливаться. Я никогда не видел детей с такими черными волосами. Глаза тоже были

черными, глубокими и чистыми, какими только могут быть детские глаза. Над нами пролетела птица. Я посмотрел на то, как Диана проследила за ней, и поразился красоте ее движений. Она взяла в руки дощечку и стиль, вытянула ноги и положила ее себе на колени.

— Не вижу никаких картинок, — сказала она.

— У меня плохо получилось.

— А можно мне порисовать?

— Конечно..

Сначала она стерла остатки моих линий, затем принялась рисовать. Я взъерошил ее волосы и снова представил себе мельницу, стоящую на берегу. По ту сторону реки появились две женщины с глиняными кувшинами в руках — должно быть, рабыни с кухни. Заметив меня, они резко остановились, пошептались и скрылись в кустах, появившись через некоторое время чуть ниже по течению, в менее удобном месте. Погрузив кувшины в воду и взгромоздив их на плечи, они поднялись по берегу и удалились. Неужели Публий Клавдий представил им меня таким чудовищем?

— Это ты! — провозгласила Диана, протянув мне дощечку.

Среди беспорядочного пересечения линий и кружков я едва мог различить лицо. Моя дочь еще более плохой художник, чем я, хотя и не намного.

— Великолепно! — воскликнул я. — Еще одна Иайя Цизицена среди нас!

— Кто это? — удивилась она неизвестному имени.

— Иайя, рожденная в городе Цизикус, на берегу Мраморного моря. Она великая художница, одна из лучших в наши дни. Я встречал ее в Байях, тогда, когда там был и твой брат, Метон.

— А Метон знает ее?

— Да.

— Я встречу с ней?

— Вполне возможно.

Я покинул Байи девять лет назад, а Иайя еще не была стара. Она может прожить достаточно долго, и тогда Диана познакомится с ней.

— Наступит время, вы встретитесь и сравните свои рисунки.

— Папа, а что такое Минотавр?

— Минотавр? — рассмеялся я неожиданному повороту разговора. — Не что, а кто. Насколько мне известно, был всего один Минотавр. Ужасное чудовище, порождение женщины и быка; у него были бычья голова и человеческое тело. Он жил на далеком острове Крите, где злой царь заточил его во дворце под названием Лабиринт.

— Лабиринт?

— Да, с такими вот стенами.

Я очистил дощечку и нарисовал ей лабиринт.

— Каждый год царь отдавал ему на съедение молодых юношей и девушек. Их загоняли вот сюда, видишь, а Минотавр ждал их вот здесь. И так продолжалось много лет, пока не появился герой по имени Тезей и не убил Минотавра.

— Он убил его?

— Да.

— Правда-правда?

— Правда.

— Ты уверен?

— Совершенно точно.

— Как здорово!

— А почему ты спрашивала о Минотавре? — поинтересовался я, предчувствуя ответ.

— Потому что Метон сказал, что если я не буду себя хорошо вести, то он отдаст меня ему. Но ведь ты сказал, что он умер.

— Да, его больше нет.

— Значит, Метон меня обманул! — Она подпрыгнула на моих коленях. — Ах, папа, я и забыла! Меня же мама попросила привести тебя. По важному делу.

— Да? — поднял я бровь, предвидя нудный разговор с рабом, которому поручили присмотреть за кухней в отсутствие Конгриона.

— Да! Тебя ждет какой-то человек. Он прискакал на лошади из самого Рима, и он такой пыльный!

Человек оказался не один. Их было трое. Двое из них были рабами, или, точнее, охранниками, принимая во внимание их телосложение и кинжалы на поясе. Они в дом не вошли, а стояли снаружи и смотрели за тем, как их лошади пьют воду. Их хозяин ожидал меня внутри, в маленьком парадном саду с прудиком с рыбками.

Он оказался высоким, довольно миловидным молодым человеком с темными глазами. Его черные волосы были коротко подстрижены возле ушей, но беспорядочно свисали над лбом. Бородка его была аккуратно подстрижена, так что от нее осталась одна лишь полоска на подбородке и над губами, подчеркивающая скулы и линии рта. Как и сказала Диана, его одежда была покрыта пылью, которая, однако, не скрывала модного покроя дорогой туники и изящества верховых сапог. Его лицо показалось мне знакомым: кто-то из людей, вечно обретающихся на Форуме, подумал я.

Раб принес ему складной стул. Когда я вошел, он встал и отложил кубок с вином.

— Гордиан, — сказал он, — рад снова видеть тебя. Сельская жизнь пошла тебе на пользу.

Он говорил небрежным тоном, но в его речи были заметны признаки ораторского мастерства.

— Разве я знаю тебя? — спросил я. — Мои глаза подводят меня. Солнечный свет слишком ярко, и я не могу как следует рассмотреть тебя...

— Извини! Я Марк Целий. Мы встречались и раньше, хотя ты можешь и не помнить меня.

— Ах, да, — сказал я. — Теперь понятно. Ты один из приближенных Цицерона — а также и Красса, полагаю. Ты прав, вне сомнения, мы встречались раньше в доме Цицерона или на Форуме. Но я уже постепенно забываю о Риме. Да и твоя бородка меня обманула. Раньше ее не было.

Он с гордостью погладил ее.

— Да, когда мы встречались, ее еще не было. Да и ты, как я погляжу, отрастил бороду.

— Скорее от лени. В моем возрасте нужно сохранять тепло в крови. А что, в Риме теперь это модно? Я имею в виду бородку?

— В некоторых кругах. — Его самодовольство было несколько отталкивающим.

— Как я вижу, тебе уже принесли вина.

— Да, неплохое вино.

— И это не с самого лучшего виноградаря. Мой друг Луций Клавдий гордился своим вином. Ты удержишь путь дальше на север?

— Нет, я приехал к тебе.

— Неужели?

У меня замерло сердце. Я надеялся, что он заехал ко мне по дороге.

— У меня к тебе дело, Гордиан Сыщик.

— Скорее Гордиан Деревенщина, если не возражаешь.

— Как угодно. — Марк пожал плечами. — Может, нам удалиться в комнату?

— В это время суток во дворе прохладней и удобней вести беседу.

— Но, может, есть еще какое-нибудь более скрытое от посторонних ушей место? — предположил он.

Мое сердце снова замерло.

— Марк Целий, я и в самом деле рад видеть тебя. Сегодня жаркий день, а дорога такая пыльная. Я рад, что могу предложить тебе вина. А может, ты нуждаешься в отдыхе? Я гостеприимный хозяин. Проехать весь путь из Рима и обратно за один день нелегко даже для такого крепкого молодого человека, как ты, и я предлагаю тебе переночевать у меня, если пожелаешь. Но только при условии, что разговор пойдет исключительно о сенокосе, оливковом масле или виноградниках. Я не хочу вспоминать свои старые дела.

— Мне так и говорили, — сказал он дружелюбно, с бесстрастным блеском в глазах. — Но не беспокойся. Я не предлагаю тебе дела.

— Нет?

— Нет. Я приехал просто попросить об одолжении. Не для себя, но для одного очень важного в городе человека.

— Цицерона, — вздохнул я. — Я так и знал.

— Разве римлянин может отказаться, когда его просит законно избранный консул? — сказал Целий. — Особенно принимая во внимание те связи, которые существуют между вами. Так ты уверен, что нет никакой комнаты, более пригодной для нашего разговора?

— Моя библиотека, пожалуй... но и она не совсем подходит, — добавил я, вспомнив, как два дня назад увидел из ее окна удалявшегося Арата. — Пойдем.

Оказавшись там, я закрыл дверь и предложил ему стул. Сам я сел возле двери в сад, так, чтобы видеть, кто к нам приближается, а также смотреть за окном через плечо Целия.

— Так зачем же ты пришел, Марк Целий? — спросил я, отбросив всякие формальности. — Я же сказал, что в город я больше не вернусь. Если вам нужен кто-то, чтобы раскапывать всякую грязь, то могу предложить вам своего сына, хотя и ему нежелал бы такой работы.

— Нет, никто тебя и не просит возвращаться в Рим, — сказал Целий спокойно.

— Нет?

— Даже наоборот. Цицерону как раз нужно, чтобы ты оставался в провинции.

— Что-то мне не нравятся ваши планы.

Целий слегка улыбнулся.

— Цицерон так и предполагал.

— Я ведь не орудие какое-нибудь, которое можно в любой момент подобрать и использовать. Хотя он и консул, он такой же гражданин, как и я. Я имею полное право отказаться от его просьбы.

— Но ты ведь еще даже не знаешь, о чем он тебя просит. — Целий казался удивленным.

— О чем бы он ни просил, мне это не нравится.

— Вероятно, но как ты можешь отказаться от возможности помочь государству?

— Пожалуйста, Целий, не надо попусту распространяться о патриотизме.

— Я не преувеличиваю. — Его лицо стало серьезным. — Угроза действительно велика. Ах, мне понятен твой цинизм, Гордиан. Я прожил вдвое меньше твоего, но уже вдоволь насмотрелся и мошенничества, и предательства — хватит и на десять жизней!

Он, вероятно, говорил правду — принимая во внимание то, что воспитывался он в кругу Цицерона. Сам Цицерон учил его ораторскому мастерству, и учеником Целий оказался достойным: слова так и лились из его уст. Из него мог бы выйти неплохой актер или певец. Я поймал себя на мысли, что прислушиваюсь к его словам, а не доводам.

— Государство наше подошло к краю великой пропасти, Гордиан. И если его свалят в эту пропасть — против воли всех добропорядочных граждан — то нас ожидают неприятности и бедствия, какие нам и не снились. Определенные круги общества вознамерились разрушить основы нашей Республики раз и навсегда. Представь себе Сенат по колено в крови. Представь себе, что вернулись мрачные дни правления Суллы, когда любого гражданина можно было без всяких причин назвать врагом государства. Ты, должно быть, помнишь, как по улицам шныряли банды подонков с отрезанными головами в руках, за

которые им полагалась награда от Суллы. Только на этот раз безвластие распространяется быстрее, не встречая препятствий, словно круги по воде от брошенного в пруд камня. На этот раз враги хотят не просто переделать законы по-своему, но отменить их насовсем, чего бы это им ни стоило. У тебя теперь есть поместье, Гордиан. Неужели ты хочешь, чтобы его отняли у тебя силой? А так, вероятнее всего, и случится, поскольку все устои государственной власти обратятся в прах. И тебя не спасет то, что ты покинул Рим и живешь в провинции. Можешь прятаться в стогу сена, если тебе угодно, но и там разбойники найдут и прикончат тебя.

В течение некоторого времени я сидел молча и даже не моргал.

— Недурно сказано, Марк Целий! Ты почти околдовал меня своими речами! Цицерон прекрасно обучил тебя своему мастерству. От твоих риторических упражнений у любого волосы на голове встанут дыбом!

Он поднял брови и прищурил глаза.

— Цицерон предупреждал, что тебя невозможно убедить. Я сказал ему, чтобы он лучше послал того раба, Тирона. Ты его хорошо знаешь и доверяешь ему...

— Да, я всецело доверяю и уважаю его, потому что он человек порядочный и с добрым сердцем, но его легко переспорить, поэтому Цицерон и не послал его. Нет, он выбрал своим представителем тебя, Марка Целия, но он не мог знать о моем презрении и отвращении к римским политикам и о нежелании вмешиваться в дела его консульства.

— Так неужели мои слова ничего для тебя не значат?

— Они значат только то, что ты напрасно овладел умением строить пылкие речи, делая вид, что они волнуют и тебя самого.

— Но все это правда. Я ничего не преувеличил.

— Целий, пожалуйста, перестань! Ты прекрасный образец римского политика. Тебе не обязательно говорить правду, и при этом ты любого в чем хочешь убедишь.

Он сел на стул и немного подумал, собираясь с мыслями. Глаза его блеснули. Потом он погладил бородку и сказал:

— Ну, хорошо, Республика для тебя ничего не значит. Но ты же печешься хотя бы об остатках своей былой чести римлянина.

— Ты в моем доме, Целий. Попрошу тебя не оскорблять меня.

— Хорошо, не буду. Не буду и спорить с тобой. Я просто напомню об услуге, которую тебе оказал Марк Туллий Цицерон и за которую ты теперь платишь неблагодарностью. Но я верю в твою честность и надеюсь, что ты его не подведешь.

Я беспокойно заерзал на стуле. В проем двери влетела оса и тихо зажужжала. Я вздохнул, предчувствуя свое поражение.

— Ты имеешь в виду то, что Цицерон защищал меня в суде прошлым летом?

— Да, это так. Это поместье ты унаследовал от Луция Клавдия. Однако его семья оспорила завешание, и у них были на это причины. Клавдии — довольно древний и благородный патрицианский род, ты же — плебей, без знатных родственников, с сомнительными источниками доходов, с необычной семьей. Ты бы проиграл свое дело и не смог бы уехать из города, который, по твоим словам, ты так сильно ненавидишь. За свою победу ты должен благодарить Цицерона — я был в суде и помню, как он блистательно провел защиту. Редко мне удавалось услышать примеры подобного красноречия — извини, неправды и преувеличений, ведь так ты это называешь. Ты сам попросил его защищать тебя. Он мог бы и отказаться.

Ведь он тогда только что закончил тяжелую политическую борьбу и со всех сторон был связан обстоятельствами и просьбами. Но он подготовил защитную речь и сам произнес ее на суде. И не попросил с тебя платы за нее; он был рад помочь тебе, вспомнив о том, как часто и ты помогал ему с тех пор, как вам пришлось защищать Секста Росция семнадцать лет тому назад.

Я отвернулся, избегая его взгляда и наблюдая за осой — такой свободной, в отличие от

меня.

— Ах, Цицерон действительно обучил тебя всему! — сказал я, переводя дыхание.

— Да, — признался Целий, криво усмехнувшись.

— И что же он хочет от меня? — проворчал я.

— Всего лишь небольшое одолжение.

Я сжал губы.

— Ты испытываешь мое терпение, Марк Целий.

Он добродушно рассмеялся, словно говоря: «Да, я победил, и теперь шутки в сторону».

— Цицерон хочет, чтобы ты выступил в роли хозяина для одного сенатора. Он просит тебя предложить ему твой дом в качестве надежного пристанища и убежища от городской суеты. Ты и сам понимаешь, как иногда хочется отдохнуть от волнений.

— Кто это сенатор? Друг Цицерона или Цицерон обязан ему чем-либо?

— Не совсем так.

— Тогда кто?

— Катилина.

— Что?!

— Луций Сергей Катилина.

— Цицерон просит меня дать пристанище своему заклятому врагу? Что вы задумали?

— Это Катилина что-то задумывает. Его нужно остановить.

Я решительно потряс головой.

— Нет, я в этом не участвую!

— Твоя честь, Гордиан...

— Убирайся в преисподнюю! — Я так резко встал со стула, что тот со стуком опрокинулся. Выскочив из комнаты, я пересек двор, отогнал рукой осу и направился в сад, не оглядываясь.

Дойдя до самых передних ворот, я вспомнил, что охранники Целия до сих пор там слоняются. Их вид мог привести меня в еще большую ярость. Я повернулся и побежал к задним постройкам. И тут я заметил чью-то фигуру, прячущуюся под окном библиотеки. Снова за мной шпионит Арат!

Я открыл было рот, но проклятья застряли у меня в глотке. Фигура обернулась, и я узнал собственного сына. Метон смотрел мне прямо в глаза. Он приложил палец к губам и осторожно отошел от окна. Потом подбежал ко мне так, как будто вовсе не испытывал вины от того, что подслушал разговор своего отца.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

— Сын не должен подслушивать отцовские разговоры, — сказал я, стараясь быть строгим. — Некоторые отцы в Риме высекли бы своих детей за такие дела и даже свернули бы им головы.

Мы с Метоном сидели на гребне холма и созерцали поместье. Охранники Целия расположились в тени тисового дерева. Сам Целий вышел в сад и смотрел по направлению к реке, прикрыв глаза рукой. Он и понятия не имел, куда я делся.

— Я не совсем подслушивал, — сказал Метон.

— Не подслушивал? А как же это называется?

— Ну, я, наверное, просто научился этому у тебя. Это в крови.

Бессмыслица, поскольку я усыновил Метона и в нем не было ни капли моей крови, но меня растрогало его предположение. Я не мог удержаться, чтобы не погладить его по голове.

— Ты меня обвиняешь?

— Да нет, я просто говорю, что у меня многое от тебя, папа.

Он улыбнулся. Умный, очаровательный мальчик, которого я когда-то усыновил,

превратился в юношу. Его лицо стало задумчивым.

— Папа, а кто такой Катилина? И почему ты настроен против Цицерона? Я думал, ты его друг.

Я вздохнул.

— Все это так сложно. Или не сложно, если человек следует голосу разума и отворачивается от всего недостойного.

— Но разве можно так поступать? Марк Целий сказал, что ты многим обязан Цицерону.

— Да, это правда.

— Без Цицерона у нас не было бы поместья.

— Могло бы не быть, — поправил я его. Но его невинные глаза заставили меня признаться. — Ну да, хорошо. Без Цицерона мы бы не владели всем этим. Если бы он не встал на мою защиту, то судьи, подкупленные Клавдиями, съели бы меня живьем прямо в здании суда. И я ему многим обязан, нравится он мне или нет. Но что толку в поместье, если я должен расплачиваться за него тем, что буду пускать в него людей вроде Катилины и таким образом приводить Рим к самому моему порогу?

— Неужели Рим и вправду так ужасен? Мне здесь нравится, папа, но иногда я скучаю по городу, — Его глаза загорелись. — Знаешь, по чему я скучаю больше всего? По праздникам, когда устраивают игры и скачки! Особенно по скачкам.

«Конечно, ты скучаешь по ним, — подумал я. — Ведь ты молод, а в молодости так хочется развлечений». Себя я чувствовал глубоким стариком.

— Празднества — это еще одна форма обмана народа, Метон. Кто их оплачивает? Различные магистраты, избираемые каждый год. А зачем? Тебе они скажут, что стараются угодить богам и почтить память наших предков, но на самом деле они хотят произвести впечатление на толпу и потешить собственное величие. Толпа поддерживает тех, кто устраивает наиболее пышные зрелища. Абсурд! Зрелища всего лишь служат определенной цели: избиратели отдают голоса за их устроителей. В конце концов, это всего лишь борьба за власть — власть над судьбами и благосостоянием людей, над жизнями и смертями, над целыми странами. Вновь и вновь я вижу, как люди, увлеченные играми и зрелищами, отдают свои голоса за человека, который впоследствии будет действовать против их интересов. Совершенная глупость! Покажи им этого предателя на улице, так они ответят: «Зато он устроил такой великолепный праздник!» И не важно, что он сократил число представителей в Форуме или провел несколько суровых законов — он ведь привез белых тигров из Ливии, показал их в цирке, а как прошло открытие храма Геркулеса! Кого больше порицать за такую глупость — циничного политика, у которого совсем не осталось никаких принципов, или римских граждан, позволяющих себя дурачить? — Я покачал головой. — Видишь, как я волнуюсь, Метон, Мое сердце бьется, и лоб вспотел. Когда-то я принимал всю эту игру за чистую монету; потом думал, что такова жизнь и что ничего особенно плохого здесь нет — так уж устроен свет, и можно даже повеселиться, глядя на разнообразные людские дела, какими бы низкими и коварными они ни были. Что более важно — я ничего поделать не мог, и поэтому мне приходилось принимать правила игры. Мой образ жизни и занятий свел меня с некоторыми влиятельными людьми, и я больше других знаю, что скрывается за политикой. Я с гордостью думал, что становлюсь опытнее и мудрее, но какова цена подобной мудрости, если она ведет к познанию того, что от тебя в этом мире ничего не зависит? Теперь, когда я постепенно старею, Метон, я все менее способен переносить глупость людей и злонравие их правителей. Слишком много я повидал страданий, причиняемых непомерными притязаниями самолюбцев. Если не можешь вмешаться в ход событий, то лучше скрыться подальше от суеты! И вот появляется Цицерон и вновь вызывает меня на арену — так же и гладиатора принуждают сражаться против его воли.

Метон немного подумал и спросил:

— А Цицерон плохой человек, папа?

— Лучше многих. Хуже некоторых.

— А Каталина?

Я вспомнил свой последний разговор с Клавдией — когда она начала говорить о Катилине и я ее прервал.

— Наша соседка называет его диким безумцем.

— А он такой и есть?

— Цицерон бы с этим согласился.

— А как ты думаешь, папа? — нахмурился Метон. — Или мне не стоило спрашивать?

Я вздохнул.

— Нет, Метон, спрашивай. Раз уж я дал тебе волю и усыновил, ты являешься римским гражданином, как и другие римляне, и ты скоро наденешь взрослую тогу. Кому еще учить тебя разбираться в хитросплетениях политики, как не отцу, даже если я с радостью откусил бы язык, лишь бы не делать этого?

Я замолчал, чтобы перевести дыхание, и взглянул на дом. Люди Целия все еще отдыхали, сам Целий вернулся в библиотеку. Вероятно, сейчас он разглядывает мои немногочисленные книги, большинство из которых я получил в дар от Цицерона. Рабы принялись за свои ежедневные обязанности; скот спал в своих загонах. Я мог бы остаться на холме до вечера, но скоро Вифания пошлет за мной Диану и позовет нас ужинать. Все-таки нужно проявить гостеприимство по отношению к Марку Целию. Но он снова начнет настаивать на своем, и как я тогда откажусь?

— Я часто думал, Метон, что смерть моего друга Луция Клавдия была в чем-то пророческой. Я, конечно, не так самодоволен, чтобы считать, будто боги послали смерть человеку ради моего блага, но Рок во многом разрешил мои проблемы. Когда я уже больше не мог оставаться в городе, мне предоставилась возможность покинуть его. Последней каплей, переполнившей мое терпение, оказалась избирательная кампания прошлого года. Выборы, как правило, представляют собой грубое и жуткое зрелище, но такого я никогда еще не видел.

Кандидаты борются каждый против другого, — продолжал я, — и двое набравших наибольшее количество голосов становятся консулами на один год. Если у них одинаковые политические убеждения, то они усиливают и дополняют друг друга, и правление оказывается достаточно успешным. Если они придерживаются разных взглядов, то Сенат довольно быстро определяет, кто из них наиболее легко поддается влиянию, и бросает все силы на него. Иногда выбирают врагов, и тогда один старается перебороть другого. В тот год, когда ты стал жить со мной, консулами были Красс и Помпей, они устраивали праздники один пышнее другого, с января по декабрь. Горожане повеселились на славу и повидали немало скачек за то время!

— А сенатор может стать консулом?

— Нет. Существует определенная последовательность обязанностей, которые нужно выполнять по очереди. Сначала претор, потом квестор и так далее, все эти должности выбираются на год. Политик идет словно по лестнице и с каждым годом поднимается на ступеньку. Поражение на выборах для него оборачивается задержкой в продвижении, и поэтому нужно торопиться.

— А нельзя стать консулом на несколько лет?

Никто не может быть избран консулом дважды подряд, иначе власть окажется в руках у горстки наиболее влиятельных людей — вроде Помпея или Красса. Да, впрочем, консульство тоже всего лишь очередная ступенька. Обычно человек добивается, чтобы его назначили правителем чужеземной провинции. Римский правитель может очень быстро разбогатеть, облагая местных жителей поборами и налогами.

— А кто голосует?

— Все граждане, кроме меня, как я полагаю. Голосами в Риме ничто не изменишь,

поскольку они не равны.

— Что ты хочешь этим сказать?

Я покачал головой. Метон вырос в моем доме, а я мало заботился о его политическом воспитании, большей частью из-за своей лени, чем из-за презрения к политике.

— Голоса бедных граждан значат меньше, чем богатых.

— Как это так?

— В день выборов граждане собираются в лагере Марция, между старыми городскими стенами и рекой Тибр. Потенциальные избиратели делятся на то, что называется центуриями. Но эти центурии не имеют ничего общего с количеством избирателей в них. В одной центурии может быть сто человек, а в другой — целая тысяча. Богатые распределяются по большему количеству центурий, чем бедные, поэтому их голоса больше значат.

Но даже так голос бедного избирателя все равно значим, хотя большинство кандидатов происходят из богатых или знатных слоев населения и сами распределяют эти центурии. Поэтому они пытаются подольститься к беднякам, давая им разнообразные обещания, используют все способы, законные и незаконные, начиная от обещаний всяческих благ и заканчивая прямыми угрозами. Во время избирательной кампании кандидаты стараются приукрасить свои деяния и скрыть свои неблагоприятные поступки в прошлом, обвиняют во всех грехах своих соперников, а их сообщники покрывают все стены в городе надписями.

— Луций Росций Отон целует в зад владельцев публичных домов! — процитировал Метон, смеясь.

— Да, один из самых запомнившихся лозунгов прошлого года, — заметил я мрачно. — Тем не менее, Луция Отона избрали претором.

— Но что такого необычного было в прошлом году? — спросил Метон с искренним любопытством. — Я помню, что ты разъярился в библиотеке, но ничего не понял.

— Только то, что все было слишком грязно и отвратительно. И только то, что Цицерон принял участие в той кампании... и то, что он сделал с тех пор... — Я покачал головой и начал снова: — Тогда выделилось три лидера: Цицерон, Катилина и Антоний. Антоний ничего особенного собой не представлял — обычный негодяй, скандалист и проходимец, без особой политической программы; ему просто хотелось поскорее сделаться управляющим провинцией и погреть на этом руки, заставив местных жителей платить за него долги. В этом духе некоторые говорили и о Катилине, но никто не стал бы отрицать у него наличия харизмы и политического здравого смысла. Он родом из старинной патрицианской семьи, но наследства ему не досталось, поэтому он, как некоторые бедные аристократы, задумался о перераспределении богатства, о погашении долгов, о демократизации государственного управления — а консерваторам все эти штуки не нравятся. Но даже в правящем классе находится немало патрициев, которым не повезло в жизни, также существует много богачей, стремящихся использовать любого демагога в своих целях, поэтому у него нашлось немало сторонников, несмотря на его радикальные лозунги. Даже Красс, самый богатый человек, в Риме, оказал ему финансовую поддержку. Кто знает, чего добивается Красс?

Теперь о Цицероне. Никто из его предков не занимал государственных постов. Он первый из его семейства выбился наверх — что называется, «новый человек». И он сам добился успеха — стал консулом. Многие аристократы воротят от него нос, презирая его за бесхитростность, за его красноречие и за успех среди простого народа. Подобно комете, он появился ниоткуда, он выделяется среди остальных политиков, как павлин среди птиц. С какой-то точки зрения он тоже способен поколебать государственные устои, как и Катилина. И он бы представлял серьезную опасность, будь его принципы слишком твердыми и неизменными.

Катилина и Антоний объединились. С самого начала они надеялись на победу. Катилина всегда и везде напоминал аристократам о невысоком происхождении Цицерона (хотя его семью нельзя назвать бедной), но он же их и напугал своими радикальными

лозунгами и поставил в затруднительное положение — Цицерона они не переваривали, а Каталину боялись.

Что до Цицерона, то в той кампании ему помогал его брат, Квинт. Однажды после выборов, когда мне случилось по делу посетить дом Цицерона, тот показал мне свою переписку с братом, в которой они обсуждали ход выборов; он так гордился этими письмами, что собирался переписать их и издать своего рода памфлет, как руководство для успешного ведения избирательной кампании. С самого начала Цицерон с братом решили любой ценой предотвратить избрание Каталины. Во время избирательной кампании принято клеветать, но Цицерон установил новые правила. Он распространял слухи, которые передавались из уха в ухо, и время от времени громогласно обвинял Каталину с трибуны. Я даже и не совался на Форум, зная, что встречу там Цицерона, пылко произносящего речь в кругу толпы. Но слухи и надписи преследовали меня по всему городу. Если половина из того, что говорили про Каталину, — правда, то его следовало убить еще в утробе матери.

— А в чем его обвиняли?

В огромном количестве грехов. Как обычно — в коррупции, в том, что он подкупал избирателей и давал взятки официальным лицам. И это, возможно, правда, принимая во внимание финансовую поддержку со стороны Красса — для чего еще нужно так много денег, кроме как на взятку? Когда римляне узнают, что кандидат богат, они начинают ходить за ним по пятам с протянутой рукой.

Цицерон вытащил на свет старые истории с коррупцией, когда Катилина был администратором в Африке. Несколько лет назад его уже обвиняли — и более того, Цицерон сам его и защищал! Каталину признали невиновным. Политики часто обвиняют друг друга в преступлениях. И всегда обвинение и оправдание не имеют ничего общего с действительностью — это всего лишь политические приемы, а если человек и вправду виноват — это чистое совпадение.

Но были и более серьезные обвинения — инцест, половые извращения, убийства... Но, как мне кажется, разговоры о политике начинают надоедать...

— Нет, совсем нет! — По глазам Метона было ясно, что я полностью завладел его вниманием.

Я прочистил горло.

— Ну ладно. Говорят, что во времена правления Суллы Катилина был одним из его приспешников и приносил ему отрезанные головы в обмен на вознаграждение. Говорят, что он даже убил собственного зятя; его сестра хотела избавиться от мужа, и Катилина хладнокровно исполнил ее желание, а потом внес имя этого человека в список врагов Суллы.

— Это правда?

Я пожал плечами.

— Люди были жестоки во времена Суллы. Красс сделал себе состояние, прибирая к рукам имущество убитых. Когда убийство узаконено, в человеке просыпаются самые низменные чувства. Возможно, то, что говорят о Катилине, правда, а возможно, что и нет. Его однажды уже привлекали к суду за убийство через двадцать лет после того случая, но признали невиновным. Кто знает? Но это только одно из приписываемых ему убийств.

Несколько лет назад, вернувшись из Африки, Катилина в очередной раз женился. Говорят, что его избранница отказывалась выходить за него замуж, пока жив его законный наследник, и поэтому Катилина убил собственного сына. А о ней говорят, что она — дочь одной прежней любовницы Катилины, возможно, даже его собственная дочь.

— Кровосмешение! — прошептал Метон.

— Цицерон вслух этого не говорил, лишь намекнул. И это только первое из приписываемых ему прегрешений против морали. Считается, что он совратил одну весталку десять лет тому назад; но я мало знаю о том случае, хотя мне приказали разведать про него побольше. Тогда мне в первый и последний раз пришлось лично общаться с Катилиной, и

мне показалось, что он очень загадочный человек — в высшей степени притягивающий к себе и очень подозрительный. Цицерон любит намекать на этот случай, но не совсем в открытую, поскольку сестра его жены — весталка, и ее тоже обвиняли в связи с Катилиной! Да, во многих отношениях Рим — просто маленький провинциальный городок.

— А что, про весталку — это действительно правда? — Метон определенно заинтересовался этим вопросом.

— Я точно не знаю, но кое-что подозреваю. Подробнее я тебе расскажу об этом в следующий раз. Во всяком случае, их обвинили, а это, как я уже объяснял, мало имеет общего с действительным положением дел.

— Создается впечатление, что всю жизнь Катилина только и делал, что защищался в суде или убивал людей.

— А в свободное время занимался развратом. Говорят, что круг его общения в Риме состоит исключительно из беспутных людей. Он занимается сводничеством: приводит приятных молодых людей в спальни к знатым матронам; говорят, что иногда он и сам не прочь привести к себе одну или одного из них. Как это не похоже на Цицерона! Хочешь, расскажу одну байку?

— Да.

— Помни только, что она, возможно, исходит от Катилины, Ты ведь знаешь, что у Цицерона есть дочь, тринадцати лет, и сын, которому едва исполнилось два года. Ну, так и говорят, что он всего дважды переспал со своей женой. Появилась Туллия, но он так возненавидел это занятие, что решил никогда больше не заниматься этим. А через одиннадцать лет захотел удостовериться, так ли это плохо, как он считает. И после этого родился Марк.

Метон нахмурился.

— Ну ладно, сыновья редко способны посмеяться над шуткой отца. Но слышал бы ты, как смеялись люди в тавернах, когда рассказывали эту историю за день до выборов. Впрочем, когда подсчитали голоса, настал черед Цицерона смеяться.

— А Катилина просто рассказывал байки о Цицероне или пытался еще защищаться от обвинений?

— Странно, конечно, но он и не пытался. Возможно, слухи и достоверны, а возможно, ему лень их опровергать. Катилина — патриций, а Цицерон — «новый человек». Мне кажется, что Катилина слишком высокомерен, чтобы отвечать плебею. Такова тактика римских политиков, особенно из среды аристократов — они просто замыкаются в себе из чувства собственного достоинства. Но высокомерие оказало Катилине плохую услугу. Большинство голосов получил Цицерон. Это невероятный успех для человека низкого происхождения, который проложил себе дорогу в обществе собственными силами и умом. Немногие достигают должности консула, Цицерону это удалось. Это год его торжества, и немногие скажут, что он его не заслужил.

— А Катилина?

— С большим отрывом за Цицероном следовал этот ничтожный Антоний. Катилина подошел к нему очень близко, но третье место не считается. В предыдущие годы судебные процессы мешали его кампании. Когда, наконец, ему представился шанс, Цицерон его обогнал. Сейчас Катилина еще раз попытает удачи. Говорят, что в прошлом году он залез в долги. И насколько больше он еще задолжает? Он очень отчаянный человек и, если верить всего лишь малой части слухов, не остановится даже перед убийством. По крайней мере, это не тот, кого бы я хотел видеть гостем в своем доме.

— И мне тоже так кажется, — сказал Метон с достоинством. — Хотя и следует отплатить за услугу Цицерона.

Мы немного посидели в тишине, глядя на поместье. Неожиданно Метон как-то странно фыркнул и принялся дрожать. Он так яростно сжимал бока, что я испугался — но он всего

лишь смеялся, катаясь по траве.

— В чем дело?..

— До меня дошло! — ответил он, задыхаясь. — Только дважды в жизни, и чтобы проверить, насколько это плохо!

Он так сильно смеялся, что даже покраснел.

Я закатил глаза, но не мог сдержать улыбку. По законам государства и обычаям нашего общества мой сын считался почти взрослым мужчиной, но мне часто казалось, что он еще совсем ребенок.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Ужин в этот вечер не особенно удался. Вифания неплохо готовит, но это наименее удачное ее призвание; много лет тому назад я купил ее на рынке в Александрии не ради того, чтобы она мне готовила. Она продолжала выполнять кое-какую работу по дому и тогда, когда носила Диану. Я дал ей свободу, так что полностью мог положиться на нее в управлении хозяйством... за исключением кухни, где с ней соперничали самодовольные повара. Но теперь, когда Конгрион временно находился у Клавдии, она решила вдруг показать себя перед гостями.

Но увы, кулинарных талантов у нее хватало только на приготовление сравнительно простых блюд (при этом я вспоминаю наши первые годы совместной жизни), а особенно хорошо у нее получалась рыба во всех видах — ее всегда было в достатке в Риме; рыбу ловили в Тибре и привозили из других краев. Но здесь трудно достать свежую рыбу, и поэтому Вифания решила порадовать гостей чем-нибудь необычным. Она явно переоценила свое мастерство. Сельдерей и телячьи мозги с яичным соусом вовсе не походили на то, что нам готовил Конгрион, а спаржа, тушенная в вине, получилась бы лучше, выбери она менее зрелый виноград. (Такую привередливость во вкусах я унаследовал от своего друга Луция Клавдия.) Морковь с кориандром была весьма недурна, а горошек с тмином служил ее оправданием, и я его похвалил — как оказалось, совершенно напрасно.

— Горошек приготовил Конгрион, — заметила она сухо. — Я просто дала указания одному из рабов разогреть его с оливковым маслом и тмином.

— Ах, тогда ты дала очень правильные указания, — сказал я, целуя кончики своих пальцев. Вифания насупилась.

— Я возьму еще, — сказал Метон, поворачиваясь к обслуживающему нас рабу.

— Действительно, ужин был превосходным, — настаивал Марк Целий. — Не всякая матрона в Риме способна приготовить столь вкусные блюда в отсутствие своего повара. Приятно, что в провинции попадаются такие таланты.

Его слова прозвучали фальшиво на мой слух, но Вифания так и просияла: ей, вероятно, очень нравится аккуратная борода нашего гостя, подумал я.

— Но перед Катилиной не нужно будет так изощряться, — добавил Марк Целий. — Он человек непритязательный, не может отличить фалернское вино на вкус и с равным удовольствием пил бы из кувшина для рабов. Катилина говорит: «Язык предназначен либо для различения вкусов, либо для произнесения речей; вместе две эти способности встречаются нечасто».

Трудно было не заметить явного намека в мой адрес; от Вифании это тоже не укрылось, так как она еще больше просияла — гость наш ей, очевидно, нравился. Это ли меня раздражало, или то, что Целий заранее настроился на мое согласие?

— Мне кажется, нам следует вернуться в библиотеку, — сказал я. — Мы еще ничего не решили, Марк Целий.

Метон посмотрел на меня ожидающе и начал подниматься.

— Нет, — остановил я его. — Оставайся здесь и доешь свой горошек.

— В вашей коллекции есть ценные экземпляры, — сказал Целий, осматривая свитки и указывая пальцем на привязанные к ним ярлыки. — Вижу, что особенно нравятся тебе пьесы. Так же, как и Цицерону. Предполагаю, что он дарит тебе списки со своих книг. После обеда у меня было время просмотреть твою библиотеку, и меня поразило количество томов с надписью «От Марка Туллия Цицерона его другу Гордиану с теплыми пожеланиями...»

— Да, Целий, мне знакомо содержание собственной библиотеки. Я помню, как мне достался каждый том.

— Книги подобны друзьям, не правда ли? Преданные, верные. Приятно это осознавать. Возьми в руки том, который отложил год назад, и ты найдешь те же слова.

— Я понимаю тебя, Целий. Но неужели и Цицерон тот же человек, что был в прошлом году? Или семнадцать лет тому назад, когда я впервые встретил его?

— Я не понимаю.

— Новости из Рима доходят до меня с большим опозданием и из вторых рук, да и слушаю я их одним ухом, но мне кажется, что Цицерон-консул отличается от Цицерона-адвоката. Человек, который смело защищал людей от обвинений Суллы, теперь, кажется, служит интересам тех же слоев, что привели Суллу к власти.

Целий пожал плечами.

— Разве это так важно? Мне казалось, что ты устал от политики. Вот почему вместо этого я заговорил о дружбе.

— Целий, даже если бы я разделял твои взгляды, то и тогда бы еще подумал, прежде чем согласиться. Сколько тебе лет?

— Двадцать пять.

— Ты еще довольно молод. Как я понимаю, у тебя нет еще жены и детей?

— Нет.

— Тогда ты, вероятно, не поймешь, почему я ни при каких обстоятельствах не хочу впускать в свой дом такого человека, как Катилина. Я покинул Рим также из-за опасности и насилия, царящих там. Не потому, что боюсь за себя, а потому, что мне нужно было защитить других. Перед тем как я усыновил своего старшего сына, Экон шлялся по городским улицам, теперь он вырос и может постоять за себя. Мой младший, Метон, не такой; он подает большие надежды, но не отличается самоуверенностью и решительностью. И ты видел мою дочь, Диану. Ей более всего необходима защита.

— Но мы не просим тебя сделать нечто опасное, Гордиан, только...

— Твой голос так же искренен, как и тогда, когда ты хвалил ужин Вифании.

Целий неодобрительно посмотрел на меня. Мне казалось, что он привык полагаться на свое обаяние и не рассчитывал на мое упорство.

Я вздохнул.

— И чего же конкретно хочет от меня Цицерон?

К его чести, Целий не выразил на своем лице крайнего самодовольства от моей уступки. Он, напротив, придал ему серьезное выражение.

— В обед я уже говорил об опасности, угрожающей государству. Ты счел мои слова риторическим упражнением, Гордиан, но факты от этого не изменились. Катилина представляет собой угрозу. Ты можешь презирать помпезность и коррупцию — то, что теперь называется в Риме политикой, но поверь мне, анархия, которую принесет с собой Катилина, будет еще ужасней.

— Ты опять начинаешь ораторствовать.

Целий неохотно улыбнулся.

— Останови меня, когда я опять начну. Итак, Катилина хочет выставить свою кандидатуру на выборах. Он, конечно, не имеет шансов их выиграть, но постарается сделать все, что в его силах, чтобы посеять смуту и беспорядки в городе. У него разработано два плана. Во-первых, если он победит...

— Ты же сказал, что это невозможно.

— Это всего лишь риторика, я же сказал тебе остановить меня. Итак, если случится невозможное и он все-таки выиграет, то это будет означать, что электорат безнадежно рассеян. Консульство Цицерона кажется затишьем перед бурей. Сенат воспротивится. На улицах будут грабить и убивать. Возможно, начнется гражданская война; разнообразные политики и влиятельные семьи уже готовятся к ней. И в этом конфликте Катилина, конечно же, проиграет, если не сразу же, то когда Помпей приведет свои войска с Востока. А если Помпея призовут для наведения порядка, то он не остановится ни перед чем, чтобы стать диктатором. Прими во внимание эту возможность.

Я против своей воли вовлекся в политические размышления. Для правящей олигархии возможная диктатура Помпея была еще одной головной болью. Тогда наступит либо конец Республики, либо же опять начнется гражданская война; такие люди, как Красс или молодой Юлий Цезарь, не согласятся отдать свою власть без сопротивления.

— А что будет, если Катилина проиграет на выборах? — спросил я, не желая больше спорить.

— Он уже сейчас готовит восстание. И его сторонники так же отчаянны, как и он. Его поддерживают многие ветераны, поселившиеся здесь, в Этрурии, и дальше к северу. В городе у него тоже есть малочисленный, но преданный кружок товарищей. И уже известно, что они замышляют убийство Цицерона еще до выборов.

— Но почему?

— В основном потому, что Катилина ненавидит Цицерона за проигрыш на прошлых выборах. Как это согласуется с его планами, я точно не знаю; возможно, он хочет посеять беспорядки и панику перед голосованием или даже вовсе отменить выборы.

— А откуда ты это знаешь, Марк Целий?

— В этом месяце было собрание заговорщиков, и...

— А как тебе это стало известно?

— Я же говорю тебе: было собрание заговорщиков и я там присутствовал.

Я помолчал, чтобы переварить его слова. Если бы только рядом со мной сидел Арат! Он бы рассказал мне о быках на нынешней ярмарке или о запасах продовольствия. Но вместо того передо мной находился один из самых искусных сторонников Цицерона, и я слушал, как он сообщает мне ужасные сведения о заговорщиках и убийствах.

— Признаться, это с трудом укладывается у меня в голове, Целий. Ты говоришь, что Катилина замышляет убить Цицерона и что ты сам участвовал в тайном собрании?

— Да, я слишком много тебе рассказал, Гордиан, больше, нежели намеревался. Но ведь тебя так трудно убедить.

— Так ты до сих пор убеждаешь меня? Я же сказал, что не хочу подвергать опасности членов своей семьи, а ты мне рассказываешь про заговорщиков и про гражданскую войну!

— Но все это можно предотвратить, если мы будем работать вместе.

Почему — несмотря на мои протесты, на мои разумные доводы, на обещания самому себе, что я больше не буду ввязываться в эти грязные дела, несмотря на мое чувство удовлетворения от того, что я нашел в себе силы отказаться, — почему в это мгновение я испытал некое волнение? Тайны и интриги опьяняют более, чем крепкое вино. Таинственность сообщает прелесть повседневным делам и превращает нудную действительность в предмет, достойный поэм. Человек никак не может насытиться тайной, он с жадностью набрасывается на дополнительные порции. Я не испытывал подобного волнения с тех пор, как оставил город.

— Расскажи мне поподробней о том собрании, — попросил я словно нехотя.

— Оно происходило в доме Катилины, на палатине; прекрасный дом, немного беспорядочно построенный, единственное, что отец оставил ему в наследство, кроме имени. Все началось как дружеский обед, но потом мы удалились внутрь здания. Рабов не пустили, а

двери закрыли. Если бы я тебе сказал, кто там был, назвал бы имена сенаторов и патрициев...

— Не надо.

Целий кивнул.

— Тогда я скажу тебе, что рангом собравшиеся были от самых почтенных до самых скандально известных.

— «На любой вкус» — так говорит Катилина.

— Совершенно верно. Ему иногда приходят в голову удачные высказывания. Ты польстил мне, назвав меня лучшим учеником Цицерона, но Цицерон даже не сравнится с Катилиной, когда тот вознамерится произнести страстную речь. Он сыграл на расстроенных чувствах собравшихся, на их неудачах и указал на богатых олигархов как на источник их бедствий; он пообещал им создать новое государство в духе наших предков; он говорил о погашении долгов и переделе имущества. Под конец он взял в руки кубок с вином и заставил каждого порезать себе запястье и капнуть кровью в этот сосуд.

— А ты?

Целий протянул руку и показал шрам.

— Кубок пустили по кругу. Все мы дали клятву...

— Которую ты сейчас как раз разрушаешь.

— Клятва против Рима не является настоящей клятвой, — ответил он, опустив глаза.

— Значит, Катилина признал тебя своим, несмотря на твою близость к Цицерону?

— Да, потому что на какое-то время я поверил его словам. Я попал под очарование его речей и на самом деле считал себя его сообщником. Пока наконец не распознал его настоящую сущность, пока не узнал, что он замышляет убить Цицерона. Тогда я пошел к Цицерону и рассказал ему все. Он посоветовал мне оставаться в сообщниках у Катилины и разведать его планы. И я не один, кто исполняет подобные обязанности.

— А теперь он хочет, чтобы и я следил за Катилиной?

— Нет, Гордиан. Он просто хочет, чтобы Катилина немного пожил у тебя. За ним следят, но он может покинуть город незамеченным. Его основной союзник — Гай Манлий, военный из Фезул. Каталине нужно место в провинции, не такое, о котором бы все знали, а новое, где его и не подумали бы искать.

— То есть у меня? Если еще ему неизвестно, то любой может рассказать, что я давний приятель Цицерона и что он сам помог мне получить это наследство.

— Да, но я сказал Катилине, будто ты очень серьезно поссорился с Цицероном — ведь легко в это поверить, не так ли? — что тебе очень не нравится римская политика и что в данный момент ты симпатизируешь ему, Каталине. Ты умеешь быть сдержанным и осторожным, это бесспорно; ведь этим ты и заслужил себе имя. Катилина и не думает, что ты его пылкий сторонник, он просто считает, что ты можешь ему предоставить на время свой дом. Большого от тебя он и не ожидает — всего лишь убежища, когда ему потребуется покинуть город и остановиться где-нибудь на время по дороге в Фезулы.

— А ты уверен, что в моем доме не будет сборищ и чаш с кровью, пускаемых по кругу?

Целий покачал головой.

— Он не ждет этого от тебя. Ему нужно именно убежище, не место для встреч.

— А что хочет Цицерон?

— Следить за продвижениями Каталины с моей помощью. Разумеется, если вдруг Катилина поведаст тебе что-либо важное, то Цицерон надеется, что ты передашь ему эти сведения. Говорят, что ты умеешь выудить у людей правду, даже когда они сами не хотят признаваться в ней.

Я повернулся и посмотрел через западное окно на пологий спуск к реке. Верхушки деревьев были уже освещены лунным светом. Все видимое пространство окутала ночь, теплая и успокаивающая. Воздух казался густым от запахов животных, пота, навоза, травы. Так далеко отсюда Рим, но и здесь от него не скрыться!

— Мне, таким образом, придется иметь дело только с тобой и с Катилиной, а больше ни с кем?

— Да. Цицерона ты не увидишь, он останется для тебя бесплотным призраком. Если тебе понадобится отправить в город послание, то сделать это ты сможешь через меня. Катилина меня не заподозрит.

— Невозможно, чтобы все было так просто, как ты говоришь. Может, из-за твоей молодости и неопытности ты неспособен предвидеть грозящих нам опасностей? Или же ты намеренно смягчаешь ситуацию?

Он улыбнулся.

— Мой учитель Цицерон советует не отвечать на вопросы типа «либо — либо», если любой ответ тебе чем-то грозит. Лучше сменить предмет обсуждения...

В ответ я тоже скупо улыбнулся.

— Ты слишком хитер и порочен для своего возраста. Да, я уверен, что ты можешь обмануть Катилину. Если я соглашусь, то мне необходимы будут гарантии. Нельзя, чтобы меня сочли союзником Катилины, если вдруг его разгромят, как, я надеюсь, и случится. Хорошо бы Цицерон заранее написал письмо и отметал в нем мою помощь в его плане.

Целий изобразил на своем лице непонятную гримасу.

— Цицерон предвидел подобную просьбу. Но сейчас невозможно написать такой документ. Если его обнаружат, то он все испортит, да и тебя поставит под угрозу. Не беспокойся. В надлежащее время Цицерон вспомнит о тебе.

— Но тем не менее мне все-таки необходима гарантия Цицерона. Если я приеду в Рим...

— Он не примет тебя сейчас. Иначе о вашей встрече станет известно Катилине. Разве ты мне и так не веришь, Гордиан?

Я долго размышлял. Дрожь волнения, которую я испытал ранее, переходила в недоброе предчувствие. Я чувствовал себя как пьяница, который не может контролировать себя во время пиршества и потому удерживается от вина, но когда ему вручают чашу для передачи другому человеку, хватает и выпивает ее залпом.

— Я верю тебе, — сказал я.

Но позже, ночью, когда я лежал рядом с Вифанией, во мне зародилось сомнение; оно шевелилось во мне, росло, принимая неясные формы, как туман в ночи. Целий не представил никаких доказательств, что он послан Цицероном. А вдруг его подослал сам Катилина? А если за ним и стоит Цицерон, то почему Катилина не может догадаться о их планах? Где правда, а где ложь в речах Целия? Если этот юноша хвастается, что сможет одурачить Катилину, то он наверняка сможет водить за нос и Цицерона? Не говоря уже о Гордиане Сыщике, который поклялся никогда не влезать в политику.

Вифания шевельнулась.

— В чем дело, хозяин? — прошептала она.

Со времени нашей свадьбы она перестала называть меня «хозяином», но иногда во сне проговаривалась; слова ее напомнили мне о далеких днях, когда мир не был таким опасным и сложным. Я дотронулся до нее. Ощущение ее тела — теплого, волнующего, податливого — развеяло мои сомнения, как солнце разгоняет утренний туман. Она пододвинулась ко мне, и мы обнялись. На какое-то время все тревоги забылись, а потом я заснул здоровым сном крестьянина, которому снятся поля и сено, а мычание быков кажется случайной музыкой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

На следующее утро Марк Целий проснулся раньше меня. Я обнаружил его перед стойлом, где он запрягал свою лошадь. Из сарайчика вышли его охранники, потирая глаза и вытаскивая соломинки из волос. Солнце еще не встало из-за горы Аргентум, и мир освещал

только бледновато-синий свет. Над рекой стоял туман, заполняя в низины по ее берегам. С запада, со стороны поместья Публия Клавдия, донесся крик петуха.

— Как спалось, Целий?

— Очень хорошо, спасибо.

— Кровать слишком жесткая, не так ли? Я так и знал. Да и в комнате было очень душно.

— Нет, вовсе...

— Увы, как ты сам убедился, дом мой не подходит для приема знатных гостей.

Целий понял смысл моих слов и улыбнулся.

— Говорят, что Катилина подобен хорошему полководцу: может спать и есть при любых обстоятельствах. Условия здесь для него даже больше, чем хороши.

— Но я еще не сказал «да», Целий.

— А мне показалось, что сказал.

— Мне нужно многое обдумать.

— Но это то же самое, что сказать «нет». Время не ждет, Гордиан.

— Тогда я говорю «нет», — неожиданно произнес я, устав шутить с ним.

Он фыркнул.

— Ты передумашь, как только я уеду. Пошли мне тогда гонца.

Он вскочил на лошадь и приказал своим охранникам быть наготове.

Из дома вышла Вифания, в stole с длинными рукавами и с распущенными волосами. По ее плечам спускались дивные черные и серебряные пряди, в глазах застыло сонное выражение, виновником чего был отчасти я.

— Вы, Марк Целий, несомненно, не покинете нас, не позавтракав? Я приготовила что-то вкусное.

— Я предпочитаю отправляться в долгую поездку на пустой желудок. Признаюсь, что похитил у вас в кладовой кусок хлеба и несколько фруктов на дорогу.

Пока его охранники садились на коней, он несколько раз повернул свою лошадь.

— Обожди, — сказал я. — Я провожу вас до Кассиановой дороги.

Когда мы отправились, солнце уже взошло над гребнем горы, и наши фигуры отбрасывали длинные тени. Запели птицы. Мы миновали виноградники с одной стороны и поле со свежескошенным сеном с другой. Целий дышал всей грудью.

— Ах, Гордиан, вот он какой, утренний воздух в провинции! Теперь я понимаю, почему вы покинули город. Но от этого город не перестал существовать. Никто также не отменял старых обязательств.

— Какой же ты настойчивый, Целий, — сказал я, печально покачивая головой. — Ты этому обучился у Цицерона или у Катилины?

— У обоих понемногу. У Катилины я также научился загадкам. Ведь ты, Гордиан, любишь тайны, значит, тебе должны нравиться и загадки. Ты хочешь услышать одну из них?

Я пожал плечами.

— Катилина любит загадывать ее своим друзьям. Он задал ее нам в ту самую ночь, когда мы дали клятву. «Я вижу два тела, — сказал он. — Одно из них худое и истощенное, но с великой головой, другое тело сильное и крепкое, но у него вовсе нет головы!»

Целий негромко рассмеялся.

Я беспокойно заерзал на своем коне.

— И в чем же здесь суть?

Целий пристально посмотрел на меня.

— Ведь это загадка, Гордиан! Ты сам должен догадаться. Вот что я тебе скажу — когда ты пошлешь ко мне гонца, то пусть он использует особый пароль. Если твой ответ положителен, он должен сказать: «Тело без головы». Если отрицательный, то: «Голова без тела». Но не тяни с ответом; события разворачиваются слишком быстро.

— Как и всегда, — сказал я, останавливая своего коня.

Мы доехали до Кассиановой дороги. Целий помахал мне рукой, потом повернулся и прибавил скорость. Мгновение я наблюдал, как плащи всадников развеваются, словно знамена на ветру, затем повернул к дому, еще более встревоженный и запутанный.

На следующий день я сидел в библиотеке и придумывал план водяной мельницы, когда пришел Арат и сообщил, что Конгрион со своими помощниками вернулись.

— Хорошо, пусть войдут ко мне. Я хочу видеть их. Без свидетелей.

Арат прищурил глаза и удалился. Через некоторое время в библиотеку вошли Конгрион и его подчиненные. Я отложил табличку со стилем и знаком показал им, что они должны закрыть дверь.

— Ну, Конгрион, как обстоят дела у Клавдиев?

— Хорошо, хозяин. Уверен, что вы не услышите упреков в наш адрес. Клавдия дала мне вот эту записку и попросила вам ее передать.

Он протянул мне пергаментный свиток, запечатанный инициалами Клавдии — большое «С» и внутри его маленькое «А». Это ее собственная печать, не унаследованная ни от отца, ни от мужа, а придуманная ею самой. Обычно римские матроны так не поступали, но ведь Клавдия была необычной женщиной. Я сломал печать и развернул письмо.

«Гордиану.

С наилучшими пожеланиями и благодарностями по поводу присланных рабов. Они прекрасно справились со своими обязанностями, а особенно повар Конгрион, не потерявший своего мастерства со времен, когда он служил моему кузену Луцию. И я вдвойне благодарна, поскольку мой собственный повар заболел как раз накануне приготовлений, так что Конгрион не просто помог, но оказался незаменим; без него мне пришлось бы плохо. Об этой услуге я никогда не забуду и буду вечно признательна.

Теперь о другом. Я лично постаралась замолвить за тебя слово в кругу моей семьи. Мы, Клавдии, довольно упрямые и самоуверенные, и я скажу, что мне не сразу удалось убедить кого-либо обходиться с тобой помягче, но мне кажется, что начало положено. Во всяком случае, я сделала, что смогла.

Спасибо еще раз за одолжение. Сообщи мне, когда понадобится моя помощь. Остаюсь вашей благодарной соседкой,

Клавдия».

Я скрутил письмо, перевязал его ленточкой и увидел, что Конгрион напряженно разглядывает меня.

— Она осталась довольна тобой, — сказал я.

Конгрион вздохнул и улыбнулся.

— Приятная женщина, — сказал он. — Требовательная хозяйка, но умеет благодарить за услуги.

— Вы исполнили мой приказ соблюдать осторожность?

— Да, господин, мы были осторожны и скрытны. Сожалею, что не могу сказать того же о других рабах.

— Что ты имеешь в виду?

— Клавдии привели с собой своих слуг, которые постоянно толклись на кухне. Я старался утихомирить их, когда становилось слишком шумно, но на кухне всегда околачивались толпы рабов, и сплетни никогда не прекращались. Я, конечно, сам не принимал участия в разговорах, но старался слушать их, занимаясь своими сковородками и горшками, как вы и приказывали.

— И что ты услышал?

— Большинство разговоров не представляло интереса — кто из рабов заслужил

благорасположение своего господина, а кто потерял доверие... вымышленные рассказы о приключениях в то время, когда они с хозяевами были в Риме... грязные и непристойные истории о связях с девушками, занятыми на винодельческих прессах... плоские шутки — вся обычная грязь, которую и следовало ожидать и которая недостойна касаться ваших ушей.

— А что-нибудь поинтереснее?

— Было несколько грубых намеков и скрытых оскорблений в мой адрес. Рабы часто повторяют суждения своих хозяев, и если хозяева не в ладах, то и рабы не дружат между собой. Немногие из них знают, что я служил еще Луцию Клавдию, долго и преданно; но и они упрекают меня и скорбят о моей неверности, говоря, что я нашел теперь — извините, хозяин, но это их слова, они так сказали, — что я нашел теперь нового хозяина, самого низкого и недостойного. Я, разумеется, хранил гробовое молчание, и они удивлялись моей необщительности. Дело в том, что такие слова не сами пришли им в голову, а исходят, вероятнее всего, от их собственных хозяев.

— Я понимаю. А от самих Клавдиев ты слышал что-нибудь?

— Нет, хозяин. Так вышло, что я почти все время был занят на кухне, едва находил мгновение для отдыха. Повар Клавдии заболел...

— Да, она сообщает об этом в письме.

— Как вы понимаете, я был занят все время. Я почти не видел гостей — только их рабов, толпившихся на кухне.

— А вы? — спросил я, кивнув в сторону его помощников.

Они нервно выпрямились, беспокойно смотря друг на друга.

— Ну же?

— Большую часть времени мы провели на кухне, помогая Конгриону, — ответил один из них. — Все было так, как он и сказал, — намеки, скрытые оскорбления нашего нового хозяина, то есть вас. Но потом нас позвали прислуживать за обедом. Вас там тоже упоминали...

— Да?

На лицах рабов выразилось крайнее замешательство. Один из них был довольно дурен собой, с прыщами на лбу и щеках. Я удивился, что Клавдии пришлось в голову заставить его прислуживать за обедом, ведь большинство римлян предпочитают смотреть на нечто приятное во время трапезы. Я отнес этот факт на счет ее необычности. Клавдия часто поступала по-своему.

— Ты, — сказал я прыщавому юноше. — Говори! Меня ничто не удивит.

Он кашлянул и начал:

— Они не любят вас, хозяин.

— Я знаю. Сейчас я хочу узнать, что они замышляют.

— Ну, ничего особенного. Просто называют вас по-всякому.

— Например?

Раб сделал такое лицо, будто я сунул ему под нос какую-то дрянь и заставил его попробовать.

— Городской самодовольный вонючка, — сказал он наконец, поморщившись.

— Кто так назвал меня?

— Публий Клавдий. Мне кажется, это тот самый пожилой человек, живущий за рекой. На самом деле он высказал еще пожелание — окунуть вас в воду и протащить вниз по течению, чтобы вы ртом ловили рыбу. — И юноша снова поморщился.

— Ну, это не обидно, — сказал я. — Что еще?

Его товарищ облизал губы и поднял руку, попросив слово.

— Глупое ничтожество без предков, которого только в клетку посадить и отвезти обратно в Рим, — сказал он. — Так говорил Маний Клавдий, человек, который живет к северу от нас.

— Я знаю. Опять же ничего, кроме злобного ворчания.

Тут прыщавый раб что-то проворчал.

— Да? — побудил я его к разговору.

— Самый молодой из них, по имени Гней...

Тот самый владелец горы, не приносящей особых доходов, которому, по мнению Клавдиев, должно было достаться поместье Луция, подумал я.

— Продолжай.

— Он сказал, что у семейства должны найтись кое-какие доверенные лица, которые пришли бы ночью и окропили бы землю кровью.

Это уже не так забавно, хотя, вполне возможно, что тоже пустая болтовня.

— А он предложил что-то конкретное?

— Нет, он просто так и сказал; «Пролить кровь на землю».

— Он сказал это при вас, и вы слышали его слова?

— Мне кажется, он не знал, откуда мы. Наверное, никто не знал, кроме Клавдии. Кроме того, этим вечером было выпито немало вина, и Гней тоже не забывал опустошать свою чашу.

— Но вам, хозяин, следует знать, — сказал другой раб, — что Клавдия встала на вашу защиту. Она отвечала на каждое оскорбление и угрозу и советовала другим не разжигать своей ненависти, ведь дело уже решено в суде и ничего не изменишь.

— И как же родственники приняли ее слова?

— Не слишком тепло, но ей удалось утихомирить их. Ее манеры довольно...

— Грубы, — заключил Конгрион. — Нужно еще помнить, что встреча происходила у нее, и она вела себя как хозяйка. Мне кажется, что Клавдия не позволит в своем доме говорить и делать что вздумается, даже если гости — ее родственники.

Я улыбнулся и кивнул.

— Женщина, с мнением которой следует считаться. Женщина, которая требует уважения к себе. А ее рабы уважают ее?

— Конечно, — кивнул Конгрион. — Хотя...

— Ну? Говори.

Он нахмурил свои пышные брови.

— Мне кажется, они привязаны к ней не так сильно, как некоторые рабы к хорошим хозяевам. Она довольно требовательна, как я понял на собственном опыте. Ничто не должно пропасть зря, никаких отходов! Все в животном должно быть использовано — и мясо, и молоко, и труд; каждое зернышко нужно поднимать с пола. Некоторые из старых рабов ворчат, что они сгорбились не от старости, а от ее требований.

— Уже то, что они дожили до этой самой старости, говорит о ее доброжелательности, — сказал я, думая о поместьях, где к рабам относятся хуже, чем к домашним животным. После смерти их кожа не имеет никакой цены, в отличие от кожи быка, например, и большинство хозяев не скупятся на побои; мясо рабов в пищу не годится, поэтому их можно почти не кормить. Даже старый мудрый Катон не слишком был озабочен судьбой рабов; он советовал отбирать из них самых здоровых, а больных и старых не кормить и избавиться от них поскорее.

Разузнав все, я отпустил рабов, но когда Конгрион выходил в дверь (он, как я заметил, был вынужден повернуться боком, чтобы протиснуться сквозь узкий дверной проем), я окликнул его.

— Да, хозяин?

— Клавдии в основном собирались, чтобы решить вопрос о предстоящих выборах, насколько я понимаю.

— Да, хозяин, мне тоже так показалось, хотя они обсуждали и более насущные вопросы.

— Такие, например, как незванный сосед и как с ним поступить, — сказал я угрюмо. — Ты что-нибудь услышал насчет того, как Клавдии собираются голосовать?

— В этом вопросе они проявили единодушие. Они будут поддерживать Силана, хотя и не очень уважают его. «Кто угодно, только не Катилина», — слышал я много раз. Даже рабы подхватили эту фразу.

— Понятно. «Кто угодно, только не Катилина». Ты можешь идти, Конгрион. Вифания хочет посоветоваться с тобой по поводу сегодняшнего ужина.

После того как он вышел, я стиснул пальцы и некоторое время смотрел в стену, погруженный в глубокие раздумья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

В течение нескольких последующих дней я отбросил все мысли о политике, о Риме и об окружающем нас большом мире. Мне даже удалось прогнать мысли о Клавдиях. Из города больше никто не приезжал; никто не выкрикивал оскорбления с того берега реки. Горожан занимали предстоящие выборы, а мои соседи, как и я, были поглощены думами о сенокосе. Солнце ярко светило и согревало землю; рабы, казалось, были довольны своей работой; скот дремал в загонах. Метон и Диана помирились, по крайней мере, на время. В Вифании пробудились материнские чувства, и она гуляла с детьми по холму и рвала с ними цветы. В свободные минуты я забавлялся тем, что обдумывал план водяной мельницы, которую собирался построить Луций Клавдий.

Ночи были очень теплыми, но приятными. Спать я ложился рано; мы с Вифанией три ночи подряд занимались любовью. (Появление такого молодого красавца, как Марк Целий, произвело, вероятно, свое действие, но я не задумывался об этом и не был против). Спал я спокойным и глубоким сном. Казалось, что на мое поместье в Этрурии опустился мир и покой, невзирая на то, что творилось вокруг. Так часто боги обманывают нас, устраивая небольшое затишье перед бурей.

Дела пошли плохо с середины месяца, в июньские иды. Рано утром ко мне в библиотеку прибежал раб и сообщил, что Арат хочет немедленно поговорить со мной и ждет меня на поле. По его встревоженному виду я догадался, что меня ждут неприятности.

Я последовал за ним к полю, располагавшемуся на севере, возле стены, отделявшей нас от владений Мария Клавдия. Поле это было самым дальним, и рабы принялись за него в последнюю очередь. Траву скосили всю, но связали только несколько снопов. Рабы празднично стояли поодаль и заволновались при моем появлении. Навстречу мне шагнул мрачный Арат.

— Я хотел, чтобы вы сами посмотрели, — сказал он. — Чтобы потом между нами не было непонимания.

— Что мне надо посмотреть самому?

Он указал на сноп сухой травы. Его челюсти сжались, и я заметил, как легкая судорога исказила его рот.

— Я ничего не вижу, — сказал я, — кроме того, что остальное сено лежит несвязанным, а эти люди слоняются без дела.

— Присмотритесь повнимательней, хозяин, — сказал Арат, наклоняясь над связкой сена и показывая мне, что я тоже должен наклониться.

Я присел на корточки и всмотрелся в скошенную траву. У меня уже не такое острое зрение, как когда-то. Вначале я не заметил серой пыли, которая, словно легкий слой саж, покрывала сено. Потом, по привыкнув, я заметил такие пятна по всему снопу.

— Что это, Арат?

— Это болезнь, под названием «сенной пепел». Она появляется приблизительно раз в семь лет. Это становится заметно, только когда скосят траву, а иногда даже гораздо позже, когда зимой обнаруживается, что все сено сгнило.

— Что это за болезнь?

— Сено становится несъедобным. Скотина и не притронется к нему, а если и съест, то заболит.

— И как велик наш ущерб?

— По меньшей мере, вся трава на этом поле, несомненно, заражена.

— Даже если на ее листьях не видно пятен? — спросил я, посмотрев на свежескошенное сено и не увидев признаков болезни.

— Они появятся через день или два. Вот почему о болезни часто узнают только зимой. Сено почти уже убрано, когда появляется болезнь. Она разрушает травы изнутри.

— Коварная штука, — сказал я. — Внутренний враг. А с другими полями? Что с сеном, которое уже сложили?

Арат выглядел очень мрачным.

Я послал одного из рабов посмотреть уже готовый стог, собранный возле дома.

И он протянул мне траву, покрытую теми же пятнами.

Я заскрежетал зубами.

— Другими словами, Арат, ты говоришь мне, что все сено испорчено. Весь урожай, что должен помочь нам перезимовать! Я полагаю, что эта пропасть не вызвана тем, что ты затягивал сбор сена?

— Она и раньше здесь была, только незаметно. Между временем сенокоса и появлением болезни нет никакой связи...

— Я не уверен, что доверяю тебе, Арат.

Он ничего не сказал, только поглядывал куда-то вдаль и сжимал челюсти.

— А можно спасти хотя бы часть сена? — спросил я.

— Возможно. Мы постараемся отделить хорошее сено и сжечь плохое, хотя болезнь до поры может оставаться незаметной.

— Тогда делай, что в твоих силах! Я передаю это на твое усмотрение, Арат!

Я повернулся и оставил его стоять среди остальных рабов, в то время как я сам шел по скошенному полю, стараясь не подсчитывать в уме, сколько времени и труда я потерял впустую, собирая сено, которое оставалось только сжечь.

В полдень в безоблачное небо поднялись огромные столбы дыма от костров — это Арат приказал сжечь испорченное сено. Я лично пришел проверить, чтобы сжигали сено с видимыми признаками болезни, но оказалось, что среди снопов попадались и незатронутые. Когда я указал на них Арату, то он признал ошибку, но сказал, что несколько вязанок делу не помогут, да и среди них могут оказаться зараженные. Мне же такая отговорка не показалась убедительной — вдруг это прекрасное сено? Мне приходилось верить Арату только на слово. А что, если он обманывает меня? Вдруг я уничтожил прекраснейший урожай по совету раба, которому доверяю все меньше и меньше?

Столбы дыма продолжали возноситься в небо и на следующее утро; Арат просмотрел еще несколько стогов и обнаружил испорченное сено.

Не удивительно, что из поместья Клавдии прибыл гонец. Раба провели в библиотеку; в руках у него была корзина со свежими фигами.

— Передайте ей слова благодарности.

Я приказал одному из своих рабов позвать Конгриона, который несколько смутился и удивился, что его вызывают так рано утром. Он как-то странно посмотрел на раба Клавдии, и мне показалось, что за время его пребывания в соседнем поместье между ними что-то произошло; рабы часто ссорятся между собой.

— Конгрион, — сказал я, — видишь эти прекрасные фиги, которые мне прислала Клавдия? Чем нам отблагодарить ее?

Конгрион, казалось, немного замешкался, но потом предложил отправить ей корзину яиц.

— Куры сегодня снесли больше обычного, — уверил он меня. — Желток словно масло, а белок как взбитые сливки. Свежие яйца — это настоящие драгоценности, хозяин.

— Хорошо. Проводи его на кухню и дай корзину яиц.

Когда они уже выходили из комнаты, я подозревал раба, который украдкой посматривал в окно.

— Если вдруг твоя хозяйка спросит насчет дыма, — сказал я доверительным тоном, — то это горит сено, пораженное особой болезнью. Сенной пепел, как ее называет мой управляющий. Пусть она передаст это другим Клавдиям, ведь я сомневаюсь, что они пошлют своих рабов, чтобы самим узнать, в чем дело.

Он кивнул и ушел вместе с Конгрионом. Положить яйца в корзину — довольно быстрое дело, но час спустя, проходя мимо задней двери, я заметил, как посланец Клавдии выходит из кухни, держа корзину в руках и что-то шепча на ухо Конгриону. Потом он повернулся ко мне лицом, и я понял причину его задержки — свободной рукой он вытирал с губ остатки сладкого крема. Кто может устоять перед возможностью попробовать шедевры Конгриона? Раб заметил меня и вздрогнул, но потом овладел собой и удалился с ухмылкой на устах.

На следующий день мне представилось еще одно доказательство нерадивости Арата. Уже под конец дня, когда я направлялся к холму, чтобы в одиночестве погоревать по поводу потери большей части сена, на Кассиановой дороге показалась повозка, запряженная двумя лошадьми. Тяжело загруженная, она тряслась и поднимала целые облака пыли и, наконец, остановилась возле дома, у кухни. Вышедший Конгрион принялся наблюдать за выгрузкой.

А где же Арат? Ведь это его обязанность. Я спустился с холма и подошел к Конгриону, который, пытаясь, помогал своим слугам выгружать мешки с просом и деревянные ящики с глиняной посудой. Вечером стало прохладно, но Конгрион весь покрылся потом.

— Конгрион! Ты должен быть на кухне. А эта работа для Арата.

Он пожал плечами и нахмурился.

— Пусть уж лучше будет так, хозяин.

Он говорил, немного заикаясь, и было видно, что он расстроен.

— Я много раз просил Арата заказать мне в Риме посуду — по эту сторону Кум просто невозможно достать глиняные горшки, но он все время откладывал этот вопрос, пока я сам наконец не отдал приказание. Нашлись кое-какие запасы серебра из кухонных расходов. Пожалуйста, не сердитесь на меня, хозяин, но мне кажется, лучше уж я сам буду распорядиться этим, а не идти с ним на открытый спор.

— Но даже если так, то пусть он хотя бы наблюдает за выгрузкой, ведь это его обязанность. Посмотри на себя, ты весь вспотел, как скаковая лошадь, весь красный, Конгрион, ты слишком надрываешься. Твое место на кухне.

— А Арат пусть роняет ящики и разбивает мою посуду? Пожалуйста, хозяин, я сам справлюсь. Так лучше. Я слишком толст, потому и потею.

Я немного подумал, потом нехотя кивнул.

— Спасибо, хозяин, — сказал он с облегчением. — Так действительно лучше. А то придет сюда Арат, и опять конца не будет спорам. Я уже достаточно насмотрелся на него.

— Да и я тоже, — пробормотал я себе под нос.

Итак, вслед за передышкой наступила буря, по крайней мере, я так думал, уверенный в том, что неудачный сенокос — несчастье, достойное того, чтобы быть единственным в году.

На следующее утро, несмотря на неприятности, я проснулся в отличном расположении духа. Я взял ломоть хлеба, восковую табличку и стиль и отправился на берег реки мечтать о водяной мельнице. Я немного порисовал, но потом стало теплее, и я задремал, откинувшись на спину. Передо мной журчала река. Над головой щебетали птицы. Пятнышки света танцевали у меня на веках, ласкали мои руки и лицо. Несмотря на неприятности, связанные с руководством поместьем, несмотря на споры со сварливыми рабами, несмотря на существование Клавдиев, жизнь все-таки хороша, просто великолепна! На что мне

жаловаться? Есть люди, которым приходится значительно хуже, у которых ничего нет. У других же есть гораздо больше, чем у меня, но до чего доводит их несправедное богатство? Я же честный человек и в ладах с богами, повторял я сам себе, я довольно мирно существую рядом с другими людьми, насколько это возможно в такие времена.

Утро было просто восхитительно теплым. Я совершенно расслабился, и тело мое словно излучало тепло изнутри. Я подумал о Вифании. Три ночи любви подряд! Давно уже такого не было — целые годы. Наверное, это еще одно преимущество жизни за городом. В новых обстоятельствах ничто не отвлекало меня от нее. У нас не было даже хорошенькой девушки-рабыни — Вифания позаботилась об этом, — а соседка в этом смысле не представляла никакой угрозы. А как у Клавдии обстоит с этим делом, подумал было я, но тут же подавил в себе крамольные мысли. Я вовсе не хочу ничего знать. Ах, Вифания...

Я вспомнил один момент прошедшей ночи и улыбнулся. Что же загло в нас огонь? Ах, да, посещение молодого Марка Целия с модной бородкой и красноречивым языком. Мне и самому его лицо не кажется неприятным. Он все же красив, не поспоришь. Но слишком скользкий и лукавый для молодого человека. Катилина любит окружать себя подобными приятными юношами; остается только догадываться, как Целию удалось втереться к нему в доверие. А что случится, если позволить самому Катилине пожить у меня, как того хочет Целий? И что тогда будет с Вифанией? Катилине пошел пятый десяток, он едва моложе меня, но известен своей энергией, достойной человека вдвое моложе. И хотя его часто ругают, но никто не называл его безобразным. Он тоже красив, не хуже, чем Марк Целий, или, по крайней мере, был таковым, ведь я уже давно не видел его. Красота есть красота — и у мужчин, и у женщин. Красота доставляет радость нашим глазам...

Такие мысли крутились в моей голове, сменившись, в свою очередь, мыслями чисто плотскими, как часто бывает, когда я засыпаю. А потом все слова вытекли из моей головы, словно вода через пальцы. Я лежал на траве и как животное радовался теплу.

А потом я услышал взволнованный голос своей дочери и резко встал.

Диана уже была совсем близко. Она увидела меня с вершины склона и побежала вниз, при этом одна из ее сандалий соскользнула с ноги и упала в густую траву. Я моргал и тряс головой, еще не до конца проснувшись.

— Диана, в чем дело?

Она упала на траву рядом со мной, тяжело дыша.

— Папа, ты должен пойти и сам посмотреть.

— Что посмотреть? Что случилось?

— Там человек, папа.

— Человек? Где?

— В конюшне.

— Еще один гость! — проворчал я.

— Нет, не гость, — сказала она, тяжело вздохнув и задумчиво нахмурившись.

Позже я удивился, как она могла сохранять спокойствие и самообладание. Почему она побежала ко мне, а не к матери? Почему она не закричала и не заплакала? В ней течет моя кровь, думал я, кровь бесстрастного Сыщика.

— Ну и кто же он тогда?

— Не знаю, папа.

— Незнакомец?

Диана пожала плечами.

— Не знаю.

— Как это так? Либо ты знаешь человека, либо нет.

— Но, папа, я не могу сказать, знаю я его или нет.

— Почему? — спросил я, окончательно сбитый с толку.

— Потому что, папа, у него нет головы!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Тело лежало на спине посредине пустой конюшни.

Как оно туда попало — упало ли здесь, притащили его сюда или перекатили, — нельзя было определить, потому что солому вокруг него намеренно взъерошили, а потом притоптали ногами; это было ясно из того, что соломинки лежали и на самом теле, то есть солому разбрасывали вокруг уже после того, как его притащили. Следов нигде вокруг не было. Можно было сказать, что труп вырос из земли, как гриб.

Как и сказала Диана, у него не было головы, но остальные части тела были в сохранности, в том числе пальцы и половые органы. Убитый был обнажен.

Я посмотрел на Диану, которая разглядывала труп, приоткрыв рот. Я подумал, что, вероятно, она уже видела мертвецов на похоронных процессиях в Риме, но они были с головой. Я положил руку девочке на голову и повернул ее к себе. Потом присел и взял ее за плечи. Она слегка дрожала.

— Как ты обнаружила его, Диана? — спросил я, сохраняя спокойствие в голосе.

— Я пряталась от Метона. Только Метон не захотел играть со мной, тогда я взяла одного из его дурацких солдатиков и пришла спрятать его здесь.

— Солдатиков?

Диана метнулась в угол сарая, пошарила в соломе, бросив украдкой взгляд на тело, и прибежала обратно.

В руках у нее была бронзовая фигурка, изображавшая карфагенского воина с луком и стрелой. Она была из набора к игре в «Слоны и лучники». После избрания консулом Цицерон приказал отлить такие наборы для гостей на одном из празднеств. Я передал подарок Метону, который с восхищением принял его.

— Я бы взяла одного из слонов, но поняла, что он рассердится еще больше, — сказала она, как будто это оправдывало ее.

Я взял лучника и стал нервно теревить его.

— Ты одна пришла в конюшню?

— Да, папа.

— И никого здесь больше не было?

— Не было, папа.

Рабы, занятые в конюшне, сейчас помогали Арату восстанавливать кусок развалившейся стены. Вчера вечером Арат спросил моего разрешения отвлечь их от обычных обязанностей. Они накормили и напоили лошадей на рассвете, а затем отправились на работу, чтобы успеть все сделать до жары. Если бы они обнаружили труп, то, без сомнения, сразу бы мне о нем сообщили. Тогда выходит, что тело появилось здесь уже после рассвета, — но это невозможно. Кто мог притащить его сюда среди бела дня? Может быть, лежа на полу среди соломы в пустой конюшне, оно оставалось незамеченным.

Но кто этот человек и как он умер?

— Кому еще ты об этом рассказала, Диана?

— Я побежала сразу к тебе, папа.

— Ладно. Давай отойдем к двери.

— А разве его не нужно прикрыть? — спросила Диана, оглядываясь через плечо.

В этот момент в открытую дверь вбежал Метон.

— Вот ты где! — закричал он. — Признавайся, куда ты его подевала, воровка!

Диана неожиданно разрыдалась и закрыла лицо руками. Я присел на корточки и обнял ее. Метон выглядел смущенным. Я протянул ему бронзового солдатика.

— Она взяла его, — сказал он отрывисто. — Не я первый начал. Просто я не хотел все утро играть с ней в прятки. Это не значит, что она должна красть мои вещи.

— Диана, — ласково произнес я. — У меня к тебе поручение. Сходи и приведи сюда мать. Это простое поручение, но очень важное. Но не говори, почему я прошу ее прийти, и ничего не рассказывай рабам. Пусть просто придет сюда, одна. Ты сможешь выполнить его?

Она так же резко прекратила плакать.

— Наверное, да.

— Хорошо. Тогда беги. И побыстрее!

Метон удивленно смотрел на меня.

— Но я ничего не делал! Ну ладно, назвал я ее воровкой — но что мне делать, если так оно и есть? Зачем она взяла мою вещь, ведь она знала, что этого делать нельзя?

— Потихе, Метон. Случилось нечто ужасное.

Мальчик тяжело вздохнул, думая, что я собираюсь поучать его; потом заметил, что я очень серьезен, и нахмурился.

— Метон, ты уже видел раньше мертвецов. Тебе предстоит увидеть еще одного.

Я провел его внутрь конюшни.

Замечу, кстати, что следует осторожнее выбирать выражения в присутствии детей, ведь они быстро их перенимают.

— Вот это дела, клянусь задницей Нумы! — хрипло прошептал он.

— Это вовсе не царь Нума, как я полагаю. Лучше назвать его Немо — «Некто». Пусть он и будет Немо, пока мы не найдем ему более подходящего имени.

— Но что он здесь делает? Откуда он пришел? Это один из рабов?

— Во всяком случае, не из наших, это-то уж наверняка. Посмотри на его телосложение и цвет кожи, Метон. Ты не хуже меня знаешь наших рабов. Разве это тело может принадлежать одному из них?

Он прикусил губу.

— Я понимаю тебя, папа. Этот человек высокий, довольно плотный и волосатый.

Я кивнул.

— Видишь, какие густые волосы у него на руках? Среди наших рабов только у Рема такие волосатые руки, а он гораздо меньше этого человека. И моложе. Видишь — у него на груди черные волосы перемежаются седыми?

— Но тогда как он попал сюда? И кто совершил это злодеяние?

— Кто убил его, ты хочешь сказать? Или кто отрезал ему голову?

— Разве это не одно и то же?

— Не обязательно. Нельзя с уверенностью сказать, что он умер именно из-за того, что ему отрубили голову.

— Папа, но ведь всякий человек умрет, если ему отрубить голову!

— Метон, ты правда такой глупый или просто хочешь поспорить с отцом? — вздохнул я. — Спереди я не вижу никаких ран, а ты? Ты не можешь перевернуть его?

— Конечно, — сказал он, но я заметил, как он тяжело вздохнул и перевел дыхание. Он взялся за ноги, а я за плечи. Метон вздрогнул, когда его руки коснулись холодного тела. Я тоже не удержался от содрогания.

— Сзади тоже не видно никаких ран. Ты думаешь, легко убить человека, просто подойдя к нему и отрезав голову? Его нужно как-то связать или удержать. Возможно, ему сначала перерезали горло или задушили. Но на шее и глотке нет никаких следов.

Когда я наклонился, чтобы получше разглядеть тело, побледневший Метон отшатнулся и прикрыл рот рукой.

— Его убили не сегодня утром, это наверняка, — сказал я.

— Откуда ты знаешь?

— Тело холодное и окоченевшее, оно полностью побледнело. Для этого требуется некоторое время. Медики скажут тебе, что легкие, словно кузнечные мехи, разогревают кровь. Даже если они перестают работать, то тело некоторое время остается теплым и

постепенно остывает, как уголь. Также посмотри на саму рану. Кровь свернулась и засохла. Чем свежее рана, тем сильнее она кровоточит. А здесь разрез совсем старый, возможно, что прошел уже целый день. Видишь, и на соломе нет пятен крови. Но его не могли убить слишком давно, ведь на такой жаре тело быстро разлагается. Подойди ближе, Метон, осмотри тело вместе со мной.

Он нехотя подчинился.

— Что еще можно сказать, рассматривая рану?

Он пожал плечами.

— Посмотри, какие ровные края. Лезвие было очень острым, насколько я понимаю, голову отрезали одним ударом, как курице. Нет следов рубки или распила. На самом деле я даже вижу следы строения ножа, какие остаются на мясе. Обильное кровотечение смыло бы такие следы, ведь верно? Интересно, почему голову отрубили после того, как кровь свернулась внутри тела? Если мои предположения верны, то он умер вовсе не потому, что ему отрубили голову. А теперь остается вопрос — кому понадобилось обезглавливать труп и подкидывать его мне на конюшню?

Я почувствовал легкий приступ гнева и ярости, но подавил его. Пока я занимаюсь давно знакомым делом — исследую труп, оцениваю ситуацию, — мне удастся сохранять спокойную голову. Неожиданно я осознал, как обострились во мне многие чувства — я остро ощущал запах соломы в теплом воздухе, видел, как летают пылинки в лучах солнца. Но в то же время некоторая часть меня словно оцепенела.

Я шагнул назад.

— Что еще можно сказать о нем? Он действительно плотный, как ты и заметил, Метон, но грудь, руки и ноги у него довольно изможденные, как у больного человека. Как у человека, неожиданно потерявшего вес.

— Папа, но ведь он мертв, как он может быть больным?

Я вздохнул и остро почувствовал отсутствие своего старшего сына, который давно бы уже сам обо всем догадался. Но Экон вырос на улице и привык сам делать наблюдения, еще до того, как я его усыновил. Метон же родился на вилле у богатого человека, и его всегда поощряли за послушание и ум, а не за сообразительность и хитрость. Я надеялся, что из него получится хороший сельский житель, ведь ему никогда не стать сыщиком.

Но тем не менее я продолжал настаивать.

— Что мы можем сказать о его положении в обществе? Он раб или свободный?

Метон изучил тело с шеи до ног.

— У него нет железного кольца, — сказал он в ответ.

— Конечно, нет. Но это ни о чем нам не говорит. Ведь очень легко снять кольцо с пальца гражданина и, наоборот, надеть его на палец рабу. Немо мог бы быть и патрицием, чье золотое кольцо просто-напросто стянули. Но иногда кольцо оставляет след на пальце. И я не вижу такого следа, а ты?

Метон покачал головой.

— Значит, мы не можем сделать никаких выводов.

— Конечно, он не может быть полевым рабом какого-нибудь жестокого хозяина — у него нет шрамов и следов побоев, нет клейма. Он выглядит довольно ухоженным, и видно, что ему не приходилось заниматься особо изнурительным трудом. Видишь, у него нет грубых мозолей на руках или ногах, а ногти его довольно аккуратны. Он не слишком много времени проводил на открытом воздухе — его кожа почти не загорела. Если бы только голова была на месте, мы бы узнали намного больше...

Позади нас послышалось шуршание. Я настороженно обернулся, но это оказалась всего лишь Диана, бежавшая по соломе. Потом в дверях появилась Вифания. Яркий солнечный свет выделил четкие очертания прядей ее волос и длинной стопы, подвязанной под поясом и накинута на плечи. Она немного постояла в дверях, а затем резко шагнула вперед, как

женщина, ожидающая самого худшего. Когда она увидела труп, ее ноздри расширились, а губы плотно сжались, лицо побледнело. Руками она вцепилась в столу и слегка покачнулась. Вифания иногда бывает слишком властной или грубой, но нечасто я видел ее по-настоящему рассерженной. Даже самый непроницаемый римлянин расплакался бы под ее взглядом.

— Погляди только! — крикнула она. — И здесь тоже! Ты же сказал, что за городом все будет по-другому. Никакой толпы, никаких убийств и никакого беспокойства за судьбу детей. Ха-ха! Значит, все оказалось ложью! — Она плюнула на труп, гордо повернулась и удалилась, поднимая свою столу, чтобы не испачкаться о навоз.

Метон беспокойно подался назад. Диана заплакала. В проеме двери, освещенные солнцем, кружились пылинки, встревоженные Вифанией. Я посмотрел на труп, сжал кулаки и пробормотал проклятье богам. Метон, должно быть, слышал мои слова, потому что, когда я взглянул на него, он побледнел, словно тело, распростертое у моих ног.

Позже я повторял себе, что мне не нужно было говорить о мертвце Вифании. Так было бы проще. Но Диана все равно рассказала бы ей все. После такого потрясения ребенок обязательно будет искать защиты у матери. Моя дочь не смогла бы хранить такую ужасную тайну.

Но в любом случае лучше, чтобы наши рабы не знали о происшествии. Среди них бы начались волнения, и мой авторитет был бы подорван, что весьма опасно. Катон бы на моем месте избавился от всех: кого мог бы — продал, а остальных выбросил на дорогу. Для меня же такое было невозможно — слишком жестоко и невыгодно, кроме того, рабы могли что-то скрывать. Если кто-то из них предал меня, то нужно выяснить, почему и кому. Если даже никакого предательства не было, они могли что-нибудь заметить. Их знания и помощь мне еще понадобятся. Случилось нечто ужасное, а я даже не знал, почему и что мне грозит.

Мне нужно было кому-то довериться, и я выбрал Арата. Он все-таки мой управляющий. Я подавил в себе недоверие к нему, убедив себя в том, что мог ошибаться. Кроме того, если бы он что-то скрывал, я бы прочел это по его глазам. Когда Метон привел Арата в конюшню, то Арат показал искреннее изумление.

Он ничего не знал, ничего не видел. Он ничего не скажет другим рабам, так он поклялся. Я приказал ему взять нескольких рабов и выкопать яму в зарослях ежевики, растущей в удаленном юго-западном углу поместья, где русло реки прорезает холм.

— Но что мне им сказать? — спросил он.

— Придумай сам! Или ничего не объясняй. Ты ведь управляющий, не так ли? Вот и приказывай рабам. Но никто не должен об этом знать, понимаешь? А если кому-либо что-то станет известно, сразу же докладывай мне!

После полудня, когда яма была готова, я приказал Арату задать рабам работу в дальнем конце поместья. После Метон, Арат и я завернули тело в простыню, погрузили его в тележку и отвезли туда, где была выкопана яма. Мы довольно быстро засыпали труп влажной землей, а сверху разбросали вырванную ежевику.

Но даже обезглавленное и неизвестное тело не стоит оставлять без памятника — непредусмотрительно зарывать человека, не подготовив его к загробному миру, если мы не хотим, чтобы его бесприютный дух-лемур постоянно тревожил нас в нашем поместье. Поэтому я положил в яму немного черных бобов и горсть таких же бобов бросил через плечо на могилу, когда дело было сделано.

Много дней спустя я вернулся к могиле с небольшой каменной стелой. Заросли ежевики почти скрывали ее. На стеле сверху вниз были написаны следующие буквы:

НЕМО

Деревенский ремесленник посетовал на необычную работу — сделать стелу для «Никого», но с удовольствием принял от меня серебро.

Этой ночью оказалось, что любовные чары между мной и Вифанией разрушились. Когда я подошел к кровати, она отвернулась от меня; я попробовал заговорить с ней, но она спрятала голову под подушку.

Я пожаловался ей, что не виноват, что я не больше ее знаю, почему у меня в конюшне оказалось обезглавленное тело; пообещал сделать ей все возможное, чтобы защитить ее и детей. Тут она захрапела. Я рассердился и вышел из комнаты. Долгое время я расхаживал по двору вокруг пруда. Была отчетливо видна лунная тень крыши на вымощенном дворе. Половина мира находилась в тени, а половина освещалась серебряным светом. Я ходил туда-сюда между двумя мирами.

Наконец я ушел в дом и заглянул в маленькие комнатки Дианы и Метона. Дети крепко спали.

Потом я направился в библиотеку, зажег лампу и повесил ее над письменным столом. Развернул пергамент и пододвинул чернильницу. Погрузил тростник в чернила и принялся писать. Обычно вместо меня это делал Арат, так что я несколько раз с непривычки оставил кляксы на пергаменте, прежде чем освоился. Я написал следующее:

«Моему любимому сыну Экону в его дом в Риме, от его любящего отца из поместья в Этрурии.

Жизнь в провинции продолжает приносить неожиданности. Она вовсе не так скучна, как тебе может показаться.

Я знаю, что тебе нравится римская суета, но мне кажется, и ты удивишься тому, что здесь происходит.

Помни, что через месяц мы справляем шестнадцатилетие Метона, он станет взрослым и наденет взрослую тогу. Нужно приготовить дом в Риме, чтобы принять определенное количество достойных (и не слишком достойных) посетителей. Нужно, чтобы достойные гости удивились украшениям и вещам, а не очень достойные их не похитили. Я надеюсь, что твоя жена справится с такой обязанностью. Вифания, вероятно, тоже не останется в стороне.

Кстати, я попрошу тебя об одном одолжении. Пожалуйста, не предавай это огласке. Есть один молодой человек по имени Марк Целий, из круга приспешников Цицерона и Красса. Ему нужно передать от меня сообщение.

Скажи ему: «Тело без головы». Я понимаю, что фраза ничего не значит. Это просто дружеская шутка.

Я часто о тебе вспоминаю. Все по тебе скучают. Я понимаю, что ты очень занят в городе. Надеюсь, что ты остаешься благоразумным и осмотрительным, как и твой любящий отец».

Я посидел немного, ожидая, пока подсохнут чернила, потом свернул пергамент и положил его в цилиндрический ящик, перевязал лентой и запечатал, поставив отпечаток на воске своим кольцом. Утром я пошлю раба в Рим.

Потом я вышел в сад. Пчелы там уже не жужжали — они все удалились к себе в улей, но среди виноградников порхали два огромных светящихся мотылька. Было очень поздно, но спать мне не хотелось. Вместо сонливости я, как и прежде в конюшне, ощутил необычное обострение всех чувств. Лунный свет казался таким ярким, что я мог видеть все как днем, просто как будто солнце из желтого стало голубым. Все предметы казались знакомыми и вместе с тем необычными. Но, как и днем, я почувствовал странную скованность в членах. Я вышел из ворот и направился вдоль холма, пока не оказался в юго-западном углу поместья, и отнюдь не потому, что там находилась могила незнакомца, — просто это было самое уединенное место.

Я устал убегать от Рима. Рим такой большой. Нигде в мире не скроешься от него. Рим словно сеть, а люди — рыбы, в нее попадающие. Даже если человек слишком маленький и способен проскочить сквозь нее, то его все равно поймают другие, более крупные люди; а

если ему удастся и от них ускользнуть благодаря своей хитрости и уму, то он отдастся на милость Судьбы, которая является морем, где все мы плаваем, и Рока, который является рифами, нам угрожающими. И другого исхода нет.

Я присел на камень, теребя край своей туники. И вдруг из груди моей вырвался крик. Я кричал со всей громкостью, на какую был способен, и никто меня не слышал — ни Вифания, ни Метон и Диана. Целый день я сдерживал внутри себя этот крик, этот вопль. Случилась неожиданная и ужасная вещь. Я трезво оценивал ситуацию, делал определенные выводы, старался сдерживать себя. Но с первого же мгновения, как я увидел обезглавленное тело, мне захотелось закричать — испустить яростный вопль, как делает волк, попавший в западню, или орел, запертый в клетке.

Часть вторая CANDIDATUS

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Следующие несколько дней я провел в ожидании гостя, который все не приходил.

Тем временем жизнь вернулась в обычное русло. Работа на полях продолжалась, как и всегда. Арат присматривал за рабами и выполнял мои поручения. Конгрион стряпал, домашние рабы занимались своими делами.

Дни удлинились и стали более жаркими, ночи потеплели (но только не в моей постели, остававшейся по-прежнему холодной). Вифания ни разу не спросила меня о трупе, найденном в конюшне; она уже давно решила, и довольно мудро, что если мои занятия угрожают нашему спокойствию, то это мои тревоги, а не ее. Она редко впадала в гнев или в ярость, как в тот раз, и вовсе не собиралась укорять меня и дальше, предпочтя ни о чем не вспоминать. Своим молчанием моя жена показывала, что ей бесполезно высказывать свое мнение; но я догадывался, что в глубине души она очень волнуется.

Со мной Вифания обращалась холодно и отстраненно, как жены солдат, вечно живущие в ожидании смерти мужей и порицающие их за это, испытывая гнев и отчаяние. Деланное безразличие — это защита от безжалостного Рока. Вифании и раньше случалось показывать свою отчужденность, и я привык к такому поведению, но сейчас к ней примешивалось напряжение и подозрительность, как будто бы я был виноват в том, что по воле Рока в нашу жизнь ворвался обезглавленный Немо — Некто.

Она играет в спокойствие, думал я, ожидая, когда же я сломясь и расскажу ей все, что знаю о трупе и обстоятельствах его появления. Иногда я ей уступал, давая понять, что не прочь поговорить с ней на эту тему, но всякий раз она либо искусно уходила от беседы, либо покидала комнату, хлопнув дверью. И в такие минуты, казалось, она способна испортить жизнь всем обитателям поместья.

— Такого бы не случилось, если бы я не женился на тебе, а оставил рабыней, — ворчал я сквозь зубы, но, конечно же, никого рядом со мной не было, никто меня не слышал, да и сам я не верил своим словам.

Метон казался не слишком расстроенным появлением трупа в моем доме. Он вырос в Риме, и, очевидно, безумие городской жизни на него так подействовало, что он считал такие вещи само собой разумеющимися. Как и Вифания, он считал, что это не его заботы, и полностью доверял своему отцу, предоставив ему решать, как поступать в непредвиденных

обстоятельствах, какими бы страшными и угрожающими они ни были. Его вера в меня очень трогала, тем более что сам я вовсе не был уверен в себе.

Диана, напротив, становилась все более мрачной и несчастной — скорее, впрочем, из-за разногласий между родителями, чем из-за того, что первой обнаружила ужасное тело. А может быть, я сам обманывал себя, говоря, что на моего ребенка вид обезглавленного трупа не подействует? Ведь иначе мне бы опять пришлось бежать в заросли ежевики и кричать, зажав в зубах тунику. Я старался уделять ей как можно больше внимания, брал за руки, расчесывал волосы, угощал сливками и медом, но она отдергивала руку, роняла на пол лакомства и показывала свое общее недовольство всем миром. Я вздыхал и вспоминал, что она все-таки дочь своей матери.

Тем временем, соблюдая величайшую осторожность, я расспрашивал рабов, стараясь выудить все, что они могли знать о Немо. Но мои расспросы ни к чему не привели. Арат, поклявшийся хранить рот закрытым, а уши открытыми, тоже не добился успеха. Казалось, будто только мы пятеро видели Немо, а до этого он даже не существовал.

Подходил к концу месяц июнь. Приближался квинтилий, а вместе с ним и вершина лета. Весь мир вокруг дремал от жары. Гора Аргентум дрожала, словно отражение в озере. Уровень воды в реке упал, а ее журчание перешло в тихое бормотание. Спать было слишком жарко даже в тени.

И вот наконец появился гость.

Он въехал не в ворота, а прошел по Кассиановой дороге ближе к холму, проложил себе путь сквозь дубовую рощицу и заросли ежевики. Гостя сопровождал великан с волосами цвета соломы, которому явно была маловата его лошадь. Они осторожно и не спеша приближались, внимательно оглядывая мой дом и прилегающие к нему поля, прежде чем подъехать поближе.

Мне повезло — я увидел их раньше, чем они меня, поскольку в это время я находился на вершине холма и разглядывал свое поместье. Даже в самую страшную жару в этом месте иногда бывает ветерок, поэтому там приятнее пережить полуденный зной.

С другой стороны холма ко мне подошла Клавдия. На ней было грубое крестьянское платье и соломенная шляпа с широченными полями, делавшая ее похожей на гигантский гриб. Мы сидели в тенечке и толковали о прокорме скота, о нерадивых рабах, о погоде — а вовсе не о Немо, политике или ее враждебно настроенных кузенах. Слишком жарко было, чтобы делиться друг с другом секретами или говорить о неприятных вещах. Первой посетителей заметила Клавдия.

— Ах, Гордиан, те двое — ведь это не твои рабы?

— Где?

— Те двое, на лошадях, возле подножия холма. Нет, так ты их не видишь из-за деревьев, а теперь смотри, — сказала она, указывая на них своим корявым пальцем.

— Почему ты думаешь, что это не мои люди? — спросил я, тщательно вглядываясь в даль, но так ничего и не замечая.

— Потому что когда я поднималась по той стороне холма, я видела, как они отдыхали в стороне от Кассиановой дороги. Они прибыли с юга.

— Те же самые двое? Ты уверена?

— Только потому, что один едет на белой, а другой на черной лошади, и тот, что на черной, чрезмерно велик. Мне кажется, что у тебя нет таких здоровенных рабов в поместье.

Наконец-то и я разглядел их внизу, за оливковыми деревьями. Они повернулись к нам спиной и рассматривали дом.

— Ах, да, гости из Рима, как я предполагаю.

«Вот и Катилина пришел», — подумал я.

— Я знаю кого-нибудь из них?

Я кашлянул, стараясь придумать ответ и одновременно вглядываясь в посетителей. Но

видел я только их плечи и круглые шляпы.

Клавдия рассмеялась.

— Извини, что я такая любопытная. Сельские привычки; если бы я выросла в городе, то не совала бы нос в чужие дела. А может, и нет. Ладно, спускайся и поприветствуй своих гостей.

Она поднялась и надела шляпу.

— Хотя странно, что они подъезжают к тебе не по дороге, а окольным путем, как разбойники. Ты точно их знаешь, Гордиан?

— Да, — уверил я ее, сам, впрочем, сомневаясь в своем положительном ответе.

Я подождал, когда она отойдет, потом глотнул вина из бурдюка. Те люди внизу тоже выпили вина, передавая друг другу дорожную флягу. Казалось, они очень довольны тем, что их путь подошел к концу. Я тем временем тоже следил за ними. Так продолжалось довольно долгое время, пока мне не надоело сидеть и пока я немного не рассердился. В конце концов, по делу они пришли или нет, они не имели права находиться в моих владениях без моего ведома и разглядывать мой дом, словно шпионы.

Я решил, что с меня довольно их дерзости, и собрался уже спуститься с холма, чтобы встретить их как подобает истинному землевладельцу и гражданину, не вооруженному ничем, кроме чувства собственного достоинства, как вдруг светловолосый великан повернулся и посмотрел в мою сторону. Я не разглядел его лица из-за тени, отбрасываемой шляпой, но он, должно быть, заметил меня и сказал что-то своему компаньону, который так же резко повернулся ко мне. Он приказал высокому оставаться на месте, а сам спешил и принялся подниматься по холму.

Почему я сразу не узнал походку? И очертания тела его были знакомыми, хотя лицо и оставалось скрытым под шляпой. Но только когда он вплотную подошел ко мне, выпалил его имя:

— Экон!

— Отец!

Он снял шляпу и обнял меня, сдавливая мне грудь изо всех сил.

— Надеюсь, что свою жену ты так крепко не обнимаешь.

— Конечно, я так ее и обнимаю! — Он сжал меня еще крепче и наконец отпустил. — Она податлива, как молодая ива.

— Но я-то старое тисовое дерево и могу сломаться, — посетовал я, распрямляя спину.

Он шагнул назад.

— Извини, папа. Я просто очень рад видеть тебя.

В его голосе до сих пор слышались хриплые нотки — след прежней немоты. Девяти лет от роду он заговорил после долгого молчания, и это всегда было для меня чудесным доказательством того, что боги все-таки могут быть щедрыми и милосердными.

— Но что ты тут делаешь? И почему ты так выглядишь? — спросил я, разглядев, что он носит такую же бородку и прическу, как Марк Целий — коротко по бокам, но длинно сверху. Так кто угодно выглядел бы занятно. Марку Целию, с его резкими скулами и красными губами, все это шло, в оршчие от Экона.

Мой сын удивленно поднял брови, потом дотронулся до подбородка.

— А тебе нравится?

— Нет.

Он рассмеялся.

— А Менению нравится.

— Глава семьи не должен слишком заботиться о том, что в его облике нравится, а что не нравится его супруге, — сказал я и тут же подумал про себя: «Ах, клянусь задницей Нумы, ты ворчишь, как самый привередливый римский старикашка». — Ну ладно, — поспешил заметить я. — Поступай как хочешь, лишь бы ты не связался с определенной группировкой.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что такие стрижки и бородки носят члены определенного политического кружка...

Он засмеялся и покачал головой.

— Это просто такая мода, папа. Но давай поговорим о другом. Я как можно скорее старался попасть сюда. Меня не было в Риме, когда пришло твое письмо, — я был в Байях, по делу одного клиента из Корнелиев; ты ведь знаешь, как хорошо они платят. Вернулся я только вчера. Когда я прочитал твое письмо, то сразу же привел все дела в порядок и постарался отправиться как можно скорее — но, как ты понимаешь, после такого долгого отсутствия я не мог уехать из дома, не проведя с Мененией хотя бы одной ночи. С собой я взял Билбона на случай, если нам действительно будет угрожать опасность. Ах, да, я передал то единственное сообщение Марку Целию.

— Но, Экон, я вовсе не просил тебя приезжать.

— Разве, папа? — Он пристально посмотрел на меня и вынул свиток пергамента из-за пояса. — «Моему любимому сыну Экону, от его любящего отца...» — так много чувств в самом начале, что я сразу насторожился. А потом эти намеки на неожиданности в сельской жизни и на то, что случилось нечто важное, — как будто ты писал под надзором и не мог высказать всего на пергаменте. Сначала ты напоминаешь мне о предстоящем посвящении Метона во взрослую жизнь — как будто я мог забыть об этом и как будто мы еще весной не обсудили это событие со всеми подробностями! Потом, как бы между прочим, ты просишь меня передать послание — явно с каким-то тайным смыслом — шутка, как же! — и просишь быть осторожным и осмотрительным. Ты с тем же успехом мог сесть и написать: «На помощь, Экон, приезжай поскорее!»

— Дай мне посмотреть на письмо, — сказал я и взял пергамент у него из рук. — Ты всегда так тщательно читаешь между строк?

Он пожал плечами.

— Папа, ведь я твой сын. Разве ты не рад моему приезду? Разве ты не этого хотел?

— Да. Да, я рад, что ты здесь. Мне нужно с кем-нибудь поговорить.

Я сел на пенек и приподнял бурдюк с вином.

Экон кинул свою шляпу на траву и опустился рядом со мной.

— Забавно, — сказал он, похлопывая ладонями по шершавой поверхности, — этот пенек такой теплый, несмотря на то, что находится в тени. На нем кто-то сидел до меня?

Я покачал головой и вздохнул:

— Да, хорошо это или плохо, но ты истинный сын Сыщика!

— Не удивительно, что у тебя такое кислое лицо, — сказал Экон, вытягивая босые ноги среди густой травы и греясь под послеполуденным солнцем.

Пока мы разговаривали, тени удлинились. Я все ему рассказал, все, что случилось за последний месяц, а что я позабыл, он выудил из меня своими расспросами. Бурдюк лежал между нами опустошенный. Кони стояли привязанные к небольшой скале, а Билбон дремал в тени.

— Значит, ты предполагаешь, что мертвое обезглавленное тело принес в конюшню Марк Целий, как тайный знак? — спросил Экон, задумчиво глядя вниз, на дом.

— А кто еще?

— Ну, кто-нибудь с другой стороны, — предположил он.

— С какой стороны? Вот в чем вопрос.

— Значит, ты не веришь, что Целий представляет Цицерона?

— Кто знает? Когда я попросил у него письменных гарантий от самого Цицерона, он отказался, хотя и не без причин. Он не хочет, чтобы я был напрямую связан с Цицероном.

— Мы можем обойтись и без него, — сказал Экон. — Я сам могу передать послание Цицерону так, что никто не заметит, и получить от него ответ.

— И что тогда? Предположим, что Цицерон уверит нас в том, что Целий — действительно его агент во вражеском лагере, — разве Цицерон умеет читать чужие мысли? Целий говорит, будто притворяется, что он сторонник Каталины, а на самом деле он служит Цицерону. Но что, если он предатель вдвойне? Вдруг он и на самом деле сторонник Каталины? Так что, если я соглашусь на его просьбу, то так и не узнаю, в чьих интересах меня заставили действовать. Меня словно бросили в яму со змеями — одни более ядовиты, другие — менее, но все они кусаются. Что за выбор — выбирать, какая из змей укусит тебя! И это в то время, когда я считал, что навсегда выбрался из этой ямы...

— Но вернемся к телу, — сказал Экон настойчивым тоном. — Ты говоришь, что это было послание от одной стороны другой?

— Это совершенно очевидно. Загадка Каталины. Голова без тела и тело без головы. Если я хочу согласиться с предложением Целия, то я должен ответить: «Тело без головы». Я сомневался, и вот ответ появился в моей конюшне! Через пять дней после того, как Целий вернулся в Рим. Рановато он начал на меня давить, не правда ли?

— Но только если послание не пришло с другой стороны, как ты заметил.

— Но значение этого послания одно и то же, какая бы сторона его ни послала. Мне нужно сделать то, что мне предложили, — принять Каталину в своем доме. Я тянул с ответом, и вот меня принудили ответить, испугали мою дочь, взбудоражили мой дом.

— Ты думаешь, это сделал Катилина?

— Не думаю, что Цицерон мог скатиться до таких действий.

— Это мог бы сделать и Целий, без ведома Цицерона.

— Да хоть бы и он, какая разница? Кто-то просто решил показать мне, что я в его власти.

— Значит, ты уступил и попросил меня дать ответ Целию.

— У меня не было выбора. Я послал тебе письмо, потому что мог доверять тебе и действительно в глубине сердца надеялся на твой приезд. Не думаю, что мой ответ Целию задержался из-за твоего отсутствия в Риме. Странно, что не последовало никаких действий с его стороны. С момента его отъезда и до появления тела прошло едва пять дней, сейчас же миновал срок более чем в два раза больший. Ты передал мой ответ Целию только вчера, а в промежутке ничего не случилось.

— Приближаются выборы консулов. Собирая голоса избирателей, политики и их приспешники с ног сбились. Наверное, они забыли о тебе на какое-то время.

— Если бы только они забыли обо мне навсегда!

— Или же...

— Да, Экон?

— Возможно, послание — тело — пришло совершенно с другой стороны.

Я едва кивнул.

— Да, я думал об этом. Ты хочешь сказать, мне его подкинули Клавдии.

— Из того, что ты мне про них рассказал, я понял, что они уже угрожали тебе и решили не ограничиваться в средствах. Что там Гней Клавдий сказал насчет убийц?

— Что-то вроде того, что можно нанять в Риме людей, они придут сюда и «прольют немного крови на землю». Или, по крайней мере, мне так передали его слова. Но, как большинство горячих молодых людей, он только грозился, насколько я полагаю.

— А если нет? Его слова наводят на мысль, что он вполне способен оставить труп в конюшне, чтобы напугать тебя.

— Но почему труп без головы? Нет, слишком невероятное совпадение. А если он и хотел кого-нибудь убить, то почему этого Немо, чье имя я даже не могу определить? Почему не одного из моих рабов или не меня? Нет, я подумал раз-другой о Клавдиях, но никаких доказательств их причастности к происшествию не нашел...

На какое-то время Экон задумался.

— А ты расспрашивал своих рабов?

— Не прямо. Я не хочу, чтобы они узнали о Немо. А то — прощай дисциплина.

— Чего ты осторожничаешь? Другие бы вовсе не беспокоились насчет рабов. Они бы подвергли их пыткам, пока бы не обнаружилась правда.

— Другие могут и всех рабов заменить на новых; а я не могу. Кроме того, не в моих правилах действовать жестокостью, ты ведь знаешь. Никто из них ничего подозрительного не видел и не слышал.

— Как же так? Принести тело на конюшню так, чтобы никто не видел, — для этого нужно знать, где в данный момент работают или спят рабы, а для этого, в свою очередь, нужно договориться или расспросить рабов. Может, тебя предали?

Я пожал плечами.

— Я рассказал тебе о своей ссоре с Аратом.

Экон покачал головой.

— Ты же присутствовал на бесчисленных судебных разбирательствах, папа. Представь себе, как Цицерон разбивает твои подозрения. Ты просто не любишь его.

— Я и не обвиняю его. Я никого из рабов не обвиняю. С тех пор как подавили восстание Спартака, римские рабы не восстают против своих хозяев.

Мы посидели в тишине, передавая друг другу бурдюк. Наконец Экон сжал челюсти и нахмурил брови, что, как я знал, предполагало наличие у него некоего решения.

— Мне все это не нравится, папа. Мне кажется, тебе следует покинуть поместье и вернуться в город. Здесь ты в опасности.

— Ха! Покинуть провинцию и переехать в Рим ради безопасности? Ты бы уж лучше посоветовал для скорости плыть против течения. Или покинуть спокойные воды и войти в стремнину ради безопасности.

— В спокойной воде могут быть опасные подводные течения.

— А в стремнинах прячутся острые камни. И водовороты, засасывающие тебя.

— Я говорю серьезно, папа.

Я посмотрел на свой дом. Солнце быстро садилось, освещая поля оранжевым светом. Рабы заводили коз в их загончики. Из зарослей на берегу реки неожиданно выскочили Диана с Метонем и устремились к дому.

— Лето — очень важное время в поместье. У меня есть планы — построить водяную мельницу, например...

— Поместьем может управлять Арат, папа. Для этого его здесь и держат. Ах, да, тебе он не нравится, но я еще не услышал о чем-нибудь подозрительном, из-за чего ему не следовало бы доверять. Перевези Вифанию и детей в город. Побудь со мной.

— В доме на Эсквiline? Он едва вместит нас всех.

— Там много комнат.

— Но недостаточно, чтобы Вифания и Менения вели отдельное хозяйство.

— Папа...

— Нет, тем более что сейчас время выборов, как ты мне напомнил, а я не хочу находиться в городе в то время, когда по улицам ходят толпы кандидатов со своими свитами и каждый рыборотговец на рынке считает себя значительной фигурой и разглагольствует по поводу Республики. Нет, спасибо. К тому же в этом месяце в городе очень жарко. Когда доживешь до моего, поймешь — кости научатся ненавидеть холод, а сердце не сможет переносить жару.

— Папа...

Я поднял руку и сделал суровое лицо, чтобы остановить его. Затем я смягчился и положил руку ему на колено.

— Ты хороший сын, Экон; ты специально ради меня проделал этот путь. Ты предлагаешь мне дом, который я передал тебе. Но я не вернусь в Рим. Не стоит беспокоиться

— мне кажется, что Рим и сам меня найдет.

Мы спустились с холма, разбудили Билбона и отвели лошадей в конюшню. Я почувствовал, как с моих плеч свалился огромный груз. Убеждая себя в том, что причиной облегчения является вино, я тем не менее признавал, что вовремя доверился близкому человеку и высказал ему свои тревоги. Возможно, мне следовало послушать совета Экона; кто знает, какой бы путь уготовил мне Рок, если бы лето и осень я провел в Риме, а не в Этрурии? Но я не» тот человек, который задумывается над несбывшимся, особенно когда дело касается такого незначительного выбора, — более запутанные и неразрешимые загадки еще только готовились войти в мою жизнь.

Все обрадовались приезду Экона; я и не подозревал, насколько мои домашние были ошеломлены происшествием с Немо, пока Экон не снял эту напряженность. Диана уселась ему на колено и заставила качать ее. (Со смешанным чувством я осознал, что у него в двадцать семь лет могла бы быть дочь такого возраста и что вскоре мне следует ожидать появления внуков.) Метон выказывал одновременно и любопытство, и зависть при виде брата, на десять лет старше его; ведь он еще мальчик, а брат — взрослый мужчина. Несмотря на их разное происхождение и на разрыв в возрасте, они всегда легко ладили друг с другом. Вифания без всякого стеснения похвалила его прическу и модную бородку.

Билбон, охраняющий дом на Эсквилине вот уже много лет, немного потолстел, хотя его плечи были по-прежнему широкими, а кулаки напоминали кузнечные молоты. Диана принялась играть с его поседевшими рыжими бакенбардами, пока Вифания не осадила ее и не пригрозила, что Конгрион не даст ей меда с миндальными орехами.

Экон хотел уехать на следующее утро, но я уговорил его остаться на день. Я попросил его просмотреть хозяйственные записи Арата, которые он нашел безукоризненными, показал ему план водяной мельницы, и он внес в него несколько поправок. Когда мы прогуливались по двору, я показывал ему различные усовершенствования, которых не было в его прошлый визит, и обсуждал с ним план дальнейших работ.

Вечером Вифания сама приготовила простую еду, к которой Экон привык с ранних лет. С тех пор его вкусы несколько утончились, но он похвалил, хотя бы и из вежливости, блюда из чечевицы и ячменя. После ужина рабы вынесли подушки в атрий, и вся семья уселась кругом, чтобы посмотреть на звезды. Мы попросили Вифанию спеть египетскую песню ее детства, и под звуки ее пения Метон и Диана уснули. Мы же сидели дальше под безлунным небом, и по настоянию Вифании Экон поведал нам о своей жизни в городе вместе с молодой женой. Я сидел молча и радовался его рассказу.

Позже Вифания разбудила Метона и приказала ему идти спать в свою комнату, а сама подняла и унесла Диану, оставив нас с Эконом одних.

— Папа, — сказал он, — когда я вернусь в город, я попытаюсь разузнать, насколько это возможно, о планах Катилины и Целия. Секретно, конечно же.

— Не связывайся с опасностью.

Он пожал плечами, и я узнал свой характерный жест.

— Любопытный человек в Риме всегда подвергается опасности, папа. Ты и сам знаешь.

— Даже если так...

— Я не могу спокойно смотреть, как вокруг тебя что-то затевается и как тебя стараются втащить в сомнительное предприятие. Эти люди — которые подкинули безглавое тело — они не остановятся ни перед чем.

— Потому у меня и не остается никакого выбора — только подчиниться их требованиям. Человек, окруженный огнем, не должен бесцельно метаться внутри него. Нужно смело ринуться в огонь и выйти по ту сторону. Это единственный способ остаться в живых.

— И где же ты тогда окажешься?

Я глубоко вздохнул, внимательно посмотрел на звезды и промолчал. Экон не требовал

ответа.

Так прошел последний день июня. Наступили календы квинтилия,² и рано утром Экон вместе с Билбоном отправился домой, в Рим. Я проводил их до Кассиановой дороги и смотрел им вслед, пока они не превратились в две точки — черную и белую — на пыльном горизонте, который уже начинал плавиться от жары.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

В день отъезда Экона я всерьез взялся за строительство водяной мельницы. Арат, обладающий большими практическими познаниями, нежели я, просмотрел мои планы и сказал, что они вполне сносны; на самом деле я тайно порадовался, увидев, что он удивился. Он позвал рабов, умеющих работать по дереву, и приказал им делать различные части от мельницы.

Тем временем мы с Аратом осмотрели выбранное мной место, измерили глубину и ширину реки. Сначала я думал, что нужно будет перегородить небольшой участок реки, но потом понял, что можно отвести поток, выкопав канал на моей стороне. Таким образом, я не причиню беспокойства своему соседу Публию, только лишь немного замучу ему воду. Но рабыни не будут жаловаться, в этом я был уверен, мне самому были ни к чему распри между рабами. Предстояло еще судебное разбирательство — кто имеет первоочередное право распоряжаться рекой. Оно могло затянуться на месяцы и даже годы, а я вовсе не хотел затягивать строительство мельницы. Возможно, если я предложу Публию пользоваться мельницей, он не будет протестовать против моего проекта; конечно же, он увидит, что это и ему пойдет на пользу. Я убеждал вести себя благоразумно и доброжелательно, собираясь посетить Публия Клавдия.

Наши владения не соединялись никакой дорогой. Чтобы добраться до его дома, нужно было проехать по Кассиановой дороге к северу, объехать поместье Мания Клавдия и только потом вернуться обратно на юг. Переправиться через реку при наших прохладных отношениях казалось мне проявлением наглости, но другого пути не было. Я решил взять с собой Арата и одного из полевых рабов — самого сильного и высокого, на случай непредвиденных обстоятельств. Метона я оставил дома и попросил его вместо Арата наблюдать за рабами, ремонтировавшими кусок стены. Он поворчал, что его бросают одного, но видно было, что он очень доволен своим важным поручением.

Мы выехали сразу же после полудня. Летом многие сельские жители отдыхают в эти часы, спасаясь от жары в тени, и я надеялся, что застану Публия сытым после обеда и немного навеселе после выпитого вина. Я бы тогда подошел к нему с протянутой для приветствия рукой, как сосед к соседу. Пусть наши рабы немного поссорились возле реки, но, как следовало из рассказа Конгриона, сам Публий не высказывал никаких особых угроз в мой адрес на семейном собрании. Возможно, мы договоримся и избежим неприятностей в дальнейшем.

Вот так на меня подействовал приезд Экона — прогнал прочь беспокойство и привел меня в добродушное состояние.

Мы переправились через реку и поднялись на холм. Когда мы ехали среди полей, я видел, как здесь и там под деревьями отдыхают рабы. Они удивленно смотрели на меня, но никто из них даже слова не сказал.

Поместье было гораздо в худшем состоянии, чем мне казалось раньше. С моего наблюдательного пункта оно выглядело идиллическим уголком, но на таком расстоянии не разглядеть ни покосившегося сарая из гнилых досок, ни пораженных какой-то болезнью

² Квинтилием римляне до проведенной Цезарем реформы называли июль, секстилием — август; календы — это первый день месяца, попы — пятый или седьмой, иды — тринадцатый или пятнадцатый. — Прим. ред.

деревьев в саду. Трава вокруг нас была очень высокая и уже не годилась на сено. Она шелестела под копытами лошадей, и из нее выпрыгивали кузнечики и стрекозующие цикады. Арат пощелкал языком, неодобрительно рассматривая загон для скота.

— Одно дело, когда в городе видишь такую грязь — ведь там миллион жителей. Кто будет там каждый день убираться? Но в сельской местности все должно содержаться в чистоте и порядке. Если у человека достаточно рабов, ничто не может оправдать такой беспорядок.

Разглядывая переросшую живую изгородь, покосившийся забор, разбросанные инструменты и строительный мусор, я был вынужден согласиться с ним. Я думал, что Публий Клавдий — человек богатый. Как он мог так запустить свое хозяйство?

Мы спешили и привязали лошадей. Дом был в лучшем состоянии, чем окружавшие его сараи и амбары, но неплохо было бы починить черепичную крышу. По дороге к двери я споткнулся о камень и едва не упал. Арат поддержал меня, схватив за руку.

Он постучал в дверь, сначала тихо, затем громче. Даже если все в доме спят или дремлют от полуденной жары, то все равно должен же кто-то караулить входную дверь! Сжав губы, Арат оглянулся на меня. Я кивком приказал ему постучать еще сильнее.

Изнутри донесся лай собаки и ворчание человека, приказывавшего ей замолчать. Я думал, что дверь вот-вот откроют, но снова наступила тишина.

Арат снова посмотрел на меня.

— Ладно, продолжай, — сказал я. — Постучи еще раз.

Арат постучал. Собака снова залаяла. Человек опять закричал, на этот раз на нас.

— Убирайтесь, или я вас побью, — завопил он.

— Забавно, — сказал я. Арат шагнул в сторону и дал мне самому постучать. — К вашему хозяину пришли гости! — крикнул я. — Давай открывай, или тебя самого побьют.

Собака все лаяла и лаяла. Голос за дверью бранил нас, проклиная всеми богами Олимпа. Потом послышался собачий визг и лай прекратился. Наконец дверь со скрипом распахнулась. Я поморщился от запаха — пахло собакой и тушеной капустой.

За прихожей виднелся атрий, освещенный солнцем, поэтому поначалу я увидел лишь очертания человека, открывшего нам дверь. Волосы, всклокоченные, словно конская грива, были тронуты сединой. У него была осанка пожилого человека — опущенная голова, сгорбленные плечи, но маленьким и слабым он не выглядел. Поношенная туника криво висела на нем, словно он только что натянул ее. Потом я разглядел его подбородок, покрытый многодневной щетиной, и огромный нос. Он щурился, глядя на нас, словно свет причинял ему боль.

— Кто вы такие и что вам надо? — проворчал он невнятно, должно быть, от выпитого вина.

«Ах ты, Нума, — подумал я, — что за прием гостей? Публий Клавдий определенно должен обращать больше внимания на свое хозяйство и на своих слуг».

— Меня зовут Гордиан, — ответил я. — Я — владелец поместья, которое некогда принадлежало Луцию Клавдию, по ту сторону реки. Я пришел поговорить с твоим хозяином.

Человек засмеялся.

— С моим хозяином — ха!

Позади меня Арат задохнулся от негодования.

— Какая дерзость! — прошептал он.

Человек снова рассмеялся. Позади него в атрии наметилось какое-то шевеление. Вошла совершенно нагая девушка со смятой одеждой в руках. Она посмотрела на нас широко раскрытыми, испуганными глазами. Девушка была такая молоденькая, что я принял бы ее за мальчишку, если бы не всклокоченные длинные волосы.

Я надулся.

— Очевидно, Публий Клавдий находится в отсутствии, если в доме творятся такие

безобразия, — сказал я сухим голосом.

Человек обернулся и увидел девушку.

— Иди отсюда, Стрекозка! Одевайся и убирайся побыстрее, а не то я тебя поколочу. Ха! Что за манеры — показывать гостям свою голую задницу! Сунься сюда еще только, и я тебя отшлепаю, ты, маленькая гарпия!

Самодовольно улыбаясь, он повернулся к нам. С замиранием сердца я посмотрел вниз и увидел у него на пальце кольцо — да не простое, железное, как у рядовых граждан, а золотое, как у знатных патрициев.

Он оглядел меня с головы до ног.

— Ах, да, помню я, кто ты такой. Человек, который завладел собственностью Луция. Ты выглядел таким надутым и напыщенным в суде, как и все городские парни. Ты и сейчас так же выглядишь.

Я напрягся. Неприятно, когда тебя оскорбляют на виду у твоих собственных рабов.

— Публий Клавдий, я пришел к вам как сосед к соседу, чтобы обсудить один небольшой вопрос, касающийся речки, что служит границей наших владений.

— Фу-у! — Он надул губы. — Этот вопрос мы обсудим в суде. На сей раз у тебя не будет этого болтуна Цицерона, который своим скользким языком всем судьям задницы облизал. Целый рот небось дерьма набрал, лишь бы в Сенате посидеть.

— Вы позволяете себе слишком грубые выражения, Публий Клавдий.

— Да уж, я не Цицерон.

Я задержал дыхание.

— Как вы и сказали, вопрос о реке будет разрешен в суде. До тех пор я не намерен отказываться от ее использования в своих целях.

— Так я и понял. Ах, так вас привела сюда та стычка между прачками? Насколько я помню, одну из ваших рабынь ранили камнем. Управляющий мне доложил. Ну ладно, она может продолжать работать или нет? Если нет, то я могу дать одну из своих рабынь. Но я вовсе не собираюсь платить всего лишь за то, что они немного подрались, — она ведь просто работает, а не удовлетворяет иные ваши прихоти, значит, шрам для нее ничего не значит. Что вам еще от меня надо? Всех виновных я отстегал, а особенно ту потаскушку, что швырнула камень, — уж больше ей не захочется кидаться. Надеюсь, вы так же поступили со своими рабынями, а если нет, то расправьтесь с ними, вот вам мой совет. Они вскоре забудут о своих проделках, но о побоях — никогда. Иногда их можно похлестать просто так. Просто напомнить им, кто хозяин.

— Публий Клавдий, вопрос, который я пришел обсудить...

— Ох, Ромул и Рем, слишком жарко стоять здесь в дверях и разговаривать. Пройдем внутрь. А кто это там сзади, ваш управляющий? Пусть и он войдет, но пусть тот, здоровый, останется снаружи. Не стоит входить в мой дом с охраной. За кого вы меня принимаете? Эй, раб, закрой дверь. Ах, как хорошо, мое ложе до сих пор в тени.

Во дворе стоял фонтан, но без воды; дно бассейна покрывали сухие ветки и солома. Публий завалился на свои подушки. Мне оставалось только сесть на табуретку. Арат, закрыв дверь, встал сзади меня.

— Простите меня за отсутствие мебели и всего такого, — сказал Публий. Появившаяся собака, скуля, подбежала к хозяину. — Никогда не испытывал тяги к роскоши. Кроме того, за мебелью и за всем остальным нужно следить, то есть иметь женщину в доме, а единственная моя жена умерла через год после того, как я женился. И унесла с собой в могилу моего единственного наследника. Или ребенок унес ее, уж не знаю, в чем тут дело. В общем, они вместе отправились в царство Аида, рука об руку, как я предполагаю.

Он пошарил под подушкой и вытащил бурдюк с вином, приложил его ко рту и сдал, но раздался только негромкий хлюпающий звук.

— Стрекоза, — ласково сказал он. — А, Стрекоза. Принеси папочке винца.

— Я пришел к вам, Публий Клавдий, потому что хочу построить водяную мельницу на реке. Для этого не нужно перегораживать течение, как я думал раньше, а просто отвести канал в стороне...

— Мельницу? Это такой механизм с колесами, которые вращаются от воды? Но что с ней делать?

— Ее можно использовать по-разному. Молотить зерно, даже камни дробить.

— Но ведь у вас есть рабы, не так ли?

— Да, но...

— Стрекоза, неси скорей вина, или я тебя опять отшлепаю, прямо при гостях!

Через мгновение появилась девушка, одетая на этот раз в засаленную тунику. Она тащила раздутый бурдюк с вином. Публий взял его и шлепнул девушку по задку. Она хотела отклониться, но он перехватил ее одной рукой, а другой взял бурдюк и зубами открыл затычку. Девушка смиренно стояла, потупив глаза и покраснев.

Я кашлянул.

— Возможно, вас заинтересует то, что я позаимствовал идею строительства мельницы у Клавдии. Она сказала, что этого хотел ваш кузен Луций. Так что, как видите, я выполняю его пожелание.

Публий пожал плечами.

— У Луция было много глупых идей в голове, например, оставить свое поместье вам. Как и вы, он тоже был городским парнем. Вот откуда берутся всякие глупости — из города. Соберите дураков в одном месте — вот вам и город, не так ли? А глупости распространяются быстро, как дурные болезни.

Произнося эту речь, он как-то странно тербил девушку сзади, заставляя ее вздрагивать и подпрыгивать. Публий засмеялся.

Я встал.

— Я думал, вам будет интересно послушать о моих планах. Вы тоже сможете пользоваться мельницей, когда ее построят.

— Зачем мне мельница? Мне и рабы неплохо готовят.

— Вместо рабов молотить зерно сможет мельница.

— А зачем тогда рабы? Будут слоняться без дела, встречать во всякие истории.

— Мне кажется, что для рабов работы здесь найдется — сказал я сухо. Слова эти показались мне грубыми, но Публий, казалось, их и не заметил.

— Мельница — это механизм, — произнес он. — А механизмы ломаются, и их нужно чинить. Да и воды едва хватит, чтобы вращать такие колеса, особенно в сухие месяцы. А когда механизм стоит, он никому пользы не приносит, тогда как раб всегда может приносить пользу, даже когда отдыхает от других занятий.

Девушка опять слегка вскрикнула. Публий поднес бурдюк ко рту, вино облило его подбородок.

— Я пойду, — сказал я.

Арат поспешил пойти вперед, чтобы открыть мне дверь.

— Ах, неудачный из меня хозяин! — крикнул Публий. — Сижу дома и ничего не предложил гостю-. Что ты хочешь, Гордиан, вина... девушку?

— Завтра же я начинаю строительство мельницы, — сказал я, не оглянувшись. — Надеюсь, что вы не будете вмешиваться в это дело. Но заранее благодарю за сотрудничество.

Когда я уже выходил, меня догнал Публий и положил руку на плечо. Я вздрогнул от его прикосновения. От него пахло вином и женщиной.

— И еще одно, Гордиан, — тебе придется строить мельницу из всякой дряни. Но рабы — можно просто так сделать себе рабов! Половина здешних рабов — от меня. И не нужно их покупать, а делать их — одно удовольствие, ведь правда? Ни одной монеты не стоит. Видишь вон того верзилу, под оливковым деревом, он будит остальных и приказывает им работать —

один из моих. У меня здоровые ребята получают, могут хорошо следить за остальными. Я и кормлю их хорошо, и позволяю со Стрекозой играть ради удовольствия. Не важно, довольны ли остальные, если есть пара крепких парней, на которых можно положиться. Слабых лучше не перекармливать, а то им некуда силы будет девать, вот они и начнут...

Я сел на лошадь, как и Арат вместе с другим рабом.

— Но в чем дело, Гордиан, ты не хочешь пофилософствовать на сельские темы? Я думал, что вы, городские парни, все болтуны, вроде Цицерона. — Он ковылял за мной по плохо вымощенной дорожке.

— Не стоит много пить в такую жару, Публий Клавдий, а не то вы упадете и ушибетесь, — заметил я сквозь зубы.

— Тебя беспокоит та стычка на реке? Фу! Ничего особенного, просто женщины поругались, вот и все. Если бы я захотел действовать по-серьезному, я бы подослал одного из своих ублюдков. Ах, да ты и есть такой, как про тебя сказал мой кузен. Еще один выскочка из города, поднявшийся выше своего законного положения. Плохи дела в Риме, если такие, как ты, присваивают владения патрициев и представляют, будто они стали благородными землевладельцами, а такие выскочки, как твой друг Цицерон, пролагают себе путь в консулы. У тебя голова распухла, Гордиан, может быть, тебе кто-нибудь откупорит ее!

Он ударил кулаком по ладони с резким звуком.

Я повернулся. Публий отошел, кашляя от пыли, поднятой копытами лошади. Его крепкие рабы под оливками насторожились и начали медленно продвигаться к нам.

— Что ты там сказал насчет голов, Публий? — требовательно спросил я.

— Что? — посмотрел он на меня с удивленным выражением лица.

— Не вошло ли у тебя в привычку причинять повреждения чужим головам, Публий Клавдий?

— Не знаю, о чем ты говоришь. Это просто такой оборот речи...

— А если ты откупориваешь головы, как ты выражаешься, то что ты делаешь с телом?

Рабы окружили своего господина. Смущение Публия прошло, он с вызовом посмотрел на меня.

— Мне кажется, лучше тебе убраться из моих владений. Если тебе не нравится мое гостеприимство, тогда убирайся! И не думай, что я забуду о реке. Это моя собственность, а не твоя!

Я повернулся и приказал Арату и рабу следовать за мной. Сначала я пустил лошадь рысцой, а затем галопом по высокой траве. Из-под ног лошади выпрыгивали кузнечики и цикады. Лицо мое оведала полуденная жара, а в ушах свистел ветер. Топот копыт отдавался в моем теле. Рабы, вернувшиеся к своей работе на полях, подавались назад в тревоге. Даже подъехав к речке, я не сбавил скорости, но приказал животному перепрыгнуть ее. Оказавшись на противоположном берегу, я натянул поводья, склонился и потрепал его по шее. Я отдыхал в тени, слушал, как фыркает лошадь и стучит мое сердце.

Арат и раб вернулись к своим обязанностям. Я немного постоял возле речки, пока лошадь моя пила воду и ела сочную траву. Потом я прискакал к конюшне. Я уже собирался спешиться, как мое внимание привлекло движение на дороге. Я заслонил глаза от солнца рукой и поглядел через поля. С Кассиановой дороги в мою сторону сворачивали два человека. Один из них ехал на черной лошади, а другой на белой.

Неужели Экон вернулся так скоро? Это не к добру, подумал я и поскакал им навстречу.

Подъехав поближе, я подумал, что узнал Экона по его бородке, но всадник на белой лошади не был достаточно высок, чтобы сойти за Билбона. Я остановил лошадь и решил подождать. Они ехали медленно, пока человек на черной лошади не пустил ее галопом и не поспешил ко мне. Он, казалось, улыбался во весь рот.

Когда он подъехал поближе, я понял, что, должно быть, это и есть тот человек, который завел моду в Риме на такие прически и бородки, ведь они шли ему как нельзя лучше, даже

лучше, чем привлекательному Марку Целию. Узкая полоска растительности прекрасно обрамляла его строгий подбородок и изящный нос. Волосы, длинные спереди и короткие сзади, идеально подходили его бровям и высокому лбу. Его голубые глаза, казалось, пронзали меня, не давая возможности пошевелиться, пока он подъезжал ко мне.

— Великолепно! — сказал он, оглядываясь по сторонам. — Даже лучше, чем обещал Марк Целий. Лучше и не придумаешь, не правда ли, Тонгилий? — обернулся он к своему спутнику. Потом глубоко вздохнул, наслаждаясь запахом сена и полевых цветов. — Прекраснейшее место на земле. Можно даже представить себе Пана, гуляющего по этим лугам. О таком поместье мечтает каждый римлянин.

Широко улыбнувшись, он протянул мне руку. Я нехотя пожал ее. Ладонь у него оказалась теплой и сильной.

— Ты, должно быть, очень горд и счастлив, Гордиан!

Я кивнул и вздохнул.

— Да, так и есть, Катилина. Я действительно горд и счастлив.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Мы мельком встречались десять лет тому назад, но еще со времен скандала с весталками у меня не было с ним ничего общего, я почти не видел его, даже когда он посещал Форум во время предвыборной кампании и ходил по улицам со своей свитой (римские политики нещадно преследуют честных граждан в лавках, тавернах, даже в публичных домах и выпрашивают у них голоса; единственный способ избежать их преследования — быстро бежать в противоположном направлении).

Встреча с Каталиной пробудила во мне впечатления от прежней встречи, и я живо вспомнил, как он тогда выглядел — человек, которому пошел четвертый десяток, с черными волосами и бородой (более консервативной формы, нежели теперь), с гармоничными чертами лица, так что его можно было назвать не просто красивым, а прекрасным. Он был в высшей степени привлекателен, в нем просвечивало таинственное очарование, выражавшееся в блеске глаз и улыбке, то и дело появлявшейся на его устах.

Время и людская суэта пощадили его, как обычно говорят о вине и о женщинах; сохранился он хорошо. В уголках глаз и рта затаились морщины, но они были из того рода черточек, что появляются от чрезмерной улыбчивости, придавая лицу очаровательную мягкость. Но вместе с тем человек он был довольно жесткий.

Неудивительно, что многим он не нравился с первой же встречи.

— Гордиан, — сказал он, сжимая мою руку. — Сколько лет прошло. Помнишь ли ты наши встречи?

— Как же не помнить?

— Марк Целий мне так и сказал. Тогда, если все в порядке, ничего, что я приехал к тебе немного погостить?

— Да, конечно, — сказал я. Если от Катилины не ускользнуло легкое сомнение в моем голосе, то он предпочел сделать вид, что не заметил его.

— Марк Целий меня в этом уверил. Мне нужно что-то вроде убежища, где можно отдохнуть время от времени от мирской суеты, и Целий подсказал мне это место. Очень мило с твоей стороны предложить мне свое поместье.

До меня дошло, что он до сих пор держит меня за руку. Его рукопожатие было таким естественным и успокаивающим, что я даже не замечал его. Я слегка отодвинулся. Катилина отпустил мою руку, но продолжал смотреть мне прямо в глаза, как будто не хотел отпускать от себя.

— Это Тонгилий, — указал он на своего спутника, молодого человека атлетического телосложения, с волнистыми коричневыми волосами, массивной челюстью и гладко

выбритым подбородком.

Я подумал, уж не передается ли очарование Катилины, как болезнь, другим людям, так как у Тонгилия были блестящие зеленые глаза и располагающая улыбка. Он кивнул и сказал глубоким голосом:

— Рад чести познакомиться со старым приятелем Катилины.

Я, в свою очередь, тоже кивнул. Потом мы некоторое время посидели молча на наших лошадях. Мне следовало как-то по-хозяйски приободрить и поприветствовать их, пусть даже натянуто, но никакие слова мне на ум не приходили. Вот и случилось то, о чем говорил Марк Целлий.

Я опасался этого мгновения, пытался предотвратить его, пытался уклониться от ответственности, но теперь, когда все уже было позади, я почувствовал какое-то разочарование и пустоту. Рядом со мной находился Катилина, и я в этом не находил ничего страшного. Напротив, с ним стадо даже как-то спокойнее, и тревожился я только об одном — неужели я так отупел, что не могу чувствовать даже совсем близкую опасность.

Первым заговорил Катилина:

— А кто вон тот всадник за тобой — твой сын?

Я оглянулся и увидел приближавшегося к нам Метона. Он скакал с севера, со стороны стены; должно быть, его сменил Арат, и теперь ему уже не нужно было следить за рабами.

— Да, это мой младший сын, Метон.

Вспомнив о своих детях, я все-таки почувствовал некое волнение, доказывающее, что я не окончательно потерял разум.

— Метон, у нас гости. Это — Луций Сергей Катилина. А это — его товарищ, Тонгилий.

Метон подъехал поближе, изобразив на лице неловкую улыбку. Встреча с такими известными людьми смутила его. Катилина протянул руку, и Метон пожал ее. Слишком охотно, как я заметил. И вдруг он прошептал:

— А вы и в самом деле спали с весталкой?

Моя челюсть так и отвисла.

— Метон!

Катилина запрокинул голову и так громко рассмеялся, что моя лошадь беспокойно фыркнула. Тонгилий смеялся с закрытым ртом. Метон покраснел, но видно было, что его скорее гложет любопытство, нежели смущение. Я вытер пот со лба и тихо простонал.

— Ну, — сказал Катилина, — теперь я знаю, какими историями позабавить вас после обеда!

Он опять протянул руку и взъерошил волосы Метона. Тому, казалось, понравился этот жест.

Я надеялся, что Катилине не понравится, как у нас готовят, и он уедет. Но Конгрион не оправдал моих ожиданий. В этот вечер он превзошел самого себя. И попросила его об этом Вифания. О незнакомцах она всегда судила по внешнему виду, и ей очень понравилось, как выглядят Катилина и Тонгилий. Мы превосходно пообедали тушеной свининой с бобами и фасолью.

После того как мы поели, я приказал рабам вынести подушки в атрий, но Вифания не захотела присоединиться к нам. С тех пор как я женился на ней, она не забывала о том, что она свободная женщина, но не следовала при этом примеру римских матрон и не беседовала с незнакомыми людьми после обеда, пусть даже и в присутствии своей семьи. Диану она забрала с собой. Метон остался. Его присутствие смущало меня, но я не мог так просто запретить ему сидеть с нами. Ведь ему, в конце концов, обещали рассказать историю.

— Превосходное угощение! — сказал Катилина. — Еще раз благодарю вас за то, как вы меня принимаете.

— Признаюсь, что поначалу я сомневался, стоит ли мне принимать тебя в своем доме, Катилина.

Я говорил медленно и четко.

— Ты из тех людей, в которых чувствуется противоречие, а я сейчас достиг такой точки в жизненном пути, когда мне менее всего хочется встречаться с противоречиями и неразрешенными проблемами; скорее, наоборот. Но Марк Целий постарался убедить меня... очень даже постарался.

— Да, ему удастся убеждать других людей, он человек талантливый и напористый.

В голосе Катилины не было ни малейшего намека на иронию, и глаза его сверкали по-прежнему добродушно.

— Да, он красноречив. И он также знает, что смелый жест убеждает сильнее всяких слов.

Катилина кивнул. И опять ничего в его виде не показало, что он догадывается о скрытом смысле моей реплики.

— Тебе, кажется, нравятся загадки.

Катилина улыбнулся. Тонгилий рассмеялся. Они обменялись многозначительными взглядами.

— Приходится признать, — сказал Катилина.

— Это его единственная слабость, — сказал Тонгилий. — Или, по крайней мере, он так любит говорить. Это ведь тоже своего рода шутка — человек, которого обвиняют во многих грехах, признается, что его главный грех — играть словами и задавать загадки.

— А ты, Гордиан, — сдается мне, что тебе больше нравится разгадывать загадки, чем придумывать их самому.

— Мне приходилось их разгадывать.

— Ну тогда вот тебе простенькая. — Он немного подумал и продолжил: — Съедобный плод, незнатного происхождения, пересаженный из сельской почвы в каменистую городскую, где, вопреки всем ожиданиям, он процветает и простирает далеко свои усики-отростки.

— Слишком легко, — сказал Метон.

— Неужели? — сказал Катилина. — Я придумал ее прямо сейчас.

— Плод — это горох. А каменистая городская почва — это римский Форум.

— Продолжай.

— А ответ на загадку — Марк Туллий Цицерон.

— Почему?

Метон пожал плечами.

— Ведь каждый знает, что Цицерон унаследовал свое семейное имя от предка, у которого была трещина в носу, похожая на трещину в горошине — *сісег*, гороховый нут. Цицерон родился в Арпине — деревенская почва — и добился успеха в Форуме, который весь вымощен камнями. Там он и процветает, хотя никто не ожидал, что человек столь незнатного происхождения заберется так высоко.

— Прекрасно! — воскликнул Катилина. — А усики? — спросил он, глядя не на Метона, а на меня.

— Его влияние, связи, простершиеся так далеко, — сделал вывод Метон.

— Да, ты прав, эта загадка слишком легка, — сказал Катилина. — Когда я буду задавать ее в следующий раз, нужно будет усложнить ее. А как ты думаешь, Гордиан?

— Да, — откликнулся я. — Ответ очевиден. Слишком все ясно.

— Где все ясно — в загадке или в жизни? — спросил Тонгилий.

На мгновение мне показалось, что он всерьез задал этот вопрос и что тут-то мы снимем наши маски. Но потом гость рассмеялся, и я понял, что он всего лишь хотел позабавить вопросом своего учителя загадок.

— Насколько я понимаю, вместе с Цицероном вы провели лет пятнадцать — двадцать, — сказал Катилина.

— Семнадцать. Я встретил его в последний год диктатуры Суллы.

— Ах, да, Целий мне говорил. Дело Секста Росция.

— А тебе довелось присутствовать на заседании суда?

— Нет, но я много слышал о нем. Тогда все говорили о Цицероне, но сейчас я вспоминаю, что и твое имя было упомянуто. Знаменательное событие, своего рода веха в жизни. По-видимому, можно сказать, что вы с Цицероном создали друг другу репутацию.

— Ты слишком превозносишь меня. Так же можно и хвалить ложку Конгриона за то, что она приготовила такой чудесный соус.

— Уж слишком ты скромн, Гордиан.

— Я не хвалю и не порицаю достижений Цицерона. Точно так же я работал на Красса, на Гортензия и на многих других.

— Тогда я прав хотя бы в том, что Цицерон создал тебе репутацию?

— Дело Секста Росция оказалось поворотным пунктом для всех, кто имел к нему отношение.

Катилина кивнул. Он поднес кубок к губам, осушил его и вновь поставил на стол, чтобы его наполнили. Я оглянулся и увидел, что рабов рядом с нами нет.

— Метон, сходи и позови кого-нибудь с кухни, — сказал я.

— Не нужно никого звать, — сказал Катилина и подошел к столу, на котором Вифания оставила глиняный кувшин с вином.

Я с удивлением наблюдал за тем, как римский патриций сам себя обслуживает, но Катилина держался так, как будто ничего особенного не случилось; он вернулся к своему ложу.

— Это ваш собственный урожай? — спросил он.

— Остался со времен Луция Клавдия, которому раньше принадлежало поместье. Мне кажется, что вино именно этого года наиболее удачное.

— И мне так кажется. У него очень темный и богатый вкус, и очень гладкий к тому же. Оно не резкое и вместе с тем согревает горло и желудок. Придется мне попросить бутылочку перед тем, как я уеду.

— И как скоро вы предполагаете уехать?

— Останусь здесь на день-другой, с вашего позволения.

— Да, мне кажется, что из-за предстоящих выборов вам придется часто находиться в Риме.

— И в сельской местности тоже, — сказал он. — Но я покинул Рим, чтобы немного отдохнуть от политики. Поговорим лучше о чем-нибудь другом.

Метон робко кашлянул.

Тонгилий засмеялся.

— Кажется, молодой человек напоминает нам об обещанной ему истории.

— Ах да, про весталок.

— Если вам не хочется рассказывать, можете не говорить, — сказал я.

— Как, и позволить, чтобы чужие злые языки вливали грязь в уши молодого человека? Лучший способ предупредить клевету недругов — рассказать все самому, до того, как реальность обрстет домыслами. Известно ли тебе уже кое-что, Метон?

— Он ничего не знает, — сказал я. — Я сам только едва упомянул о слухах в разговоре с ним.

— Значит, ему известно, что меня обвиняют в соращении девственной весталки.

— И еще вас вызывали в суд.

— Не без вашей помощи, Гордиан.

— До некоторой степени да.

— Твой отец — скромный человек, — сказал Катилина Метону. — Скромность — одна из римских добродетелей, хотя ее восхваляет чаще, чем следуют ей.

— Так же обстоит и с девственностью среди весталок, — заметил Тонгилий.

— Потише, Тонгилий. Насколько я помню, Гордиан не слишком благочестив, но не стоит так выражаться в его доме. И не нужно порочить честь весталок, ведь в той истории все остались невинными, даже я сам. Ах, Метон, редко мне представляется возможность самому все рассказать человеку, который совершенно ничего не знает о том случае и не слыхал до этого порочащих слухов. Давно я не вспоминал эту историю.

— Разве что на суде.

— Тише, Тонгилий! Нет, я не буду повторять то, что сказал на суде, ведь мне не нужно сейчас опровергать обвинения. Нужно уважать достоинство весталок. Я расскажу то, что сочту нужным.

Он прочистил горло и допил вино.

— Ну так вот. Случай этот произошел десять лет тому назад, перед восстанием Спартака. Мне довелось познакомиться с одной весталкой по имени Фабия; я встречал ее на скачках, в театре и на званных обедах.

— Мне казалось, что весталкам нельзя встречаться с мужчинами, — сказал Метон.

— Это неправда, хотя после скандала, о котором идет речь, правила их поведения ужесточились, чтобы не допустить повторения подобного случая. Но тогда весталки еще могли появляться в свете, в обществе друг друга и своих старших компаньонов. Они поклялись только соблюдать целомудрие, а не удаляться от мирской жизни.

Однажды ночью меня разбудили и передали срочное послание Фабии; она просила меня прийти в их Храм, говоря, что опасность грозит ее чести и жизни. Как же я мог отказаться?

— Но ведь нельзя заходить к весталкам после захода солнца, за это полагается смертная казнь.

— Но если опасность грозит прекрасной молодой девственнице? Разве я не сказал, что Фабия была прекрасна? Очень прекрасна — не правда ли, Гордиан?

— Возможно, я не помню.

— Ха-ха! Твой отец отличается не только скромностью, но и уклончивостью. Раз увидев лицо Фабии, невозможно его забыть. Я-то никогда не забывал, как она выглядит. Тонгилий, не строй гримасы! Наши отношения были чисты, выше всяких подозрений. Ах, я вижу, что Гордиан скептически поглядывает на меня. Он и тогда в этом сомневался, но сомнения его не помешали ему помочь нам избежать суровой участи. Но я опережаю события.

Я поспешил к дому весталок. Двери, как всегда, были открыты. Закон, а не перегородки, защищает девушек от вторжения. Мне случалось бывать в комнате Фабии, разумеется, днем и в сопровождении третьих лиц, поэтому я без труда нашел дорогу к ней. И она очень удивилась, увидев меня, ведь оказалось, что она вовсе не посылала никакой записки! Какой-то недруг сыграл со мной шутку, подумал я, и вдруг раздался пронзительный крик.

— Крик? — переспросил Метон.

— Из-за занавески. Я отдернул ее и увидел упавшего мужчину с перерезанным горлом. Рядом лежал окровавленный нож. Но я не успел скрыться, и в комнату вошла сама Дева Максима. Да, неприятная ситуация, что ни говори.

Тонгилий опять громко рассмеялся.

— Луций, да у тебя способности к оценке ситуации!

Катилина поднял брови — типично патрицианский жест, который в сочетании с бородкой и всклокоченными кудрями придавал его лицу выражение сатира, наблюдающего за отбившейся от стада овцой.

— Конечно, ничего недостойного мы не совершили, это очевидно, ведь мы с Фабией были одеты, — но сам факт, что я находился на запрещенной территории, да к тому же рядом с мертвым телом! Ты знаешь, чем это мне грозило, Метон?

Метон отчаянно замотал головой.

— Гордиан, ты определенно пренебрегаешь его воспитанием. Разве ты никогда не рассказывал ему пикантные истории из своей практики? Когда весталку уличают в неподобающем поведении с мужчиной, то последнего приговаривают к смерти посредством публичного бичевания. Хотя, конечно, это очень больно, да и унизительно, но можно придумать участь и похуже, смерть есть смерть, в конце концов. Весталку же ждет еще более мрачная судьба.

Я взглянул на Метона; он внимательно смотрел на Катилину, широко раскрыв глаза. Тонгилий, должно быть, много раз слышал эту историю, и теперь он, казалось, забавлялся простодушием Метона.

— Рассказать тебе, как наказывают весталок за неблагочестие? — спросил Катилина.

Метон кивнул.

— Катилина, — возразил я, — ребенок не заснет ночью.

— Ерунда! Человеку в его возрасте свойственно интересоваться подобными вопросами. Пятнадцатилетний молодой человек даже крепче спит, если ему рассказали о всяческих зверствах.

— В этом месяце мне исполнится шестнадцать, — сказал Метон, чтобы напомнить нам, что он уже почти мужчина.

— Вот видишь, — сказал Катилина. — Ты слишком оберегаешь его, Гордиан. Так вот, сначала с весталки срыдают ее венец и льняную накидку. Затем верховный понтифик сечет ее розгами, ведь по религиозным законам он начальствует над ней. После того как весталку высекли, ее наряжают как умершую, кладут в закрытые носилки и несут по Форуму, сопровождая шествие плачем подруг — пародия на похороны. Грешницу несут к Коллинским воротам, где уже готов маленький подземный склеп с подстилкой, лампой и некоторым запасом пищи. Палач ведет ее вниз по лестнице, но не причиняет ей никакого вреда, ведь она до сих пор остается священной девушкой, посвятившей себя Весте, и ее нельзя так сразу убить. Лестницу поднимают, двери склепа запечатывают, землю сверху разравнивают. И никто не берет на себя ответственность за лишение ее жизни, представляя богине Весте возможность самой расправиться с ней.

— То есть ее погребают заживо? — спросил Метон.

— Совершенно верно! Теоретически, если обвинение ложно, то богиня Веста не станет лишать весталку жизни, и она останется живой. Но ведь склеп уже заперт. И, конечно, если бы Веста так заботилась о своей подопечной, она бы не позволила замуровать ее в холодной могиле.

Метон обдумывал этот способ наказания с благоговейным отвращением.

— К счастью, — сказал Катилина, — прекрасную Фабию миновала эта участь. Она до сих пор жива и служит Весте, хотя я и не видал ее много лет. И за ее спасение нужно благодарить твоего отца. Неужели ты и в самом деле никогда не рассказывал об этом своему сыну, Гордиан? Это ведь не хвастовство, а просто правдивая история. Но если ты такой скромный, я расскажу се вместо тебя.

Так на чем же я остановился? Ах, да, дом весталок, ночь, Фабия, я и труп. Верховная жрица и сама не хотела неприятностей, ее тоже как-то обвиняли в недостойном поведении. Она послала за зятем Фабии — молодым, подающим надежды адвокатом — Марком Туллием Цицероном. Да, за самим консулом — но кто же тогда мог предвидеть его судьбу? Цицерон же вызвал Гордиана. И именно Гордиан понял, что убийца до сих пор находится в доме весталок. Упустив время, он не смог убежать — когда он вышел во двор, ворота были уже закрыты. И он прятался — можешь ли ты поверить? — в пруду, среди лилий, дыша через тростинку. Как раз твой отец заметил, как одна из тростинок перемещается с места на место. Гордиан прыгнул в пруд и вытащил оттуда человека, опутанного водорослями. Тут убийца достал нож, но я набросился на него. Несчастный напоролся на собственное оружие. Но

перед смертью он во всем признался — что его подослал мой враг Клодий, что он заставил его послать ложное сообщение от Фабии, что они вдвоем с сообщником пробрались к весталкам, и он убил его, чтобы меня обвинили не только в бесчестии, но и в убийстве.

— Но ведь было судебное разбирательство? — сказал Метон.

— Что-то вроде того. Убийца умер, и никто больше не мог обвинить Клодия. Но даже так, при участии в защите величайшего ханжи — я имею в виду Марка Катона, — Фабию признали невиновной, и меня тоже. Клодию пришлось бежать в Байи, чтобы дожидаться, когда скандал сойдет на нет, и ждать долго ему не пришлось. В том же году поднялось восстание Спартака, и дело о весталках было забыто перед лицом ужасных событий.

Увы, Метон, я наверняка разочаровал тебя. Скандал оказался никаким не скандалом, а всего лишь заговором моих врагов с целью обесчестить и уничтожить меня. И я не могу притязать на звание человека, который согрешил с весталкой и остался в живых, ведь я этого не делал. Я просто сумел выпутаться из неприятного положения благодаря хитроумию адвокатов и смекалке одного из самых умных людей по прозвищу Сыщик. Разве не смешно, Гордиан, что Цицерон позвал именно тебя, чтобы разгадать тайну? Конечно, он не меня хотел спасти, а сводную сестру своей жены — Фабию. Но все равно тогда мы еще не были врагами.

За речью Каталины последовала долгая тишина. Тонгилий принялся клевать носом. И Метон тоже последовал его примеру, хотя и весьма заинтересовался рассказом.

— Молодым людям нужно больше спать, чем старикам, — заметил Каталина.

— Да. Ступай спать, Метон.

Он не стал возражать, встал и почтительно поклонился нашим гостям перед тем, как уйти. Вслед за ним нас покинул и Тонгилий, отправившись в комнату, которую мы отвели ему с Каталиной.

Мы же вдвоем сидели еще достаточно долго. Ночь была тиха и спокойна. Постепенно свет в лампе принялся дрожать, и масло в ней зашипело. На небе сверкали звезды, луны не было.

— Ну, Гордиан, разве я не отдал тебе должное, рассказывая ту старую историю?

Некоторое время я молчал, глядя на звезды, чтобы не смотреть на Каталину.

— Я бы сказал, что ты достаточно правдиво изложил факты.

— Ты говоришь каким-то недовольным голосом.

— Мне многое до сих пор кажется сомнительным в том случае.

— Сомнительным? Пожалуйста, Гордиан, будь откровенен.

— Мне кажется странным, что человек может так много времени ухаживать за женщиной, давшей обет целомудрия, если только у него нет на уме чего-то другого.

— Опять меня не понимают! Это проклятие, которое на меня наложили боги, — окружающие никогда не замечают моего истинного лица, а всегда видят противоположное моим намерениям. Когда мои помыслы чисты, меня обвиняют во всех грехах, а стоит мне отступить со стези добродетели, как меня сразу же принимают за хвалить.

— А как же мог Клодий предполагать, что ты ответишь на ложный вызов Фабии, если он не знал, что вы больше, чем просто друзья?

— Опять иронизируешь. Да, часто наши враги являются наиболее честными из наших судей. Клодий знал, что у меня отзывчивое сердце и безрассудный дух. Он выбрал наиболее подходящую для меня девушку. Если бы я на самом деле был любовником Фабии, я бы почувствовал неправду и не пришел бы.

— И снова я вспоминаю защитную речь Катона — он особо подчеркивал тот факт, что, когда верховная жрица вбежала в комнату, вы были совершенно одеты.

— Не забывай, что и убийца сказал то же самое перед тем, как испустить дух. Клодий дал ему распоряжение подождать до тех пор, пока мы не разденемся, и только тогда убить своего сообщника. Но убийца сказал: «Я понял, что они так и не разденутся!» И повторил это несколько раз, разве ты не помнишь?

— Я-то помню, но опять же, почему Клодий был так уверен, что вы разденетесь? Это во-первых, а во-вторых, чтобы совокупиться с женщиной, не требуется раздеваться, достаточно просто приподнять одежды.

Я перевел взгляд со звезд на Каталину, но так как лампа почти уже погасла, я не разглядел его глаз. Губы его, казалось, расплылись в улыбке, но, возможно, мне это только почудилось.

— На самом деле, Гордиан, ты изворотлив, как любой адвокат. Я рад, что против меня говорил этот идиот Клодий, а не ты. Иначе не видать мне спасения. — Он вздохнул. — Во всяком случае, это старая история, о ней уже почти забыли, как и о восстании Спартака. Она годится только для того, чтобы позабавить молодых людей, вроде твоего сына.

— Кстати, насчет Метона...

Опять у тебя недовольный голос.

— Пока ты у меня в доме, я хотел бы, чтобы ты не подрывал моего авторитета главы семейства.

— Разве я чем-то тебя уже оскорбил?

— Ты несколько раз сомнительно отозвался обо мне в присутствии моего сына. Я понимаю, Катилина, что у тебя такая манера общения, но ведь Метон все воспринимает всерьез. Я попрошу, чтобы ты не смеялся надо мной, хотя бы и из добрых побуждений. Не хочу, чтобы меня унижали в его глазах.

После моих слов, произнесенных спокойным и бесстрастным голосом, воцарилась тишина. Я заметил, как Катилина сжал челюсти и посмотрел на звезды. То, что он ничего не ответил, могло свидетельствовать о том, что он обиделся и прикусил язык. Может, я и обидел его. Но жалеть его я не стал.

Наконец, рассмеявшись тихим и мягким смехом, он заговорил:

— Гордиан, — но нет, ты опять подумаешь, что я над тобой смеюсь. Но все равно скажу. Как я могу подорвать твой авторитет, если мальчик прямо-таки обожает тебя? От такого почитания любые насмешки отскакивают, словно камешки от скалы. Но все равно я прошу у тебя прощения. Я гость в твоём доме, а вел себя так, словно нахожусь у себя и не обращаю внимания на твою чувствительность. Это грубо с моей стороны, не говоря уже о недомыслии. Поверь, я серьезно говорил, что люди иногда не понимают истинных моих намерений. Если бы я научился поступать всякий раз наоборот, тогда все бы остались довольны.

Я уставился на него в темноте, не понимая, чувствовать ли себя оскорбленным или простить его, смеяться над ним или бояться его.

— Если я тебе иногда не доверяю, Катилина, то только потому, что ты говоришь загадками.

— Загадками люди говорят, когда не могут придумать ничего другого.

— Ты немного циничен, Катилина.

Он опять рассмеялся, на этот раз как-то горько.

— Опять же, находясь в безвыходной ситуации, человек часто прибегает к загадкам как к последнему убежищу. Кто такой Цицерон, а кто я? Нет, не отвечай. — Он помолчал, а потом продолжил: — Я понимаю, что между тобой и Цицероном пробежала какая-то кошка.

— У нас всегда с ним были кое-какие разногласия. Я и не скрывал этого.

— Ты не единственный, кто разочаровался в нашем консуле. Годами Цицерон демонстрировал свою независимость, свою приверженность реформам — этакий выскочка из Арпина. Но когда настал его черед бороться за место консула, он понял, что сторонники реформ почти что у меня в руках, и тут он, не медля ни мгновения, перебрался в противоположный лагерь и стал марионеткой в руках наиболее реакционных кругов Рима. От такого скачка у любого бы закружилась голова, но он так и продолжал разглагольствовать, не остановившись ни на секунду. Другие бы удивились такому превращению, но я предвидел

это с первых дней его кампании. Это человек, который поступится любыми принципами ради должности. Все его более или менее чистосердечные сторонники — вроде Марка Целия — давно уже покинули его и оставили на милость олигархии. А у оставшихся не больше принципов, чем у него. Они просто тянутся к власти, как цветы к солнцу. Весь прошедший год в Риме был чистым фарсом.

— Меня не было в городе.

— Но ты ведь иногда приезжал в Рим?

— Совсем не приезжал.

— Я и не порицаю тебя. Гадкое место, город без надежд. Олигархия победила. На лицах людей написано смирение. Вся власть находится в руках кучки семей, и они ничем не поступятся, чтобы удержать ее. Какая-то надежда появилась в связи с законопроектом Рулла, но Цицерон сделал все возможное, чтобы отклонить его.

— Прошу тебя, Катилина! Целий наверняка сказал тебе, что от разговоров о политике мне не по себе — меня словно пчелы жалят.

Хотя в темноте и не было видно лица моего собеседника, но я чувствовал, что он пристально смотрит на меня.

— Станный ты человек, Гордиан. Ты ведь пригласил в свой дом кандидата на консульство, значит, разговоры о политике неизбежны.

— Ты сам сказал, что приехал сюда, чтобы отдохнуть от политики.

— Так и есть. Но мне кажется, что я не единственный здесь задаю загадки.

Он сидел в темноте не шевелясь и смотрел на меня.

Возможно, он также не доверял мне, как и я ему, но у кого больше поводов быть подозрительным? Я бы мог напрямую спросить его, что ему известно о безглавом теле у меня в конюшне, но если это его рук дело, он едва бы признался, а если ему ничего не известно, то он мог бы много всего наговорить, и я все равно не поверил бы ему. Мне показалось, что можно запутать его словами и поймать его таким образом в силки.

— Твоя сегодняшняя загадка была слишком легкой. Но мне все не дает покоя та, которую загадал Марк Целий месяц тому назад. Он сказал, что ее придумал ты, так что ты должен знать и ответ.

— И что это за загадка?

— Он задал ее таким образом: «Я вижу два тела. Одно худое и изможденное, но с большой головой. Другое тело, сильное и крепкое, но вовсе без головы!»

Катилина не сразу ответил. Судя по теням вокруг его бровей и губ, он нахмурился.

— И эту загадку тебе сказал Целий?

— Да. И я до сих пор ломаю над ней голову, — сказал я правду.

— Странно, что Целий повторил ее тебе.

— Почему? Разве загадки — это такая уж тайна?

Мне в голову пришли мысли о тайных встречах, паролях, секретных посланиях, клятвах, скрепляемых кровью.

— Да нет. Но всякой загадке свое место и время, а для этой время еще не настало. Странно... — Он поднялся со своего ложа. — Я устал, Гордиан. Сказывается поездка, да и съел я чересчур много — уж слишком вкусно готовит Конгрион.

Я и сам поднялся, чтобы показать ему дорогу, но он уже выходил со двора.

— Будить меня не надо, — бросил он через плечо, — Я встаю рано, даже раньше рабов.

Как только он удалился, лампа зашипела и окончательно погасла. Я лег, вытянул ноги и задумался. Почему же Катилина не ответил на собственную загадку?

Позже ночью я проснулся в кровати рядом с Вифанией. Мне необходимо было выйти.

Я поднялся, но не потрудился надеть плащ, ночь была очень теплой.

Я вышел в коридор и направился в уборную. Луций Клавдий никогда особенно не заботился о роскоши, но он позаботился провести водопровод, как и в городском доме, и

сделал внутреннюю уборную. Через окошечко я выглянул на двор, заметил в темноте неопределенные очертания на одном из лож и остановился как вкопанный.

Это было тело. В этом-то я уверен, хотя в темноте его очень плохо видно. Я со страхом смотрел на неподвижные формы и чувствовал, что начинаю дрожать. А также досаду — от того, что мне приходится испытывать такой страх в собственном доме.

Но вот тело зашевелилось. Человек был жив.

Он повернул голову, и в потемках я разглядел профиль Каталины, тихо лежавшего на подушках, скрестив руки на груди. Я бы решил, что он спит, если бы его глаза не были открыты. Казалось, он был глубоко погружен в мысли.

Я еще довольно долго наблюдал за ним, а потом продолжил свой путь. Вошел в уборную и как можно тише отправил свои надобности. По дороге обратно я остановился, чтобы еще раз взглянуть на своего гостя. Он не пошевелился.

Неожиданно Каталина вскочил. Я подумал, что он услышал меня, но это явно было не так. Он ходил вокруг прудика, скрестив руки и склонив голову. Потом снова лег, одной рукой закрыв лицо, а другую свесив на пол. Поза эта выражала усталость или глубокое отчаяние, но из уст его не вырвалось ни вздоха, ни причитания. Он просто дышал, как всякий бодрствующий человек. Каталина размышлял.

Я вернулся к себе в комнату и прижался к Вифании, которая пошевелилась, но не проснулась. Я испугался, что и мне придется ходить по комнате и размышлять, подобно Каталине, но Морфей быстро овладел мною и увел меня в царство сонного забытья.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

На следующее утро я ожидал, что, вопреки своим заявлениям, Каталина будет еще в постели, но когда я заглянул в комнату, которую он разделял с Тонгилием, то увидел только две аккуратно заправленные кровати. Когда же он спал — и спал ли вообще?

Возможно, подумал я не без надежды, Каталина почувствовал такое беспокойство, что решил уехать немедленно. Но один из рабов на кухне сказал мне, что они с Тонгилием рано позавтракали хлебом с финиками, взяли лошадей и сказали, что вернутся после полудня.

Хорошо, подумал я, чем меньше мне приходится развлекать его, тем больше времени остается для повседневных работ в поместье. По крайней мере, он, как патриций, соблюдает некоторые правила поведения, понимая, что находится в гостях и не должен причинять беспокойства.

Я взял с собой Арата с Метоном, и мы отправились на реку, чтобы продолжить расчеты, связанные со строительством водяной мельницы. На некоторое время мне удалось позабыть о Каталине, но потом мною овладели новые опасения и тревоги. Он уехал с Тонгилием, но куда и с какой целью? Как гость он мог свободно ходить по моему поместью, но они оседлали лошадей и, как сказала одна из рабынь, направились к Кассиановой дороге. Каталина сказал, что вернется к вечеру, следовательно, далеко он не уедет; что же за дела у него здесь в окрестностях и с кем? Мне не нравилось, что он использует мой дом в качестве перевалочного пункта. Марк Целий ничего не говорил про его дела в округе; он обещал только, что Каталина будет отдыхать от городской суеты, направляясь на север. Эти мысли тревожили меня. Мне даже вспомнился Немо.

Я старался отогнать прочь свое беспокойство и сосредоточиться на работе, но только все более и более тревожился. Метон вовсе не интересовался работой. Я надеялся, что водяная мельница пробудит в нем энтузиазм, и хотел дать ему практические уроки строительства, но у него не было склонности к числам и геометрическим фигурам, он скучал и утомленно ходил туда-сюда с веревкой в руке. Позже он, извинившись, попросился домой, потому что от жары у него заболела голова. Я подозревал, что ему просто наскучило работать.

Я и сам неуклюже обращался с инструментами, диктовал Арату неверные цифры, а потом исправлял их. Он стирал надписи с таблички тыльной стороной ладони, и с каждым разом его движения становились все более отрывистыми. Я собирался сделать ему выговор, но он закрыл глаза и другой рукой вытер пот со лба. Солнце стояло прямо над головой. Возможно, именно из-за жары наши нервы оказались напряжены до предела.

— Давай остановимся и подождем, пока жара не спадет, — сказал я ему.

Арат кивнул и поспешно собрал инструменты, а после направился к дому. Мы явно устали от общества друг друга. Я вздохнул и задумался, насколько можно преуспеть, имея в качестве управляющего такого раба. Может быть, я в состоянии заменить его, но сейчас я чувствовал себя слишком усталым, чтобы позволять себе такие мысли. Я взял оловянную кружку и спустился к реке, чтобы зачерпнуть немного воды. Медленно ее выпил. Затем зачерпнул еще и облил голову. День обещал быть невыносимо жарким.

Потом я услышал шум, обернулся и увидел Метона, выходящего из-за растущего неподалеку дуба. По его улыбке я догадался, что отдых от геометрии весьма поднял его дух. За ним показался еще один человек. Я вздрогнул, подумав: вот еще один посетитель, но потом быстро понял, в чем дело.

— Твоя бородка, Катилина?

Он мягко рассмеялся и похлопал рукой по гладко выбритой челюсти.

— Не поделишься своей кружкой? Только что иду из конюшни, а уже пить хочется.

Я протянул ему кружку и пересел на камень в тени. Катилина попил и присел рядом со мной. Метон сбросил сандалии и вошел в воду, чтобы немного охладиться.

— Это Тонгилий сегодня утром побрил меня, — сказал он, снова поглаживая подбородок. — Неплохо сделано, принимая во внимание скудное освещение.

— Он побрил тебя перед тем, как вы уехали?

Он кивнул. Когда же он спал?

— Но ты выглядишь очень своеобразно, Катилина.

Я постарался сказать это как можно более иронично. Ведь подобную бородку я видел на каждом посетителе из города.

— Кто первым придумывает моду, тот первым и отказывается от нее, — ответил Катилина.

— Избиратели сочтут, что ты легкомыслен и часто меняешь свои решения.

— Тем, кто хорошо меня знает, все равно. А презирающие меня подумают, что я смогу измениться, и постепенно смирятся со мною. А мне все равно, кто в Риме, друг или враг, считает меня легкомысленным.

Он ненадолго нахмурился, а потом посмотрел вверх на полог из листвы и прищурился.

— Все из-за этого бегства в деревню. Все равно что нырнуть в холодную воду. Новые места и обстоятельства — новое лицо. Я чувствую себя на десять лет моложе и в тысяче миль от Рима. Тебе тоже стоит это испытать, Гордиан.

— Уехать на тысячи миль от Рима?

— Нет, — засмеялся он, — побриться.

Метон, бродящий вдоль реки, казалось, не обращал на наш разговор ни малейшего внимания. Но Катилина наклонился ко мне и заговорил шепотом:

— Женщинам нравится, когда человек внезапно отращивает бороду или сбривает ее. Именно перемена их возбуждает, понимаешь? Представь реакцию Вифании, если ты появишься в спальне гладко выбритым. Видишь, ты улыбаешься. Так что я прав.

Я и вправду улыбнулся и даже немного рассмеялся впервые за этот день. Неожиданно мне полегчало. Перемена в моем настроении произошла оттого, что я посидел в тени, отдохнул от Арата и смотрел, как Метон плещется в речке, повторял я себе. А вовсе не из-за улыбки Катилины.

Метон вышел из воды и присоединился к нам. Он постоял сначала на одной ноге, затем

на другой, суша ноги и надевая сандалии. Солнце освещало его свешивающиеся на лоб волосы. Сейчас мой сын был похож на одну из статуй, которыми так восхищались греки. Невозможно представить, что он уже почти мужчина. Такой юный, такой очаровательный... Я не отличался особенной красотой и поэтому не знал, принесет ли ему пользу его внешность. Конечно, такие люди, как Помпей, не говоря уже о Катилине, воспользовались этим в своем продвижении. Да и Марк Целий тоже. С другой стороны, пример Цицерона доказывал, что простоватый вид тоже обладает некоторыми преимуществами. Для человека нечестливого и без особых средств красота может стать даже неприятностью, как и для бедных, привлекая недобросовестных покровителей и приучая его полагаться только на свое очарование. Оставалось надеяться, что Метону в жизни хватит здравого смысла.

Мальчик застегнул сандалии и сел рядом с нами. Он так простодушно улыбнулся, что все мои сомнения показались глупыми. Сквозь лиственный полог проникал свет, освещая нас неровными пятнами, теплый ветерок колыхал траву. Во всем мире воцарилось молчание, если не считать всплесков воды, пения птиц и тихого, далекого блеяния козы, доносившегося с холмов. У Метона столько же возможностей преуспеть в этом мире, сколько и у меня. Неизвестно, что произошло бы со мной, обладай я его красотой. И стоит ли принимать во внимание его неспособность к цифрам? Неужели я не могу найти более достойный предмет для размышлений?

— Ну что? — спросил Метон.

— Это ты о чем?

Катилина немного наклонился к нам.

— Подозреваю, что он решил, будто мы обсуждаем совсем другой вопрос. Понимаешь, я сказал ему в конюшне, что если ты не возражаешь...

— Шахта, папа, та самая заброшенная шахта на горе Аргентум, — сказал Метон неожиданно возбужденным голосом.

— О чем вы говорите? — переводил я взгляд с одного на другого.

— Вчера, — начал Катилина, — когда мы проезжали по Кассиановой дороге, я заметил тропинку, ведущую к горе. Позже я расспросил твоего управляющего, и Арат сообщил мне, что гора принадлежит твоему соседу, а тропа ведет к заброшенному серебряному руднику. И вот утром мы с Тонгилием отправились посмотреть на него. Видишь ли, есть у меня один друг в городе, который утверждает, будто может добывать серебро даже там, где другие уже давно оставили надежду. Никогда не следует упускать такие возможности.

— И ты осмотрел то место?

— Я был только в хижине пастуха неподалеку от дороги. Там несколько человек, они пасут коз, и мы приятно поговорили с главным. Он согласился показать нам шахту, но только после того, как спадет жара. Очевидно, путь вверх очень труден. Мы как раз говорили об этом с Тонгилием в конюшне, когда нас услышал Метон. Он попросился с нами, я его не звал. Я сказал, что ему нужно спросить твоего разрешения.

— Можно, папа?

— Метон, ты же понимаешь, что у нас с Гнеем Клавдием вовсе не добрососедские отношения. Даже речи быть не может, чтобы ты ходил и осматривал его владения.

— Ну да, гора принадлежит Гнею Клавдию, — сказал Катилина. — Но Гней сейчас в отъезде. Пастух сказал, что он уехал на север осматривать еще одно свое владение, более пригодное для хозяйства. Мне кажется, он даже хочет сдать в аренду или продать эту свою собственность, ведь он думает, что шахта опустела, и ему вовсе не нравится разводить коз. Ему хочется владеть своим поместьем. Пастух даже обрадовался возможности показать нам шахту. Так что Метон вполне может пойти с нами.

— А пастуху известно, кто вы такие?

Катилина поднял брови.

— Не совсем. Я представил ему Тонгилия, а сам назвался Луцием Сергием. Ведь

наверняка же есть кое-какие Луции Сергии в округе.

— Но не все они Катилины.

— Наверное, нет.

— И только один из Катилин носит бородку.

— Но даже и его теперь нет, — сказал Катилина, поглаживая себя по подбородку. — Ну ладно, Гордиан, ведь он, в конце концов, всего лишь раб. Тебя ведь не удивит, что я хочу оставаться инкогнито. Разве Марк Целий не сказал тебе, что лучше мне не объявлять о своем присутствии здесь? Мне кажется, и ты того же мнения.

— Мои соседи не являются твоими сторонниками — даже наоборот. Сомневаюсь, чтобы Гней Клавдий вообще захотел бы иметь с тобой дело, так что мне кажется, ты зря заинтересовался шахтой.

— Гордиан, не обязательно любить человека, чтобы иметь с ним дела: на то и существуют юристы. Тем более что не я предложу ему заключить сделку. У меня сейчас денег нет, одни долги. Я интересуюсь шахтой ради своего друга, а разговаривать будет Тонгилий. Но мы слишком увлеклись разговором. Сейчас мы просто пойдем посмотреть на старую шахту, и Метону тоже хочется там побывать. Он сказал, что никогда еще не видел шахт. Кто еще, кроме богатей или несчастных рабов, имеет возможность посмотреть на шахты? Для него это будет увлекательно и поучительно одновременно.

Я хмуро раздумывал над этим предложением. Метон с надеждой смотрел на меня, подобострастно улыбаясь. Неужели я так испортил его, что он пытается своим видом подольститься ко мне? Хороший ли из меня отец? Меня нельзя было назвать типичным римлянином, так же, как мою семью — типичной римской семьей. Общественные условности и благочестие не так уж много для меня значили. Вздохнув и покачав головой, я уже собирался смягчиться, как вдруг перед моим внутренним взором предстал Немо.

— И не спрашивай.

— Но, папа...

— Метон, ты же понимаешь, что не должен возражать мне, особенно в присутствии гостя.

— Твой отец прав, — сказал Катилина. — Он принял верное решение. Это я недостаточно все продумал, да и спросил тебя неправильно. Я должен был бы спросить: «Хочешь ли ты, Гордиан, пойти с нами и взять с собой своего сына Метона?»

Я открыл рот для ответа, но что-то подсказало мне, что как бы обстоятельно я не возражал, в конце концов мне придется дать только один ответ. Я закрыл рот, подумал, потом, чувствуя на себе взгляд Метона просто ответил:

— Почему бы и нет?

В моем возрасте люди становятся степенными и осмотрительными, говорил я себе, но даже добродетели могут обернуться пороками, если слишком усердно их соблюдать. Время от времени нужно действовать нелепо и непредвиденно. Таким образом, после того как жара спала, я скакал на лошади по Кассиановой дороге к воротам, которые отделяли мое поместье от владений Гнея Клавдия. Ворота и низенькая загородка предназначались только для того, чтобы козы не выходили на дорогу. Тонгилий отодвинул засов и отворил их.

— Тебе даже не нужно представляться, — сказал Катилина, когда свернул на заброшенную тропку за воротами. — Я просто скажу, что ты со мной. Пастуху больше ничего объяснять не нужно.

— Возможно, и так, — сказал я. — Но все-таки нельзя исследовать владения Клавдия, не представившись.

— Они тоже бы так поступили в твоих владениях, — просто заметил Катилина.

Кто-то уже походил по моей земле, подумал я, вспомнив Немо.

Перед нами возвышалась гора Аргентум. Путь стал гораздо круче. Земля становилась все более каменистой, и деревья все плотнее окружали нас, пока мы не оказались в лесу

среди разбросанных валунов. В кустах шуршали встревоженные зверюшки, но людей нигде не было видно. Потом тропа резко повернула, и мы оказались перед пастушьям домиком.

Внутри грубого каменного строения с соломенной крышей была всего лишь одна комната, где все пастухи обычно спали вповалку, если меня не подводил мой нюх. Их было около десяти, судя по разбросанным вдоль одной из стен одеялам. Сейчас в доме был только главный пастух, валявшийся на единственной грязной кровати. Она была греческой формы, да и сделана, вероятно, в Греции, но так износилась и попортилась, что невозможно было ее починить. Так всегда — когда прекрасная вещь портится, ее отдают рабам, чтобы зря не пропадала. Пастух, казалось, был весьма доволен своим положением. Он тихо всхрапнул и прогнал муху со своего носа.

Катилина похлопал его по плечу. Человек протер глаза и поднялся. Он протянул руку к бурдюку с вином, глотнул и прополоскал горло.

— Значит, ты вернулся, Луций Сергей, — сказал он, — чтобы посмотреть на ту старую дыру в земле. Там особенно и смотреть не на что, как я тебе говорил. Но хотя за три сестерция... — добавил он и вопросительно склонил голову.

— Насколько помню, я обещал тебе два сестерция, — отозвался Катилина. — Ну ладно. Я заплачу.

— А это кто такие?

Пастух потрепал свою бороду и прищурился, рассматривая наши фигуры в дверях.

— Твоего друга Тонгилия я видел утром, но этого человека и мальчика не видел.

— Это мои друзья, — сказал Катилина и сделал движение, от чего у него в кошельке зазвенели монеты.

— Твои друзья — мои друзья! — добродушно воскликнул пастух. Он снова взялся за бурдюк и сделал долгий глоток. Потом вытер губы. — Ну так чего же мы ждем? Приведите мне моего мула, и пойдем.

Главного пастуха звали Форфекс, как я представил себе, за его искусство стрижки коз. Волосы его были седые, а кожа походила цветом на старую, выделанную кожу животных. Несмотря на почтенный возраст, он двигался довольно ловко — ведь он вырос в горах и поэтому уверенно передвигался по ним, не задумываясь, куда поставить ногу?. Он мне показался довольно добродушным — сидел на своем муле и напевал себе под нос песенку. Монеты и вино оказали на него свое воздействие, и он находился в приятнейшем расположении духа.

Сначала путь шел через густой лес по одну сторону речного русла. Река давно пересохла, только время от времени попадались болотца со стоячей водой. Мы продвигались к югу и вскоре пришли к каменному мостику, пересекающему овраг и ведущему к большому строению. Сквозь деревья я разглядел двухэтажный дом, прислонившийся к крутому холму. Еще до мостика нас почуяли собаки и принялись лаять. За ними копошились куры. Некоторые из собак бегали по кругу, взметая пыль и пугая попадавших им под ноги птиц. Форфекс прикрикнул на собак. К моему удивлению, псы замолчали.

Мы не стали пересекать мост, а поехали дальше. Дорога становилась все круче и круче, а лес все гуще и гуще. Наконец мы приехали к тупику. Но только когда мы спешили, я заметил в дальнем конце поляны что-то похожее на узкую тропинку в кустах.

— Дальше придется идти пешком, — сказал Форфекс.

— Эта тропа ведет к шахте? — спросил Катилина.

— Да.

— Но почему она такая узкая? Ведь в свое время по ней должно было проходить огромное количество рабов.

— С тех пор прошло слишком много лет, — пояснил Форфекс. — Когда-то это была настолько широкая дорога, что на ней могли бы уместиться два человека, лежа голова к голове. Но когда шахта пришла в запустение, дорога уже стала никому не нужна, разве что

козам. Сами видите, как природа восстанавливает свои владения. Здесь и до сих пор можно пройти, но только не верхом.

Привязывая поводья к кустам, я углядел еще одну тропинку, почти не заметную среди зарослей. Я внимательно вглядывался, пытаюсь узнать, куда она ведет, как вдруг обнаружил, что за мной стоит Катилина и смотрит через мое плечо.

— Еще одна тропа, — сказал он негромко. — Как ты думаешь, куда она ведет? — Он окликнул Форфекса: — Это еще одна тропа?

Старый пастух кивнул.

— Или, можно сказать, была тропа. Теперь по ней никто не ходит, насколько мне известно, разве что в поисках коз.

— И куда она ведет?

— Вниз, к Кассиановой дороге, если я ничего не путаю. Ну да, вниз по горе, сначала на юг, а потом на восток. Она выходит на дорогу неподалеку от поместья Клавдии. Она, например, может послать раба, и он пройдет до этой поляны, а потом к шахте, не сворачивая на север. Но этой тропой давно уже не пользовались. Ее могли завалить стволы деревьев или камни; зимой здесь часто бывают жестокие ветры, они даже деревья выворачивают с корнем.

— Значит, можно добраться сюда, минуя главный вход? — спросил Катилина.

— Ну да, для этого наверняка ее и построили — чтобы как можно быстрее доставить на шахты рабов, купленных в городе. Она очень крутая и неровная — я помню, что как-то ходил по ней, когда еще был мальчишкой. Она годится только для рабов, лошадь по ней не пройдет; и никто из людей добровольно не пройдет, если есть более легкий путь. Да и давно ее никто не проверял. Мне кажется, вы и не заметите, где она отходит от Кассиановой дороги.

Катилина кивнул. Форфекс повернулся, чтобы привязать своего мула. Мне показалось, что Катилина прошептал себе под нос:

— Хорошо, просто замечательно.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Мы продолжали путь. Узкая тропа *была* настолько крута, что местами попадались ступеньки, высеченные в камне. В лесу было тепло и тихо, тени деревьев едва спасали нас от жары. Я тяжело дышал и старался не отставать. Метон же, казалось, вовсе не испытывал никаких затруднений; он легко подымался вверх, потом сбегал вниз и снова подымался. Тонгилий тоже казался вовсе не измученным. Но ведь они оба молоды, подумал я, а Катилина почти одного возраста со мной. Но и он вроде бы не слишком страдал. Он подобрал длинную палку и опирался на нее, напевая походную песню и вышагивая в такт словам. Откуда же у него силы берутся, если учесть, что он всю ночь не спал?

Идя главной дорогой, мы удалились от потока, но теперь, казалось, снова к нему приближались — до меня доносились звуки журчащей воды. Чтобы подняться повыше, нам предстояло пересечь этот поток. Я спрашивал себя, каким же окажется мост, принимая во внимание состояние тропы — может, это будет просто веревка, привязанная к стволам деревьев на разных берегах? Журчание становилось все громче и настойчивей.

Но моста не оказалось вовсе. Мы подошли к лестнице, высеченной прямо в скале — штук тридцать крутых ступеней. Метон первым полез вверх с ловкостью горной козы. За ним последовал Тонгилий, потом Катилина; он ставил свой посох на очередную ступень и подтягивался с его помощью. Наш проводник запыхался и предложил мне идти перед ним. Когда я наконец взобрался на вершину, сердце мое бешено стучало и весь я покрылся потом.

Ступени привели нас к площадке, с которой вниз падал водопад. Она вся была испещрена маленькими углублениями, в которых текли многочисленные ручейки. Мы перешли их, едва замочив сандалии. Пока я пил и обливал голову, зачерпывая воду пригоршнями, Метон, перескакивая с одного камня, покрытого скользким мхом, на другой,

подбежал к краю обрыва, где собиралась вода перед тем, как упасть. Мне показалось, что малейшее дуновение ветра может сбросить его вниз. Я поспешил за ним и схватил его за тунику.

— Но, папа, посмотри только!

Перед нами колыхались верхушки деревьев. Справа возвышалась скала, а к северу простиралась величественная панорама. Я увидел, как вдали белеет мощенная камнем Кассианова дорога, исчезая за горизонтом. На западе кроваво-красный шар солнца висел над темными холмами. Мое поместье заслоняли деревья, но гребень холма, где иногда сидели мы с Клавдией, был виден отчетливо.

— Да, — сказал я, — превосходное зрелище.

— Нет, папа, ты посмотри вниз!

Невозможно было заглянуть вниз, не наклонившись через край обрыва. Я осторожно шагнул вперед. Никогда я не боялся высоты, но от падающего потока воды у меня просто дух захватило. В тридцати футах под нами находился пруд с пенистой водой. Его окружали огромные валуны и деревья с обнаженными корнями, уходящими прямо под воду. Но вовсе не камни и не деревья заставили меня вздрогнуть, а скелеты.

Некоторые из них были рассыпаны — грудная клетка здесь, разбитый череп там, чуть подальше нога или позвоночник. Другие сохранились в целости — будто человек прилег среди камней, а боги оставили от него одни кости. Я также разглядел отдельные кости, разбросанные среди камней и корней деревьев. Их было так много — не счесть.

Нагнавший нас Форфекс поднялся на площадку, пыхтя и отдуваясь. Он посмотрел на нас и понял, что мы разглядываем.

— Ах, да, — сказал он, — этого вы еще достаточно насмотритесь.

— Чего?

— Костей.

— Людских костей?

— А кто еще, по-вашему, работает на шахтах? — Он пожал плечами. — Наверняка кое-где попадают и останки коз, но ведь они уверенней бегают по скалам, а если одна и свалится ненароком, то за ней можно спуститься — не пропадать же зря мясу и шкуре. Ну, а раб не стоит того, чтобы за ним спускаться, не правда ли? Если вы будете скакать по скалам туда-сюда, то тоже так же сможете закончить свой жизненный путь, — усмехнулся он, открывая бурдюк, висевший у него за спиной, и делая глоток.

— Значит, все эти люди свалились с высоты?

Он снова пожал плечами.

— Большинство из них, по крайней мере. Человеку, несущему груз серебра с шахт, нужно пересечь этот поток, а он, в основном, бывает выше, чем сейчас. Ну и конечно, очень легко потерять равновесие и скатиться вниз по склону. Человек падает, ломает шею, приходят хищники, а потом дожди и ветра заканчивают дело. И через несколько лет от него остается горстка костей. — Он снова рассмеялся.

Я посмотрел на его сморщенное, потемневшее лицо. По меньшей мере половина зубов у него во рту отсутствовала. Не удивительно, что он смеется. Форфекс ведь и сам раб и целиком находится в распоряжении своего хозяина. Несчастья других рабов служат ему доказательством, что ему не так уж и плохо живется.

— И конечно, среди них есть и те, кого наказали, — добавил он.

— Специально сбросили?

Он сделал такое движение руками, словно сбрасывал кого-то с края скалы.

— Убили? — спросил я.

— Наказали. Вспоминаю я один день, когда я был еще маленьким и мне случилось проходить здесь вместе со стадом. Тогда шахтой владел дед Гнея Клавдия, как раз перед тем, как ее закрыли. Так он наказывал смутьянов, как вы понимаете. Ведь в основном на шахты

продают убийц и воров, не так ли? Последнее отребье — им уже нечего терять, шахты для них — все равно что смертный приговор. Так что хозяин должен обращаться с ними поостороже. Даже плетки и кандалы не помогают. Всегда находятся смутьяны или лентяи. Поэтому охранники и выстраивали их здесь, на этом самом месте, и сбрасывали их на виду у всех. Чтобы показать другим, что их ожидает, если они не будут подчиняться приказам.

Он еще раз глотнул вина и покачал головой.

— Напоследок старый хозяин немного свихнулся. Запасы руды истощались, а он ругал рабов, которые якобы плохо работали. Но только волшебник помог бы ему превратить пустую породу в серебро, а не кучка жалких рабов. А тем временем наказания участились и стали делом обычным. В последние несколько лет немало человек сбросили отсюда. А потом старый хозяин заболел. И шахту закрыли. Слава богам, что я родился козопасом, а не шахтером.

Мы еще немного постояли, глядя на разбросанные кости. Форфекс повернулся, чтобы отойти, но Метон вцепился в край его туники.

— А как же лемуры?!

— Что еще за лемуры? — Старый раб отдернул свою тунику.

— Духи мертвых — ведь столько тел осталось непогребенными и не сожженными, значит, их духи-лемуры так и не успокоились. Они, наверное, повсюду вокруг нас.

— Конечно. Но при жизни они были рабами, слабыми и измученными. Думаешь, после смерти они стали сильнее?

— Но ведь при жизни они были также убийцами и...

— Ты городской житель, молодой, здоровый и крепкий. Что тебе до усталых, бесплотных лемурув? Кроме того, сейчас день. Они появляются по ночам, подымаются из щелей. Приходят сюда и играют черепами, словно мячами, а вместо игральных костей у них — фаланги пальцев.

— Ты их видел? — спросил Метон.

— Ну, конечно, не своими глазами. Другой пастух, немного ненормальный, которому не спится по ночам, приходит сюда и водится с ними, как сам утверждает. Ну нет, меня-то сюда ночью не заманишь. — Он посмотрел сощуренными глазами на садящееся солнце. — Ну ладно, пойдемте к шахте, если вы и в самом деле хотите ее осмотреть.

После водопада дорога стала еще труднее. Теперь мы шли по голому, каменистому склону без всякой растительности. Как и предсказывал Форфекс, то тут, то там попадались человеческие кости, как будто мы пересекали древнее поле сражения. Тропа извивалась, словно змея. Мы шли все вверх и вверх, и каждый шаг давался труднее, чем предыдущий. При полуденной жаре даже у сильного человека сердце бы не выдержало такого подъема...

Но нас ждала награда за трудный подъем — перед нами открылся вид, затмевающий все, что я мог увидеть со своего холмика. Далеко-далеко подо мной находилась моя усадьба, окруженная владениями Клавдии, ее родственников и другими поместьями, холмами, лесами. Гребень, отделяющий меня от Клавдии, выглядел всего лишь складкой на одеяле. Речушка на границе с поместьем Публия — полоской, местами сверкавшей там, где было меньше всего деревьев. Кассианова дорога простиралась с юга на север. До меня дошло, что человек с острым зрением смог бы увидеть нас из всех этих мест.

Потом мы скрылись в расселине, недоступной солнцу и постороннему взгляду. Вокруг росли искривленные деревья, и огромные камни загораживали дорогу. Она шла все глубже и глубже — к центру горы. Наконец мы обошли валун и увидели зияющую черноту шахты.

Вход оказался гораздо меньше, чем я предполагал — высотой едва с человека, и только двое в ряд смогли бы пройти в него одновременно. Вокруг валялись сгнившие куски древесины, бывшие некогда подмостками. А также заржавленные кирки, молоты и зубила. Я заметил даже остатки кандалов. Сквозь цепи проросли цветы.

За нами начинался спуск к реке, достаточно крутой. Тут и там попадались груды костей

вперемешку с отходами из шахты. Кое-где можно было найти даже целые скелеты.

— Ты когда-нибудь видел действующую шахту? — спросил Катилина, так близко наклонившись над моим ухом, что я вздрогнул от неожиданности.

— Нет.

— Я видел.

Его лицо потемнело; на нем не было ни малейшего подобия улыбки.

— Нельзя даже представить действительной ценности металла, пока не увидишь, чего он стоит — агоний и смертей тех, кто его добывает. Скажи мне, Гордиан, когда вес десяти людей становится меньше фунта?

— Ах, Катилина, опять загадки...

— Когда с них исчезнет мясо, а на другой чаше весов будет кубок из чистого серебра. Представь же теперь огромнейшую чашу весов, такую, где поместились бы все эти кости. Сколько бы потребовалось серебра чтобы уравновесить весы? Пригоршня, не более. Вспомни об этом, когда тебе придется подносить серебряную чашу к устам.

Он повернулся к Форфексу.

— А в Шахте, должно быть, холоднее. Тонгилий, ты взял факелы? Гордиан, ты идешь с нами?

У меня не было ни малейшего намерения осматривать дыру в земле, я бы предпочел посидеть снаружи и перевести дыхание, но я представил, сколько опасностей в темноте грозит пятнадцатилетнему мальчишке.

— Да, — сказал я усталым голосом. — Я иду.

Сразу же при входе нас встретила стена, высотой до плеч обычного человека.

— Это чтобы наши козы не забредали внутрь, — пояснил Форфекс.

«Да и люди тоже», — подумал я, когда дошла моя очередь поставить ноги в его сложенные чашечкой руки и перебраться через стену. Я не жалуясь последовал примеру Катилины и Тонгилия. Метон подтолкнул Форфекса, а сам взобрался без посторонней помощи.

За стену проникало так мало света, что его едва хватало на то, чтобы осветить ближайший участок. Тонгилий зажег два факела и протянул один мне. Пламя осветило низкий и узкий проход, который постепенно опускался вниз. В такой темноте запах горячей смолы был очень сильным.

Катилина взял факел у Тонгилия и первым направился вглубь. За ним пошел Метон, потом Форфекс, а замыкал процессию я. «Какая глупость», — прошептал я, подумав о том, как легко можно споткнуться и упасть в пустоту. Я представлял, как Метон ломает себе шею, и ругал себя, что позволил ему участвовать в такой глупой затее.

— Далеко заходить не стоит, — сказал Катилина. — Я всего лишь хочу составить общее представление о шахте. Насколько далеко она уходит?

— Довольно далеко, — сказал форфекс. — Представьте себе только, что в ней одновременно находились двести рабов.

— Двести! — повторил Метон.

— Так мне говорили. Да, в прошедшие времена тут такое было! Так предки молодого Гнея нажили себе состояние — этой самой шахтой. И поэтому они смогли купить все земли в округе. Теперь-то владения, конечно, распределены между кузенами Клавдии, но когда-то все земли представляли собой одно-единственное владение, или, по крайней мере, мне так говорили. Наклоните голову, молодой человек!

Метон, подавшись в сторону от Катилины, едва не ударился головой о выступ, свисавший с потолка, Форфекс засмеялся:

— Нужно было предупредить тебя. Мы называем их «шахтерские мозги», — частью потому, что они действительно похожи на мозги, скользкие и узловатые, но в основном

потому, что не один небрежный шахтер расколотил о них голову! Эти выступы такие крепкие, что никакие инструменты их не берут, так что они вечно будут здесь висеть в ожидании очередной жертвы. Если посмотреть поближе, то можно разглядеть следы крови.

— Ничего смешного здесь нет, — сказал я. — Пойдем, — обратился я к Каталине, — ты должен признать, что это довольно опасное место, особенно для мальчишек.

Издалека донесся хохот Каталины, такой глухой, будто он находился в глубоком колодце.

— Мне кажется, уж лучше бы мы оставили тебя снаружи, Гордиан! Неужели ты всегда такой осторожный? Разве в тебе нет духа приключений?

Я посмотрел назад и увидел, что вход превратился в маленькую серую точку. Неожиданно она исчезла. Я открыл рот и едва не закричал, подумав, что его кто-то закрыл. Но, повернув голову, я снова различил входное отверстие и догадался, что эти самые «мозги» закрыли мне вид на него. После нескольких шагов я полностью потерял из виду вход.

— Как долго еще мы будем идти?

— Мне кажется, что достаточно, — сказал Катилина.

Неожиданно мы оказались в овальной комнате, вырубленной в камне. Воздух был затхлый, но сухой, прохладный, но не холодный. Под ногами находилась утоптанная земля. В разных направлениях из комнатки вели двери.

— Какая интересная подземная комнатка, — сказал Тонгилий.

— Похоже на вход в лабиринт, — добавил Метон, — на лабиринт с Минотавром!

— Это всего лишь одна из подобных комнат в шахте, сказал Форфекс, — без проводника или карты здесь можно заплутать и пробродить целый день. А для этого не хватит пары факелов.

— Куда ведет этот ход? — спросил Катилина, направляясь к одному из выходов.

— Эй, поосторожней, — позвал его Форфекс и прошептал нам: — Вы не знаете, но он выбрал самый опасный ход. Поосторожней, пожалуйста. Меня еще ребенком предупреждали не ходить сюда. Там отвесный обрыв. Это одно из самых старых мест в шахте. Легко можно упасть и разбиться!

Из прохода, освещенного факелом Катилины, раздался тревожный оклик. Тонгилий поспешил внутрь.

— Быстрей, Гордиан, и захвати с собой факел!

Все вместе мы вошли в узкий проход. Метон навалился на меня, стараясь рассмотреть, что внутри, и пощелкивая языком.

— Луций, что случилось? — спросил Тонгилий.

— Посмотри сам, — ответил Катилина.

Возле колодца оставалось немного места, чтобы мы все могли столпиться рядом и смотреть на то, что открылось нашим взорам. Форфекс, казалось, привык к костям и скелетам, но и он удивленно вздохнул.

— А ты говорил, что прекрасно знаешь эту шахту, — сказал Катилина, пристально его разглядывая.

— Но не это помещение. Я же сказал, что мне еще ребенком запрещали ходить сюда. И я всегда думал, что здесь обрыв во тьму.

— Здесь и был бы обрыв в бездну, если бы ее не заполняли эти кости.

Катилина высоко поднял факел. В его дрожащем свете черепа, казалось, ухмылялись и сверкали пустыми глазницами.

— Сколько их! — прошептал, Тонгилий.

— Ничего подобного никогда не видел, — сказал я.

— И я не видел, — добавил Катилина.

Мы уже достаточно повидали костей на сегодня — и у водопада, и на горе, и на откосе возле шахты. Но это было лишь подготовкой к действительно впечатляющему зрелищу. Тут

были сотни скелетов, возможно, даже десятки сотен, ведь неизвестно, какой глубины был колодец. Какие бы хищные животные ни обитали в шахтах, вычищали они кости на славу, те были такие скользкие и гладкие, будто лежали на дне реки. Без плоти каждый скелет и череп в точности походил на другие, и эта их одинаковость притупляла чувства. Невозможно сразу понять смысл такой картины, только со временем, вспоминая, начинаешь понимать и осмысливать увиденное.

Пещера казалась очень темной, а наши факелы неяркими. Неожиданно факел в моей руке зашипел и с треском плюнул маслом.

— Откуда они здесь? — спросил я.

— Возможно... — пробормотал Форфекс и потер подбородок. — Частенько ходили слухи о подобном, но никто не верил, что такое было на самом деле. Теперь же я думаю, что то было правдой. Ведь доказательство перед нами.

— Доказательство чего? — спросил Катилина.

— Говорили, что когда шахту закрыли, то оставшихся рабов продали на другие шахты или отправили на галеры в Остию. Никогда не предполагается, что раб-шахтер где-нибудь еще понадобится, ведь живыми с шахты не уходят. Я помню, как один из старых пастухов говорил мне, что старый хозяин и не позаботился их продавать. Он просто избавился от них. Но я никогда не думал, что это произошло здесь, в шахте. Возможно, он загородил все выходы и повел рабов по этому проходу.

В это мгновение среди костей наметилось какое-то шевеление. Оно сопровождалось клацанием костей и каким-то жутким, неестественным шумом, подобным тяжелым вздохам. В неясном свете факелов казалось, будто вся масса костей шевелится и ползает. Крысы, подумал я. Или дуновение воздуха откуда-нибудь снизу. Но Форфекс так не думал.

— Ох, Плутон! — крикнул он. — Лемуры!

Он так поспешно и неловко устремился к выходу, что столкнул бы Метона в шахту, не схвати я его вовремя за руку.

— Лемуры! — вновь крикнул Форфекс, и слова его эхом отразились от каменных стен. По его испуганному голосу невозможно было понять, боится ли он лемуров в яме или его окружили полчища лемуров в подземной комнате.

Мы поспешно устремились по каменному коридору и вывалились из арки в подземную комнату. Мы с Катилиной подняли факелы, но Форфекса там не оказалось — он не остановился и побежал дальше. До нас доносился его крик, сопровождаемый эхом: «Лемуры!», а также шорох камней, по которым он бежал. «Лемуры!» — слышали мы снова и снова. Затем послышался глухой стук, и крики замолкли.

Мы остановились как вкопанные и посмотрели друг на друга, удивляясь, что же могло произойти с Форфексом. Тонгилий покусывал губы.

— Но ведь не на самом же деле это... — пробормотал он.

— «Шахтерские мозги»! — воскликнул Метон.

Катилина слегка улыбнулся и выгнул брови дугой.

— Вне всякого сомнения.

Он простер перед собой факел и повел нас к выходу. При первых проблесках дневного света я с облегчением вздохнул. Чуть подальше мы увидели и Форфекса, лежащего неподалеку от выступов, именуемых «шахтерскими мозгами».

Он лежал на боку, тщетно пытаясь подняться.

Метон с Тонгилием подняли его и помогли идти. Все его волосы, а также одежда были испачканы кровью вперемешку с грязью. В мерцающем свете факела он походил на демона, шатаясь, закрывая глаза и простирая руки.

Страх и удар совершенно потрясли, ослабили его и сделали абсолютно беспомощным. С трудом нам удалось перетащить его через стену. Тонгилий помог и мне забраться наверх, а потом последовал за мной.

И именно Тонгилий же принялся ухаживать за пастухом. Он дал ему вина и смочил раны тем же вином, оторвал полосы от туники и перевязал ими голову, успокаивая при этом раненого. Человек, который вел нас вверх с такой вызывающей храбростью, теперь совершенно изменился. Мы по очереди помогали ему идти, подпирая его плечи; он был в состоянии передвигать ноги, но выбирать нужное направление уже не мог.

Тени вокруг нас удлинились. Застрекотали кузнечики и цикады, что обычно бывает перед сумерками. Форфекс еще не окончательно пришел в себя от испуга, но озирался по сторонам и повторял: «Лемуры!» Возможно, все ему показалось, а возможно, из-за своей близости к Плутону он и в самом деле увидел то, что мы не могли различить. Говорят, что когда человек близок к смерти, он может видеть тех, кто уже умер.

Наконец мы пришли к тому месту, где оставили лошадей. Мула Форфекса мы не стали брать, полагая, что он идет слишком медленно. Вместо этого Катилина вместе с Форфексом влез на свою лошадь. Когда мы перешли на галоп, пастух принялся громко жаловаться на боль в голове. «Лемуры!» — повторял он, указывая на пруд, тень или каменную глыбу.

Из открытой двери пастушьего домика падал желтый свет, а из загонов доносилось блеяние коз, приведенных сюда на ночевку. Катилина и Тонгилий спешили, помогая спуститься и Форфексу. Из двери вышел раб с широко раскрытыми глазами, но, вместо того чтобы подойти и поприветствовать нас или помочь Форфексу, он тут же опять скрылся. Через мгновение из дверей вышел еще один человек.

Мне случалось несколько раз видеть Гнея Клавдия во время судебных тяжб на Форуме. Его трудно было не узнать — рыжие волосы, повисшие мочалкой, скошенный подбородок, переходящий прямо в шею. Он был высоким и широкоплечим. Хотя он и унаследовал силу своих предков, никакого очарования она ему не придавала. Его лицо всегда было искажено кислым выражением, будто он был недоволен, что судьба лишила его приятных черт и наделила не совсем пригодными для жизни в обществе — такими, как громкий, хриплый голос, например.

— Форфекс! — крикнул он. — Где тебя носило?

Пастух оторвался от рук Тонгилия и уныло поплелся навстречу своему хозяину, наклонив голову, словно показывая ему свою рану.

— Хозяин, я и не предполагал, что вы вернетесь, пока не...

— А ты кто такой? — спросил Гней, уставившись на Катилину. В его глазах таилось какое-то смутное подозрение.

— Меня зовут Луций Сергий, — сказал Катилина, — я приехал из города...

— Сергий, да? — переспросил Гней. Он сплюнул на землю и хмуро кивнул, поняв, что перед ним патриций. — А зачем вам понадобился мой раб и зачем вы обследовали мои владения в мое отсутствие?

— Пастух показал нам всего лишь заброшенную шахту, там, на горе. Так что понимаете, что я...

— Шахту? А зачем вам понадобилось разглядывать мою шахту?

— Мне показалось, что вам вполне можно ее продавать.

— Неужели? А вы так интересуетесь добычей серебра?

— У меня есть знакомый, который интересуется.

Гней снова плюнул на землю.

— Нет, не следовало вам пересекать мои владения.

— Форфекс уверил нас, что в ваше отсутствие он обладает достаточной властью, чтобы...

— Форфекс так же грязен и вонюч, как и его козы. Обладает властью! Никто не смеет ходить по моей земле и что-то вынюхивать, пока меня нет дома. И ему прекрасно известно об этом — не правда ли, Форфекс? Не отклоняйся, когда я поднимаю на тебя руку! Что это? Я слышу звон!

Он сильно ударил старого пастуха. Форфекс отпрянул, закрыв лицо руками.

— Да, звон монет!

Гней разорвал его тунику и обнаружил мешочек с монетами, заглянул внутрь и бросил Катилине под ноги его три сестерция.

— Попрошу вас не подкупать моих рабов! Они и без того слишком самоуверенны!

Он с размаху ударил Форфекса по лицу, да так сильно, что пастух зашатался и упал.

— Гней Клавдий! — вмешался Тонгилий. — Разве вы не видите, что раб и так уже ранен? Он истекает кровью!

— А ты кто такой, мальчишка? — презрительно сказал Гней. — И кто вообще все эти незнакомцы, с которыми ты шатался по моим владениям?

Гней в первый раз посмотрел на меня с Метоном, но, казалось, не узнал. Сумерки скрывали наши черты.

— Гней Клавдий, — продолжал Катилина, — я совершенно законным образом интересуюсь этой шахтой. Мой знакомый повсюду разыскивает шахты, какими бы заброшенными они ни были, и хорошо платит за те, которые ему подходят. Вот я и решил, проезжая мимо, осмотреть вашу шахту. Если бы мне было известно, что вашему рабу не следует своевольничать, я бы и не просил его об этом одолжении.

Такая речь, казалось, немного смягчила гнев Гнея. Он в задумчивости перебирал губами. Через какое-то время он сказал:

— И что же вы высмотрели?

— У меня появилась надежда, — улыбнулся Катилина.

— В самом деле?

— Мне кажется, моему знакомому ваша шахта придется по душе.

— Но она уже долгие годы закрыта.

— Я знаю. Но у моего знакомого есть средства извлечь из породы серебро, даже если рудоносные жилы выглядят вконец истощенными. Перед тем как принять окончательное решение, он еще пошлет своих рабов, чтобы они как следует оценили положение — если, конечно, я сообщу ему, что стоит постараться.

— Значит, вы считаете, что можно продать эту землю...

— Увы, Гней Клавдий, надвигается ночь. Я так устал за этот день. Подъем на гору чрезвычайно тяжел и утомителен, насколько вы знаете. Мне кажется, нам стоит поговорить, но в другое время.

Катилина сел на лошадь. Тонгилий последовал его примеру.

— Вам есть где остановиться? Если нет, то... — начал Гней.

— Да, у нас есть ночлег, прекрасное место неподалеку отсюда.

— Может, вас проводить?..

— Не стоит. Мы знаем дорогу. Между прочим, я посоветовал бы, чтобы кто-нибудь позаботился о пастухе. Он серьезно повредил голову — это не его вина. Он всего лишь старался угодить мне. И он также заботился о вас. Жалко потерять такого раба из-за того, что его рвению не было уделено достаточно внимания.

Мы поехали, оставив Гнея смотреть нам вслед со смешанным выражением жадности и неопределенности на лице. Немного спустя я обернулся и увидел, что Гней поднял руку и ударил съжившегося старого пастуха прямо по голове.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

— Гней Клавдий — что за неприятный человек! — сказал Катилина. — И что, все ваши соседи настолько ужасны?

— Насколько я успел их узнать. Хотя, конечно, не все, — добавил я, вспомнив о Клавдии. — Не слишком ли горяча вода?

- В самый раз.
- А тебе, Тонгилий?
- Превосходно.
- Я могу позвать рабов, и они подкинут дров в печь...
- Нет, нет, а то я просто растаю, — сказал Катилина, погружаясь в лохань с теплой, дымящейся водой.

Мой старый друг Луций Клавдий снабдил свой загородный дом многими городскими удобствами, в том числе банями, включавшими в себя три комнатки—с теплой, горячей и прохладной водой. Летом я обычно мылся в реке, взяв с собой мыло и губку, ведь даже ночью было слишком жарко, чтобы погружаться в теплую воду. Катилина же попросил, чтобы рабы развели огонь и наполнили лохани горячей водой. На это дал согласие, скорее, не сам я, а мои ноющие ноги. Так что после обеда мы удалились не в атрий, а в бани. Мы сняли наши грязные туники и погрузились в бассейн с теплой водой, затем прошли в соседнее помещение, где и стояли лохани с горячей водой. Катилина и Тонгилий терли друг другу спины щеткой из слоновой кости.

Метон не пошел с нами, хотя, как мне казалось, он хотел послушать, о чем разговаривают взрослые. Бесконечная беготня по камням взяла свое, и он начал клевать носом еще до того, как нам подали последнее блюдо — жареный лук с приправами. Когда обед закончился, Вифания подняла его и отправила в кровать.

И это оказалось к лучшему, ведь я не хотел, чтобы Метон показывался обнаженным в присутствии Каталины. Говорили, что Катилина обладал ненасытным аппетитом к плотским удовольствиям, хотя он сам и отрицал это, рассказывая нам о происшествии с его подружкой весталкой.

Если судить по Тонгилию, то вкусы его были достаточно строги. Молодой человек обладал таким совершенным физическим строением, что ему позавидовал бы любой мальчишка, а старик бы пожалел о прошедшей юности. Как я понял, он был из породы тех молодых, очаровательных людей, которые становятся более надменными, когда снимают все одежды. Он с чрезмерным самолюбованием подымал из воды руки с мощными мускулами, горделиво смотрел по сторонам, откидывая свешивающиеся на лоб волосы таким движением, каким скульптор совершенствует свое творение.

Катилина, казалось, одобрял его жесты, внимательно за ним наблюдая. Не смотря друг на друга, они улыбались одновременно, поэтому я предположил, что они дотрагивались друг до друга под водой.

Наконец Тонгилий поднялся и вышел из воды. Он завернулся в полотенце и отряхнул мокрые волосы.

— Не хочешь ли окунуться в бассейн с холодной водой? — спросил я его.

— Я предпочитаю не охлаждаться перед сном. Пар, протекающий по телу, пока оно остывает, действует как массаж. И навеивает приятные сны.

Он улыбнулся мне и наклонился, едва не касаясь своей щекой щеки Каталины. Они шепотом обменялись несколькими фразами, а затем Тонгилий ушел.

— Ты давно его знаешь? — спросил я.

— Тонгилия? Пять лет или что-то около того. Тогда он был еще не старше Метона. Приятный молодой человек, правда?

Я кивнул. Комнату освещала лишь одна лампа, исевшая на цепи под потолком. Единственными звуками были бормотанье труб и всплески горячей воды. Поднимающийся пар придавал комнате странное оранжевое освещение. Я полностью погрузился в воду, на поверхности оставалась только голова, и меня наполнило чувство удовлетворения. Катилина сказал, что растает, если станет еще горячее, но, по-моему, я уже растаял.

Долгое время Катилина лежал напротив меня с закрытыми глазами. Я же рассматривал странные узоры и картины, которые представлял моему воображению пар.

— Что самое интересное, эту шахту действительно стоит покупать.
— Ты говоришь серьезно? — спросил я.
— Я всегда серьезен, Гордиан. Все эти кости, конечно же, нужно будет убрать, а то новые рабочие в ужас придут. Не стоит никого пугать. Нужно заботиться о моральном духе, даже у рабов.

— Ты кого-то цитируешь.

— Да, моего адвоката, того, кто покупает старые шахты и получает от них выгоду.

— Значит, такой человек существует на самом деле?

— Конечно. А ты думаешь, я солгал старому бедняге Форфексу?

— И я, конечно, знаю имя этого человека?

— Он всем известен.

— Марк Красс?

Катилина приоткрыл глаза и поднял брови.

— Да, ты решил и эту загадку, Гордиан, угадал имя загадочного покупателя. Но ее не трудно было решить. Известен всем — значит, нет нужды держать в тайне его имя. Покупает шахты, старается всеми средствами увеличить свои доходы. Кто еще, как не самый богатый человек в Риме?

— Загадкой является то, что ты слишком близко знаком с ним — так, что даже заботаешься о его делах.

— И что же здесь непонятного?

— Говорят, что твои политические представления чересчур радикальны, Катилина. Зачем самому богатому человеку в мире связываться со смутьяном, который ратует за передел собственности и за отмену долгов?

— Мне казалось, что ты не хочешь говорить о политике.

— Это все горячая вода виновата — размягчила мне голову. Это не я. Извини, уж так получается.

— Как хочешь. Да, действительно, у нас с Крассом имеются кое-какие разногласия, но мы при этом противостоям общему врагу — правящей олигархии. Ты прекрасно знаешь, кого я имею в виду — кучку семейств, связанных тесным родством, которые хватаются за власть и не остановятся ни перед чем, чтобы удержать ее и не отдать бразды правления оппозиции. Ты знаешь, как они себя называют? Лучшие Люди, «оптиматы». И такие слова они произносят без малейшей тени смущения, ведь власть настолько очевидна, что скромность тут излишня. А те, кто не принадлежит к их кругу, называются просто толпой, чернью. По их представлениям, власть должна принадлежать только им, ведь кто же еще, если не Лучшие Люди, могут управлять государством? Ох, как мне ненавистна их чопорная самоуверенность! А Цицерон полностью им продан. Цицерон, выскочка из Арпина, без благородных предков. Если бы только он знал, как оптиматы называют его за глаза...

— Мы говорим о Крассе, а не о Цицероне.

Катилина вздохнул и устроился поудобнее.

— Марк Красс слишком велик, чтобы принадлежать одной партии, даже оптиматам. Красс сам себе партия и, когда хочет, примыкает к оптиматам, когда не хочет — отстраняется. Ты прав, Крассу вовсе не по душе мои намерения преобразить экономику государства, что необходимо для спасения Республики. Он бы даже предпочел увидеть, как она погибает, лишь бы имя следующего диктатора было Марк Красс. Но в то же время нам часто приходится спланиваться против оптиматов. И конечно же, наши добрые отношения зародились еще в те времена, когда мы оба служили у Суллы.

— Ты хочешь сказать, что, как и Красс, ты нажился благодаря постановлениям Суллы, когда у его врагов отобрали собственность и устроили распродажи?

— Так многие поступали. Но я никогда не убивал ради выгоды и не предавал человека из мести. Ну да, мне известны слухи, будто бы я внес в списки имя мужа своей сестры, а

некоторые говорят, будто я сам убил его, а потом настоял, чтобы его объявили врагом Суллы. Как будто бы я нарочно старался обесчестить имя сестры и лишить ее наследства!

В его голосе появились гневные нотки.

— В прошлую избирательную кампанию пустили слух, не без участия брата Цицерона — Квинта, будто бы я помог в те годы убить претора Гратидиана. Бедный Гратидиан, растерзанный толпой! Они сломали ему ноги, оторвали руки, вырвали глаза, а затем обезглавили. Ужасающая жестокость! Мне пришлось быть свидетелем этого безумства, но я вовсе не подстрекал толпу, как утверждает Квинт Цицерон. И уж вовсе я не бегал по Риму, размахивая оторванной головой. Но некоторые из оптиматов привлекли меня к суду в прошлом году — и я полностью оправдал себя, как защищался от любого обвинения за все эти годы.

— Если уж зашла речь о головах, то твоя покраснела и стала похожа на свеклу. Вода, должно быть, очень горячая.

Катилина, увлекшись своей речью, высунулся по пояс из воды. Теперь он вздохнул и снова погрузился в лохань.

— Но мы говорим о Крассе... — Он улыбнулся, а я подивился тому, насколько быстро он может изменять свое настроение. — Знаешь, что на самом деле упрочило наше знакомство? Скандал с весталкой! Той весной к суду привлекли не только нас с Фабией — Красса обвинили в том, что он совратил саму главную жрицу! Ты помнишь подробности? Его настолько часто видели в ее компании, что Клодию не составило труда убедить в самом худшем половину Рима. Но Красс превосходно защитил себя — сказал, что просто докучал жрице по поводу продажи ее собственности и хотел заключить сделку — история настолько типичная для миллионера Красса, что все ему поверили. Ему удалось сохранить свою жизнь, как и мне, но мы оба запятнали себе репутацию — он, потому что все поверили в его невиновность, но сочли очень жадным, я же, по мнению толпы, просто легко отделался, хотя и был виноват. После судебного разбирательства мы отметили нашу победу, выпив несколько бутылок фалсонского вина. Политические союзы, Гордиан, часто заключаются не по правилам логики. Иногда они вырастают из совместно перенесенных неприятностей, — он внимательно посмотрел на меня, словно придавая вес своему высказыванию. — Но, насколько я понимаю, у тебя тоже были свои дела с Крассом.

— Он позвал меня, чтобы разобрать дело об убийстве своей кузины в Байях, — сказал я. — Это было девять лет тому назад. Обстоятельства были довольно примечательными, но я не вправе говорить о деталях. Достаточно того, что мы с ним расстались не совсем в дружеских отношениях.

Катилина улыбнулся.

— Красс, на самом деле, мне кое-что рассказал. Свою версию. Он хотел, чтобы ты обвинил нескольких рабов, но ты же настаивал на поисках истины, хотя это и противоречило планам Красса. Поверишь или нет, но он втайне восхитился твоей честностью, даже если ему и не нравилась, скажем так, твоя нестигаемая натура. Я думаю, что Красс и сам становится таким, когда дело касается его антипатий. Но, по крайней мере, дело в Байях имело хотя бы одно положительное последствие. Насколько я понимаю, там ты встретил Метона. Ах, пожалуйста, не опускай глаза, Гордиан. Я считаю, что это довольно замечательный поступок — освободить юного раба и усыновить его. Я понимаю, что ты так поступил не ради того, чтобы тебя хвалили, а ради мальчика. Мне все известно, со мной ты можешь быть откровенным.

— Я бы постарался забыть, что Марк Красс был хозяином Метона. Поступи он по-своему, Метон был бы уже давно мертв. Красс продал его сицилийскому крестьянину, чтобы воспрепятствовать мне. И то, что я его нашел и усыновил, доказывает, что можно противостоять слепой, маленькой и злобной мести. Даже самого богатого человека в мире.

Катилина надул губы.

— Как я вижу, Красс не все мне рассказал.

— Потому что Крассу не все известно. Но от меня ты тоже не все услышишь.

— А теперь и ты покраснел, Гордиан. Ну что, ты готов окунуться в холодную воду?

Как и Катилина во время предыдущей речи, я наполовину поднялся из воды. Я вздохнул и опустился на место.

— Ты защищаешь мальчика, как и следовало ожидать, — сказал Катилина. — Сейчас опасное время. Я и сам отец. Постоянно тревожусь за судьбу жены и дочери. Иногда мне кажется, что надо бы последовать твоему примеру и удалиться от мира, насколько это возможно. Жить в безвестности, как Цинциннат. Ты ведь знаешь старую историю — когда Республика была в опасности, то люди позвали крестьянина Цинцинната. Он отложил свой плуг, принял пост диктатора и спас отечество.

— А когда опасность миновала, вернулся к своему плугу.

— Да, но дело в том, что ему пришлось действовать, когда от него это потребовалось. Для мужчины повернуться спиной ко всему свету означает отказаться от возможности изменить будущее мира. Кто откажется от такой возможности? Даже если его попытки обречены на неудачу?

— Или приведут к тяжелым последствиям.

— Нет, Гордиан, когда я размышляю о мире, в котором будут жить мои потомки, я не могу оставаться безучастным отшельником. А когда думаю о том, что на меня смотрят мои предки, то не могу оставаться праздным. Мой предок стоял с Энеем, когда тот впервые высадился на Итальяском побережье. Возможно, во мне говорит патрицианская кровь, советуя мне взять бразды правления, даже если их придется вырывать из рук оптиматов!

Он вытянул руку и с силой шлепнул по воде. Затем опустился и некоторое время сидел молча. Сквозь оранжевую дымку он походил на актера на сцене.

В комнату вошел раб и спросил, не желаем ли мы, чтобы он открыл кран печки и пустил свежей горячей воды. Я кивнул, и раб удалился. Через мгновение загудели трубы и вода заколыхалась. Туман сгустился, свет лампы потускнел. Я уже не мог отчетливо разглядеть лицо Катилены.

— Хочешь узнать секрет, Гордиан?

«Ох, Катилина, — подумал я, — я так много всего хочу узнать, и в первую очередь — кто такой Немо и почему он оказался в моей конюшне без головы!»

Это, на самом деле, загадка...

— Загадывать загадку и рассказывать тайну — две разные вещи. Я хочу услышать секрет. А загадки разгадывать я сегодня уже не намерен.

— Извини. Но попробуй — как человек может дважды потерять голову?

Вода завертелась маленьким круговоротом. Туман стал плотным, как на море.

— Не знаю, Катилина. И как же человек может дважды потерять голову?

— Сначала от любви, а потом на плахе.

— Ответ я понимаю, но не загадку.

— От весталки Фабии я потерял голову в первый раз, а потом едва не потерял от рук палача. Понимаешь? Мне кажется, что это хорошая загадка. Тогда я был моложе. Каким же дураком я был...

— Ты о чем говоришь, Катилина?

— Я рассказываю тебе о том, что ты всегда подозревал. Между нами с Фабией было общего не только то, что мы интересовались арретинскими вазами.

— А той ночью, в доме весталок...

— Это было в первый раз. Раньше она всегда отказывала мне. Когда закричал человек за перегородкой, мы как раз занимались любовью. На Фабии было платье, на мне — туника, и все это время мы стояли. Я-то хотел раздеться и отнести ее на ложе, но она настояла на том, чтобы не раздеваться. Но все равно это был один из самых восхитительных моментов в моей

жизни. Когда человек закричал, я едва услышал его в пылу страсти. Я сам вполне мог закричать от удовольствия. Фабия, конечно же, испугалась, оттолкнула меня. Но я уверил ее, что это безумие. Я-то еще не довел дело до конца. Если бы она меня оттолкнула, то я бы оставил лужу доказательств нашей преступной связи на полу или бы меня выдавало вздутие под туникой. Так что мы едва успели до прихода главной Жрицы. Щеки Фабии налились румянцем, словно спелые яблоки. Груды ее вздымались и покрылись потом. Я все еще дрожал...

— Катилина, зачем ты мне это рассказываешь?

— Потому что ты достоин знать правду, Гордиан; ты один из немногих, кому следует это узнать. Потому что ты никогда не знал того, что случилось, до конца, а теперь знаешь.

— Но зачем мне сейчас рассказывать о том случае?

Катилина долго молчал. Сквозь оранжевую дымку я пытался определить выражение его лица, но не мог. То ли он хмурился, то ли его глаза смеялись. Потом он сказал:

— Говорят, у тебя дар — умение выслушивать людей. Любому политику нужен такой человек. Говорят, что ты умеешь вытянуть истину из любого, даже если он сам этого не хочет.

— Кто говорит?

— Ну, например, Красс. Все эти годы он не забывал вашего ночного разговора в Байях. Он не припомнит другого такого случая, когда настолько откровенно говорил с человеком. Он утверждает, что у тебя сверхъестественная способность вытягивать истину из людских сердец.

— Но только когда их сердца отягощены тайной. Если их гнетет тайное бремя.

— Какое еще бремя? — спросил Катилина.

— Каждый раз по-разному. Кто-то вынужден признаваться в своих страхах, кто-то — что причинял зло уже умершим людям. Некоторые говорят о том, как они были жестоки к другим, другие повествуют, как жестоко обращались с ними самими. Есть люди, которые совершили ужасные преступления, ушли от закона и от мести богов, но все еще чувствуют потребность кому-то признаться. Другие только воображают подобные преступления и если не свалят с плеч этот груз, то на самом деле их совершат.

— А как те, что должны были совершить преступление, но не смогли?

— Не понимаю.

— Как насчет тех, кто должен действовать, но замаялся и передумал в последний момент? Встречал ли ты, Гордиан, такого человека, который бы признался, что не совершал преступления, хотя, казалось бы, должен был его совершить?

— Это что, еще одна загадка?

Несмотря на полумрак, я догадался, что он улыбается.

— Возможно. Но время ответа на нее не пришло, как и время ответа на ту загадку, что тебе загадал Марк Целий. Может быть, время так и не придет.

— Я думаю, Катилина, что тебе есть в чем признаваться и помимо таких странных поступков.

Я думал, что мои слова оскорбят его. Но он рассмеялся, сначала очень резко и громко, а затем тихо, и его хихиканье смешалось с гудением труб и всплесками воды.

— Мне кажется, моя репутация превосходит действительность. Если ты узнаешь меня поближе, то поймешь, что всю жизнь я был жертвой непрерывных происков своих врагов. Три года назад меня привлекли к суду за вымогательство в мою бытность консулом Африки. Неужели ты полагаешь, что подобные поступки имели место? Нет, все выдумал мой враг Клодий, чтобы очернить меня в глазах оптиматов: Какого-то результата они достигли — я был вынужден отстраниться на два года от политической борьбы за место консула. Меня в конце концов оправдали, но никто не вспоминает об этом. Знаешь ли ты, что перед разбирательством защищать меня собирался сам Цицерон? Да, да, тот самый перебежчик, что

чернит меня в глазах всех граждан и называет самым злостным созданием в Риме. Мне кажется, такое определение подходит больше всего к нему самому.

В прошлом году я наконец-то смог бороться за должность консула, и оптиматы не могли остановить меня. Поэтому они подкупили Цицерона и направили его злобный язык против меня. Я проиграл. Но и тогда они боялись, что я выиграю в следующий раз, и вот они выдумали судебное разбирательство по делу убийства Гратидиана во времена Суллы! Будь уверен, Цицерон на этот раз не предлагал мне свои услуги! Но я все равно был оправдан, и попытка оптиматов устранить меня от участия в выборах не удалась. В этом году я опять буду в них участвовать.

Так что, Гордиан, думай сам, много ли значат эти преступления, вымышленные моими противниками, которым так легко очернить человека, как и прикончить муху одним шлепком. Когда человека постоянно таскают по судам, конечно, на нем остается грязное пятно, но в каких преступлениях я должен каяться, если я всего лишь муха, попавшая в тарелку оптиматов?

Я, прищурившись, посмотрел на Каталину, но разглядел только неопределенный островок посреди тумана.

— Я имел в виду другие преступления, обвинения другого рода.

— Ты слишком умен, чтобы верить и половине того, что слышишь, Гордиан, особенно тому, что исходит из ядовитых уст Цицерона и его брата Квинта. Я вовсе не говорю, что я такой скромный и тихий человек. Но я и не чудовище, каким меня изображают враги, — да разве и может человек быть таким? Ну хорошо, начнем с самого худшего: когда я хотел вступить в брак с моей будущей женой, она якобы отказалась, потому что у меня уже был наследник, и поэтому я якобы убил своего сына. Ты, Гордиан, отец, представляешь, как оскорбили меня такие сплетни? Я целыми днями скорбел о смерти сына. Если бы он остался в живых, то был бы на моей стороне, служа мне опорой и поддержкой. Он умер от лихорадки, но враги утверждают, что от яда, и используют трагедию его смерти, чтобы выдумать жалкие и низкие обвинения против меня.

Также говорят, будто я женился на Аврелии Орестилле, чтобы выпутаться из долгов. Ха-ха! Только по неосведомленности можно так недооценивать мои долги! Они также недооценивают нашу взаимную привязанность с Аврелией, но это вовсе не их дело и не твое, да простится мне моя невежливость.

Потом эти слухи о моих сексуальных похождениях. Кое-что из этого — правда, но остальное — чистейшие выдумки. Им осталось придумать только, будто я обесчестил собственную мать и таким образом породил себя! И какая разница, что некоторые эпизоды правдивы? Никто давно уже не придает таким делам значения, кроме засохших моралистов вроде Катона и Цицерона с его черным языком. Сказать по-честному, я никогда не мог понять, почему люди, не испытывающие аппетита, так ненавидят людей, наслаждающихся изысканной пищей!

— Хорошо сказано, Катилина, но одно дело — превосходный обед, а другое — обесчещенная девушка, лишившаяся возможности счастливого замужества, как и опороченные молодые люди, опозорившие себя тем, что вовлеклись в твою политическую игру.

Лампа почти догорела. В потемках я расслышал вздох.

— Увы, Гордиан, я уже не могу видеть твоего лица, поэтому надеюсь, что ты улыбаешься, зная, что большинство этих историй выдуманы моими врагами. Ну да, признаюсь, что я испытываю склонность к молодым и невинным. Какой же человек со здоровым аппетитом пройдет мимо дерева и не оглянется на сочный плод, висящий на нем? А в этом развращенном мире, где так много лжи и обмана, как можно не находить удовольствие и успокоение в чистых душах молодых людей? Но силой я никого не принуждал. Меня обвиняли в воровстве и убийствах, но не в изнасиловании — даже мои

враги признают, что никто не ложился в мою постель по принуждению. И я не просто беру, не отдавая ничего взамен. Мне отдают невинность в обмен на мои связи, удобства, которые я могу предоставить; каждый благодарит тем, чем способен поделиться.

— А что ты дал весталке Фабии?

— Я предоставил ей возможность испытать приключение! Удовольствие, наслаждение, опасность — все то, чего она была лишена.

— А также возможность быть закопанной живьем? Ведь дело вполне могло обернуться и так.

— За это порицай Клодия, а не меня.

— Ты слишком легко уклоняешься от ответственности.

Он опять замолчал, и я услышал, как он ерзает на месте. Затем он встал, клубы пара закружились вокруг него. От жары кожа его покраснела. Волосы были покрыты влагой, и капли пота стекали по его груди и животу. Плечи его были широкими, живот плоским. Он производил впечатление сильного и хорошо сложенного человека. Не удивительно, что его могли так любить; не удивительно и то, что худые и невыразительные люди, подобные Катону и Цицерону, ненавидели и презирали его за физическое превосходство и любовные похождения.

Казалось, он прочитал мои мысли.

— Ты и сам неплохо выглядишь, Гордиан. Сельская жизнь, очевидно, как раз для тебя. В городе же люди толстеют и хиреют — одно дело слабеть от старости, а другое — от праздности, не так ли? Но мне кажется, что у тебя тоже немалые аппетиты.

Он стоял и смотрел на меня сверху вниз, словно ожидая какого-то ответа. От его взгляда мне стало неловко.

— Ну, — сказал он наконец, — хватит с меня этой жары! Может, пойдем, окунемся в холодную воду, Гордиан?

— Нет, я еще немного побуду здесь. Я, возможно, последую примеру Тонгилия, просто вытрусь и отправлюсь спать.

Каталина вышел из воды. Он взял свое полотенце из ниши в стене, но не счел нужным прикрыться. Перед дверью, ведущей в холодную комнату, он остановился.

— Может, мне позвать раба, чтобы он принес другую лампу?

— Нет, — ответил я, — я сейчас как раз хочу побыть в темноте.

Катилина кивнул, вышел и закрыл дверь. Через мгновение свет замерцал и погас. Я лежал в темноте, размышляя над словами Каталины и думая о его якобы вымышленных преступлениях.

Должно быть, я задремал, потому что неожиданно проснулся от слабого скрипа. Скрипела не та дверь, в которую прошел Каталина, а противоположная, ведущая в комнату с теплой ванной, а оттуда во внутренние помещения. В то же мгновение в дверном проеме показался свет.

Возможно, дверь открылась сама по себе, оттого, что распухла от влаги. Но мое сердце забилось сильнее, и от сонливости не осталось и следа. Может быть, это Тонгилий решил вернуться, повторял я себе, но почему он скрывается? А вдруг это раб принес новую лампу — почему же он тогда не входит?

Я вслушивался, но ничего больше не слышал.

Однако я был совершенно уверен, что за дверью кто-то стоит.

Я как можно тише поднялся, взял полотенце, но не стал им прикрываться — им можно, как щитом, защищаться от ударов кинжала, можно им связать врага, или, перекинув через шею, задушить его. Я тихо взялся за деревянную ручку, обождал, пока сердцебиение немного утихнет, и открыл дверь.

Человек за дверью споткнулся и упал на меня. Я схватил его за одежду, скрутил и вывернул руки. Человек шатался, но не пытался сопротивляться. Потом он повернул ко мне

свое лицо.

Я пробормотал проклятье и отшвырнул полотенце.

Мой пленник тяжело вздохнул, переводя дыхание, а затем прошептал, словно это была игра:

— Так значит, Катилина на самом деле спал с весталкой!

— Метон!

— Извини, папа, но я не смог заснуть. У меня так болели ноги от подъема на гору! Когда я подошел к двери, я услышал, как вы разговариваете. Конечно, я должен был заявить о своем присутствии, но мне хотелось вас послушать. Вы бы ничего такого не сказали, если бы знали, что я вас слушаю? А я очень тихо стоял, ведь правда? Но, к сожалению, допустил ошибку, опершись о дверь...

— Метон, когда ты научишься уважению и почитанию к старшим?

Метон приложил палец к губам и указал кивком на противоположную дверь. Я понизил голос.

— Это твоя привычка тайком подслушивать те разговоры, из которых ты можешь узнать... — Я вздохнул. — Нет, я на самом деле не знал, где ты находишься, пока не скрипнула дверь. А это значит, что ты молодой и проворный, а я становлюсь глухим и старым. Интересно, кто из нас больше нуждается в ночном отдыхе?

Метон улыбнулся, и я не мог не улыбнуться в ответ. Я схватил его за шею и потрепал довольно грубо. Пора уже было спать, но перед тем, как уйти, я оглянулся и посмотрел на дверь, ведущую в комнату с холодной водой. Оттуда донеслось несколько всплесков. Как и в прошлую ночь, скоро весь дом заснет, и только Катилина останется бодрствовать, отгоняя Морфея и, кто знает, каких еще богов, желающих снизойти к нему.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

Морфей, должно быть, наконец-то снизошел на Катилину и заявил свои права, потому что они с Тонгилием довольно поздно появились на кухне в поисках съестного. Гости были немного бледны, но бодры и явно довольны друг другом. Обменявшись несколькими шутками и посмеявшись, они быстро умяли все, что Конгрион поставил на стол.

Покончив с завтраком, Катилина объявил, что после полудня они уезжают. Они надели синие походные туники, собрали свои вещи, попрощались с Вифанией, поблагодарили Конгриона и пошли загружать своих лошадей на конюшне.

На мой вопрос, куда они держат путь, Катилина ответил, что на север, потому что ему нужно еще посетить Этрурию, населенную ветеранами Суллы, которым диктатор отдал земли, отобранные у своих врагов. Я смотрел им вслед. Невзирая на давние тревоги, я не так уж и радовался его отъезду, как следовало бы.

Но когда они доехали до Кассиановой дороги, то повернули не на север, а на юг, к Риму. Я бы этого не заметил, потому что перестал смотреть на них, но от Метона они не скрылись. Он подбежал ко мне, указывая на две отдаляющиеся фигурки.

— Что ты об этом думаешь, папа?

— Странно, — сказал я. — Катилина утверждал, что собирается на север. Интересно, почему...

— Я пойду на холм, — через плечо бросил Метон уже на пути к лесу.

Когда я догнал его, пытая и задыхаясь, он достиг вершины, где нашел прекрасное место для наблюдения за дорогой — между двух склонившихся дубов, защищенное от посторонних взглядов зарослями ежевики. Нас с дорога не было видно, но мы могли прекрасно за всем наблюдать.

Не трудно оказалось найти на дороге Катилину и Тонгилия, поскольку они были единственными всадниками на всем ее протяжении. Они остановились неподалеку от того

места, где можно перейти с холма на гору Аргентум. Почему они замешкались, мне было неясно, но потом я понял, что они ждут, пока не пройдет стадо быков, идущее на север. Из-за холма не было видно быков, так же, как и Каталину с Тонгилием мог не заметить пастух. Они таинственно осмотрелись по сторонам, слезли с лошадей и повели их в кусты к востоку от дороги.

Потом они снова появились у нас на виду, уже без лошадей, но скоро опять скрылись за большим деревом. Потом они опять появились и опять исчезли. Так они продолжали ходить туда-сюда, словно что-то искали.

— Что они ищут? — спросил Метон.

— Начало тропы.

— Какой тропы?

Ты, должно быть, убежал куда-то, когда Форфекс говорил, что есть еще одна тропа, ведущая к шахте. Она начинается где-то у Кассиановой дороги. Только ею давно никто не пользовался. Вот Каталина и хочет узнать, где она начинается.

— Но зачем? Ведь он уже побывал в шахте?

Я не ответил, и Метон нахмурился, догадавшись, что я скрываю от него свои домыслы. Вместе мы продолжали смотреть, как Каталина с Тонгилием ходят вдоль дороги. С юга показалась вереница рабов в цепях, которых вели свободные люди с плетками. Двое друзей скрылись, дали им пройти и вновь вышли, когда дорога освободилась.

Но потом они вошли в кусты и не появлялись так долго, что я уже решил, будто они нашли предмет своих поисков. Вдруг Метон схватил меня за руку. В то же мгновение я услышал внизу какой-то шорох, а потом раздался знакомый голос:

— Зачем ты туда забрался — ой, извини, я не хотела напугать тебя! Ах, Гордиан, я понимаю, что это неприлично, но не могу удержаться от смеха — так уж ты напугался!

— Клавдия, — сказал я.

Да, это я и есть. А это юный Метон, насколько я помню твоего мальчика. Но нет, я не должна называть его мальчиком, правда, юноша? Тебе ведь в этом году исполняется шестнадцать?

— Да, — ответил Метон, оглядываясь на дорогу.

— Какой восхитительный вид отсюда, не правда ли? Какая панорама открывается с этой возвышенности!

— Но ведь там, в ежевике, вам неудобно. Спускайтесь сюда, здесь то же самое, но можно при этом сидеть на бревне.

Я кивнул, стараясь не смотреть вниз, на дорогу. Взгляд мой остановился на корзине, которую держала Клавдия.

— Ах, не бойся помешать мне перекусить! У меня, Гордиан, достаточно хлеба, сыра и оливок для всех. Спускайся, я не хочу, чтобы ты упрекал меня в жадности.

Мы спустились на поляну. Как и обещала Клавдия, вид оттуда открывался тот же самый, но нас могли увидеть с дороги.

— Ну как, лучше? — спросила Клавдия, опуская свое грузное тело на бревно и ставя корзину рядом с собой.

— Намного, — ответил я.

Метон не мог удержаться, чтобы еще раз не посмотреть на то место, где мы заметили Каталину и Тонгилия. Из него, может быть, и получится хороший наблюдатель, но актер он никакой.

— Метон, иди-ка домой.

— Ах, Гордиан, не будь таким суровым родителем! Мой отец тоже слишком строго со мной обращался, когда я была девочкой. Это ведь последнее лето его детства, а ты хочешь, чтобы он принимался за домашние дела. Скоро он станет мужчиной, а летние дни останутся такими же жаркими, но столь долгими и прелестными им не бывать никогда! Цветы, пчелы,

невинные радости. Нет, пожалуйста, пусть Метон останется.

Она настояла на своем, и Метон сел слева от нее, а я справа. Она передала нам еду и подождала, пока мы первыми не начнем есть. Пока Метон сидел на бревне и сосредоточенно жевал сыр, ему удавалось делать вид, будто он в задумчивости смотрит на гору. По Кассиановой дороге прошло стадо овец, рабы с вязанками хвороста, затем показался длинный караван закрытых телег в сопровождении вооруженной охраны. Он направлялся к Риму.

— Вазы из Арреция, — заметила Клавдия.

— Откуда ты знаешь? — спросил Метон.

— Ну, потому что я прекрасно вижу сквозь ящики, — ответила Клавдия и рассмеялась, когда поняла, что Метон готов поверить ей. — Потому что я с детства привыкла видеть такие повозки, Метон. И всегда на них везли арретинские вазы в Рим. Они страшно дорогие — потому их и охраняют. А если бы везли что-то другое, представляющее ценность, то двигались бы вдвое быстрее. Золото и серебро не разобьются, в отличие от прекрасных vaz.

Казалось, эти повозки весь день будут тащиться по дороге. Каталины нигде не было.

Потом Метон издал горлом какой-то странный звук и, когда я взглянул на него, почти незаметно кивнул. Я проследил за его взглядом до того места, где на горе, в двухстах футах вверх от дороги, мелькала синяя туника Каталины. Рядом появилась вторая синяя фигурка.

Клавдия рылась в корзине и ничего не замечала.

— На самом деле, Гордиан, я надеялась сегодня тебя встретить, иначе мне пришлось бы идти к тебе в гости. Я рада, что и ты, Метон, здесь, ведь дело касается и тебя.

Она выпрямилась и поджала губы. Я подумал, что она смотрит прямо на Каталину и Тонгилия, но она просто задумалась и ничего не видела, подыскивая слова.

— Что такое, Клавдия?

— Ах, трудно сказать...

— В самом деле?

— Сегодня утром ко мне пришел мой кузен, Гней. Он сказал, что вчера у него на горе побывали какие-то незнакомцы, люди из Рима. Они осматривали его шахту.

— Это правда? — спросил я и посмотрел на дорогу и на гору. Каталина с Тонгилием снова скрылись из виду.

— Да. Один из них хотел купить ее или представлял интересы возможного покупателя. Бессмыслица — ведь шахта давно заброшена. В ней уже совсем нет серебра. Тем не менее Гней спросил меня, не видела ли я кого поблизости от своего дома и не подымался ли вчера кто-нибудь по горе — ведь часть старой тропы проходит неподалеку от меня. Я никого не видела, да и мои рабы тоже. — Клавдия замолчала, чтобы прожевать оливку. — Гней сказал, что не знает этих людей. Только один из них потрудился представиться — некто из Сергиев, приехал из Рима, как я уже сказала. Но после Гней расспросил пастуха, который их сопровождал, Форфекса, и знаешь, что тот ему сообщил?

— И представить даже не могу.

— Он сказал, что с Сергием был более молодой человек, возможно, его товарищ, а также мужчина средних лет и подросток. Он их не знает, но вроде бы слышал, будто того человека называли Гордиан.

Она посмотрела на меня, вопросительно подняв бровь.

— А Гней сам видел их?

Да. Но уже надвигались сумерки. Несмотря на свой молодой возраст, Гней плохо видит. Поэтому ему и не удастся подстрелить кабана на охоте.

— Ага. Значит, ты спрашиваешь...

— Ничего я не спрашиваю. Я все вижу по твоему лицу. Ну, не все, так многое. Это твое дело, почему ты решил пройти по владениям моего родственника. Если Гней хочет разобраться с тобой, то пускай сам разбирается. Но тем не менее плохой бы я была соседкой

и родственницей, если бы хранила молчание. Гней вовсе не обрадовался, когда Форфекс назвал твое имя. Сомневаюсь, что он посетит тебя или хотя бы пошлет раба; он предпочитает размышлять в одиночку, охотясь на своих кабанов. Но если у тебя есть какие-то тайные дела, я советую тебе быть осторожным. Смотри, Гордиан! С моими родственниками шутить не стоит. Я с трудом могу их успокоить. Я говорю с тобой как с другом.

Она остановилась, чтобы я хорошенько обдумал ее слова, потом наклонилась и пошарила в корзине.

— А теперь у меня для тебя сюрприз — медовые пирожные! Мой новый повар испек их только сегодня утром. Увы, он не Конгрион, но печет неплохо.

Метон охотно оторвал глаза от холма; ему всегда нравились пирожные. Он быстро умял парочку и облизал пальцы. Я отказался от угощения.

— Ты не любишь сладкое, Гордиан? Мой новый повар обидится, если я вернусь с ними домой.

— Цицеронов недуг, — объяснил я, дотрагиваясь до живота и хмуря брови.

— Ах, я, наверное, расстроила твое пищеварение всеми этими разговорами про Гнея. Не надо было затевать эту беседу во время еды. Но вдруг пирожное с медом поправит твой желудок?

— Не думаю.

Меня расстроили не только новости Клавдии, но также мысль, что она в любой момент может обнаружить Катилину на склоне горы. Если бы она ушла! Но моя соседка хотела еще немного поговорить с нами.

— Итак, праздник тоги будет в этом месяце. И когда же?

— За два дня до ид.

— Ах, да, как раз после выборов.

Я кивнул, но ничего не ответил, надеясь, что мое молчание поможет забыть о политике. Плохо, что я собирался в город как раз после выборов. Выиграет Катилина или проиграет, его враги и сторонники не преминут устроить беспорядки на улицах. И если, как сказал Целий, в воздухе действительно носится дух революции, то мне в этот момент меньше всего хочется быть именно в Риме.

Клавдия кивнула и улыбнулась.

— Пройдет десять дней, и ты станешь мужчиной, Метон! Но я подожду со своими поздравлениями до твоего рождения. Я надеюсь, вы устроите праздник в доме перед тем, как он пойдет на Форум? Я не рано напрашиваюсь в гости?

— А ты тоже будешь в городе, Клавдия?

— Боюсь, что да. — Она вздохнула. — Вместе со своими дорогими родственничками. Они все собираются в город на время выборов. Конечно же, голосуют только мужчины, и я бы ни за что не поехала в город, но ничего не могу поделать. Луций оставил мне дом в городе, я собираюсь сдавать его, управляющий говорит, что его нужно отремонтировать. И я хочу сама за всем проследить. Уезжаю я завтра и собираюсь пробыть там больше месяца.

Она ожидающе посмотрела на меня.

— Ну конечно, ты можешь прийти и поздравить Метона.

— Спасибо! Я так рада. Понимаешь, ведь у меня никогда не было сына... — Ее голос дрогнул. — И я, конечно же, привезу медовые пирожные! — добавила она, просяив. — Метону они понравятся.

Клавдия протянула руку и похлопала его по плечу. Метон скромно улыбнулся, а затем странное выражение пробежало по его лицу.

Он смотрел куда-то вниз. Я проследил за его взглядом и увидел, как Катилина с Тонгилием выходят из леса на дорогу.

Клавдия почувствовала, что что-то ускользнуло от ее внимания, и посмотрела сначала на Метона, а потом на меня.

— Возможно, — пробормотал я. — Наверное, и мне понравятся эти пирожные.

— Хорошо, давай я тебе выберу одно, самое лучшее, как раз то, что лежит сверху, — сказала она, склоняясь над корзиной.

Я взял пирожное, глядя ей прямо в глаза. Она улыбнулась, кивнула, а потом резко перевела взгляд на дорогу.

— Посмотрите, — сказала она. — Кто вон те люди и откуда они взялись?

Я хотел заговорить, но только кашлянул, словно пирожное застряло у меня в горле. Метон, видя мою беспомощность, взял ответственность на себя.

— Какие люди? — спросил он совершенно невинным голосом.

— Вон те двое, на конях. Откуда они прискакали?

Клавдия нахмурила брови, склонила голову и задумчиво принялась наматывать на палец отбившуюся прядь волос.

Метон пожал плечами.

— Просто люди.

— Но они едут на север. Я не видела, как они скакали. Ведь отсюда видна вся Кассианова дорога, вплоть до самого Рима. Ну, я, конечно, немного преувеличиваю, но все равно я бы их заметила издали. А они вдруг неожиданно появились откуда-то.

— Не совсем неожиданно. Я видел, как они скакали, — сказал Метон насколько можно непринужденной.

— Ты видел?

— Да, некоторое время я смотрел на них. Мне кажется, это было видно тогда, когда ты указала на повозки с вазами. Да, я заметил двух всадников, скачущих издали. А теперь видишь — повозки прошли половину пути. Значит, всадники скачут в два раза быстрее. Правда, папа?

Я неопределенно кивнул и подумал, что напрасно сомневался в актерских способностях своего сына.

Но Клавдия продолжала задумчиво смотреть на дорогу.

— Значит, ты все время их видел — видел, как они миновали повозки и приблизились к нам?

Метон кивнул.

— И ты тоже, Гордиан?

Я пожал плечами.

— Два всадника на Кассиановой дороге. Возможно, едут из Рима.

Клавдия смутилась.

— Почему же я их не заметила? О, Циклопы и Эдип, глаза мои стали слабее Гнеевых глаз.

— Ничего страшного здесь нет, — уверял я ее. — Ты отвлеклась, разговаривая с нами, и не заметила их. Ни к чему так беспокоиться.

— Не нравится мне, что откуда ни возмись появляются какие-то всадники, — пробормотала она, — мне не нравится... — Голос ее дрогнул, но она улыбнулась. — Но ты прав. Глупая я, глупая. Заговорила, ничего не заметила, а потом удивляюсь да еще расстраиваюсь, что у меня не такое острое зрение. Так вы уже наелись? Не хотите больше пирожных? Тогда я их заверну, чтобы они не пропали. Боги карают нерадивых и небережливых, как говорил мой отец. Я должна идти. Спасибо, Метон, за то, что помог мне собраться. — Она взяла в руки корзину и выпрямилась. — Я уезжаю завтра, а вернусь не скоро — представьте себе, сколько приказаний нужно оставить рабам, поговорить с новым поваром, да еще и вещи собрать! Ах, ненавижу суету — и зачем только Луций оставил мне этот дом в городе? Но я рада, что встретила вас сегодня. Так значит, праздник будет проходить у вас в доме?

— Да, теперь это дом Экона. На Эсквилине. Его, правда, нелегко найти...

— Но ведь ты был лучшим другом Луция. Его рабы, конечно же, помогут мне найти твой дом.

— Мы с радостью примем тебя.

— И вот еще что, Гордиан, — подумай хорошенько, поразмысли над тем, что я сказала о Гнее. Берегись. У тебя ведь семья.

Перед тем как она повернулась, ее лицо стало серьезным, почти суровым.

Через мгновение после того, как она исчезла за деревьями, я облизал мед с пальцев и пожалел, что Клавдия уже унесла пирожные. Тем временем Катилина с Тонгилием скакали во весь опор по Кассиановой дороге. Мы с Метонем смотрели им вслед, пока всадники не слились с дрожащим горизонтом далеко на севере.

— Забавный человек этот Катилина, — сказано Метон.

— Катилина, — откликнулся я, — это пятно на горизонте.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

Следующие дни прошли без особых происшествий — то есть без приключений вроде случая с Немо. Событий же было достаточно, ведь переезд семьи в город, пусть даже и на короткий срок, — дело, требующее долгих размышлений и сборов. Когда я думаю о том, как прославленные полководцы вроде Помпея успешно ведут свои войска по земле и по морю, распоряжаются установкой палаток, приготовлением обеда, следят за своими лошадьми, я поневоле испытываю благоговейное уважение.

Арат сказал мне, что в круг его обязанностей входило также руководить сборами своего хозяина перед отправлением в город. Поскольку Луций довольно часто путешествовал и любил роскошь, то это заявление меня поначалу впечатлило. Потом я понял, что богач Луций имел множество различных необходимых вещей и в деревне, и в городе и ему не было нужды таскать весь скарб с собой, словно черепаха. Мы же с Вифанией раздумывали, что нужно взять с собой, чтобы, с одной стороны, не стеснить Экона с его женой, а с другой, чтобы дела в поместье шли по-прежнему хорошо. Все это требовало немалых усилий.

Тем не менее я выкроил время для постройки водяной мельницы. Погода стояла как раз сухая и теплая, поток воды в речушке уменьшался с каждым днем. Поэтому легко было выкорчевывать камни из одного места и скреплять их раствором в другом, чтобы выровнять поверхность. Я беспокоился по поводу возможной нехватки воды, но, к счастью, возле подножия холма имелся колодец, вырытый в незапамятные времена, как мне поведал Арат. Он располагался в тени оливковых деревьев и был обнесен низкой каменной стеной. Сам колодец был такой глубокий, что из него едва долетало эхо, когда опускали ведро. Он не подводил даже во времена самых жестоких засух, объяснил мне Арат.

Но, занятый сборами и постройкой мельницы, я все-таки отдыхал от незваных гостей. Выборы назначили на пятый день до ид; так что консула выберут еще до того, как мы отправимся в Рим. Не ради участия в политической жизни, а просто для того, чтобы насладиться пребыванием рядом с Эконом и отметить день рождения Метона, не беспокоясь о том, над чем я не имел никакого контроля и чем решительно не хотел интересоваться. Выберут Катилину консулом или он проиграет, но его вмешательство в мою жизнь более не повторится.

Меня продолжала заботить тайна Немо, загадочные обстоятельства его смерти, ведь причины, приведшие к его появлению в моей конюшне, оставались неизвестными, но я беспокоился бы больше, если бы такие случаи продолжались и далее или если бы Вифания с Дианой оставались одни в доме. Но вместе мы будем в безопасности, насколько это возможно в таком городе, как Рим.

За день до отъезда я выбрал время, отвлекся от приготовлений и от постройки мельницы и тайком прокрался в то место, где мы похоронили Немо. Я встал у стены и

пальцами провел по высеченным на ней буквам. «Кто ты? — спросил. — Как тебя угораздило умереть? Где твоя голова и как ты попал ко мне?» Я старался убедить себя, что все позади, но оставалось еще какое-то смутное чувство вины, неисполненности обязательств. Не по отношению к Цицерону, вовсе нет, а по отношению к тени Немо.

Я содрогнулся. Чтобы унять напряжение в плечах, так я решил. Или я пожал плечами, чтобы показать свое безразличие? Разве я что-нибудь должен этому Немо? А если бы я увидел его лицо, узнал бы я его? Мне это казалось маловероятным. Насколько я понимал, он не был мне ни другом, ни клиентом. Значит, я ничего ему не должен. Я снова пожал плечами, но не отвернулся, как намеревался, а продолжал стоять и смотреть на четыре буквы, которые скрывали его настоящее имя.

Случается, что люди всю жизнь живут с неразгаданной тайной, но так и не узнают ее: так легче выжить в этом мире, полном опасностей. И я тоже буду так жить, заботиться о благосостоянии, защищать членов своей семьи. Я буду поступать, как того потребуют обстоятельства, стараясь не вмешиваться не в свои дела. Так я повторял себе, убеждая себя самого, как отец убеждает сына. Зачем я вообще пришел на могилу Немо, если не отдать ему дань уважения и не пообщаться с его тенью? Я клялся другим мертвецам обнаружить причины их смерти, так, чтобы сохранилась видимость правосудия и справедливости. Я делал это потому, что боги не захотели сохранить меня в блаженном неведении и в невинности. Но я никогда ничего не обещал Немо, когда он был жив, говорил я себе, поэтому я и не связан с ним никакими обязательствами.

С трудом я заставил себя повернуться. Мне казалось, что Немо хватает меня за плечо, принуждая дать обещание. Я вырвался из его воображаемых объятий, проклиная всех, от Нумы до Немо, и направился обратно к реке.

В тот день я накричал на Арата без всякой причины, а после обеда Вифания сказала, что весь день я привередничаю, словно капризный ребенок. В постели она старалась поднять мой дух, и отчасти ей это удалось, хотя поднялось при этом кое-что другое. Ее тело успокоило меня знакомой теплотой, и тревоги покинули мое сердце. Потом моя жена вдруг разговорилась. Она говорила быстро, щебетала, словно птичка, — что было довольно странно для нее, ведь обычно она произносила слова очень медленно и с выражением. Ее, должно быть, обрадовало возвращение в город после столь долгого отсутствия. Вифания долго вспоминала храмы, которые посетит, рынки, где она будет делать покупки, вспоминала соседей, перед которыми будет хвалиться своим положением сельской матроны.

Наконец она устала. Речь ее успокоилась, голос утих. Но даже с закрытыми глазами я мог догадаться, что она улыбается. От ее радости и мне стало спокойней, так что я мирно заснул под баюкающую музыку ее речи.

В день нашего переезда стояла отличная погода, боги были в прекраснейшем настроении и решили порадовать простых смертных. Жара немного спала, и временами по Кассиановой дороге пролетал легкий ветерок. По небу ползли белые, пушистые облака, обещавшие не проливной дождь, а приятную тень. Ось повозки, в которой сидели Вифания с Дианой, не ломалась и даже не скрипела, лошади, на которых ехали мы с Метоном, нисколько не показывали свой беспокойный нрав. Я взял с собой нескольких самых смуглых и безобразных рабов — не столько для обороны, сколько для устрашения посторонних. И хотя они имели слабое представление о верховой езде, это им, как ни странно, удавалось.

Непосредственно возле Рима Кассианова дорога разветвляется. Более узкий путь петляет вокруг Ватиканского и Яникульского холмов и соединяется с Аврелиановой дорогой, ведущей к сердцу города — Форуму — через древний мост и скотный рынок. Путешествуя по Аврелиановой дороге, неизменно получаешь удовольствие. Видишь первые отблески Тибра, маленькие корабли на его поверхности, лавки и пристани вдоль берегов; слышишь цоканье копыт по мосту; потом перед тобой открывается захватывающая панорама города с храмом Юпитера в центре, на Капитолийском холме; потом путника развлекают

разнообразные рынки и, наконец, суета, царящая на Форуме, в окружении храмов и судов. Ради праздничного события в жизни Метона следовало бы выбрать именно этот путь, но практические соображения взяли вверх. После полудня Аврелианова дорога страшно переполнена, и движение по ней представляет собой ряд очень редких толчков, подобных пульсу умирающего. Нас бы неминуемо зажали на мосту или среди рынка.

Вместо этого мы выбрали восточное ответвление, которое выходит на Фламиниеву дорогу возле Тибра, к северу от предместий Рима, и пересекает реку через Мильвийский мост. Поездка по этой дороге менее впечатляюща, поскольку селения постепенно переходят в город и путешественник оказывается в гуще Рима, когда он менее всего этого ожидает. Потом он проезжает мимо Марсова поля, где проводят учения, и мимо избирательных будок (опустевших и замусоренных после вчерашнего голосования, подумал я). Потом он подъезжает к Фламиниевым воротам и попадает уже в настоящий город. Эта дорога, миновав Форум с севера, сразу приведет нас к дому Экона, избавив от суеты и давки — но и от восхитительных зрелищ.

Но тем не менее, когда мы подъехали к Фламиниевой дороге, движение увеличилось, а возле Мильвийского моста нам пришлось остановиться. В толпе можно было увидеть телеги, запряженные быками, молодых людей на конях, крестьян, ведущих скот на продажу в город. Такая давка обычно бывает перед выборами, когда народ со всей Италии устремляется в город. Но ведь голосование уже должно было кончиться, да и толпа текла в двух направлениях.

До меня только сейчас донесся шум — крики людей, щелканье хлыстов, треск колес, блеяние коз и мычание быков. Толпа давила на нас с обеих сторон, и нам ничего не оставалось, как продолжать следовать вперед, подобно листьям в мутном потоке. К счастью, мы оказались в более просторном месте, где боковые водовороты оттеснили от нас назойливых соседей. Я оглянулся назад и увидел, что Вифания, утратив свою невозмутимость, что-то кричит по-египетски крестьянину, который каким-то образом обидел ее. Но тут спереди раздался другой пронзительный вопль, и я увидел, что моя лошадь едва не наступила на ребенка, который выпал из проезжающей мимо повозки. Тут же из нее выпрыгнул раб и поднял ребенка, а его хозяин высунулся и принялся орать — то ли на раба, то ли на меня. Двое всадников, которым все-таки удалось проехать вперед, оттолкнули меня и поскакали дальше. Мы доехали только до половины моста, а я уже почувствовал непреодолимое желание повернуть домой.

«Вот я и опять в городе!» — подумал я со вздохом, но ничего не сказал. Не стоит портить Метону праздничное настроение. Он бы, вероятно, и не расслышал меня из-за шума; в действительности, мой сын выглядел очень радостным, его восхищал весь этот шум, и он вовсе ни о чем не беспокоился. Когда мы въехали в самую давку, на лице его отобразилось крайнее восхищение, как будто бы он на самом деле наслаждался всеми этими криками, толчками, неприятными запахами толпы. Я обернулся и увидел, что Вифания тоже улыбается после проверки силы своих легких на незнакомом человеке. Она посадила Диану на колени и принялась хлопать в ладоши; они вместе распевали какую-то песенку и, смеясь, показывали на стадо блеющих коз.

Наконец-то эта попытка закончилась, и мы достигли противоположного берега. Толпа немного поредела, но движение не уменьшалось, и по-прежнему многие двигались в противоположном направлении. На возвышении я остановил лошадь и посмотрел вниз, на продолжение Фламиниевой дороги. По ее сторонам там и сям виднелись повозки, владельцы которых свернули в сторону, чтобы, вероятно, провести там всю ночь. Картина эта походила на то, что обычно бывает во время войны, но при этом никакой особой паники не чувствовалось. Эта суматоха, несомненно, связана с выборами, но каким именно образом?

Я огляделся по сторонам и заметил дружелюбного крестьянина, едущего верхом. Его медные волосы и круглое лицо напомнили мне моего друга Луция Сергия, хотя никогда

Луций не ходил в такой дырявой и заплатанной тоге. У этого человека были такие же красные щеки и беззаботный вид, хотя вероятно, этому немало способствовал бурдюк с вином, висевший у него за плечом. Я окликнул его и подъехал.

— Гражданин, скажи мне, что все это значит?

— Что «все»?

— Толпа. Повозки вдоль дороги.

Он пожал плечами и ответил:

— Им ведь нужно где-нибудь переночевать. Я и сам проехал обратно до Вей, а теперь вернулся. В доме моего кузена не хватило места для меня и моей семьи. Так что мне ничего другого не остается, как расположиться на краю дороги, как те люди.

— Не понимаю. Люди уезжают из Рима, а зачем возвращаются?

Он взглянул на меня как-то подозрительно.

— Как, ты хочешь сказать, что только что приехал? Но ведь ты *гражданин*.

Для подтверждения своих слов он посмотрел на мое железное кольцо.

— Все это как-то связано с выборами консула?

— Как, разве тебе ничего не известно? Ты ничего не слышал?

Он посмотрел на меня с превосходством — ведь он мог похвастаться передо мной своей осведомленностью.

— Выборы отменили!

— Отменили?

Он с достоинством кивнул.

— Сам Цицерон. Он собрал Сенат и подговорил всех отменить выборы. Ох уж эти грязные оптиматы!

— Но почему? В чем причина?

— Причина или, скорее, повод в том, что Каталина замышляет заговор с целью перебить весь Сенат, — будто большинство из них не заслуживает того, чтобы им перерезали глотки! — так что теперь небезопасно проводить выборы. Это произошло уже несколько дней назад, ты что — только что из пещеры вылез? По всей Италии отправили гонцов — передать населению, что выборы отменяются, чтобы народ не съезжался. Ну, и большинство не поверило, считая это уловкой, чтобы отстранить нас от участия в выборах. Похоже на то, будто оптиматы это все и придумали, не правда ли? Вот мы и выступили. Увидев толпу, сенаторы решили пойти на попятную и провести выборы. Но за день до того на горизонте видели молнии — на чистом небе! — а ночью было небольшое землетрясение. На следующее утро авгуры прочитали предзнаменование по внутренностям птиц и сказали, что нас ожидают ужасные последствия. Трибуны для голосования закрыли. А выборы отложены на неопределенный срок — так нам повторяют. Что же это значит, не знаю, клянусь царством мертвых! Повсюду ходят слухи — выборы будут через три дня, через пять, через десять. Ты и сам видишь, что люди то уезжают из Рима, то снова приезжают. В последний раз я слышал, что выборы состоятся послезавтра.

— Как?!

— Да-да, в тот же день, что и выборы преторов. Вот почему я возвращаюсь сегодня. Мне-то кажется, что вместо послезавтра они намерены провести их завтра — решили одурачить меня, назначив следующий день! Но эти грязные оптиматы меня не обманут. Завтра же с первыми лучами солнца я буду на Марсовом поле, вместе со всей моей трибой, а если понадобится, то и послезавтра, и через два дня. За Каталину! — добавил он резко, подняв кулак.

Некоторые люди вокруг нас услышали его выкрик, несмотря на царивший шум, и тоже закричали, подняв в воздух руки; «Катилина!» Они повторяли это имя снова и снова, пока несколько голосов не сделали из него подобие песни.

Человек улыбнулся и повернулся ко мне.

— Не все, конечно, собираются оставаться в Риме на неопределенный срок. — Улыбка его погасла. — Вот почему так много людей едут в обратном направлении. Простым людям нужно вернуться к своим делам в поместьях и хозяйствах, не правда ли? Они беспокоятся за свои семьи. Оптиматы же всегда могут уехать куда им заблагорассудится, но никогда не пропустят выборов.

Он подозрительно посмотрел на меня.

— А ты случайно не один из этих Лучших Людей?

— Мне не требуется оправдываться перед тобой, гражданин, — резко ответил я, понимая, что сержусь не на него самого, а на то, что он мне сказал.

Итак, случилось то, чего я всеми силами старался избежать — мне придется быть в Риме во время выборов консула! Боги решили позабавиться за мой счет, подумал я. Неудивительно, что на нашем пути не было никаких препятствий! Боги решили как можно скорее доставить меня в Рим — а там уж они повеселятся! Я невольно рассмеялся. Потом остановился, но, почувствовав, что от смеха мне стало лучше, продолжал хохотать. Незнакомец тоже немного посмеялся, но потом резко остановился, поднял кулак и снова прокричал:

— Катилина!

Я замолчал.

— За тот день, когда это безумство наконец закончится, — сказал я, вздыхая.

— Что это значит? — спросил мой собеседник, наклоняясь ко мне.

Я неопределенно покачал головой, придержал коня и дал незнакомцу уехать вперед.

В городе мы продвигались медленно, но уверенно. С Марсова поля подымались клубы дыма и пыли — там тысячи избирателей, живущие за пределами Рима, разбили свой лагерь; обычно же там можно было наблюдать гонки на колесницах или солдат, разыгрывающих воображаемые сражения. Вилла Публика — открытое место, где в дни выборов собирался народ и где рядом находились трибуны и кабины для голосования, — была сейчас закрыта. Перед Фламиниевыми воротами движение замедлилось, но вот мы проскочили через них и оказались в стенах старого города, в настоящем Риме.

Солнце уже садилось и посылало свои последние лучи, освещающие верхушки крыш, но жизнь по-прежнему кипела на улицах, особенно на Субуре.

Печально известная улица привела нас к самому сердцу города — не к площадям, окруженным храмами и дворцами, а к лавкам мясников, борделям, игорным притонам. Я остро воспринимал запах города — конский навоз, дым печей, сырая рыба; вонь из общественной уборной смешивалась с ароматом свежее выпеченного хлеба. Проехав только один квартал, я увидел столько лиц, сколько бы не встретил и за год жизни в деревне. Навстречу нам двигались самые разные люди — молодые, старые, сильные и тщедушные, одетые в дорогие одежды и платья или, наоборот, в жалкие лохмотья. Из дешевых комнат на верхних этажах, высовывались женщины и болтали друг с другом, делясь последними новостями. На площадях мальчишки играли в мяч, встав в круг и перекидывая его из одних рук в другие. В общественном фонтане молодая эфиопка набирала воду.

На фонтане я задержал свое внимание. Это было главное украшение близлежащего квартала — с желобом для лошадей и стоком для людей. Сток был сделан из мрамора, в виде наклонившейся дриады, выливающей воду из кувшина. Фонтан стоял еще тогда, когда я был мальчишкой. Сколько раз я прикладывался губами к этому кувшину, наполнял из него бурдюки, поил своих лошадей из этого желоба! Невозможно было представить себе ничего более будничного, но сейчас и фонтан, и все вокруг казалось мне одновременно знакомым и незнакомым. Я оставил Рим из благих побуждений, а теперь вернулся, и он напомнил мне, что всегда будет моим домом, как бы далеко я ни уехал от него.

Я оглянулся. Диана устала. Она положила головку на колени матери и крепко спала, несмотря на толчки. Вифания тихонько поглаживала ее. Она поймала мой взгляд и

улыбнулась в ответ. Я понял — она тоже почувствовала, что возвращается домой, но не отмахивалась от этого ощущения, не боялась показать его мне. Я глубоко вздохнул и принял в себя запахи Субуры, стараясь в одно мгновение охватить взглядом все. Я увидел, что Метон очень странно взирает на меня, как, бывало, и я на него, когда он осматривал мир вокруг себя с нескрываемым изумлением. Такого места, как Рим, больше на земле нет.

Мы приехали в наш старый дом на Эсквилине грязные, усталые и голодные. Солнце зашло, и теперь все вокруг погрузилось в синеватую дымку. Лампы уже зажгли. Мы приехали позже, нежели ожидали, но Экон знал, что творится на дорогах, и даже удивился, что мы так быстро добрались.

— Вы, должно быть, проехали по Фламиниевой дороге, — предположил он, хлопая в ладоши, чтобы позвать рабов для распаковки наших вещей. — Говорят, что мосты на Аврелиановой дороге — просто ужас. Там якобы есть повозки, которыми правят скелеты.

— А тянут их скелеты быков?

Экон рассмеялся и кивнул.

— Именно так и шутят на Субуре.

— Шутка как раз в духе Субуры, — сказал я сухо.

Мрачный юмор был знаком мне, но в то же время оставался каким-то чужим, как и сам город, как и дом, в котором я находился. В течение многих лет этот дом принадлежал мне, а до того — моему отцу. Здесь был атрий и сад, в котором я так часто принимал посетителей и где я впервые побеседовал со своим дорогим другом Луцием Клавдием, когда он пришел ко мне после того, как нашел мертвеца, прогуливаясь по Субуре.

— За садом ухаживают, — заметил я, чувствуя небольшой комок в горле.

— Да, Менения сама следит за ним. Она любит выращивать все своими руками.

— Стены помыли. Я видел, что ты поменял черепицу на крыше и укрепил петли входной двери. Даже фонтан, кажется, действует.

Экон улыбнулся и пожал плечами.

— Я хотел приготовить все ко дню рождения Метона. А вот и Менения.

К нам подошла моя невестка и с опущенными глазами и должной скромностью поприветствовала меня как отца семейства. Многие сочли бы удачей для Экона, что он взял себе такую жену, принимая во внимание его невысокое происхождение и знатность ее древней фамилии. У нее были черные волосы и оливковая кожа, как и у Вифании, приемной матери Экона, которой, несомненно, втайне это нравилось.

Небо над садом потемнело, зажглись звезды, мерцая, словно иней в морозную ночь. Столы и ложа перенесли в сад, и рабы уже подавали плотный ужин, предназначенный для путешественников, хотя мы устали настолько сильно, что едва могли есть. Не успело небо из темно-синего стать черным, как все уже были в постели, за исключением нас с Эконом.

Раз уж мы остались одни, он задал мне несколько вопросов, касающихся Немо и Катилины. Я лениво отвечал ему, и, поняв, что тревожное предчувствие не оправдалось и все, возможно, закончилось хорошо, он перестал расспрашивать. Экон сообщил мне, что, по последним сведениям, выборы состоятся послезавтра — иными словами, в день рождения Метона, когда мы все еще будем в Риме.

— Ну хорошо, — вздохнул я, — ничего уже не изменишь. Подумать только, Рим в день выборов! Мы вкусим все прелести большого города.

Экон провел меня в предназначенную мне комнату, где уже спала Вифания. Метон с Дианой спали в соседней. Где Экон сам собирался спать и как он умудрился найти место для наших рабов, оставалось загадкой, но я слишком устал и не хотел размышлять на эту тему. Я улегся рядом с Вифанией, которая подвинулась во сне, и сразу же заснул, как только голова моя коснулась подушки, а губы — ее ароматных волос.

Меня разбудило странное всхлипывание.

Я просыпался постепенно, как и все люди моего возраста, заснувшие от смертельной

усталости. Какое-то время я совсем не понимал, где нахожусь, — странное ощущение, ведь в этой комнате я провел большую часть своей жизни. Мебель передвинули — вот в чем дело, да и кровать совсем другая.

Всхлипывание, разбудившее меня, доносилось из двери, ведущей в соседнюю комнату.

Я вспомнил о Диане. Я вспомнил, что и ей пришлось увидеть обезглавленное тело незнакомца, и тут уж окончательно проснулся, но до сих пор слабо ориентировался в пространстве. Сердце мое быстро стучало, руки и ноги двигались медленно. Я встал, Ударился локтем о стену и тут же выругался, упомянув Царя Нуму.

Но плакала не Диана — голос не походил на детский. Это было и не совсем всхлипывание — скорее, ряд тихих вскриков сквозь сжатые зубы и сомкнутые губы; обычно такие звуки издают люди, страдающие от ночных кошмаров.

Я вышел в коридор. На мгновение звуки прекратились, потом снова донеслись сквозь занавеску, отделяющую проход от комнаты, где спали Метон с Дианой. Лампа, повешенная на крюк в стене, все еще светила тусклым светом — я был уверен, что ее сюда повесил предусмотрительный Экон, предвидя, что его отец проснется ночью и может споткнуться или ушибиться о стену. Я взял лампу, отдернул занавеску и вошел в крохотную комнату.

Диана сидела, опершись о стену, и протирала глаза, словно только что проснулась. Она натянула одеяло до шеи и озабоченно смотрела на Метона.

— Папа, что с ним?

Я посмотрел на сына, беспокойно ерзавшего в постели. Одеяло его свернулось в ком, руки запутались в простыне. На лбу выступил пот, а челюсти слегка дрожали. Под веками его глаза перекатывались и вращались. Он снова начал хныкать.

Однажды я видел его в таком состоянии, незадолго до того, как освободил его и усыновил.

— Папа, — снова сказала Диана слабым голосом, — а Метон не...

— С ним все в порядке, — сказал я нежно. — Он просто спит. Только вот сон у него беспокойный, но это не страшно. Не волнуйся, я о нем позабочусь. Может, ты пойдешь к маме и поспишь рядом с ней?

Это предложение ей понравилось. Диана схватила одеяло, завернулась в него, как в женскую столу, и выскочила из постели. Она остановилась передо мной, чтобы я ее поцеловал, а потом поспешила к двери.

— Ты уверен, что он в порядке, папа?

— Да, — ответил я, и Диана, все еще серьезная, но успокоенная, побежала к маме.

Я стоял над Метоном и созерцал его искаженное лицо, сомневаясь, стоит ли мне будить его. Неожиданно он вздрогнул и открыл глаза.

Беспокойно вздохнув, он попытался закрыть лицо руками, но руки его запутались в простыне. Некоторое время он скулил по-прежнему, потом перевернулся на бок и запутался в одеяле. Я отложил лампу и схватил его, чтобы унять его дрожь. Он расслабился, и мы вместе распутали его руки.

Метон дотронулся до лба и со смущением посмотрел на капли пота на ладони.

— Тебе снился кошмар? — спросил я его.

— Я был на Сицилии, — сказал он хриплым шепотом.

— Я так и думал. У тебя уже был однажды подобный сон, много лет назад.

— Правда? Но я никогда не вспоминаю о Сицилии. Я с трудом принимаю, что когда-то был там. Почему же она мне приснилась и почему именно сейчас?

Он присел и заморгал от пота, попавшего в глаза.

— Не знаю. Вытри лоб.

— Посмотри, вся подушка мокрая! Я так хочу пить...

Осмотревшись, я заметил медный кувшин и кружку, стоявшие на столике возле двери. Я налил в кружку воды и протянул Метону. Он выпил ее одним глотком.

— Ах, папа, это было просто ужасно. Крестьянин обвязал мне все руки тряпками и поставил в саду, чтобы я отпугивал ворон. Он так их связал, чтобы я не мог достать фрукты. А день стоял невыносимо жаркий, как в печке. Земля так растрескалась, что походила на кирпичную кладку. От солнца губы мои опухли и покрылись волдырями. Я спотыкался и все время ранил колени. Пот заливал мне глаза, а я даже не мог его вытереть. Мне очень хотелось пить, но оставить поле было нельзя — иначе бы крестьянин жестоко высек меня. Потом я все-таки пробрался к колодцу, но не мог поднять ведро, потому что руки у меня были связаны. А потом налетели вороны — тысячи ворон. Они пронеслись по саду словно саранча и опустошили все деревья. Я понял, что хозяин избьет меня. Он будет бить и бить меня до самой смерти.

Метон содрогнулся. Поглощенный своим сном, он смотрел на пляшущее пламя лампы.

— А потом поле исчезло, и я оказался в Байях. Не на вилле, а на арене, которую Красс приказал выстроить, чтобы умерщвлять своих рабов. Она походила на колодец с высокими стенами, и солнце испепеляло нас сверху. Песок был скользким от крови. Толпа наклонялась над перилами и громко кричала. Лица зрителей были ужасны — перекошены от ненависти — и вдруг снова вороны! Тысячи ворон покрыли все небо. Они уселись на всем пространстве арены. Они хлопали крыльями прямо перед моим носом, стремились выклевать мне глаза, я хотел их прогнать, но не мог поднять рук. Ох, папа!

Я налил ему еще воды. Метон поднес кружку ко рту и жадно выпил.

— Это всего лишь сон, Метон.

— Но такой правдоподобный...

— Ты в Риме, а не на Сицилии и не в Байях. Ты в нашем доме, вокруг твоя семья...

— Ах, папа, неужели у меня на самом деле есть семья?

— Конечно!

— Нет. Это сон. Это не может быть правдой. Я родился рабом, и ничего изменить тут нельзя.

— Это неправда, Метон. Ты мне такой же сын, как если бы в тебе текла моя кровь. Ты свободен, как любой римлянин. Завтра тебя уже будут считать мужчиной, и после этого никогда не оглядывайся на свое прошлое. Ты понял меня?

— Но там, в моем сне, был Красс и крестьянин-сицилиец...

— Когда-то ты принадлежал им, но это было давно. Они больше не властны над тобой, и такое никогда не повторится.

Метон отвлеченно смотрел на стену, покусывая губы. По его щеке скатилась слеза. Настоящий римский отец смахнул бы ее, надавал сыну тумаков и выгнал во двор, чтобы тот простоял там всю ночь и позабыл о своих страхах. Чем суровей урок, тем действенней. Но из меня никогда не получится образцовый римский отец семейства. Я прижал своего сына покрепче к себе, давая ему возможность успокоиться. Я нежно поглаживал его, думая о том, что в последний раз в жизни обращаюсь с ним как с ребенком.

Я предложил ему оставить лампу в комнате, но он сказал, что обойдется и без нее. Я вышел наружу, задернул занавеску и принялся беспокойно прогуливаться по двору. Не так уж и много времени прошло, когда я услышал тихий храп — сон утомил Метона и теперь ему требовался отдых.

Рядом с Вифанией лежала Диана, кровать была слишком мала для троих, так что я вернулся в сад и лег на одно из обеденных лож. Надо мной медленно вращались созвездия, я созерцал их, пока веки мои не отяжелели и пока ко мне не слетел Морфей, заключив меня в свои нежные объятия.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

День вступления Метона во взрослую жизнь выдался ясным и спокойным. Я проснулся

в саду с первыми лучами солнца от звука шагов рабов, принимавшихся за домашние дела.

Более десяти лет прошло с тех пор, как мы отмечали шестнадцатилетие Экона. Это было еще до случая с весталками и до восстания Спартака. Тогда мой кошелек был гораздо тоньше и приготовления к празднику гораздо скромнее. Конечно, день тоги Экона был важным событием, но не таким, о котором соседи говорят с завистью. Теперь наверняка Экону хочется, чтобы его младший брат как следует запомнил этот замечательный день.

Трудно было даже представить, что такой праздник можно отмечать где-нибудь за пределами Рима, а поскольку наиболее подходящим и самым очевидным местом оказывался дом Экона, то он с самого начала года принялся обдумывать предстоящее празднество. Это уже само по себе являлось его подарком ко дню рождения брата. Экон рассчитал расходы и попросил у меня сумму, которую я нашел слишком большой, но возможной. Только потом я обнаружил, что часть расходов он взял на себя.

День начался с того, что над садом водрузили желтый навес. Рабы забрались на крышу портика, натянули ткань и навесили ее на заранее приготовленные крюки. Внизу расставляли столы и обеденные ложа, накрывали столы скатертями. Многие из лож были довольно притязательными — с фигурными ножками, многоцветными плюшевыми подушками. Самые лучшие из них, а также самые лучшие столы и самых лучших рабов Экон позаимствовал у своих благодарных клиентов. С кухни доносился стук горшков и суетливые разговоры прислуги.

Однако наш скромный завтрак состоял из нескольких свежих фиг с хлебом. Я наблюдал за тем, как Метон уплетает за обе щеки, и не находил на его лице отражений ночного кошмара. Он выглядел вполне отдохнувшим, радостным и лишь слегка возбужденным. Хорошо, подумал я, этот день не испорчен.

После завтрака семья направилась в бани. Две рабыни должны были помогать Вифании и Менению. Раб, в обязанности которого входило подстригать и брить Экона, последовал за нами. Сегодня Метон впервые бреется.

Мы шли не пешком, потому что Экон на этот день нанял носилки и рабов при них. Они ожидали нас возле выхода на Субурскую дорогу. Диана завизжала от восторга, когда увидела носилки. Вифания постаралась скрыть свое восхищение под маской безразличия. Менения многозначительно улыбалась. Метон покраснел и смутился от такой роскоши.

— Экон, — сказал я, — это, должно быть, стоит...

— Папа, ведь всего лишь на один день! К тому же я нанял их месяц назад, по низкой цене. Владелец думал, что выборы к этому времени уже пройдут и народ схлынет обратно в сельскую местность. Они мне почти ничего не стоили.

— Но все же...

— Садись! Ты можешь сесть вместе с Дианой. Я поеду с Метоном, а женщины — друг с другом. Рабы пойдут за нами пешком.

И вот я поехал по улицам Рима с Дианой на коленях. Я бы солгал, если бы сказал, будто вовсе не испытывал удовольствия. Даже в этот утренний час на улицах было довольно много народа, но разве так уж важно, что мы останавливались на каждом углу, если все, мимо чего мы проезжали, доставляло такую радость Диане? Запах свежего хлеба восхитил ее так же, как и ароматы из лавки с благовониями; она захлопала в ладоши, увидев компанию бледных деревенских жителей, выходящую из борделя, найдя их такими же нелепыми, как и группу акробатов, решивших поупражняться прямо на площади. Девочка улыбнулась и кивнула двум встречным рабыням, которые улыбнулись, но не кивнули в ответ, потому что слишком торопились в лавку, потом она таким же образом поздоровалась с парой мрачных, небритых грубиянов, которых я определил для себя как наемных убийц. Для Дианы это было безразлично — в ее глазах все было захватывающим и восхитительным. Вот почему, подумал я, став взрослыми, мы тоскуем по своему детству, ведь позже нам приходится выбирать и по-разному относиться к разным людям. Взрослый гражданин, например, всегда должен

выбирать между Катилиной и Цицероном — а разве это можно назвать удовольствием по сравнению с детским восторгом по поводу любого явления в мире?

Миновав Субуру и поблуждав по маленьким улочкам у подножия Оппианского холма, мы несколько раз пересекли Священную дорогу. Здесь мы повернули направо и остановились неподалеку от Форума, возле ступеней, ведущих в Сенианские бани.

У основного входа, в тени портика, пути мужчин и женщин расходились. Диана нахмурилась и надула губки, но улыбнулась, когда Менения прошептала ей, что они по очереди будут расчесывать друг другу волосы. Девочка сразу же устремилась вслед за двумя женщинами, сопровождаемыми рабынями с мазями, щетками и гребнями в руках.

— Она умеет обращаться с детьми, — сказал я, глядя на Менению.

— Да, — ответил Экон, кивая и улыбаясь.

— Кажется, она...

— Еще нет, папа.

Он провел нас в перестроенные и расширенные мужские бани. Их размеры оказались потрясающими, почти египетскими по размаху. Но и тут Экон пожаловался на давку.

— Обычно здесь достаточно места, чтобы не расталкивать людей локтями, — вздохнул он. — Но в связи с выборами сам видишь, что творится.

Мы прошли к центральному двору, где на лужайке схватились между собой два борца. Товарищи обступили их, криками поощряя соперников и разминая собственные мускулы. Под тенистым портиком сидели кружком несколько стойков. Когда мы проходили мимо них, мне удалось услышать, как один из них разбирал достоинства риторического стиля Цицерона по сравнению со стилем Гортензия, но мне показалось, что большинство философов скорее увлечены разглядыванием обнаженных атлетов.

Внутри здания я был поражен смесью запахов воды на горячих камнях, грязных и чистых тел и звуками, отражающимися от высоких куполов — смех мужчин, шепот мальчиков, всплески воды, ритмическое стучание ног о камни. Мы сняли туники и отдали их брадобрею Экона. Раб аккуратно положил их в нишу, потом вернулся с полотенцами и губками.

Для начала мы окунулись в теплый бассейн с легким ароматом гиацинта, от чего Метон радостно вскричал и почти выпрыгнул из воды, а окружающие мужчины засмеялись, и их смех эхом отозвался с высоких потолков. Метон не обиделся и сам засмеялся, с очередным радостным воплем погружаясь в парную воду.

Тщательно протерев тела губками, размягчив лицо и бороды горячей водой, мы вышли из бассейна и по очереди подставили свои лица лезвию брадобрея. Метон подошел первым, потому что это был его день и он брился первый раз в жизни. Раб серьезно принялся за свои обязанности и долго трудился над тем, что можно было бы удалить тремя взмахами. Если быть честным, то на щеках Метона почти не было растительности, ее можно было увидеть лишь под определенным углом и при определенном освещении, а на подбородке и над верхней губой она и вовсе отсутствовала. Тем не менее брадобрей делал вид, что ему приходится иметь дело с заросшим щетиной солдатом, который месяцами не видел бритвы. Он правил лезвие о кожаный ремень, быстро водя его туда-сюда, а Метон зачарованно смотрел на это священнодействие. Раб прикладывал горячее, дымящееся полотенце к его щекам и что-то бормотал, словно возничий, успокаивающий своего коня. Он кружил вокруг Метона и осторожно прикладывал бритвы к его щекам, челюсти, шее, подбородку, оставляя напоследок самое трудное место — верхнюю губу. Метон вздрогнул только один раз; бритье — это ведь самое опасное дело, которое доверяют рабам, и человек не сразу привыкает к этому. Но слуга Экона со своей работой справился великолепно. Когда он закончил, то ни на полотенце, ни на бритве, ни на свежевыбритом лице Метона не было ни капельки крови. От этого, казалось, Метон даже расстроился, но несколько прикосновений к своему лицу явно доставили ему удовольствие.

Затем брадобрей взял ножницы — прекрасную пару, доставшуюся мне в подарок от Луция Клавдия, которую я передал Экону, отправляясь в провинцию. Раб накинул на плечи Метона покрывало и стриг его до тех пор, пока он не стал выглядеть вполне по-взрослому, с открытыми ушами и затылком. Затем ему смазали волосы маслом, и на этом дело закончилось.

Я приказал рабу немного подровнять мне волосы и бороду, но не брать в руки бритву. Потом настала очередь Экона.

— У тебя есть возможность, — сказал я, — избавиться от этой бессмысленной прически и дурацкой бородки.

Экон рассмеялся.

— Бессмысленной? Дурацкой? Папа, погляди по сторонам.

Я огляделся и увидел достаточное количество молодых людей, подстриженных таким же образом и с такими же бородками, как и у моего сына и у Марка Целия, — короткие волосы по бокам и сзади, длинные сверху и бородка, обрамляющая челюсть узкой полоской.

— Ты знаешь, откуда пошла эта мода?

— Да. От Каталины. Ты сам сказал мне об этом, да и многие повторяют подобное. Каталина со своим кругом друзей и приверженцев часто задают моду.

— А знаешь, что Каталине она надоела?

— Неужели?

— И это произошло под крышей моего дома. Ночью у него была бородка, а утром — фьють, — я щелкнул пальцами, — уже нет.

— Побрился?

— Щеки гладкие, как у Метона. Не правда ли, Метон?

Метон, все еще поглаживающий свое лицо, кивнул.

— Так что видишь, — продолжил я, — что самый модный у нас теперь Метон. Может, и тебе следует побриться?

— Но все вокруг по-прежнему ходят с бородками...

— Это будет продолжаться недолго.

Экон протянул руку, и брадобрей подал ему зеркало. Он изучающе посмотрел на свое лицо, провел пальцами по узкой полоске растительности...

— Ты на самом деле считаешь, что мне следует побриться?

— Каталина побрился, — сказал я и пожал плечами, словно не имея собственного мнения.

— Менению никогда эта бородка особенно не восхищала, — сказал Экон по истечении некоторого времени, разглядывая себя в медном зеркале, которое держал раб-брадобрей. Он похлопал себя по бритому подбородку и немного нахмурился; там, где волосы росли гуще всего, брадобрею пришлось прибегнуть к помощи пинцета. Ему это, возможно, даже понравилось, ведь рабы никогда не упускают подобных случаев, чтобы немного поиздеваться над хозяевами.

— Мне казалось, что ты скажешь, будто Менению эта бородка нравилась, — решил я немного съязвить.

— Без нее она полюбит меня еще больше, я уверен.

Так и случилось. Когда мы встретили женщин в прихожей, они с Эконом обменялись такими взглядами, будто не виделись несколько месяцев, а не час. Но таковы все молодые. Что касается Метона, то Вифания взяла его за подбородок и вздохнула, словно могла различить те места, которых касалась бритва. Диана, со всей прямоотой, свойственной детскому возрасту, заявила, что не видит никакой разницы. Менения снова решила отвлечь ее и сказала, что домой они поедут вместе, и на это предложение Диана сразу же согласилась. Менения уложила свои длинные волосы кольцами, скрепив их гребнями с ракушками — явно подражая Вифании, только ее гребни не таких вызывающих цветов. Я с каждым разом все

более и более восхищался ее чувством умеренности.

Чистые и отдохнувшие, мы вернулись в наш дом на Эсквилинском холме и обнаружили, что приготовления уже подошли к концу. Судя по солнечным часам на Субуре, был уже полдень; скоро придут первые гости. Настало время Метону надеть свою тогу.

Облачаться в тогу — нелегкое занятие, даже для адвокатов и политиков вроде Цицерона, которые ходят в ней каждый день. То, что кажется простым в развернутом состоянии — широкий кусок шерстяной материи прямоугольной формы, — становится невыразимо сложным и запутанным, когда эту материю нужно обкрутить вокруг тела и сделать из нее приличную на вид тогу. Для этого нужно тренироваться чуть ли не целую жизнь. Таково, по крайней мере, мое личное впечатление. Тем не менее нужно все-таки как-то обернуть ее вокруг груди, перекинуть через плечо и свесить на руку. При этом особое внимание следует обратить на бесчисленные складки, ведь их вид имеет крайне важное значение, а иначе покажется, что гражданин вышел из дома, напялив на себя простыню, что, естественно, вызовет смех соседей.

К счастью, для всего, что требует мастерства и труда, у римлян имеются рабы, и они, конечно же, справляются с тогой лучше самих граждан. (Когда я был молодым, в Александрии ходила шутка, будто римляне именно потому начали завоевывать мир, что им потребовались рабы, чтобы помогать им одеваться.) Тот же раб, что стриг и брил Экона, также и одевал его. Здесь, как и при стрижке, раб может посмеяться над своим хозяином — сделать гак, чтобы нижняя кромка стала волочиться по земле при выходе из дома, или слабо застегнуть булавку, чтобы она расстегнулась в самый неожиданный момент. Но раб Экона прекрасно справлялся со своими обязанностями; он был не только искусным, но и терпеливым, поскольку всех нас троих одел в тоги — сначала своего хозяина, потом меня и, наконец, Метона.

Экон приобрел тогу для Метона в одной хорошей лавке близ подножия Палантина. Одеть его как следует удалось лишь со второй попытки, да и то потом пришлось повозиться со складками, но по окончании этой процедуры перед нами стоял Метон в своей первой взрослой тоге.

— Ну, как я выгляжу? — спросил он.

— Великолепно! — ответил Экон.

— Папа?

Я замялся, потому что у меня комок застрял в горле.

— Ты выглядишь... — начал я, потом остановился и кашлянул.

Как великолепно он выглядел! Он был прелестным мальчиком и станет прекрасным мужчиной, а в это мгновение он был и тем и другим. На фоне белого полотна его волосы казались очень черными, а кожа очень гладкой; белый цвет символизировал чистоту. Вместе с тем тога придавала ему вид, полный достоинства и мужества. Прошлой ночью я сказал ему, чтобы он оставил позади воспоминания о прошлом, чтобы он никогда не беспокоился о своем происхождении. Теперь я и сам в это поверил.

— Я горжусь тобой, Метон.

Он подошел ко мне, желая обнять, но одежда не дала ему высоко поднять руки. Он сначала смутился, потом рассмеялся и повернулся вокруг своей оси, поняв, что еще должен научиться двигаться в этом одеянии.

— Слушайте, а как же в ней ходят в уборную? — спросил он, ухмыльнувшись.

— Я покажу тебе, когда появится необходимость, — сказал я и нарочно громко вздохнул. — Ах уж эти отцовские обязанности!

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Постепенно начали собираться гости. Поднялось солнце, и желтый свет, пропущенный

сквозь полог, мягко освещал двор и прилегающие к нему помещения. На столах расставили разнообразные блюда, так что гости могли подходить к ним и выбирать угощение себе по вкусу, а не дожидаться перемен. Мне такой распорядок показался несколько хаотическим и даже не совсем приличным, но Экон объяснил мне, что таковы новые веяния.

— Как и твоя борода, насколько я полагаю, они вскоре сменятся другими правилами.

Как и всегда в таких случаях, поначалу казалось, что гостей пришло совсем немного, пока они не заполнили весь сад — мужчины в тогах и женщины в многоцветных столах. Они переговаривались между собой, и все пространство наполнилось рокотом. Запах от мазей и духов смешивался с ароматом цветов и запахами жареных жаворонков и фаршированных голубей, которых приносили на подносах из кухни.

Я продвигался сквозь толпу, останавливаясь, чтобы поговорить с соседями и клиентами. Наконец я нашел Экона и отозвал его в сторонку.

— Ты пригласил их всех? — прошептал я.

— Конечно. Они все либо друзья, либо знакомые. Многие знали Метона еще маленьким.

— Но ведь ты не собираешься взять их всех на Форум, а затем вернуться на обед!

— Конечно, нет. Сейчас ведь только общий прием гостей. Они приглашены, чтобы повеселиться, поговорить друг с другом, повидать Метона, посмотреть, как он выглядит в тоге, уйти, когда захотят...

— А также поесть за чужой счет! Посмотри вон туда!

Человек с седой бородой показался мне знакомым — что-то в его внешности пробудило неприятное воспоминание — возможно, он поддерживал противоположную сторону на одном из судебных разбирательств. Он огляделся, наклонился над столиком и принялся запихивать фаршированные виноградные листья себе за пазуху, где, очевидно, у него имелось нечто вроде потайного мешка.

Экон рассмеялся.

— Это же старина Фестус! Ты же помнишь, что он пришел к нам однажды, чтобы мы дали ему совет по поводу одного затянувшегося разбирательства, а потом одна из александрийских ваз пропала навсегда.

— Нет, — нахмурился я, качая головой. — Это не Фестус.

Экон склонил голову.

— Ах, да. Ну, тогда это Рутилий — его преследовал брат, обвиняя в краже. Негодяй и не отрицал этого, он хотел, чтобы мы разнюхали что-нибудь по поводу его брата, чтобы быть в расчете.

Я покачал головой.

— Нет, это и не Рутилий, но кто-нибудь ему подобный. Ты же не мог пригласить тех негодяев на день рождения своего брата! С кем только я не связывался за все эти годы, лишь бы заработать денег на хлеб! Теперь я рад, что с этим покончено. И я рад также, что ты достаточно крепок и разумен; ты сможешь избежать силков и ловушек, раскиданных по всему большому городу.

— Ты хорошо меня обучил, папа.

— Да, если бы только я и Метона обучил хотя бы половине того...

— Метон не похож на меня, — сказал он. — Да и на тебя тоже.

— Иногда я беспокоюсь о нем, о его будущем. Он ведь еще ребенок...

— Папа, не говори так больше. Метон уже взрослый.

— Но все же... Ах, ну это уже слишком! Ты посмотри только — этот негодник принялся похищать финики! Их не достанется другим гостям. Понимаешь, ты пригласил слишком много народа — мы даже имени не можем припомнить, хотя и уверены, что этот человек нам не нравится. Поэтому не следовало предоставлять гостям обслуживать себя самим. Если бы мы все лежали за столами, а рабы подавали...

— Попробую-ка я сделать что-нибудь, — сказал Экон. — Пойду, спрошу его, какую по счету жену он убил и сколько деловых партнеров отравил в последний раз.

С этими словами он легкой походкой подошел с седобородому, и тот испуганно отпрыгнул от стола, когда рука Экона коснулась его плеча. Экон улыбнулся, что-то сказал ему и отшел подальше от еды. Прыжок, должно быть, повредил какие-то веревки, поддерживающие скрытый у него под туникой мешок, поскольку за ним по полу потянулся след из фиников и фаршированных виноградных листьев.

До моего плеча дотронулась чья-то рука. Я обернулся, и перед моим взором предстала рыжая шевелюра, веснушки вдоль изящного носа и пара светло-коричневых глаз, внимательно меня оглядывающих. В то же время меня горячо обняли и пожали руку. Это был Марк Валерий Мессала Руф.

— Гордиан! Сельская жизнь пошла тебе на пользу, ты выглядишь просто великолепно!

— А тебе идет жизнь в городе, Руф, ведь мне кажется, что ты нисколько не меняешься с годами.

— В этом году мне исполняется тридцать три года.

— Не может быть. Когда мы впервые встретились...

— Мне было приблизительно столько же, сколько сейчас Метону. Время летит, Гордиан, мир меняется.

— Но не по моему вкусу.

Впервые мы встретились много лет тому назад, в доме Цецилии Метеллы, когда Руф помогал Цицерону в защите Секста Росция. Тогда ему было всего шестнадцать лет. Не по годам развитой отпрыск известной семьи, он втайне восхищался Цицероном. Со временем это восхищение сошло на нет, но практический опыт помог ему в делах. Он был самым молодым представителем коллегии авгуров, и его поэтому часто вызывали, когда требовалось прочесть предзнаменование и объявить волю богов. Никакое важное общественное или частное дело, ни одно решение военного вопроса в Риме не обходилось без совета с авгурами. Я сам не особо верил в то, что по полету птиц и по молниям на небе можно прочесть волю Юпитера. Большинство авгуров считались ставленниками влиятельных персон, которых принуждали к тому или иному истолкованию, чтобы отменить общественные выступления или затянуть суд, но Руф, казалось, действительно верит в это таинство. Он тоже в свое время был вовлечен в скандал с весталками; к нему за помощью обратилась главная жрица, когда в их доме обнаружили Катилину. Руф обратился к Цицерону, а Цицерон позвал меня. Как я заметил раньше, иногда Рим казался мне в этом отношении провинциальным городком.

— Я рад видеть тебя, Руф. Немного найдется людей, которых я привык видеть на Форуме и которых мне недостает, — откликнулся я, и это было правдой, потому что Руф всегда отличался честностью и порядочностью, вежливым обхождением, но твердостью во взглядах, что не было заметно по его добродушной наружности. Его чувство справедливости и добропорядочности, казалось, было всегда не к месту, особенно среди самодовольной суеты Форума.

— Но что это? — воскликнул я. — На тебе тога кандидата?

Руф прикинулся, что счищает пыль со своей тоги, натертой мелом, как это принято у людей, готовящихся принять участие в выборах.

— Это потому, что меня могут выбрать претором на следующий год.

— Надеюсь, что ты одержишь победу. Риму нужны порядочные и справедливые правители.

— Посмотрим. Голосовать будут завтра, сразу после выборов консула. Обычно эти выборы проходят в разные дни, но поскольку с консулом еще ничего не ясно... представляю, каким шумным будет этот день. Цезарь тоже добивается должности претора, как и брат Цицерона, Квинт.

— Я думаю, ты до сих пор сотрудничаешь с Цицероном, — сказал я, видя по его лицу, что это не так.

— Цицерон... — Руф пожал плечами. — Ты ведь знаешь, какие цирковые номера он показывал, чтобы добиться должности консула в прошлом году. Все равно, как если бы он выдувал дым изо рта и прыгал через обруч. С годами он изменил свои взгляды практически по любому вопросу, но риторика его осталась прежней — как будто постоянство человеку придает риторика, а не его дела. Я читал предзнаменования в день его выборов — не потому, что меня попросили, а потому, что сам хотел удовлетворить свое любопытство. Знамения предсказали год, полный обманов и предательств, возможно, даже бедствий. Ах, Гордиан, вижу, с каким лицом ты смотришь на меня: ты не веришь в предсказания авгуров. Цицерон тоже не верит, он считает их орудием в руках себе подобных, годным лишь для того, чтобы дурачить народ. И он без всякого стыда прибегает к этому обману. Лицемерно отворачивается от жертв репрессий Суллы, ищущих возмездия, протестует против земельной реформы Рулла, умиряет бунт по поводу отдельных мест в театре для всадников, а теперь еще и эта отмена выборов — ты ведь давно не был в городе?

— Я приехал только вчера вечером.

— Полнейший хаос. Представь себе только — избиратели ехали часы и даже дни, а теперь им говорят, что голосование перенесено на неопределенный срок! Возмущенные крестьяне из Этрурии разбивают лагерь на Марсовом поле, разводят костры, от которых может сгореть весь Рим, а когда к ним подъезжают преторы, то достают старые ржавые мечи времен Суллы. Этого достаточно, чтобы расхотеть стать претором. И все из-за нелепого заявления Цицерона, что Каталина собрался перебить половину Сената, если его не изберут консулом. Теперь, пытаясь доказать, будто обвинения его не беспочвенны, Цицерон настаивает на том, чтобы ходить по Форуму с этой дурацкой нагрудной пластиной...

— А это еще что такое?

— Мне обо всем этом даже вспоминать не хочется, ты и сам все увидишь на Форуме. Ах, Цицерон! В эти дни я союзник Гая Юлия Цезаря.

Я кивнул при упоминании имени молодого патриция, который незадолго до того выиграл на выборах главного понтифика вопреки всем ожиданиям. Это была должность главы государственной религии. Его щедрость при устройстве игр и банкетов завоевала сердца публики (а также, по слухам, вовлекла его в долги, несмотря на наследственное богатство). Все считали, что он умен, очарователен, скрытен, презирует оптиматов и обладает прямой натурой, которая либо ведет человека к политическому успеху, либо ввергает его в пучину бедствий. Находились такие, которые боялись, что Цезарь станет вторым Каталиной, если в самом деле надежды и чаяния Каталины подходят к концу.

— Цицерон всех нас разочаровал, — вздохнул Руф, — тогда как Цезарь... — В его глазах зажглись искорки. Он даже улыбнулся — немного застенчиво, как мне показалось. — Чем больше я имею дел с Цезарем, тем более меня впечатляет его личность. Как понтифик он вдохновляет меня, к религии наших предков он относится с таким уважением, какое недоступно для «нового человека» вроде Цицерона. И не в меньшей степени, чем оратор, он человек действия, испытавший на себе тяготы войны и опасностей, — тебе ведь известна история, как в молодости он попал в плен к пиратам. Он относился к ним с превеликим презрением, говорил, что всех их повесит, будто бы в шутку, добился собственного выкупа, а потом проследил, чтобы пиратов поймали и распяли. Цицерон бы просто довел их до смерти своей риторикой. Цезарь на самом деле позаботился о тех, кто пострадал в годы диктатуры Суллы, встал на сторону их детей и теперь собирается добиться для них компенсации. А Цицерон тем временем долго распространялся о том, как он выступил против Суллы в деле Секста Росция, но даже и пальцем не пошевелил, чтобы помочь его жертвам, — он заявил, что их требования законны, просто сейчас не время беспокоить правительство их просьбами. Ну конечно, никогда не бывает подходящего времени! И никогда не наступит, пока оптиматы

управляют государством и не желают, чтобы их беспокоили. Цицерон, храбро выступавший против диктатуры в молодости, уступил старым приятелям диктатора без малейшего протеста.

Хотя он якобы и обладает даром предвидения, на самом деле именно Цезарь предвидит будущее. Государство должно предоставлять определенные права завоеванным народам, а не просто их эксплуатировать. Можно построить порядок на крови, но согласие всегда должно сопровождать победу. Мы с Цезарем объединили свои ресурсы в этой предвыборной борьбе, но я кажусь себе слишком самонадеянным по сравнению с таким кандидатом. Он великолепен. Других слов не подберешь. Когда он говорит... — Голос Руфа затих, и он уставился в неопределенную даль.

Единственный, пожалуй, недостаток Руфа заключается в том, что он легко поддается восхищению перед человеком, которого уважает. Так было с Цицероном, но, судя по интонации, с которой он упоминал его имя, это восхищение вместе с уважением давным-давно прошли. Теперь он увлекся Цезарем и, памятуя то, что говорили о Цезаре, начиная еще с его отношений с царем Вифинии, он имел гораздо больше возможностей найти ответное чувство в объекте своего почитания — даже если он об этом и не подозревал.

— Ах, да, мы обсуждали мою тогу кандидата, — сказал Руф. — Я как раз собирался снять ее.

— Тебе не обязательно прекращать кампанию у меня в гостях, — сказал я, решив немного поддразнить его. — Я с таким же успехом мог попросить птицу у меня в гостях снять крылья, как и политика — его тогу.

Он посмотрел на меня безучастно.

— Но мне нужно облачиться в одеяния авгуров, прежде чем мы начнем нашу прогулку.

— Так ты хочешь сказать, что сам лично будешь читать предзнаменования для Метона?

— Конечно. Потому я и здесь — в качестве авгура. Но это, конечно, не значит, что я бы и просто так не пришел к тебе. Разве Экон тебе ничего не говорил?

— Нет. Я думал, что он найдет простого авгура, вроде тех, которых приглашают на свадьбы. Я и не предполагал, что ты... и надо же — как раз накануне выборов!

— А что может быть лучше, чем с достоинством исполнить свои обязанности? Я буду выглядеть благонадежнее остальных кандидатов, бегающих за избирателями в поисках голосов, — сказал он с хитрой улыбкой.

— Руф! — рассмеялся я. — Ты представляешь собой новую разновидность политиков. Идеализм в качестве прагматизма: внимание к своим обязанностям вместо грубости и открытого подкупа голосов. Необычно, но вполне может сойти.

— Гордиан, ты безнадежный циник.

— А ты, Руф, все так же полон доблести и чистоты.

Он улыбнулся.

— Но я на самом деле должен идти переодеваться. Ах, да, у меня же для вас с Метоном сюрприз. Но мы поговорим об этом позже.

Я подозвал одного из рабов Экона, чтобы тот указал Руфу, где можно переодеться; за ним последовала маленькая свита рабов, несущих одеяния и посох авгура.

Я огляделся по сторонам — вокруг меня качалось море голов. И совсем близко, среди равномерного рокота, я услышал знакомый женский голос, произносящий известное мне имя.

— Ах, вы, должно быть, знали моего покойного кузена, Луция Клавдия. Да, такой добродушный мужчина, с рыжими волосами, как у того человека, который только что прошел через всю комнату, но с фигурой, более похожей на мою, извините уж, что обращаю внимание. Ну так вот, мне от Луция Клавдия достался дом на Палантине, большой, просто невероятно огромный, но он не по размерам моей скромной особе, с моими более чем скромными требованиями, хотя мне и сказали, что он может приносить мне доход, если я немного потрачусь и отремонтирую его и если найду человека, достаточно богатого, чтобы

его снять. Но мои кузены хотят, чтобы он пустовал на тот случай, если все они решат приехать в Рим, но ведь тогда нужно содержать хотя бы часть рабов, а я не думаю, чтобы мои кузены были намерены кормить их... Ах, смотрите, вот наш хозяин и мой дорогой сосед. Гордиан, желаю тебе и твоему сыну всего хорошего в этот день.

— Клавдия, — воскликнул я, взяв ее протянутую руку и целуя ее прямо в щеку.

Если бы я не услышал ее голос, то с трудом бы узнал ее в толпе, поскольку вместо грубого крестьянского платья на ней сейчас была изысканная пурпурная стола и темная накидка, искусно скрывающая ее полноту. Соломенные волосы моей соседки были подкрашены хной и уложены в высокую прическу, способную коснуться балки дверного проема. Она выглядела не лениво отдыхающей, а, напротив, энергичной и полной сил. Клавдия разговаривала с нашей соседкой, маленькой, неприметной женщиной, которая дружески следила за успехами моих детей и несколько раз встречала Луция Клавдия, когда он приезжал ко мне в гости. Эту маленькую женщину, казалось, сильно смущало общество Клавдии, и она даже не обиделась, а, наоборот, вздохнула с облегчением, когда Клавдия резко повернулась ко мне и ей представилась возможность убежать.

— Гордиан, я и не ожидала такого праздничного убранства. Еда великолепная — но, как мне кажется, это не Конгрион готовил. Повар твоего сына Экона или наемный раб, я угадала? Да, я всегда могу отличить блюдо, приготовленное одним поваром, от блюда, приготовленного другим; у меня к этому способности. Как восхитителен Метон в тоге! Хотя, мне кажется, ему в ней пока неудобно — видишь, как часто она свешивается не так с левого плеча, и ему приходится поправлять ее рукой и поднимать правое плечо. Но он привыкнет, я уверена. Спасибо, что пригласил меня, ведь я не родственница тебе и даже вряд ли старая подруга. Ты можешь считать, что я представляю здесь дорогого нашего Луция, который, конечно, не пропустил бы такое празднество.

— Мы с Луцием часто сидели и попивали вино как раз в этом саду, — сказал я.

— Очаровательно, очаровательно, — проговорила Клавдия с отсутствующим взглядом. — А я могла бы и не прийти к тебе. Я сегодня собиралась в поместье, но так как дороги переполнены...

— Ты уже уезжаешь? Мне казалось, что ты собиралась провести весь квинтилий здесь, в Риме, следя за обустройством дома Луция?

— Да, так и было. Но оказалось, что я не могу решить, как мне следует поступить с этой собственностью. Я в таком недоумении, что самое лучшее, как мне кажется, — поехать обратно домой и спокойно все обдумать. Да, я понимаю, что придется пропустить выборы, но тем более, слава Юпитеру! Я ведь женщина, и мне не нужно голосовать. Кроме того, с меня уже достаточно города. Понимаешь, меня так расстраивает мысль о том, что нужно провести здесь целый месяц! В этой одежде мне как-то не по себе. Уж лучше бы на мне был мой старый мешок; к тому же я говорю и говорю и не могу остановиться...

Она неожиданно рассмеялась и глубоко вздохнула.

— Вот видишь! Если быть откровенной, с меня достаточно кузена Мания и его проницательной жены. Это твои соседи с севера, но большую часть времени они проводят в Риме. Они приезжают ко мне каждый день и уговаривают приходить к ним в гости каждый вечер, но я уже устала от них. Повар у них никудышный — для начала. И потом, их консервативные разговоры неприятны даже для меня. Представь только, какую болтовню о политике они разводят за ужином.

Клавдия понизила голос и подвинулась поближе.

— Но какое-то положительное последствие встреча с ними принесла. И это касается непосредственно тебя, Гордиан. Вот почему я до сих пор в Риме, а не по дороге в Этрурию. Гордиан, обещай, что не рассердишься, но я осмелилась сегодня привести с собой кузена Мания. Слишком самоуверенно с моей стороны, я понимаю, но мне представилась такая возможность! Я сказала самой себе: «Сделай это!» — и сделала. И мне кажется, что это к

лучшему. Так вот он — Маний! Да, кузен, подойди и поприветствуй нашего хозяина. — Она позвала кого-то через мое плечо.

Обернувшись, я увидел того самого седобородого негодяя, который похищал лакомства со столов! Неудивительно, что он с первого взгляда мне не понравился; он был в здании суда вместе с Цицероном, защищавшим мое дело, но казался таким неказистым, что я не обратил на него особого внимания. Теперь я вспомнил и его самого, и его высказывания, которые передал мне помощник Конгриона: «Глупый выскочка без предков, которого только в клетку посадить и отправить обратно в Рим». Что он делает здесь, в день облачения в тогу моего сына?

Клавдия с ума сошла — зачем она его привела? Если бы я был человеком с предрассудками, как Руф, то считал бы его появление за дурное предзнаменование.

Клавдия, казалось, прочитала мои мысли. Пока Маний приближался, она сжала мне руку и прошептала на ухо:

— Гордиан, никому не на пользу вражда между нашими семействами. Маний плохо о тебе отзывался в прошлом, как и остальные мои кузены, но я провела с ним кое-какие беседы и убедила его с тобой помириться. Вот почему он здесь. И ты гостеприимный хозяин, не так ли?

Мне не оставалось выбора, в следующее мгновение передо мной стоял Маний, с кислым выражением лица и опущенными глазами.

— Так ты — Гордиан, — наконец проговорил он, взглянув на меня. — Моя кузина Клавдия твердит мне, что мы должны стать друзьями.

Это слово он постарался произнести с некоторой иронией. Я глубоко вздохнул.

— Друг — это возвышенное слово, и не следует им злоупотреблять. Я был другом вашего покойного кузена Луция, чем и горжусь. Согласно его завещанию, мы стали соседями, если и не друзьями; мне кажется, что соседям нужно жить в мире и согласии. И уж поскольку мы соседи...

— Но только в результате решения суда и из-за нелепого заблуждения Луция, — добавил Маний мрачно.

У меня забилося сердце.

— Клавдия, мне показалось, что ты сказала...

— Да, Гордиан, я и сама не понимаю, — проговорила Клавдия сквозь зубы. — Маний, когда мы утром отправились в гости, ты уверил меня...

— И я тоже согласился с тобой, Клавдия, что если и пойду сюда, то буду вести себя благопристойно и постараюсь сам убедиться, насколько семейство Гордиана достойно уважения. Ты говорила, что это «как раз такие соседи, о которых можно только мечтать». Ну, вот я и пришел, Клавдия. Я вел себя так же, как в своем доме. Но глаза мои не убедили меня, скорее наоборот: подтвердились мои худшие подозрения.

— Ах, дорогой, — пробормотала Клавдия, прикладывая палец к губам.

— Я поговорил с некоторыми гостями, — продолжал Маний. — Большинство из них — радикалы-болтуны и популисты. Таких людей можно найти где угодно, в любом уголке Рима. Не стану отрицать, что есть здесь несколько приличных гостей, из патрицианских семейств, но я не понимаю, что они делают в таком месте. Понятия о том, с кем следует и с кем не следует водиться, всецело изменились со времени моей юности. Я бы сказал, совершенно исчезли.

— Маний, прекрати, — вмешалась Клавдия.

Но Маний не остановился.

— Как я уже сказал, я со многими здесь поговорил и понял, что за семейство живет в этом доме и населяет теперь поместье Луция. В прошлом году я не проявлял особого интереса к вопросу о наших разногласиях. Мне все равно было, кто такой Гордиан, лишь бы он не зарился на наше семейное имущество. Я знал, что он из плебеев, без достойных

предков, но не знал, что за семейку он себе завел. Вот уж действительно, достойные люди! Его жена вовсе не римлянка, а наполовину египтянка, наполовину еврейка, бывшая когда-то его рабыней и наложницей! Их старший сын был, возможно, римлянином по рождению, но вовсе не его сыном от этой рабыни; этот Экон — что за дурацкое, нелепое имя! — был уличным нищим, до того как его подобрали с улицы. А что касается того мальчишки, день рождения которого празднуют сегодня, то он был рабом в Байях и, возможно, греческого происхождения. Раб! А теперь только взгляните на него в тоге. В дни величия Республики, в дни наших дедов, невозможно было и подумать о таком осквернении законов! Неудивительно, что мальчишка не может как следует напаялить на себя тогу!

Сначала я слушал его тираду, лишившись дара речи, затем с горящими от негодования ушами, затем сжав кулаки, едва удерживаясь, чтобы не ударить его со всей силы. В какое-то мгновение Клавдия обратила свой взор на меня и успокаивающе жала мне локоть. Я не нуждался в ее поддержке, поскольку и сам не хотел скандала в собственном доме и не собирался портить праздник Метону. Вместо этого я продолжал стоять и негодовать втайне.

— И наконец, дочь, насколько я понял, рожденная свободной и, очевидно, от этих родителей. Римская девочка, она вырастет, выйдет замуж и принесет с собой в новый римский дом свою египетско-иудейскую кровь матери. Разве удивительно, что наша Республика на грани гибели? Кто теперь беспокоится о чистоте римской семьи? Даже Луций из рода Клавдиев «убедился», если употреблять твои слова, Клавдия, в «добропорядочности» этих вырожденцев, но он всегда отличался необычным, я бы даже сказал, ненормальным поведением. Ты и сама, Клавдия, не лишена доли этого безумства. Если ты восхищаешься таким положением дел — пожалуйста, но только не нужно убеждать в этом остальных. Я исключительно из доброй воли позволил привести меня сюда, но жестоко ошибся. Я позволил женским мягким словам пробить брешь в моей решительности и изменил своим убеждениям. Я совершенно зря потерял целый день.

Через мгновение он бы повернулся и направился к выходу, не оставляя мне иного выбора, кроме как стоять, задыхаясь от негодования, или бежать за ним на потеху всем гостям. Но иногда в подобных случаях вмешивается сама Немезида, простирая свою руку и карая самодовольных глупцов.

— Ну, ты все-таки зря времени не терял, — сказал я, еще не понимая, что именно хочу этим сказать.

Какая-то угроза поколебала самоуверенность Мания, он отступил назад, но недостаточно быстро. Уголкем глаза он, должно быть, заметил движение моей руки и поднял руки для защиты, но я не собирался бить его. Вместо этого, почти бессознательно, я нацелился на то место, где исчезла его рука с украденными яствами. Я ударил по твердому мешку, скрытому в его тунике. Маний издал тревожный стон. Клавдия вскрикнула, достаточно громко, чтобы повернулись несколько окружающих нас гостей. Веревки потайного мешка оборвались, и он рухнул на пол, рассыпая содержимое. Словно из рога изобилия, оттуда вылетели медовые финики, фаршированные виноградные листья, жареные орешки и пирожные.

Тревога Клавдии моментально прошла, и она засмеялась, как и несколько женщин, стоявших возле нас, а затем засмеялись и остальные гости. Маний Клавдий покраснел, и я даже испугался, как бы он не лопнул, подобно мешку; он стоял на месте и дергался, словно хотел убежать, но не мог. Одарив меня испепеляющим взглядом, он собрался с силами и неопределенно махнул рукой, пробормотав нечленораздельное проклятье. Потом повернулся и мог бы довольно достойно пробраться к выходу, если бы не наступил на один из медовых фиников. Мой обидчик так изящно распластался на полу, как я и не смел мечтать, ударь я его рукой. Он не просто упал — он рухнул без всякой опоры, без почвы под ногами — выражаясь образно. Маний уже не старался не смотреть никому в глаза, и уши его покраснели неимоверно. Я даже представил, как у него из ноздрей идет дым.

Я так громко засмеялся, что ко мне подбежали Метон с Эконом, испугавшись за мой рассудок. Я задыхался от смеха и не мог объяснить, в чем дело. По моему лицу катились слезы, гнев и огорчение внутри меня растаяли без следа.

Когда я наконец успокоился, то заметил, что Клавдия тоже исчезла, правда, не так эффектно, как ее кузен, но также смутившись. «Бедная Клавдия, — подумал я, — все твои попытки помирить наши семьи ни к чему не привели».

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

У меня не было времени поразмышлять или хотя бы позлорадствовать над происшествием с Манием, поскольку празднество продолжалось и на меня были возложены обязанности главы семейства. Я приветствовал гостей, развлекал их, прощался с ними. После нескольких ошибок я настоял, чтобы рядом со мной стоял Экон и, словно помощник политика на Форуме, подсказывал мне имена, которых я не мог вспомнить. Количество людей, с которыми знакомишься за двадцать лет жизни в городе, просто подавляющее. Мои занятия свели меня с постоянно расширяющимся кругом хорошо знакомых между собой лиц, а Экон продолжил мою работу. Мы, казалось, приобретали некоторое уважение. Прежде ораторы и адвокаты не осмеливались сами войти в мой дом и общались со мной через своих рабов. Но настойчивость и денежные средства придают респектабельность; с годами я понял, что можно счесть достойной любую линию поведения, если она приносит выгоду и доход нужному слою людей.

У меня уже ноги заболели. Я съел слишком много для такого жаркого полудня, а выпил еще больше (но от разговоров у меня пересыхало горло — так я оправдывал себя). Тем не менее я находился в приподнятом настроении. Чувствуя себя легким, как перышко, я одновременно и участвовал в празднике, и наблюдал его со стороны, словно божественный гость с Олимпа. Это от выпитого вина, говорил я себе, или от бесчисленных славословий в адрес меня и Метона, или от размышлений по поводу позора Мания Клавдия — все это повлияло на мое настроение, и с каждым часом я становился все более возбужденным. Но вовсе не из-за того, что я снова в Риме, снова в центре самого большого в мире скопления людей, которые живут, любят, пируют, умирают каждый день в таком безумном месте. Я больше не люблю Рим, повторял я себе, мне он когда-то нравился, но это увлечение бесследно прошло. Я могу иногда сюда возвращаться, но только как гость, свободный от воспоминаний былой дружбы. Я больше не люблю Рим, повторял я себе и почти поверил в это.

Но самый радостный миг этого дня настал тогда, когда я услышал гулкий смех у себя за спиной, который пробудил во мне воспоминания. Я отвлекся от поверхностного разговора и огляделся, но не мог в толпе определить источник смеха. Потом я услышал этот смех ближе и увидел, как Метона схватил и обнял медвежьей хваткой широкоплечий человек с густой черно-белой, как мрамор с прожилками, бородой. За этим человеком стоял чрезвычайно красивый юноша в тоге, похожий на греческую статую в римских одеждах.

Наконец человек отпустил моего сына, который изумленно поправлял складки своей тоги. Метон увидел, что я смотрю на него.

— Папа, — сказал он немного дрогнувшим голосом, — смотри, кто пришел!

— Как и всегда, я сначала услышал тебя и лишь затем увидел, — усмехнулся я, подходя к вновь прибывшему. И не смог избежать железной хватки своего старого друга Марка Муммий.

Именно Муммий, вопреки воле Красса, нашел Метона на Сицилии и спас его от рабства, в котором ему отводилась роль пугала для ворон. Муммий привез его в этот дом как раз в тот день, когда родилась Диана. В моем сердце ему отведено особое место.

Метон оказался не единственным рабом Красса, которого Муммий попытался спасти.

За ним стоял Аполоний, которого Красс как-то продал египетскому гостю. Муммий пересек море, нашел раба, привез его в Рим и сделал свободным. Аполлоний остался при нем как свободный друг и компаньон. И как же Красс презирал своего лейтенанта за то, что тот принял такое участие в судьбе какого-то раба! Пропать между ними становилась все больше и больше, пока Муммий не поклялся в верности Помпею — что было к лучшему, ведь только на службе у Помпея, очищая море от пиратов и завоеывая Восток, такой человек, как Муммий, мог проявить свой талант.

— Марк! — воскликнул я. — И Аполоний! Как я рад видеть вас, особенно в такой день! Что за неожиданность! Ведь я думал, что вы до сих пор на Востоке, с Помпеем.

— Когда уже не с кем сражаться? — сказал Муммий. — С Митридатом покончено, мелкие государства перешли под римское управление — осталось только решить несколько политических вопросов. Играть в Юпитера — так я это называю, управлять этими царьками, словно фигурками на доске. Помпею нравится такая работа, но у меня не хватает терпения. Я способен только на то, чтобы вести армию в сражение, хотя, кажется, становлюсь староват для этого. Вот, посмотри!

Без колебаний он приподнял тогу и обнажил свои ноги. Поскольку ношение тоги подразумевает отсутствие нижней одежды — ведь с замотанной левой рукой очень неудобно заботиться об естественных потребностях, — то Муммий мог очень легко переступить предел дозволенного обнажения. Я нервно посмотрел по сторонам и замахал руками, но с таким же успехом я мог сдержать медведя, вознамерившегося почесать живот. К счастью, единственной женщиной, обратившей на нас внимание, оказалась Вифания, которая шла на кухню горделивой походкой хозяйки. Когда Муммий принялся показывать свои раны, она остановилась, склонила голову и бросила на него холодный, оценивающий взгляд, как в лавке мясника.

— Вот, видишь это! — Муммий указал на длинный шрам, тянувшийся по всему бедру, вплоть до колена, где кожа потемнела, как у египтянина. Среди остальной поверхности, покрытой густыми волосами, шрам выделялся ровным розовым цветом. Муммий напряг мышцы нога, и шрам зашевелился, словно змея. Ему это показалось чрезвычайно забавным, и он хрипло засмеялся. Я оглянулся на Аполлония, который тяжело вздохнул, но и ему пришлось негромко рассмеяться, в угоду своему покровителю. Вне всякого сомнения, он не в первый раз присутствовал при подобной сцене.

— Сражение при реке Абаз! — заявил Муммий, опуская край тоги. — И случилось это из-за глупости. Я был на коне, а албанец стоял на ногах, ничем не защищенный; он вытаскивал свой меч и пронзительно кричал изо всех сил. Я видел, как он приближается, — у меня было достаточно времени, чтобы поразить его копьем, или вытащить меч и отразить его удары, или просто отвести своего коня в сторону. Я слишком долго думал, прежде чем что-то сделать, хотя должен был действовать машинально. Но в тот день мои рефлексy были разгромлены, словно Карфаген. Ох, как он заехал своим мечом и распорол мне кожу! Тогда уже я закричал.

— И что было дальше? — спросил Метон, всегда интересовавшийся военными историями.

— Ничего особенного, как всегда. Ударил его в голову тупым концом копья, другой рукой вынул меч и хватил прямо по горлу. А потом поскакал на неприятеля! Все это случилось в мгновение ока.

— Прямо на неприятеля, раненый?

— Не оставалось выбора. Из прежних битв я понял, что самое худшее при ранении — это остановиться. А этого делать не следует, ибо тогда на тебя обрушится боль и ты погибнешь. Я видел, как много людей умерло из-за ран просто потому, что они быстро сдавались и опускали руки. Нет, нужно так закричать, чтобы фурии вылетели из твоей глотки, и погрузиться в гущу сражения. Таким образом и раны не почувствуешь, и кровь не

вытечет, поскольку устремится к голове и рукам, размахивающим оружием.

Метон смотрел на него взором, полным восхищения.

— Знаешь, говорили, что в тот день вместе с албанцами сражались амазонки, хотя я сам ни одной не видел, а среди убитых тоже не нашли женщин. Не уверен, что выступил бы в сражении против женщины... Но я опять увлекся и говорю о себе, тогда как это же день нашего Метона! Какой же у тебя вид во взрослой тоге! А я помню тебя еще совсем маленьким, когда ты бегал повсюду, путался под ногами других... других...

Последнее слово прозвучало неестественно. Он явно хотел сказать: «Других рабов».

Я снова заметил странную тень, пробежавшую по лицу Метона. Пока Муммий рассказывал о сражении, Метон просто слушал его, зачарованный рассказом, но когда разговор коснулся прошлого, в нем пробудились воспоминания о неприятном периоде его жизни. Щеки Метона покраснели, но еще более покраснел Муммий, который понял, что коснулся недозволенного. Он попытался отступить от неприятной темы, но еще более запутался.

— Ну, я хочу сказать, что ты был, как говорил мне Гордиан, глазами и ушами всего хозяйства. Ты везде проскальзывал, все замечал и запоминал. Он прозвал тебя рукой Немезиды за ту роль, которую ты играл в деле спасения других...

И снова, как полководец, заведший свои войска в болото, покруживший на месте и вышедший опять к засаде неприятеля, он споткнулся на том же самом слове. Я едва слышно заворчал.

— Других рабов, — сказал Метон довольно спокойно.

— Что? — переспросил Муммий, словно не расслышав его слов.

— Других рабов — как ты хотел сказать. Ты говорил о моей роли в деле спасения других рабов — рабов Красса, каким был и я.

Муммий вытянул губы. Неужели он так же косноязычен, когда обращается к войскам?

— Да, как раз это я и собирался сказать.

«Или не собирался», — подумал я.

Метон опустил глаза.

— Все в порядке, Марк Муммий. Не стоит прятать очевидное, как учил меня отец. Если мы будем скрывать истину, то увидим вокруг себя одну ложь.

Он поднял глаза и посмотрел на нас уверенно и с достоинством.

— Все мы когда-то были не теми, кем являемся сейчас. Эта тога не скрывает того, кем я когда-то был, но это и не важно. Важно, что сейчас я сын Гордиана. И что сегодня я стал мужчиной и полноправным гражданином Рима.

Муммий отступил на шаг назад и поднял брови. Затем лицо его расплылось в улыбке.

— Превосходно! — крикнул он. — Как замечательно ты это выразил словами! Через несколько лет мы будем гордиться тобой, я уверен!

Напряжение разрядилось. Люди вокруг нас улыбались. Экон сжал плечо Метона. Зная, насколько скрытен мой старший сын в выражении своих чувств, я даже несколько удивился такому их проявлению.

— Ты, должно быть, очень горд, — сказал голос совсем рядом с моим ухом.

Я обернулся увидел улыбающееся лицо молодого человека с озорным огоньком в глазах, обрамленное узкой бородкой. Оно казалось не к месту на этом празднике, ведь обладателя бородки, определенно, сюда не приглашали. Какое-то время я думал, что глаза мои меня обманывают.

— Марк Целий! Что ты здесь делаешь? — спросил я, оглянувшись через плечо.

Метон и Экон перешептывались между собой, Муммий и Аполлоний отправились поприветствовать Вифанию. Я схватил Целия за локоть и отвел в сторону.

Он в удивлении поднял брови.

— Если бы я обладал чувствительной натурой, то подумал бы, что ты совсем не рад

моему появлению.

— Сохрани свое остроумие для Форума, Целий.

— Действительно, Гордиан, неужели мое остроумие на политиков не действует? Мне кажется, оно в гораздо большей степени теперь забавляет поэтов и проституток.

— Мне кажется, что тебя сегодня не приглашали, — сказал я насколько возможно спокойным голосом.

— Меня нет, но Цицерона приглашали. Твой старший сын Экон заранее позаботился о приглашении для консула. Но Цицерон не смог сегодня прийти. Слишком занят — ведь сегодня последняя возможность выступить перед избирателями перед завтрашним голосованием. И конечно же, ему не следует появляться здесь, принимая во внимание ваш мнимый раздор. Я постарался, как мог, упрочить эти слухи — чтобы Катилина нам поверил, разумеется.

— Но ведь все позади, Целий. Или будет позади после завтрашних выборов.

— Все позади, Гордиан? Не думаю. Все только начинается, насколько я полагаю. Цицерон присылает свои извинения, зная, что ты поймешь, почему он не пришел. Ну, и официально, для тех, кто спросит, я здесь по поручению Катилины, чтобы передать тебе его поздравления по поводу совершеннолетия твоего сына.

— Сколько у тебя хозяев, Целий?

Я намеренно сказал «хозяев», чтобы оскорбить его, но он и не шелохнулся.

— Катилина уверен в моей верности. И Цицерон тоже. Только в случае с Цицероном это правда.

— Сомневаюсь.

Лицо его изменилось. Улыбка напроказничавшего школьника и огонек в глазах исчезли. Он понизил голос:

— Извини меня, Гордиан. Всех нас вымотало то, что происходит в городе в последние дни, особенно тех, кто приближен к Цицерону. Представь только, что мне приходится мотаться туда-сюда между Катилиной и Цицероном, делая вид, что я стремлюсь угодить обоим. И когда меня прижимают обстоятельства, я стараюсь отшучиваться.

— Марк Целий, зачем ты здесь? — спросил я устало.

— По тем причинам, о которых я уже сообщил. Чтобы передать поздравления Катилины, думающего, что здесь его представляю я, а на самом деле принести извинения Цицерона, поскольку уж требуется поддерживать видимость вашего взаимного отчуждения.

— Поддерживать? Но зачем? Я поступил так, как вы с Цицероном требовали от меня: открыл двери своего дома перед Катилиной, не зная и не спрашивая о причинах такого странного требования. Завтра избиратели решат будущее Катилины, и тогда со всем покончено. Выиграет Катилина, проиграет ли, я поступил так, как вы меня попросили. Мой долг по отношению к Цицерону выполнен — и довольно.

— Не совсем так.

— Что ты имеешь в виду?

— Не все так просто, Гордиан. Мне кажется, что завтрашние выборы — если только Цицерон не убедит сегодня Сенат в целесообразности их очередной отмены — это всего лишь начало очень сложной игры.

— Какой игры? Ты хочешь сказать, чтобы я продолжал играть в дружбу с Катилиной?

— Сейчас твое сотрудничество даже важнее для нас, чем раньше.

— Марк Целий, ты выводишь меня из себя.

— Извини, Гордиан. Я уйду.

— Целий...

— Да?

— Целий, ты знаешь что-нибудь о теле, найденном в моем доме?

— О теле? — спросил Целий без всякого выражения.

— После того, как ты задал мне загадку о двух телах — одном с головой и другом без головы. Ты назвал это «загадкой Каталины». И вот в моем поместье появилось тело. Без головы.

Целий поморщился. По-настоящему ли он размышляет или только обманывает меня? Под моим внимательным взглядом глаза его окончательно погасли, и я ничего и мог по ним прочитать — как и по раскрашенным глазам статуи.

— Я ничего о теле не знаю.

— А скажет ли то же самое Цицерон? А Катилина?

— Поверь, Цицерону известно не больше. А что касается Катилины...

— Да?

Он покачал головой.

— Не вижу причин обвинять Катилину в таком зверстве.

— Когда я сомневался, как ответить на твое предложение, появилось это тело — как будто прямо из загадки...

— Гордиан, мне ничего не известно, клянусь Геркулесом. Это бессмысленно...

Чем дальше смотрел я в его глаза, тем труднее мне становилось раскусить его. Лжет ли он? А если да, то в чью пользу?

— Но если ты хочешь до конца услышать загадку Каталины...

— Да?

— То подожди до тех пор, пока он не произнесет опровержения Цицерону в Сенате, после полудня. То, что скажет Катилина, будет у всех на устах. И всем в Риме будет известна эта загадка.

— Скажи мне сейчас, Марк Целий...

В это время по толпе пронесся шепот, и все головы повернулись к двери, ведущей во внутренние помещения, из которых вышел Руф, облаченный в одежды авгура. Он выглядел великолепно, в трабесс, шерстяном платье, с пурпурной полосой по краю и шафрановыми полосками. В правой руке он держал длинный, изящный жезл из слоновой кости, украшенный резными изображениями ворон, сов, орлов, грифов, цыплят, а также лис, волков, коней и собак — всех тех птиц и четвероногих животных, по поведению которых авгуры определяют волю богов.

Руф заговорил властным голосом:

— Настало время Метону направить стопы свои на Форум и, облаченному в тогу, взойти вместе со мной в храм Юпитера для определения воли богов.

Я огляделся по сторонам и заметил, что Марк Целий ушел.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Гости разошлись, пожелав всего хорошего. Под руководством Вифании и Менении кухонные рабыни принялись убирать со столов и складывать остатки пищи в специальные кувшины. Оставшимся рабам Экон приказал навести повсюду чистоту и приготовился к выходу. Никогда римлянину не добиться уважения на Форуме, если у него нет свиты — чем длиннее свита, тем больше уважение, а, как говорит Цицерон, раб занимает столько же места, сколько и гражданин. Наша свита будет маленькой, но впечатляющей, с самим Руфом во главе. Муммий с Аполлонием заявили, что тоже будут сопровождать нас. Дополняют процессию несколько граждан и свободных людей, связанных с Эконом узами взаимных обязательств.

По узкой дорожке мы спустились к выходу на Субуру, где нас ожидали взятые внаем носилки. Диану оставили дома (благодаря Менении она не особенно протестовала), и я сел вместе с Вифанией, Экон поехал с Мененией, а Метон — в передних носилках, вместе с Руфом. Марку Муммию места не оставалось, я пролепетал какие-то извинения, но он

отклонил их, заявив, что, пока у него целы ноги, он никогда не согласится ехать на спинах рабов. За этим последовал рассказ о невероятных дистанциях, пройденных пешком во время военных походов; Муммий утверждал, что способен пройти шестьдесят миль за день по скалистой местности в полном вооружении.

Мы расположились в носилках и поплыли над толпой. Носильщики вынесли нас на Субуру, а свита следовала позади.

Некоторое время Вифания молчала, рассматривая лавки торговцев и приглядываясь к ценам. Она скучает по суматохе большого города, решил я.

— Все прошло хорошо, — сказала она наконец.

— Да.

— Угощение было великолепным.

— Да. Даже по нашим меркам, ведь Конгрион, что ни говори, развратил нас.

— И с желтым навесом превосходно придумано.

— Да, солнце сегодня печет.

— И в носилках ехать забавно.

— Одно удовольствие, — согласился я. Для такой непринужденной беседы у Вифании был слишком мягкий голос, и лицо ее оставалось задумчивым, пока она взглядом провожала людей, прогуливающих по Субуре.

— Я видела, что наша соседка, Клавдия, тоже приходила.

— Она не говорила с тобой?

— Нет.

— Ну да, ей пришлось скоро уйти. Она сделала ошибку — привела с собой своего кузена Мания. Он решил поругаться и устроить сцену, но закончилась она для него достаточно печально. Ты видела?

— Нет, я, должно быть, находилась в кухне. Но я потом услышала, что произошло. Экон сказал, что он сам себя опозорил. Он и в самом деле запикивал себе еду под тогу?

— Боюсь, что да.

— Что за нелепость! Он ведь богат, как Красс.

— Ты преувеличиваешь, но я сомневаюсь, что ему приходится голодать. Эти сельские Клавдии — своеобразные чудачки. Они такие жадные и упрямые...

«Даже в Клавдии есть что-то от них, — подумал я, — с ее пристрастием к экономии».

— И кто-то еще приходил к нам...

— Да?

— Тот самый молодой человек, что приезжал недавно в поместье. Тот, который убеждал тебя принять у себя Катилину. Такой красивый молодой человек.

— Марк Целий.

— Да. Хотя мне не удалось с ним поговорить.

Я постарался не улыбнуться.

— Да, Вифания, я понимаю, что ты жалеешь об упущенной возможности очаровать такого мужчину.

Она повернула ко мне свое лицо и так и обдала меня холодом.

— Муж, ты и вправду считаешь, что я думаю только об этом? Что Марк Целий делал у нас в доме?

Кожа на ее лице натянулась, словно узкая одежда, а глаза тревожно заблестели. Она не рассердилась, она испугалась.

— Вифания! — Я протянул руку и попытался обнять ее, но она вздрогнула от моего прикосновения.

— Не обращай со мной как с рабыней. Скажи, зачем он пришел на день рождения Метона? Что ему нужно от тебя?

— Ну хорошо. Он пришел, чтобы, как он сказал, принести извинения со стороны

Цицерона — тот не может присутствовать на нашем празднике.

— Он что-нибудь еще просил у тебя?

Пока я колебался с ответом, глаза Вифании так и разгорелись.

— Я так и знала! Что ему нужно на этот раз? Это опять связано с Катилиной?

— Вифания, я прямо сказал Целию, что мое обязательство по отношению к Цицерону выполнено.

— И этот ответ удовлетворил его?

Я снова замялся. Огонь в ее глазах разгорелся сильнее.

— Я предчувствовала! Опять волнения!

— Не обязательно, Вифания.

— Как ты можешь так говорить! Ты знаешь, как я беспокоилась с тех пор, когда Диана нашла то мертвое тело? Я не хочу, чтобы это продолжалось!

— Тогда мы, вероятно, должны выполнить то, что требует от нас Целий.

— Нет!

— Да! Удовлетворить его требования — кого бы он ни представлял, Каталину или Цицерона, — или...

До меня впервые дошло, что Целий мог представлять и другую партию.

— Не нужно иметь с ним никаких дел, — настаивала Вифания.

— Он просит немногого.

— Пока, но вскоре дело зайдет слишком далеко. Когда мы оставили город, ты обещал мне, что ничего подобного не будет.

— Я и сам хотел избавиться от подобных приключений. Но все это преследует меня.

— Это другое дело. Это не твой образ жизни — делать что-то неизвестно зачем. Ты всегда был честным и открытым человеком, даже когда тебе приходилось хранить тайну.

— Ты говоришь бессмыслицу, Вифания.

— Ты прекрасно понимаешь меня!

Я вздохнул.

— Да, понимаю. Мне не подходит двуличие, которое мне навязывает Целий. Оно меня даже страшит.

Без всякой мысли, словно ребенок, я протянул руку и стал перебирать ее пальцы.

— И я тоже боюсь, Вифания. Я испуган, возмущен — и горд, и рад, потому что сегодня день тоги у Метона! Если бы только за один раз в нашей жизни случилось что-то одно, без всякой путаницы!

Настала моя очередь задуматься и рассматривать улицы.

Вифания, когда я был молод и только собирался вступить на поприще моего отца, я обещал ему одно — что никогда не использую свое искусство для поимки беглых рабов. Это было легкое обещание, и я легко сдерживал его, потому что мне и самому такая работа не нравилась. Через несколько лет я пообещал себе, что никогда не стану шпионом государства или диктатора вроде Суллы, если до этого допустит Юпитер.

Случалось, что я не испытывал особой гордости по поводу некоторых дел, иногда я не понимал, что хорошо, а что плохо. Таким уж боги сотворили этот мир — оставили многие вопросы без ответов. Но я всегда мог спокойно спать и смотреть в зеркало без угрызений совести. Теперь меня принуждают быть шпионом или, по крайней мере, сотрудничать со шпионами, и я не уверен даже в том, на кого работаю. Может быть, я агент Цицерона или оптиматов, которые символизируют государство. Или я бездумное орудие Катилины, который собирается стать диктатором, а иначе как он выполнит свои обещания отобрать и уравнивать имущество? В конце концов я говорю себе — будь что будет, лишь бы мою семью оставили в покое, — и собственный цинизм пугает меня! Умный ли я, или просто безвольный, или трус?

Вифания внимательно смотрела на меня, сжимая мою руку.

— Ты не трус.

— Что же ты не убеждаешь меня, будто я поступаю мудро?

Вифания отдернула руку. Потом положила подбородок на кулак и посмотрела на улицу. Она говорила спокойным тоном, который не оставлял никаких сомнений.

— Сердцем ты понимаешь, что я догадываюсь — над нами повисло что-то очень таинственное и ужасное. Я женщина — что я могу сделать? Метон только-только вступает в зрелый возраст. Экон тоже молодой, и у него своя жизнь здесь, в городе. Так что тебе решать, муж. Слово за тобой.

Я вздохнул, моргнул и подумал: «Неужели эта женщина была когда-то моей рабыней?»

Носильщики остановились на восточном конце Форума, недалеко от бань. Согласно обычаю, женщины остались там ожидать нашего возвращения. Метон с улыбкой вступил на Священную дорогу. О чем бы они ни говорили с Руфом, предмет их разговора был гораздо приятней нашего с Вифанией.

Ведомая Руфом, наша маленькая группа двинулась по самому сердцу Рима. Пробираясь сквозь толпу торговцев, избирателей, политиков и праздных гуляк, мы миновали Дом верховного понтифика, где молодой Цезарь справлял свои обязанности, и прилегающий Дом девственных весталок, где десять лет тому назад Катилина совершил неблагоприятный поступок; прошли мимо храма Весты, где в очаге богини горит вечный огонь, мимо храма Кастора и Поллукса, где хранятся образцы мер и весов. Мы миновали трибунал комиссий, где разбиралось дело Азувия — наше первое предприятие с Луцием Клавдием. Мы подошли к Ростре — ораторской платформе, украшенной носами кораблей, захваченных в сражениях, откуда политики вещают перед массами и адвокаты выступают перед судом. Здесь выступал молодой Цицерон, защищая Секста Росция, обвиняемого в отцеубийстве, что и положило начало его известности; я собирал ему доказательства.

В то время над площадью возвышалась огромная конная статуя Суллы — но недолго; несколько лет тому назад Сенат постановил убрать ее. За Рострой находилось здание Сената, где сегодня Цицерон в очередной раз будет убеждать сенаторов в необходимости отмены выборов, а Катилина будет защищать себя от обвинений в перевороте.

На площади толпился народ. С Ростры вещал какой-то политик — один из оптиматских кандидатов на пост консула, судя по его своеобразной риторике, хотя я и не мог сказать, кто именно — Мурена или Силан. Но он не один охотился за избирателями. Везде, где только можно было найти возвышение, стояли ораторы и обращались к народу. В некоторых местах их речь сменялась бурным обсуждением, а порой оратора даже пытались стащить с импровизированной трибуны. Люди ругались, плевались, иногда дело доходило до драки — в общем, Рим накануне выборов.

Очевидно, считалось, что чем больше свита оратора, тем больший он имеет вес, поэтому каждый политик был окружен огромным числом своих приверженцев, не считая клиентов, рабов и охранников. Казалось, что на площади присутствует несколько не смешивающихся между собою групп, дело которых — выкрикивать одобряющие возгласы в адрес своего оратора, независимо от того, что он произносит, и негодуя кричать на враждебного. В воздухе пахло насилием; мне представился кипящий котел, вода в котором вот-вот перельется через край.

Наша группа во главе с Руфом сохраняла достойный вид. Его одеяние говорило само за себя: люди узнавали его и расступались перед авгуром. Многие знали его по имени и приветствовали; такой популярности в немалой степени способствовали его молодость и очарование, несвойственные авгурам. Муммий тоже оказался небезызвестен — многие помнили его еще по подавлению восстания Спартака, а служба у Помпея прославила его еще больше.

Метона тоже замечали — цель наша была для всех очевидна. Авгур, отец, сын, направляющиеся к Капитолию, представляли собой живописную группу, и некоторые даже принимались хлопать молодому человеку, в первый раз идущему по Форуму как

полноправный взрослый гражданин. Метон смущенно улыбался. Я даже не был уверен, осознавал ли он, что хлопают именно ему.

Несколько раз нам пришлось остановиться и подождать, пока путь откроется. Тогда я схватывал обрывки жарких споров. Возле храма Кастора и Поллукса двое обсуждали инцидент в театре. Имя Цицерона насторожило мое внимание.

— ...а речь, которую он произнес, выше всяких похвал! — сказал один из них.

Ерунда! — возразил второй. — Это самое худшее, что он когда-либо говорил. Ему пришлось бесславно отступить! Подумать только — защищать такое бесчестное, неримское постановление! Когда-то в театре все римляне были равны. Когда я был мальчишкой, и бедняки, и богачи сидели плечом друг к другу. Мы единодушно смеялись над шутками и страдали вместе с влюбленными.

— Так ли равны? Первый ряд всегда был для сенаторов.

— Потому что место в Сенате — знак заслуг и происхождения из лучших семей. Но почему должны быть особые места для некоторых людей — только потому, что у них много денег? Они такие же, как и я. Мы все вместе должны сидеть, а не разделяться на бедных у богатых. Разве я так дурно пахну, по мнению раздухаренного купца? Закон Отона — это скандал, позор для Рима, а если Цицерон защищает его...

— Закон Отона прекрасен, и ты понял бы это, если бы внимательно вслушался в то, что говорил Цицерон.

— Я бы предпочел слушать актера, играющего комедию Плавта — притом сидя в первых рядах, если проснусь достаточно рано, чтобы успеть их занять, и зная наверняка, что меня не вытолкают, потому что я не имею чести принадлежать к сословию всадников, как Цицерон! Почему я обязан сидеть за толстым всадником, мешающим мне смотреть на сцену?

— Ты так говоришь, словно плюешься ядом, а не приводишь логичные аргументы.

— Ну да, ругай меня за то, что я не обучался риторике! А может, тебя убедит удар кулаком по физиономии?

К счастью, толпа расступилась, и мы пошли дальше, не узнав, чем кончился этот спор. Я наклонился к Руфу.

— Что это за история про места в театре? Ты как-то уже упоминал ее.

— Разве ты ничего не слыхал?

— Нет.

Он широко распахнул глаза.

— Об этом уже несколько месяцев все только и говорят. Легче всего начинать спор именно с обсуждения этой истории. Ты ведь знаешь, как это бывает — незначительный инцидент привлекает всеобщее внимание и становится точкой отсчета для обсуждения вопросов, не имеющих с ним ничего общего. Ну так вот, несколько лет тому назад Луций Росций Отон был трибуном и предложил закрепить четырнадцать рядов в театре за всадниками.

— Да, я помню.

— В свое время это казалось либеральной мерой, по крайней мере в Сенате. Четыре ряда как минимум всегда были закреплены за сенаторами, следовательно, убеждал Отон, почему бы не закрепить ряды и за всадниками? Обеспеченные люди, не могущие пробиться в Сенат из-за своего положения, остались довольны и взяли Отона под свое покровительство. В этом году он претор и настаивает, чтобы места закреплялись на любом празднике. В апреле начался театральный сезон — во время Мегалезианских игр, — и на представлении «Девушки с Андроса» появился сам Отон. Несколько молодых грубиянов зашумели, сказали, что они хотят сидеть на лучших местах, и предложили им передвинуться, если в рядах всадников есть несколько свободных мест. Они стали оскорблять Отона. В ответ на их оскорбления люди, сидящие на местах всадников, наоборот, заплодировали Отону. Грубияны оскорбились и приняли это как вызов. И вскоре дело едва не дошло до большой

потасовки.

Тем временем об этом почти сразу же сообщили Цицерону, находившемуся у себя в доме на Палантине, — ведь у него повсюду есть уши и глаза, и ничто значительное в городе не ускользает от его внимания. Вскоре он сам появился в театре, с вооруженной охраной. Он уговорил всех выйти на площадь перед храмом Беллоны и произнес прекрасную речь, которая закончилась тем, что присутствующие зарукоплескали Отону и вернулись на свои места.

— И что же он сказал?

— Меня там не было, но секретарь Цицерона, Тирон, переписал эту речь, и ты сам можешь ее прочитать, если тебе интересно. Цицерон рта не может раскрыть без того, чтобы Тирон не схватился за письменные принадлежности, словно его господин — оракул. Понимаешь, Цицерон говорит довольно убедительно, когда дело касается привилегий и порядка. По-моему, он обратил внимание на заслуги Отона перед государством и побранил тех, кто смеет ругать такого замечательного деятеля. Затем он защищал привилегии всадников; для него это не составило особого труда — ведь он сам происходит из всаднического сословия, — сказал Руф с легким патрицианским презрением, незаметным даже для него самого. — Насколько я помню, горячие головы не стали дожидаться конца речи и убежали, чтобы где-нибудь в другом месте потратить свои силы, а более смирные вернулись смотреть представление. Цицерон решил, что это его триумф.

— Из того, что мы слышали, следует, что не все согласны с ним.

— Да, споры продолжаются. Такие мелочи всегда привлекают всеобщее внимание. Катилина принял это как вызов. Ведь он якобы защитник униженных и оскорбленных.

Позже я стал свидетелем еще одного спора — на этот раз между оратором, выступающим с импровизированной деревянной трибуны, и слушателем, который не хотел спокойно внимать ему, а все норовил пуститься в обсуждение.

— Земельная реформа Рулла изменит все к лучшему, — настаивал оратор.

— Бессмыслица! — кричал слушатель. — Это наименее обдуманное из всех законодательных предложений; Цицерон прав, что выступил против нее.

— Цицерон всего лишь игрушка в руках оптиматов.

— Почему бы и нет? Пусть Лучшие Люди выступят против этих дурацких планов, предлагаемых Цезарем только ради завоевания популярности среди толпы, — и пусть отправят его в Египет, на настоящее дело.

— С законопроектом выступил Рулл, а не Цезарь.

— Рулл открывает рот, а слова произносит Цезарь.

— Ну хорошо, тогда будем считать, что не Цицерон спорит с Руллом, а Цезарь с оптиматами.

— Совершенно верно!

— И тогда нужно признать, что если законопроект вступит в силу, то можно будет дать землю тем, кто в ней нуждается, не прибегая к насильственным мерам.

— Ерунда! Ничего не выйдет. Какой дурак поедет из Рима в провинцию, когда здесь цирки, праздники и хлебное пособие?

— Так думают те, кто губит Республику.

— Республику губят римляне, потому что они обленились. Вот почему оптиматы должны управлять всеми землями.

— То есть наложить на них руки. Но лучше было бы, если бы обычный, рядовой гражданин взялся своими руками за плуг.

— Смешно — посмотрите на суматоху среди ветеранов Суллы в Этрурии. Едва ли один из десяти стал приличным хозяином. Все они теперь разорились и только и ждут, когда этот демагог Катилина прикажет им действовать огнем и мечом.

— Значит, вам не нравится земельная реформа, не нравится Катилина...

— Я презираю его! Его и его приспешников — избалованных безответственных дилетантов. У них была возможность вести достойную жизнь, но они разорились, влезли в долги. Вся эта его схема распределения благ ни к чему простым людям — она на руку только тем, кто хочет пожить за чужой счет. Если такие, как Катилина, все больше беднеют, то они этого заслуживают. А если у избирателей нет здравого смысла и они поддаются влиянию безумцев...

— Ну ладно, не будем сейчас обсуждать Каталину. Но мне кажется, что и к Цезарю вы относитесь несправедливо.

— А как к нему еще относиться, если он весь в долгах? Неудивительно, что они оба присосались к этому миллионеру, Крассу. Катилина и Цезарь как близняшки у него на груди! Ха-ха-ха! Как Ромул и Рем возле волчицы!

Спорящий издал губами чмокающие звуки. Окружающие засмеялись или зашипели, в зависимости от того, позабавило или оскорбило их это святотатство.

— Ну хорошо, гражданин. Ты оскорбляешь Каталину, оскорбляешь Цезаря и Красса. Может, ты стоишь на стороне Помпея?

— Зачем мне стоять на его стороне? Все они словно дикие кони, стремящиеся обогнать друг друга и ломающие колесницу. Они не заботятся о всеобщем благе.

— А Цицерон заботится? — усмехнулся оратор.

— Да, заботится. Катилина, Цезарь, Красс, Помпей — все они хотят стать диктаторами и поносить головы недовольных. Но о Цицероне этого не скажешь. Он выступил против диктаторства во времена Суллы, когда только очень смелые люди могли себе это позволить. Ты зовешь его игрушкой, но кому же должен подчиняться консул, как не тем, кто входит в Сенат, кто создал Республику и управляет ею со времен падения царей? Нам нужна не власть толпы или диктатора, но спокойное и мудрое правление достойных людей.

Тут несколько вновь прибывших заворчали, и спор перешел в перебранку. К счастью, проход освободился, и мы Двинулись далее. Метон серьезно посмотрел на меня.

— Папа, я не могу уловить их аргументы.

— Мне это удастся, но с трудом. Земельная реформа! Популисты всегда обещают земельные реформы, но не могут провести их в жизнь. Для оптиматов же это стало неприличным словом.

— А что за предложение Рулла, о котором они говорят?

— Законопроект, который предложили в этом году. Я помню, как наша соседка Клавдия высказывалась против него. Но я не помню подробностей, — признался я.

К нам повернулся Руф.

— Одна из идей Цезаря, выработанных в сотрудничестве с Крассом, довольно замечательная. Итак, проблема — найти в Италии землю для тех, кто в ней нуждается. Решение: продать завоеванные Римом земли и на вырученные деньги купить наделы беднякам в сельских провинциях. Не конфискация, не распределение земель, которые предлагает Катилина, а просто расходование общественных средств на благо граждан.

— А почему он вспомнил о Египте? — спросил Метон.

— Заморские земли включают в себя и египетские владения, которые покойный Александр II завещал Риму. Законопроект предполагал составление комиссии из десяти человек-наблюдателей, включая администрацию в Египте...

— И одним из них должен был быть Цезарь, — заметил Муммий сухо, вступая в разговор. — Тогда бы он легко получил его себе — как если бы сорвал финик с дерева.

— Как хочешь, — уступил ему Руф. — Красс тоже входил бы в комиссию, поскольку смог бы обеспечить ее средствами. И тогда бы они противостояли влиянию Помпея на востоке. Ты бы решил, что оптиматам это подошло, поскольку они спасают Помпея. Но Помпей далеко, а Красс и Цезарь здесь, под боком.

— Не говоря уже о Каталине и толпе, — вставил я.

— Да, но Катилина намеренно отстранился от проекта. Для него он слишком мягкий; он бы тогда пошел на компромисс и потерял свою радикальную репутацию. И законопроекту Рулла его сотрудничество не пошло бы на пользу — оптиматы бы испугались еще больше. Они и так подозрительно относятся к этой затее.

— Но даже в этом случае Катилина принял бы приглашение войти в состав комиссии, наряду с Цезарем и Крассом.

— Ты больше разбираешься в политике, чем кажется на первый взгляд, — улыбнулся Руф.

— Но проект отклонили, — сказал Метон.

— Да. Оптиматам он показался всего лишь средством упрочить положение Цезаря и Красса, а возможно, и Катилины, и, кроме того, их настораживает любой разговор о земельной реформе. Теоретически они поддерживают идею реформы, но никакие практические предложения их не удовлетворяют. Цицерон стал их оратором с тех пор, как они объединились, чтобы самому выступить в Сенате по поводу реформы. Он даже пришел сюда, на Форум, и произнес речь перед собравшимся народом.

— Но ведь подобные законопроекты людям нравятся, не так ли? — спросил Метон. — Потому Цезаря и назвали популистом. Почему Цицерон выступил против него перед теми людьми, которые должны были получить выгоду от закона?

— Потому что Цицерон даже приговоренного к казни может убедить самому себе отрезать голову, — ответил Руф. — Он умеет произносить речи: он знает, какими аргументами действовать на толпу. Во-первых, он сказал, что закон будет направлен против Помпея, хотя Помпея хотели даже отстранить от дальнейших завоеваний ради участия в проекте. Людям не нравится, когда что-либо направлено против Помпея. Он любимец публики, как всякий удачливый полководец. Оклеветать Помпея — значит оклеветать римский народ, подозревать его — значит оскорблять замечательного сына Рима, и так далее, и тому подобное. Затем Цицерон ополчился против комиссии, предположив, что она превратится в совет десяти деспотов. Они ограбят Рим, присвоив все выделенные деньги, и накажут врагов, заставив их продать свои земли, и это будет походить на конфискацию времен Суллы; они намеренно выгонят всех городских бедняков на бесплодные земли, чтобы те умерли там с голоду. Ты ведь знаешь, каким убедительным становится Цицерон, особенно когда дело касается того, как бы заставить людей действовать вопреки собственным интересам. Я уверен, что он способен убедить нищего, что камень лучше монеты, потому что больше весит, и что пустой желудок лучше сытого, потому что не причиняет несварения.

— Но Рулл, должно быть, защищал свой законопроект, — сказал Метон.

— Да, но его смешали с грязью — выражаясь риторически. Цезарь и Красс учуяли, куда ветер дует, и решили не высовываться, хотя, как мне кажется, по части разговоров они с Цицероном достойные соперники. Время было не то, вот законопроект и отклонили. Потом народ увлекся другими событиями — инцидентом в театре и предстоящими выборами.

— Ты сказал, что время не то, — заметил я. — А разве в Риме, управляемом оптиматами, наступит подходящее время?

— Nunguam, — ответил Руф, печально улыбаясь. — Никогда.

Нашей целью была вершина Капитолийского холма, где Руф исполнит свои жреческие обязанности.

Нам, наконец, удалось пройти сквозь толпу на площади и подойти к широкой тропе, петлями поднимающейся к самой вершине. Здесь нам снова пришлось задержаться, потому что по ней спускалась группа людей, достаточно большая, чтобы загородить нам продвижение вперед. Когда они подошли поближе, лицо Руфа прояснилось. Его глаза видели лучше моих, и он уже различил лица двух людей, идущих впереди своего сопровождения. Один из них был одет в сенаторскую тогу, белую с пурпурной каймой, тога другого отличалась гораздо большей пурпурной полосой — это был верховный понтифик.

Они тоже улыбнулись, когда узнали Руфа и кивнули Марку Муммию. Мы пока оставались как бы невидимыми для них — те, кто носит тогу с пурпуром, узнают в первую очередь своих, остальных — потом.

— Руф! — воскликнул понтифик.

— Цезарь! — сказал Руф, склоняя голову. Он повторил этот жест и по отношению к седобородому авгуру, стоящему рядом с понтификом и одетому в такую же трабею с шафрановыми полосками. В их коллегии младший авгур всегда должен особо почитать старшего.

Я старался получше рассмотреть лицо верховного понтифика. Гаю Юлию Цезарю не было еще и сорока лет, а он уже заявил о себе как об одной из влиятельных сил в Республике. Его патрицианское происхождение не оставляло сомнений; его семейство было связано родственными узами с Марием, старым недругом Суллы, которому тот вынес смертный приговор и который стал главой популистского движения. Если Цицерон был мастером риторики, способным добиться своего одной лишь силой убеждения, то Цезарь был чистым политиком. Гений его проявлялся в понимании и схватывании запутанной паутины связей между государством и жречеством. Он держал в памяти самые таинственные и загадочные правила проведения процедур, к ужасу своих врагов; он следил за тем, как действует бюрократия, связывающая (или, наоборот, разделяющая) Сенат и народ; как верховный понтифик он надзирал за религиозными службами и коллегиями, толковавшими волю богов, от которых зависело, выполнено ли будет в этот день то или иное приказание или нет.

Цезарь не был красивым человеком, но и невыразительным назвать его было трудно. Черты его лица отличались резкостью, но красота в них не проглядывала. Поражали его высокие скулы и лоб, живость его глаз, напряжение тонких губ, которые, казалось, складываются в ироническую улыбку, и патрицианское высокомерие. Его осанка и прямая походка указывали на собранность и самообладание, на то, что он осознает каждое свое движение и доволен тем образом, который он представляет миру. Я встречал всего лишь нескольких мужчин и женщин с такой осанкой, и все они были либо богатыми и образованными патрициями, либо рабами, обладающими естественным очарованием и красотой. Мы, простые смертные, находящиеся посередине, не смем и мечтать о такой божественной грации. Такое очарование исходит от осознания своей власти — политической или над сердцами, — даже не от осознания, а от полубессознательной уверенности в своих силах и в своем прирожденном праве ею пользоваться. В Каталине была немалая доля подобного очарования, но оно смешивалось с чем-то более загадочным. В Цезаре это внутреннее изящество ничем не было испорчено. Он мне показался воплощением силы и власти и поэтому производил впечатление бессмертного и вечного творения (подобно творению искусства). Избороздите его тело ранами, пустите кровь, вскрыйте, отсеките голову — все равно эти губы будут без всяких усилий складываться в улыбку.

Уголкем глаза я заранее заметил его спутника — или узнал его походку, когда тот только спускался с холма, поскольку я уже знал, что это — Марк Лициний Красс. Вот уж кого я совсем не хотел встретить в этот День! Когда Руф повернулся, чтобы поприветствовать и его, то ленивый взгляд Красса остановился на мне. И он сразу же узнал меня, хотя со времени нашей последней встречи в Байях прошло почти девять лет. Тогда из-за меня события пошли не так, как он хотел, а он привык поступать по-своему, особенно когда дело касается людей ниже его по положению; по блеску его глаз я догадался, что Красс нехотя восхищается мной но он, должно быть, слишком хорошо скрывал подобные чувства. Его взгляд обдал меня холодом.

С тех пор как я видел его в последний раз, он стал заметно старше, а кроме того, богаче и властолюбивей — его амбиции сдерживали достойные соперники, такие же хитрые и проницательные, как он. Волосы его наполовину поседели, а лицо покрылось морщинами и постоянно сохраняло выражение недовольства; он был из тех людей, что вечно недовольны

своими успехами. «Наш Красс богат как Крез», — пелось в популярной песенке, сравнивающей его с легендарным богачом и купцом, но для меня он был скорее Сизифом, который вечно толкает свой камень на вершину горы, спотыкается и начинает снова, никогда не достигая желаемой цели, хотя по богатству и влиянию он превосходил других людей. Он уже долгие годы соперничал с Помпеем, а с Цезарем в настоящий момент у него, похоже, была договоренность.

— Мы как раз спускаемся с Аркса, — сказал Цезарь, имея в виду северную вершину Капитолийского холма. Как и акрополь в Афинах, Аркс служил нашим предкам крепостью, где они построили укрепления и храмы. С того места можно обозревать весь Рим и при этом, в свою очередь, стать полностью доступным взглядам богов.

— Мы смотрели, какие будут предзнаменования для сегодняшнего заседания Сената. Жалко, что тебя не было с нами, Руф.

— Сегодня у меня частное дело, — сказал Руф, кивком указывая на нас. — Надеюсь, предзнаменования были благоприятными?

— Да, — ответил Цезарь. Ироническая улыбка, казалось, добавила, что они и не могли быть иными. — С востока пролетел ястреб и исчез на севере. Авгур Фест уверяет нас, что сегодня благоприятный день для заседания Сената.

— Что касается меня, — заметил Красс сухо, — мне кажется более важным другое обстоятельство — над зданием Сената летал ворон, каркая и негодуя, но держась над ним кругами, как будто бы он никак не мог полететь своей дорогой. Этот ворон мне кого-то напомнил — уж не Цицерона ли? Но я ведь не знаком с искусством авгуров и не умею толковать.

Его улыбка не смогла смягчить сарказма.

Руф пропустил мимо ушей намек в адрес своей профессии.

— Сегодня дела пойдут хорошо? — спросил он Цезаря.

— Да, — ответил тот со вздохом. — У Цицерона недостаточно голосов, чтобы остановить Катилину, и не хватает поддержки, чтобы снова отменить выборы. Но самое важное то, что произойдет завтра, а не сегодня. Посмотрим. Но кто этот молодой человек, вступающий в зрелую жизнь? — Он кивнул в нашем направлении, но не попросил нас представить Метона. — Если уж говорить о Цицероне, то по пути в Аркс ты встретишь обоих наших консулов, спускающихся оттуда.

Он оглянулся через плечо.

— Цицерон должен идти прямо за нами; он хотел как можно, быстрее прочитать предзнаменования, чтобы убедить Сенат. Выступление начнется с минуты на минуту. Руф, ты пропустишь начало. И ты, Муммий, тоже.

— Мы подойдем попозже, — сказал Руф.

— Но выступление может уже закончиться к тому времени. Цицерон торопится на Форум — сегодня его последний шанс настроить избирателей против Каталины. Ты и сам должен сегодня провести последние приготовления, Руф. Я рассчитываю на то, что в следующем году претором будешь ты.

— Не беспокойся, после обряда я сразу же переоденусь в тогу кандидата! — засмеялся Руф.

Цезарь и Красс пошли далее вниз. Мы отступили, чтобы дать им пройти. Красс не промолвил ни слова своему давнему сообщнику Муммию и, казалось, не намеревался ничего говорить. Но он внимательно взглянул на меня и перевел взгляд на Метона.

— Знаком ли ты мне? — спросил он.

Я посмотрел на Метона и почувствовал тревогу, вспомнив о его кошмаре. Но лицо Метона оставалось спокойным.

— Да, ты знал меня, гражданин, — ответил Метон.

— Знал ли я тебя? — переспросил Красс, наклоня голову и пожимая плечами. — Да,

действительно, хотя и недолго. Так ты теперь свободный, Метон?

— Да.

— Приемный сын Гордиана?

Я сложил губы для ответа, но Метон опередил меня.

— Да.

— Как забавно. Только совсем недавно мне сообщил о тебе один мой знакомый.

Неужели он имел в виду Катилину? Или своего бывшего приспешника Марка Целия? Но мне в любом случае не нравилось то, что мою семью обсуждают у меня за спиной.

— Странно, что от моего внимания скрылись подробности твоего освобождения и усыновления и я ничего не знал о тебе все эти годы.

— Вряд ли это представляет интерес для человека столь влиятельного, как вы, — сказал Метон, спокойно и с достоинством перенося испытующий взгляд Красса. Он не только произнес то, что и я бы ответил в данном положении, но и сказал это с такой же уверенностью, не услужливо и не презрительно. Иногда мы открываем рты и произносим слова своих родителей; иногда и наши дети говорят за нас.

— В последний раз, когда до меня дошли вести о тебе, ты должен был находиться на Сицилии, куда тебя определил я, — сказал Красс, явно избегая слова «продал». — Так же, как определил этого человека в Египет, — добавил он, указывая на Аполлония и бросая строгий взгляд на Муммия. — И какую же роль в этом определении сыграл Муммий? Ну ладно. Теперь на тебе тога, Метон, и ты поднимаешься на Капитолий, чтобы отпраздновать вступление в римское гражданство.

Губы его сжались в тонкую улыбку. Он сощурился и поглядывал то на меня, то на Метона.

— Богиня Судьбы улыбнулась тебе, Метон. Пусть она благоприятствует тебе всегда, — сказал он глухим голосом и дал знак свите следовать за ним.

Возможно, он хотел показать, что римляне ценят изменчивый нрав Фортуны гораздо больше личных успехов. В случае с Метоном заметна рука Судьбы, значит, ее на самом деле нужно почитать и проявлять должное смирение. Кто знает, вдруг Фортуна повернется спиной к самому богатому человеку Рима?

Мы двинулись навстречу следующей группе людей. Сам Цицерон спускался к нам вместе со своим напарником, известным ничтожеством Гаем Антонием. Руф сказал мне, что Цицерон теперь ходит в доспехах — в «дурацкой нагрудной пластине», как он выразился, но ничего не объяснил. Теперь я понял, что он имел в виду, — грудь Цицерона была прикрыта блестящей бронзовой пластиной, вроде тех, какие носят полководцы в бою. Тога его была слегка ослаблена на шее, чтобы полностью показать рельефный узор металла. Вокруг него сустились вооруженные охранники с твердым взглядом, уверенно сжимавшие рукояти кинжалов и мечей. Меня очень поразило это зрелище; словно передо мной был не консул Республики, а недоверчивый диктатор. Даже Сулла ходил по Форуму невооруженным, надеясь на охрану богов.

Не успел я расспросить Руфа подробнее о таком странном поведении консула, как Цицерон приблизился к нам. Он разговаривал с Антонием и неожиданно обратил внимание на Руфа. Выражение его лица претерпело ряд последовательных изменений. Сначала радость, потом — серьезная задумчивость, граничащая с подозрением. Затем оно стало пронизательным, словно старый учитель понял, что может еще добиться уважения от негодного школьника.

— Дорогой Руф! — вскричал он, широко улыбаясь.

— Цицерон, — проговорил Руф в ответ без всяких эмоций.

— И Марк Муммий, вернувшийся от Помпея. И... Гордиан, — сказал Цицерон, наконец-то увидев меня. Его голос на мгновение затих, но затем снова приобрел обычную для политика ни к чему не обязывающую вежливость. — Ах, да, вы пришли прочесть волю

богов для вступающего во взрослую жизнь Метона. Стареем мы, стареем, не правда ли, Гордиан?

«И некоторые очень даже быстро», — подумал я, хотя время заметно смягчило неприятные черты его лица. Тонкий нос пополнился, тощая шея с кадыком покрылась несколькими слоями жира, узкий подбородок сгладился. Человек, чье деликатное телосложение едва позволяло ему вкушать пищу жарким днем, он тем не менее довольно поправился, насколько это возможно. Цицерон никогда не был красавцем, но теперь он выглядел уверенным и процветающим. Его голос, некогда скрипучий и резкий, благодаря неустанным тренировкам приобрел музыкальную мелодичность.

— Как я сожалею, что не посетил вас сегодня! — сказал он. — Но ведь у меня столько обязанностей в качестве консула. Я попросил Марка Целия принести тебе свои извинения. Он сообщил свое послание?

Глаза его выражали заинтересованность.

— Целий приходил, — ответил я. — Но его послание пришлось не по адресу, и он ушел неудовлетворенным.

— Ах, вот как, — сказал Цицерон, показывая свое безразличие, но глаза его ненадолго вспыхнули. — Ну да ладно, мы, консулы, должны спешить — у нас есть неотлагательное дело в Сенате. Удачи в твоём деле, Руф! Удачи и счастья тебе, Метон!

Когда они прошли, я спросил шепотом у Руфа:

— Авгур, ты заметил огонь в глазах Цицерона?

— У вас с ним какие-то сложности?

— Возможно. Но почему он носит эту пластину? И ходит с такой устрашающей охраной?

— У него такой глупый вид! — проворчал Муммий. — Пародия на военных. Может, он хочет посмеяться над Помпеем?

— Едва ли, — сказал Руф. — Он стал носить на себе эту штуку с того дня, как объявил о заговоре Каталины, который якобы хотел убить его во время голосования. «Для спасения собственной жизни консул Римской республики должен прибегнуть к защите вооруженной охраны, к оружию...» и так далее. Это такой тактический ход — привлечь внимание избирателей и посеять среди них панику. После того как в прошлом году Цицерон со своим братом начисто испоганили имя Каталины, никто не удивится, если тот захочет убить его. Кто знает, а вдруг на самом деле существует заговор? Для Цицерона это всего лишь еще один довод в его риторике.

— Политика! — недовольно произнес Муммий. — Как мне все это надоело, еще в тот год, когда я был претором. Дайте мне воинов, прикажите захватить неприятельский лагерь — вот я и счастлив.

— Ну ладно, — сказал я, задыхаясь от подъема по лестнице, — давайте оставим эти неприятные дела позади.

Позади даже в буквальном смысле слова, подумал я, оглянувшись и увидев под собой Форум с наполненными его людьми.

Мы достигли вершины. Над нами только голубое небо и взгляд Юпитера. Здесь мой сын станет мужчиной.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

На поле боя, в сельской местности, там, где нет постоянного места для совершения обряда, авгуры разбивают священную палатку перед тем, как приступить к своим обязанностям. Над Римом, в Арксе, для этого есть специальное место — полукруглый утес с вымощенной площадкой, называемой Авгуракул, открытый всем ветрам. На нем всегда стоит палатка, поддерживаемая здесь коллегией авгуров. Как и их одежды, ее украшают пучки

шафрана и полосы пурпурного цвета. Это такая маленькая палатка, что туда можно пройти только нагнувшись, хотя я никогда не видел, чтобы кто-нибудь туда входил.

Зачем она здесь? Я не знаю, особенно принимая во внимание, что обряд следует проводить на открытом воздухе, обозревая небо. Возможно, она осталась от древних времен, когда авгуры обязательно должны были предвещать сражения своим обрядом и сообщать полководцу о результатах. Возможно, потому, что авгуры гадают не только по полету птиц и по движению четвероногих, но и по молниям, искусство чтения которых пришло к нам из Этрурии. А где молнии, там легко может пойти и дождь, вот для чего палатка.

Для чего бы она ни служила, мы собрались перед ней. Руф взял свой жезл из слоновой кости и обозначил им район неба, по которому он будет проводить гадание, словно прорубив невидимое окно, сквозь которое я видел Марсово поле, широкую полосу Тибра и поля.

Авгуры делят птиц на два типа: на тех, чьи крики предвещают будущее, — вороны, совы, дятлы — и тех, кто передает нам свое предсказание полетом, — грифы, ястребы и орлы, любимые птицы Юпитера. В военные экспедиции, где нужно быстро узнать волю богов, а дикой птицы может не оказаться под рукой, берут с собой цыплят и кур в специальных клетках. Потом дверцы их отворяют и перед ними сыплют зерно. Если куры клюют с аппетитом, то готовься к удаче, особенно если они роняют крошки на землю. Отказ от пищи предвещает поражение. Что касается молний, то, насколько я помню, молния слева — к добру, справа — к несчастью. Или наоборот?

Находятся такие люди, которые считают это занятие сплошным фарсом, как Цицерон, и даже пишут об этом в письмах и высказывают свое мнение в разговорах. Есть политики, подобно Цезарю, которые считают авгуров полезным инструментом и не порицают их, наравне с выборами, налогами, судами. И, наконец, есть такие, как Руф, убежденные в том, что через многообразие природных феноменов проявляется божественная воля. Они верят в свою способность предсказывать будущее на основе этих явлений.

Я стоял под палящим солнцем и постепенно склонялся к мысли, что было бы лучше, если бы в той палатке сейчас находились куры в клетке — все прошло бы значительно быстрее. Еще хотелось, чтобы на мне была широкополая шляпа. Казалось, все птицы в Риме разом задремали. На небе не было ни единого облачка.

Гадание авгуров длится настолько долго, насколько это необходимо. У богов нет снисходительности к молодым и очаровательным авгурам. У них и без того полно дел, они не заботятся, чтобы мимо нас побыстрее пролетел ястреб. Первая добродетель благочестивых — терпение.

Мысли мои постепенно стали отклоняться. Глаза устремились к восточному пределу Аркса. Если бы я стоял на нем, то увидел бы Форум. На нем, должно быть, все еще толпятся люди, но они уже затихли. Идет заседание в Сенате, и римский народ ожидает постановления своих предводителей. Возможно, именно в этот момент выступает Цицерон. Цезарь и Красс вставляют свои замечания, если нужно, а также и Катон, извечный моралист, и Клодий, вечный смутьян, и забытый всеми консул Антоний. Там присутствует и Катилина, который должен отклонить от себя обвинения и убедить сенаторов провести выборы. А вдруг его на самом деле изберут консулом? Сможет ли он тогда провести свою радикальную программу? Поддержат ли его Цезарь и Красс — и до какой степени? Ожидает ли страну спокойствие? Или раздоры? Гражданская война? И кому тогда в итоге достанется власть — Крассу, Цезарю, Помпею... Катилине?

— Вон там! — воскликнул Экон позади меня почти шепотом. Он заметил в воздухе нечто крылатое.

Я потряс головой, стараясь избавиться от сонливости и собраться с мыслями, моргнул и уставился в черную точку, висевшую над городом. К несчастью, она немного покружилась и устремилась вниз, так и не приблизившись на необходимое расстояние. Это еще не предзнаменование. Все вокруг меня разочарованно вздохнули. Руф стоял возле самого

обрыва, спиной к нам, и я не мог видеть его лица. Но плечи его были подняты, лицо уверенно устремлено в небо. Он верил в свое искусство, и у него хватало терпения дожидаться ответа богов.

Не следовало мне сегодня так много есть. Цицерон прав, в обед человеку нужно съедать как можно меньше пищи. Но ведь у Цицерона больной желудок. Мой же не причинял мне боли, а всего лишь был неприятно переполнен, на меня наваливалась дремота. Мне едва удавалось не закрывать глаза...

Последствия последней гражданской войны были ужасными. Победил Сулла, а с ним и наиболее реакционно настроенная партия. Законы ужесточились. Самые богатые могли влиять на законодательство, выборы и суды. Сулла сделал все возможное, чтобы подавить сопротивление в верхних классах общества. Спустя поколение в государстве наблюдался больший хаос, чем до того. Многие постановления Суллы отменили, и популистское движение набрало силу, но наследство Суллы оставалось — в дискриминации детей его жертв и в сельскохозяйственной политике. Ветераны, которым он роздал земли, разорились и встали на сторону Катилины. Повсюду наблюдалось недовольство, даже среди тех, кто всегда был богат и знатен и будет таковым, что бы ни произошло. Они верили, что их благосостояние — это дар богов, но и Цицерон многое им даровал — сладкий голос, который усыплял взволнованные массы...

Что было хуже всего — так это головы, подумал я. Головы врагов Суллы, выставленные на шестах вдоль Форума на всеобщее обозрение. Любители наживы отрезали их и приносили Сулле в обмен на денежное вознаграждение. А тела им были ни к чему. Что стало с безголовыми телами? Неожиданно, как и в тот день, когда ко мне подбежала Диана, перед моим взором предстало безголовое тело Немо, с запекшейся на шее кровью. Потрясение оказалось настолько сильным, что я невольно содрогнулся и глубоко вздохнул.

— Да. Наконец! — прошептал Экон в мое ухо, положив мне руку на плечо. — Вон там, со стороны реки.

Я заморгал от того, что небо было слишком ярким. Белые камни сверкали у моих ног, а солнце, казалось, наполнило все небо. В его середине была видна приближающаяся точка, постепенно превращавшаяся в тело с длинными, распростертыми крыльями.

— Ястреб, — прошептал Экон.

— Нет, — возразил Муммий. — Орел.

Птица покружила над Марсовым полем и стала приближаться. Скорость ее была поразительна, никакая лошадь не смогла бы так скакать по земле. Через мгновение она приземлилась настолько близко от Руфа, что он бы смог коснуться ее, если бы захотел. Мы в изумлении уставились на орла, и он оглянулся. Я никогда еще так близко орлов не видал. Неожиданно он расправил крылья и взмыл в небо, прямо к солнцу.

Я зажмурил ослепленные глаза. Руф повернулся к нам с благоговейным выражением на лице.

— Предсказание, — пробормотал я. — Насколько оно было удачным?

— Удачным? — Он нахмурился насмешливо и улыбнулся. — Да лучшего просто быть не может!

Если бы город не был взволнован выборами и слухами о Катилине, то это предзнаменование стало бы достоянием всеобщей гласности. Если бы это случилось в ленивый летний день, когда ничего важного на Форуме не происходит, то слух о птице Юпитера, опустившейся на Авгуракул, распространился бы по всем площадям и тавернам — подумать только, орел явился какому-то мальчишке, да еще бывшему некогда рабом, в день его совершеннолетия! Суеверные находили бы в этом предзнаменовании знак божественного благословения или, наоборот, недовольства. Но в день всеобщего хаоса этот случай остался незамеченным, и о нем никто не узнал, кроме тех, кто при нем присутствовал.

По пути обратно Марк Муммий разволновался.

— Орел, военная птица! Она предсказывает ему великую будущность в армии!

Я заметил, как Метон улыбается этим словам, и пожелал, чтобы Муммий замолчал.

Я повернулся к Руфу, который переоделся в тогу кандидата.

— Это так и есть, Руф?

— Не обязательно.

Метон услышал эти слова, и его улыбка погасла, чему я порадовался. Я хотел, чтобы у него даже мыслей не было о военных триумфах. Не для того я спас мальчика из рабства, чтобы он погиб по прихоти какого-нибудь полководца.

Руф замедлил шаг и предложил остальным идти впереди него. Между тем он дотронулся до моей руки, давая знак остаться с ним позади. На его лице застыло неоднозначное выражение. Первоначальное возбуждение сменилось неопределенностью.

— Это серьезное предзнаменование, Гордиан. Никогда со мной такого не случалось, да я и не слышал о подобных случаях с авгурами.

— Но ведь это добрый знак? — спросил я с надеждой. — Так тебе казалось в тот момент, когда птица опустилась на землю.

— Да, но тогда я просто почувствовал религиозное благоговение. А такое чувство может ослепить человека, даже авгура. Все знамения величественны, поскольку исходят от богов, но нужно помнить, что боги не всегда замышляют дела, добрые для людей.

— Руф, о чем ты говоришь?

— Я желал бы даже, чтобы знамение было менее величественным. Просто полет сокола или крик ворона...

— Но орел Юпитера — это же, несомненно, к добру...

— Такой сильный знак в таких скромных обстоятельствах — вот что меня беспокоит. Он кажется мне не к месту. Мы живем в такое время, когда маленьких людей вовлекают в значительные события — иногда они и сами возвеличиваются благодаря своей удаче, но чаще всего события ломают их. Метон такой добродушный, такой простой — что значит для него подобное знамение? Оно беспокоит меня.

— Ах, Руф, — забывшись, я едва не бросил насмешку прямо в лицо, но для этого я слишком уважал его. Одновременно я почувствовал симпатию к тем неверующим вроде Цицерона, которые в частных беседах смеются над благочестивыми. Или я просто старался подавить в себе волнение?

— Вдруг предзнаменование предназначалось не нам? Возможно, оно касается Катилины или Цицерона. Может быть, орла послали консулам, а он запоздал на час! Иногда даже боги ошибаются — если верить поэтам.

— Но ты ведь не слышал, чтобы так говорили авгуры или жрецы, — сказал Руф достаточно серьезно.

Мы продолжали спускаться. Послышался шум Форума. Впереди нас Муммий, одной рукой обняв Метона за плечи, возбужденно размахивал другой.

Когда римляне идут в наступление с развевающимися флагами, то их всегда возглавляют орлы на штандартах. Помпей носит нагрудную пластину с изображением орла, распростершего крылья, — как будто эта птица помогла отвоевать ему царство Митридата. Помню, когда я еще был молодым лейтенантом при Крассе и мы воевали с Суллой, то авгуры видели трех орлов, кружащих над Римом...

Метон, казалось, был полностью поглощен этими рассказами.

Я даже испытал некоторое облегчение, когда мы подошли к подножию холма и Муммий оставил нас, сообщив, что надеется успеть в Сенат до окончания заседания. Он не высказывал слов прощания, но сильно пожал руку Метону и Экону, обнял их и удалился боевой походкой в сопровождении Аполлония.

Настало время рассеяться нашей свите; я поблагодарил друзей и доброжелателей и отпустил их. Для возвращения к женщинам достаточно отца и брата.

Но у Руфа были другие намерения.

— Помнишь, я сказал, что у меня для Метона приготовлен сюрприз?

Он, казалось, отбросил все сомнения и хитро улыбался, настолько хитро, насколько позволял его характер.

— Я собираюсь взять вас вместе с собой в Сенат!

— Что? — Сердце мое сжалось.

— Чтобы послушать прения сенаторов? — спросил Метон, которого новости интересовали не в меньшей степени, чем рассказы про войну.

Мне это пришло в голову как раз тогда, когда Экон попросил меня быть авгуром на торжестве. Конечно, принимая во внимание сложившиеся обстоятельства, Сенат сегодня — не слишком воодушевляющее зрелище, но поскольку представилась возможность... Зал полон, и на это стоит посмотреть. Мы, конечно, немного опоздали, но все равно...

— Но, Руф, на заседаниях допускается присутствовать только сыновьям и внукам сенаторов.

— Не обязательно, там всегда много зевак.

— Но не из породы Гордианов. Их не допустят даже в здание Сената.

— Если вы будете со мной, то допустят, — сказал он уверенно. Патриции всегда уверены в том, что говорят.

— Ах, Руф, это такая честь, но, боюсь, мы должны отказаться.

Метон посмотрел на меня так, как будто я выкинул один из его подарков прямо в Тибр.

— Но почему, папа? — спросил Экон.

— Потому что... ну, потому что вы почувствуете себя неловко в таком месте.

Метон нахмурился. За него ответил Руф:

— Мы будем стоять в тени. Никто нас даже и не заметит.

— Но, Руф, мы и так уже помешали тебе, попросив совершить для нас обряд.

— А вы и сейчас меня задерживаете, тратя время на ненужные споры. Гордиан, в этот день и час Метон стал римским гражданином. Трудно придумать лучший способ отпраздновать такое событие, чем показать ему сердце Республики. Как ты можешь отказывать своему сыну в уроке гражданства? Признаюсь, что и сам я немного сомневался до тех пор, пока орел не приземлился в Авгуракуле. И теперь я уверен, что поступаю правильно. Поспешим, а то сенаторы разойдутся и выбегут на площадь разглагольствовать перед избирателями!

Он повернулся и устремился в толпу. Метон посмотрел на меня одновременно и по-детски умоляюще, и по-взрослому нетерпеливо. Экон смотрел на меня с сочувствием — он-то знал, как мне не хочется вовлекать себя и свою семью в море политики. В то же время я не смел отказать Руфу в его великолепном подарке Метону и лишиться мальчика возможности увидеть сенаторов собственными глазами. Я хотел было оставить своих сыновей с Руфом и вернуться к женщинам, но тогда я бы не услышал, как сам Катилина задает свою загадку.

Широкая лестница привела нас к портику Сената, где огромные колонны обрамляли вход. Вдоль него толпились слуги сенаторов, среди них я увидел и мощных охранников Цицерона. Воины, охраняющие непосредственно Сенат, стояли по бокам двери, которая, согласно закону, была чуть-чуть приоткрыта, чтобы от глаз богов не скрывалось происходящее внутри. И снова я засомневался, что мне удастся проникнуть в такое место, но лишь потому, что мне казалось, будто у Сената только один вход. Руф знал гораздо больше моего.

Рядом со зданием Сената пристроилось менее впечатляющее здание, где располагались различные государственные службы. Я никогда не был внутри и вообще его не замечал. Его деревянные двери были распахнуты настежь в столь жаркий день, и никто не задержал нас при входе.

Внутри здания шел коридор по всей его длине, от которого вбок отходили комнатки.

Они были сплошь заставлены шкапами со свитками и письменными столами. Несколько служащих дремали над документами, словно пастухи, лениво пасущие скот в жаркий день. Они нас даже не заметили.

Лестница в центре здания вела на второй этаж, а затем на третий. Руф провел нас сквозь вереницу узких, пыльных комнат. До меня стали доноситься отзвуки громких голосов, ораторские тона речи, время от времени прерываемые шумом — недовольством или смехом собравшихся. Звуки становились все громче и громче, пока, наконец, мы не подошли к полуоткрытой двери. Руф приложил палец к губам, хотя никто из нас и слова не сказал с тех пор, как мы последовали за ним; затем он вошел в дверь, жестом приказав нам сделать то же самое.

Сенат — не древнее здание, а, наоборот, относительно новое. Его заново отстроили во времена Суллы. И внутреннее убранство отражало безупречный вкус диктатора — стены из цветного мрамора, колонны с изящной лепкой, потолок с причудливым орнаментом. От главного входа собравшихся отделял вестибюль. Большой зал представлял собой прямоугольное помещение, вечером или во время непогоды освещаемое огромными лампами, свисавшими с потолка, а ясным днем — солнцем, проникавшим сквозь высокие окна под потолком, прикрытые бронзовыми решетками. Вдоль длинных стен и полукругом напротив короткой стены, противоположной вестибюлю, располагались скамьи в три ряда, образуя огромную букву U. Мы вошли в дверь рядом с ее левым верхним концом, оставив вестибюль слева. В этом незаметном месте стояли писцы и посыльные — человек десять — они внимательно наблюдали за сенаторами и ждали, когда их позовут для исполнения поручений. Некоторые из них, заметив посторонних, окинули нас подозрительными взглядами, но, увидев Руфа, отвернулись и больше не обращали никакого внимания.

В центре зала стоял Цицерон, окруженный сенаторами, как гладиатор в цирке. Метон мог бы поучиться у него искусству ношения тоги, поскольку тот говорил словно всем телом, поворачивал шею, жестикулировал одной рукой, другую прижав к груди. Он не был тем неискушенным оратором, каким я знал его прежде. Теперь даже не обязательно было слышать его, чтобы оценить мастерство.

Сейчас он произносил не монолог, но скорее спорил с одним сенатором, сидящим среди остальных. Я не видел его и постарался вытянуть шею, но когда тот заговорил, то сразу по голосу узнал Катилину.

При перестройке Сената Сулла заботился не только о внешнем и внутреннем убранстве, но и об акустических достоинствах здания, поскольку был любителем греческого театра, где слышен даже малейший шепот актера. И поэтому каждое слово Цицерона и Катилины было настолько отчетливо, словно мы находились между ними.

— Катилина, Катилина! — кричал Цицерон как будто обиженным голосом. — Я не прошу отменить выборы, чтобы помешать тебе быть избранным, если такова воля народа. Я не хочу препятствовать свободному волеизъявлению римских граждан! Но поскольку я все еще облечен некоторой властью, то хочу сделать все возможное, чтобы охранить людей от несчастий и бедствий. Это также относится к членам этого досточтимого собрания. И если принять во внимание сложившуюся ситуацию, то завтра будут не выборы, а кровавая бойня!

При этих словах аудитория зашумела. Благодаря превосходной акустике я мог различать в этом шуме голоса одобрения и порицания.

— Цицерон так поглощен мыслью о завтрашнем кровопролитии, — сказал Катилина, — только потому, что боится, как бы это не оказалась его собственная кровь.

— И ты станешь отрицать, что у меня есть причины этого опасаться? — сказал Цицерон. Он всем телом выразил красноречивую иронию. — Я уже спрашивал, что ты можешь сказать о тех донесениях, согласно которым ты вознамерился восстать против консулов...

— И я полностью их опроверг и снова спрашиваю тебя: что это за донесения и кто их

тебе принес?

— Это тебе здесь задают вопросы, Катилина!

— Я не на судебном разбирательстве!

— Ты хочешь сказать, что формально тебе не предъявили обвинений в преступлении.

Но это только потому, что ты его еще не совершил.

В зале снова зашумели.

Цицерон повысил голос:

— И только благодаря бдительности твоей предполагаемой жертвы!

Он скрестил руки и подался назад, заворачиваясь в тогу как в добродетель. Потом схватил верх одеяния и обнажил сверкающую нагрудную пластину.

Это вызвало еще больший шум. Несколько сенаторов, возможно союзники Катилины, вскочили со своих мест, некоторые из них смеялись, другие потрясали кулаками и выкрикивали ругательства. Вместо того чтобы удалиться, Цицерон шагнул вперед и постарался получше показать им пластину. Такая наглость вызвала многочисленные крики в зале.

— Они еще хуже, чем толпа на Форуме, — прошептал я Руфу.

— Никогда не видел такого беспорядка, — ответил он. — Даже во время самых жарких дискуссий сохраняется видимость правил и взаимной вежливости. Сегодня же, как мне кажется, дело едва не доходит до открытого столкновения.

Цицерон постарался, чтобы его голос не заглушали сторонники Катилины. Сила его легких изумляла.

— Отрицаешь ли ты, что составил заговор с целью убить членов этого досточтимого собрания?

— Где твои улики? — крикнул Катилина в ответ, и голос его едва был слышен среди криков его же собственных сторонников.

— Отрицаешь ли ты, что собирався убить законно избранного консула Республики в следующий же день после выборов?

— И опять же — где улики?

— Признаешь ли ты, Луций Сергей Катилина, что твоей целью является подрыв устоев государства, перемена формы правления, какими бы незаконными средствами это ни достигалось?

Катилина что-то ответил, но его голос потонул во всеобщем шуме, и тут у Цицерона было преимущество перед ним. Катилина наконец-то попытался успокоить своих приверженцев и заставил их вернуться на свои места, а сам остался стоять.

— Я заявляю, что обвинения нашего уважаемого консула нелепы! Он так волнуется за Республику, словно мать, не позволяющая уже взрослому ребенку уходить далеко от дома. Разве Республика настолько слаба, что честные выборы могут разрушить ее? Неужели он сам настолько незаменимый деятель, что без него Республика ослепнет и лишится руководства? Ах да, Цицерон видит то, чего другим так и не удастся заметить, но я спрашиваю вас — хорошо это или плохо?

Раздалось несколько смешков. Напряжение понемногу спадало.

— Несмотря на то, что там думает про себя этот человек, не его консульством началась история Республики, и не с ним она закончится.

Раздалось еще больше смешков и даже несколько одобрительных криков.

Катилина горько улыбнулся.

— Не я мешаю людям высказывать свою волю, Цицерон, а ты!

Тут послышались крики и свист с противоположной стороны.

— Да, да, кто еще, как не Цицерон, настаивает на отмене выборов? И почему? Неужели потому, что опасается за собственную жизнь? Абсурд! Если кому-то необходимо убить нашего уважаемого консула, то зачем ждать дня выборов?

— Чтобы посеять хаос, — ответил Цицерон. — Запугать избирателей, оттолкнуть честных людей от участия в голосовании.

— Еще раз повторю, что это абсурд. Мы и так уже оттолкнули многих избирателей, приехавших в Рим ради голосования, тем, что отменили выборы по совету нашего консула. Прошу вас, не откладывайте более выборов!

— Выборы отменили из-за дурных предзнаменований, — сказал Цицерон. — Произошло землетрясение, и в небе полыхали молнии... — В это мгновение слышались разрозненные замечания скептиков и шипение благочестивых людей.

— Ты, Цицерон, сменил предмет обсуждения и ушел от главной темы! Итак, время первой отсрочки прошло. Теперь знамения благоприятствуют. У тебя нет причин и далее переносить день выборов.

При этих словах некоторые из сенаторов, до тех пор молчавшие, пробормотали слова согласия и степенно кивнули.

— Ну хватит, Цицерон, ты достаточно наговорился, — сказал один из самых старших сенаторов.

Его слова подхватили множество других. Цицерон отступил назад и оценивающе осмотрел ряды, словно определяя, на чьей стороне сила. Он выглядел неудовлетворенным, но, поскольку крики с требованием не затягивать дискуссию все росли, он отошел и показал на Гая Антония, который принялся читать прошение с просьбой перенести выборы и вынести порицание Катилине за попытки «разрушить государство». Тем, кто за это предложение, было предложено перейти на левую сторожу зала, тем, кто против, — остаться с Катилиной на противоположной стороне.

В этот момент Руф нас покинул, чтобы присоединиться к тем, кто против этого предложения. Я заметил, что Марк Муммий находится в группе Цезаря, Красса и его сторонников. Когда установился порядок, оказалось, что предложение Цицерона отклонили и выборы состоятся. Гай Антоний объявил результат и распустил собрание.

Зал наполнился рокотом голосов, среди которых особо выделялся громкий голос Цицерона:

— Завтра мы увидим, кто был прав. Нелегкие я предвижу времена для Республики!

— Что же за глаза такие у тебя, Цицерон, что ты видишь многое, недоступное нашим взорам? — отозвался Катилина.

Многие сенаторы замолчали, чтобы послушать разговор двух соперников. Они, возможно, и не устали еще от этого спора, но с меня было уже достаточно. Я махнул рукой Экону и Метону, чтобы мы как можно быстрее вышли и нас не застали здесь слоняющимися без Руфа. Мы выскользнули в ту же полуоткрытую Дверь, в какую и вошли.

— А знаешь, что я вижу, Цицерон? Знаешь, что представляется моему внутреннему взору, когда я размышляю о Республике? Я вижу два тела...

Я неожиданно насторожился и остановился послушать. Метон удивленно посмотрел на меня, но по глазам Экона я понял, что тот догадался, в чем дело.

Голос Катилины слабо доносился до нас, как из сновидения.

— Я вижу два тела, одно худое и изможденное, но с великой головой, другое безглавое, но крепкое и сильное. Тщедушное ведет безголовое как животное на цепи. Так скажите, что произойдет ужасного, если я стану головой здорового тела? Тогда все станет по-другому.

В надлежащем контексте смысл загадки стал ясен. У меня дыхание захватило от его смелости. Убедив всех провести-таки выборы, он посмеялся не только над Цицероном, но и над Сенатом. Ведь что иное символизировало тщедушное тело с огромной головой, как не Сенат? А крепкое и здоровое тело символизировало народные массы, чьим лидером намеревался стать Катилина на пути к достижению собственных целей.

Экон тоже понял.

— Должно быть, он сошел с ума, — сказал он.

- Или очень уверен в своих силах, — откликнулся я.
— Или то и другое вместе, — степенно подытожил Метон.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

По окончании заседания площадь перед зданием Сената заполнилась свитами и рабами, кружащимися возле своих хозяев. Мы вовсе не хотели лезть в толпу. Вместо этого мы углубились в лабиринт узких улочек, тянувшихся к северу от Форума, пока не дошли до того места, где оставили женщин.

Никаких извинений по поводу нашей задержки сочинять не пришлось, потому что Вифания сама только что вернулась после похода по лавкам, окружавшим Форум. Для Дианы она купила куклу с зелеными стеклянными глазами, для Менений — желто-голубой шарф, а для себя — маленький гребень из слоновой кости. Я проворчал про себя, что у меня сгнило все сено и мне теперь едва удастся свести концы с концами до следующего лета. Но как мне лишить Вифанию удовольствия пройтись по лавкам — того, что ей так долго недоставало?

Носильщики принесли нас обратно в дом на Эсквилине, и Экон их отпустил. Ужинали мы за столом в саду. Присутствовали только члены семьи. Женщины были в столах, мужчины в тогах. Метон находился на почетном месте. Он никогда еще не лежал на обеденном ложе в таком одеянии, но неплохо справлялся с этим и не пролил на свою тогу ни капли вина.

Говорили в основном о семейных вопросах. Экон с Мененией хотели еще кое-что отремонтировать в доме, я им рассказывал про поместье. Обсудили сегодняшнее пророчество, которое все сочли значительным — все, кроме Вифании, находящей римскую религию слишком простой по сравнению с запутанными верованиями и обрядами египтян. Она, правда, и не думала смеяться над церемонией; она только спросила, были ли у орла человеческие черты. Менения скрыла улыбку за папирусным веером.

О Цицероне и Каталине не проронили ни слова; ни разу также не упомянули ни выборы, ни тело без головы, чему я был бесконечно рад.

Когда все уже спали, я вышел прогуляться в сад. Желтый навес убрали, и теперь сад освещал яркий свет. Я слушал тихое журчание воды, смотрел на ущербную луну и звезды, отражавшиеся в воде. Под лунным светом камни казались серебряными, а цветы в саду — покрытыми серым пеплом.

Сколько же ночей я провел здесь, отдыхая от городских тревог, от суматохи Форума, как и в поместье; в некоторых отношениях мне казалось, что здесь даже безопаснее. Я сел на скамейку возле фонтана и прислонился к колонне, спокойно всматриваясь в звездный купол неба.

Тут из-за портика послышался звук босых ног, такой знакомый, что я даже не оглянулся.

— Метон, — сказал я тихо.

— Папа.

Мой сын вошел в сад. Тогу он уже снял, и на нем было только нижнее белье. Когда он приблизился ко мне, я подвинулся, указывая ему, чтобы он сел рядом со мной, но Метон вместо этого подошел к соседней скамейке, сел и уставился на меня.

— Тебе не спится, Метон? Или слишком жарко?

— Нет, дело не в жаре.

Косой лунный свет искажал его лицо — оставляя в тени глаза, выделял часть носа и придавал губам необычную остроту, словно они были высечены из мрамора.

— Тогда ты просто возбужден из-за хлопотного дня.

Он долго молчал.

— Папа, я теперь мужчина, — сказал он наконец.

— Я понимаю, Метон.

— Я теперь не мальчик.

— Да, Метон, я знаю.
— Тогда почему ты обращаешься со мной как с ребенком?
— Потому что... что это значит?
— Ты многое скрываешь от меня. Шепчешься за моей спиной. А вот Экону ты все рассказываешь.

— Потому что Экон...
— Потому что Экон мужчина, а я мальчик?
— Нет, Метон, не поэтому.
— Потому что Экон родился свободным, а я нет?
— И не поэтому, — сказал я, устало трясая головой.
— Но я мужчина, папа. Так говорят закон и боги. Почему ты не веришь этому?

Я посмотрел на его чистые щеки цвета белых роз, которые брадобрей впервые в жизни обрил сегодня днем. Я посмотрел на его тонкие руки, узкую грудь. Но все-таки руки его не настолько слабы; за год жизни в сельской местности у него появились мускулы. И грудь у него не настолько уж узкая, он стал немного раздаваться в плечах. Ноги были все еще длинными, но не тощими, на них теперь выступали мускулистые икры.

Что же произошло? Я в удивлении смотрел на него, словно лунный свет его неожиданно преобразил.

— Ты относишься ко мне как к ребенку, папа. Ты знаешь, что это правда. Ты не хотел, чтобы я пошел в Сенат...

— Ты здесь ни при чем. Я сам не хотел идти туда...

— А как насчет безголового тела, которое мы нашли в конюшне? Ты обошелся со мной так же, как с Дианой.

— Вовсе нет. Ее я отослал, а тебе показал, как нужно обследовать труп — хотя, насколько я помню, ты не очень-то склонен был внимать этому уроку.

— Но ведь я смотрел! И я говорю не о том, чтобы позволять мне смотреть на трупы. Я говорю о том, когда ты начал размышлять над происшествием. Ты никогда не доверял мне свои мысли. Вместо этого ты послал за Эконом в Рим, чтобы поговорить с ним наедине.

— Я не посылал за Эконом.

— Но он говорит о другом.

— Ах, да, я понимаю, что вы с ним разговаривали за моей спиной.

— Мы доверяем друг другу, как брат брату. И я хочу, чтобы ты тоже доверял мне. Потому что я теперь взрослый человек. Потому что я тебе нужен — я помогу тебе охранять маму, и Диану, и тебя...

— Меня?

Образ найденного в Байях маленького мальчика, спасающего меня от наемных убийц, настолько поразил меня, что я потряс головой. Это я должен был всегда защищать и охранять его. Конечно, он теперь не маленький. Но я все-таки пока еще сильнее его, хотя в нем и больше жизненной силы.

— Да, телом ты изменился, но что касается остального...

— В остальном я все еще ребенок. Я знаю, что тебе так кажется, но где доказательства?

Эти слова отделились в моем сознании каким-то странным эхом. Где-то я их уже слышал?

— Но это неправда, папа. Ты не знаешь, о чем я размышляю. Я тоже беспокоюсь из-за того тела, и из-за того, что у нас гостил Катилина, и что в Риме происходят такие ужасные вещи. Я видел, как днем с тобой говорил Марк Целий. Я заметил, как у тебя изменилось лицо. О чем вы говорили? Что ему нужно? Почему ты ничего не говоришь, вдруг я смогу тебе помочь? А ведь Экону ты все расскажешь, не правда ли?

— Ах, Метон, как ты сможешь помочь мне, когда даже я сам не знаю, как мне поступить?

— Но ведь я мог бы что-нибудь придумать, я ведь другой человек.

Он поднял голову так, что луна осветила все его лицо, — и снова стал ребенком. Честным, невинным, готовым помочь. Я едва удержался от того, чтобы не погладить его по волосам. Как я могу обращаться с ним по-взрослому, если он еще не дорос?

— Пап, я прошу у тебя уважения. Какая бы опасность нам ни грозила, я тоже желаю знать о ней. Я хочу сыграть свою роль. Я жду, что меня тоже включат в общую игру, ведь я взрослый и вправе ожидать этого. Понимаешь?

— Да, Метон, понимаю.

— И в будущем ты будешь по-другому со мной обращаться?

— Постараюсь, — глубоко вздохнул я.

— Хорошо. Тогда для начала мы пойдем завтра посмотреть выборы.

— Ах, Метон, — проворчал я.

— Но, папа, как же я смогу научиться взрослой жизни, если вовсе не буду с ней соприкасаться? Вот почему я считаю прошедший день очень важным в моей жизни. Был в Сенате, посмотрел на все своими глазами, услышал, как он говорит — мне уже никогда не забыть этого!

— Услышал, как говорит Цицерон?

— Нет, Катилина! Мне кажется, что это даже поважнее церемонии в Авгуракуле. Теперь нужно посмотреть, что произойдет завтра. — Он опустил глаза. — Я могу пойти и один...

— Нет! Толпа, восставшие безумцы...

— Тогда пойдем вместе?

Я нахмурился.

— Мне от этих выборов спать хочется.

— Папа...

— Ну хорошо, — вздохнул я. — Если ты хочешь посмотреть на Рим в самом худшем его проявлении...

— Спасибо, папа!

Он сжал мои руки и пошел спать. Через некоторое время и я отправился в кровать, хотя боялся, что мне долго не удастся заснуть.

Когда я был мальчиком, северо-западная часть города, располагавшаяся за Ссргиевой стеной и называемая Марсово поле, была еще не вполне обустроена. На этой равнине тренировались солдаты, скакали конники, мчались колесницы, места им хватало, и они вовсе не мешали друг другу и не причиняли неудобства поднимаемой пылью. В дальнем конце поля, там, где равнина плавно спускается к Тибру, находятся целебные источники Тарента, где мой отец любил лечить свои больные суставы. Я помню, как маленьким ходил к источникам среди лесов, где по сторонам дороги жевали траву козы и где едва можно было заметить разрозненные постройки вдаль. Возможно, мое детское воображение преувеличивало дикость тех мест.

Конечно же, южная часть Марсова поля была застроена давно. Утренние тени от Капитолийского холма много лет падали на склады и причалы, расположившиеся вдоль Тибра, на овощной рынок на форуме Голитория, на многолюдные дома, скопление лавок, на бани возле Фламиниева цирка, который до сих пор остается самым замечательным строением по внешнюю сторону стены. Но в течение моей жизни я был свидетелем, как эта часть города неуклонно развивалась — строились новые склады и пристани, среди старых домов появились новые многоэтажные постройки, были проложены новые дороги. Они потеснили наездников и солдат, так что теперь пыль клубами стояла над Марсовым полем. Дорога в Тарент теперь Целиком идет между жилых домов и лавок. Ходили слухи, что Помпей, приобретя в собственность большую часть земли, собрался построить на Марсовом поле большой театр из камня и мрамора. Эти слухи породили противоречивые споры, ведь подобное строение было бы первым постоянным театром в Риме, тогда как раньше

представления устраивались во временных деревянных театрах и на подмостках, что всегда казалось более достойным для Рима, чем храмоподобные театры изнеженных и упаднических греков, почитавших зрелища больше любых добродетелей.

Поскольку Марсово поле лежит за пределами стен и не стеснено ничем, то оно еще с древности считалось более подходящим местом для многочисленных собраний, нежели Форум. Со времени основания Республики там собирались все граждане для голосования.

Итак, ранним утром мы с Метоном отправились на Марсово поле. Я решил взять с собой и Билбона; если Цицерон прав и нам предстоит стать свидетелями сцены насилия, то лучше позаботиться о своей безопасности. Мы быстро позавтракали остатками вчерашнего торжественного обеда, взяли с собой узелок с едой и бурдюк с вином. Небо над нами постепенно бледнело, пока мы шли по Субуре к воротам. Со всех улиц к ним уже стекались группки людей. Когда мы проходили ворота, я услышал трубные звуки, призывающие граждан на собрание.

Как раз в стороне от Фламиниевой дороги, между застроенным южным участком Марсова поля и более просторным северным, располагается Вилла Публика. Стены ее очень стары, как и собственно здания внутри. Кроме места для голосования и для подсчета голосов, она служит своего рода вестибюлем у входа в город. Там принимают иноземных послов и полководцев перед их торжественным вступлением в Рим. Там же ожидают результатов голосования и кандидаты.

Рядом находится еще одно огороженное пространство, которое в народе прозывается «овечьим загоном». В день выборов вдоль него протягивают веревки и образуют ряды, по которым друг за другом идут избиратели, словно овцы, погоняемые пастухом.

Солнце поднималось и освещало людей, толпящихся в открытом поле возле Виллы Публики. Римские избиратели делятся на несколько разрядов согласно уровню их благосостояния, а внутри этих разрядов — на группы, именуемые центуриями. Лидеры центурий старались собрать вокруг себя своих избирателей, многие центурии имели заранее назначенное место встречи, но в такой давке было нелегко разобраться. Погода тоже внесла свой вклад в общую неразбериху. Дождя не было вот уже несколько дней, и в воздухе носились клубы пыли. И так уже было достаточно тепло, но жара все усиливалась. Воздух походил на тот, который бывает вокруг кормушки или водопоя для огромных стад скота.

Я сразу же заметил случаи откровенного подкупа. Я узнал нескольких людей с дурной репутацией, которые шныряли вокруг, подходили к лидерам центурий, пожимали им руки и протягивали маленькие мешочки, в которых наверняка были деньги. Некоторых я опознал как прихвостней Красса, а одного я видел в свите Цезаря днем раньше, но среди них были и такие, которых я совсем не знал и не мог определить, кому они служат.

Было несколько случаев драк, но признаков бунта заметно не было. Мы видели, как группа молодчиков побила одного крестьянина и его сына. Мы видели двух покрасневших, седых оптиматов, тузящих друг друга (один поддерживал Мурену, другой — Силана, но какая между ними разница, сказать могли одни только оптиматы). Чуть поодаль стояли их испуганные рабы, не смея ввязаться в драку. Потом мы видели, как несли двух людей, поранивших друг друга ножами. И все-таки вопреки ожиданиям толпа оказалась достаточно мирной. Но ведь при таком скоплении людей должно быть гораздо больше случаев насилия, чем мы могли заметить.

Послышался шум, я обернулся и увидел, что прибыл Цицерон. Его по-прежнему окружала вооруженная охрана, и на груди его красовалась пластина, напоминавшая избирателям о коварстве Каталины. Они скрылись в воротах Виллы Публики, а затем появились на специальном помосте. Анатолий провозгласил, что авгуры провели гадание и сочли предзнаменование благоприятными. И действительно, трудно было поверить в обратное, когда над нами стояло безоблачное небо и не было никакого землетрясения. Тем более что вчера Сенат высказал свое мнение Довольно определенно. Выборы должны

состояться.

Спустя некоторое время прибыли кандидаты. Каждого окружала группа приверженцев, расталкивающих толпу. Каждый немного постоял на помосте, перед тем как исчезнуть в Вилле Публике. Когда один за другим вышли Мурена и Силан, слышались редкие вопли, смешанные с шипением, — это были кандидаты от оптиматов. После они спустились с помоста, и двое седых, краснолицых соперника, заключившие на время перемирие, принялись снова толкать друг друга.

Потом перед толпой прошли еще несколько кандидатов, удостоившихся редких жидких хлопков и выкриков. Потом появился Катилина.

Мы узнали о его появлении задолго до того, как увидели. Со стороны ворот слышался громкий, непрекращающийся крик. Он становился все громче и приближался к Вилле Публике. Этот звук походил на непробиваемую стену, и трудно было определить, из чего он состоит. Были ли это вопли восторга, крики порицания, аплодисменты, проклятья? Все это смешивалось в однородную массу. Нелегко определить реакцию толпы. Люди открывали рты, но непонятно было, какое чувство овладело ими. Они поднимали в воздух сжатые кулаки, но в знак ли поддержки или из ненависти? Мне удалось краем глаза увидеть Каталину, и по его улыбке я догадался, что крики были приветственными, а кулаки подымались в его честь.

Когда он взошел на помост, крик стал оглушающим. Толпа начала скандировать его имя: «Катилина! Катилина!». Молодые люди прыгали вокруг меня, размахивая руками. Мне даже показалось, что вся толпа без исключения поддерживает его, а проклятия адресованы его соперникам. Цицерон тем временем отошел в дальний конец возвышения и отвернулся.

Наконец Катилина скрылся в Вилле Публике вместе со своими соперниками, и началось голосование. Возле «овечьего загона» уже собрались богатые граждане, которые голосуют в первую очередь. Возле входа каждому избирателю давалась табличка и стиль, чтобы он написал имя кандидата. В конце ряда стиль забирали, а таблички опускали в урны. Потом подсчитывали голоса внутри каждой центурии. Общий выбор центурии считался за один голос. Всего было более двухсот центурий, и из них более сотни составляли два самых богатых класса римлян. У низших классов было больше индивидуальных голосов, но гораздо меньше центурий. Самые бедные, составляющие большинство римского населения, и вовсе делились на пять центурий. Зачастую перед тем, как они прибывали на выборы, голосование уже считалось состоявшимся и их вовсе не допускали к урнам, поэтому они приходили не столько ради участия в выборах, сколько ради интересного зрелища, если вообще приходили.

Мы нашли тенистое место и присели возле западной стены Виллы Публики. Я объяснил все эти тонкости Метону, как вдруг Билбон, почесав голову, спросил:

— А вы, хозяин, к какому классу принадлежите?

Я искоса посмотрел на его бычье лицо, но Метон подхватил его вопрос.

— Да, папа, к какому? Ты мне никогда не говорил.

— Потому что я уже давно не утруждал себя выборами.

— Но ведь ты должен знать.

— Ну конечно. В этом году благодаря наследству Луция Сергия мы переменили класс. Когда-то мы относились к пятому — то есть всего на ступень выше бедного, а сейчас относимся к третьему, как раз после богатого, как и те семейства, которые владеют одним поместьем и проживают в городе.

— А с какой центурией мы голосуем?

— Если бы мы голосовали, то пошли бы со второй центурией третьего класса.

— И я бы мог проголосовать?

— Смог бы, если... — проворчал я.

— Так я хочу посмотреть на это.

— На что?

— На то, как голосуют члены второй центурии третьего класса.

— Но зачем тебе?

— Пап... — сказал он таким же тоном, что и прошедшей ночью.

— Ну хорошо. Не нужно торопиться, еще далеко до полудня, и первые два класса не закончили голосование. Потом настанет черед всадников, составляющих свой особый класс из восемнадцати центурий, и только потом — очередь третьего класса. Для начала у нас есть немного еды и вина, а затем мы отправимся искать свою центурию. Тогда толпа немного поредеет; люди устанут от жары, пыли и суеты.

Это было неправдой, так как, когда мы отправились искать центурию, толпа, казалось, даже увеличилась. Никто не скучал, напротив, все были возбужденными больше обычного. Мне это показалось похожим на внезапный порыв ветра перед бурей. Люди беспокойно суетились вокруг, чего-то ожидая.

Наконец-то объявили очередь третьего класса. Возле «овечьего загона» собралась группа людей, одетых лучше, чем большинство из толпы, но менее изысканно, чем землевладельцы из всадников или купцы. Первая центурия шла через первый ряд веревок, вторая через второй и так далее.

— Вот, — сказал Метон, — вот где наша центурия, не так ли?

— Да...

— Пойдем, папа, я хочу посмотреть!

Мы подошли к скоплению людей, которое медленно продвигалось к «загону».

— Но, Метон, здесь нечего смотреть...

— Только для граждан, рабы в сторону! — сказал один из стражей возле входа. Он смотрел на Билбона, который кивнул и отошел.

— Но не стоит, — протестовал я. — Мы ведь только...

— За Катилину! — прошептал некий голос в мое ухо. И в это же время мне в ладонь упала новенькая монета.

Я оглянулся и увидел одного из тех наемников, что шныряли в толпе; по-моему, он работал на Красса. Он меня тоже узнал.

— Сыщик! А я-то думал, что ты навсегда уехал из Рима.

— Так и есть.

— И что ты никогда не голосуешь.

— Не голосую.

— Ну что же... — сказал он и выхватил монету у меня из рук.

Оказалось, что толпа подпирала меня со всех сторон и неуклонно направляет ко второму ряду «загона».

Метон шел впереди меня. Он задумчиво смотрел на монету, зажатую у него в пальцах.

— Метон, нам нужно...

— Но, папа, мы уже почти пришли.

Так и было. Не успел я оглянуться, как нас остановил усталый охранник, держащий свиток и внимательно осматривающий Метона.

— Семейное имя? — спросил он измотанным голосом.

— Гордиан, — ответил Метон.

— Гордиан, Гордиан... да, вот он. Не так уж и много вас. А кто ты? Ты выглядишь слишком молодо.

— Мне шестнадцать лет, — протестовал Метон. — Уже со вчерашнего дня.

— А, ну да, конечно, — подтвердил охранник, разглядывая список. — Вот тебе табличка, а вот стиль. А ты — Гордиан-отец? — спросил он, глядя на меня.

— Да, но...

— Вот и тебе табличка и стиль. Следующий!

Вот так и оказалось, что меня, словно овцу в загон, направляют к избирательной урне.

Идущий впереди Метон что-то судорожно черкал на своей табличке. Мы продвигались медленно. В конце ряда охранник собирал стили и наблюдал за тем, чтобы мы опустили таблички в урну. Когда настала моя очередь, он как-то странно посмотрел на меня.

Возле выхода из «загона» нас уже поджидал Билбон. Я облегченно вздохнул и услышал голос позади меня:

— Эй, гражданин! С бородой!

Я повернулся.

— Да, ты!

Охранник достал мою табличку из урны и протянул ее мне.

— Ты ошибся, гражданин! — засмеялся он. — В списке кандидатов нет человека по имени Немо.

Я пожал плечами.

— Все равно я голосую именно за него.

Метон ни за что бы не сказал, за кого он проголосовал, говоря, что это секрет, но по его унылому виду выбор его был очевиден — объявили, что наша Центурия проголосовала за Силана. Так он получил первый урок в качестве избирателя.

Многие в толпе тоже выглядели разочарованными, когда позже объявили, что пятому классу и свободным беднякам не стоит голосовать — результаты уже не изменить. Победили Силан и Мурена. Оптиматы добились своего — консулы представляли их интересы. Во второй раз за два года Катилина проиграл. Вокруг я слышал возгласы недовольства и тихие проклятья. В воздухе нависла скрытая угроза.

На помост взошли Силан и Мурена, сопровождаемые Цицероном и Антонием. Согласно традиции, вновь избранные должны произнести речь, но когда Мурена выступил вперед, то раздался оглушительный рев толпы. Из ворот Виллы Публики вышел Катилина.

По реакции толпы можно было бы подумать, что Катилина выиграл выборы, а не потерпел неудачу. Его сторонники пытались дотянуться до него, плакали, приветствовали, скандировали его имя: «Катилина! Катилина!» Он воспринимал происходящее стоически, гордо подняв челюсть и устремив взгляд вдаль. С помоста на него посмотрел Цицерон и слегка улыбнулся.

Катилина прошел, и Мурена с Силаном смогли заговорить. Их речь была полна банальностей, публика приветствовала вновь избранных без всякого восторга. После выступил Цицерон и сказал, что настало время выбрать преторов. Я мог бы остаться и проголосовать за своего друга Руфа, но Метон неожиданно потерял интерес к выборам и сказал, что с него достаточно. Мы выбрались из толпы и пошли по пустынной Субуре.

Дома Вифания заметила, что Метон на удивление тих и задумчив. Она приписала это общей усталости после торжественного дня облачения в тогу, но я-то знал, что Метона потрясли гораздо более важные события.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Этим вечером мы поужинали в узком кругу, каждый выбрал на кухне что ему понравилось из закусок праздничного обеда. Стоявшая жара повергла всех в состояние праздности. Рабы очень вяло исполняли поручения, а Вифания не старалась их особо порицать. Даже солнце, казалось, обленилось, и дольше обычного задержалось над горизонтом. Небо стало густо-синим. Метон ушел в одну из комнат, чтобы побыть наедине с самим собой. Диана прислонилась к матери и спала. Экон с Мененией удалились в другую комнату, в заднем конце дома, чтобы предаться удовольствиям, которые доступны молодоженам в такой душный и жаркий летний вечер. Я один остался в саду и размышлял.

На небе уже появилась первая пригоршня звезд, когда ко мне подошел Билбон и сообщил, что у входа ждет посетитель.

— Он пришел к Экону? — спросил я, подумав, что посетителю придется подождать.

— Нет, он пришел к вам, хозяин. Но мне не нравится, как он выглядит.

— Почему, Билбон?

— Слишком много охраны — это раз, один на каждый палец руки, по крайней мере, — и к тому же они держат огромные кинжалы без ножен!

Сердце мое забилося быстрее. О Юпитер, в чем же я провинился, почему меня нельзя оставить в покое?

— И кто этот посетитель?

— Я не знаю. Он не сказал своего имени, да и охрана слишком плотно окружает его, чтобы я его смог рассмотреть. Хотя у него на тоге пурпурная полоса.

— Да? — переспросил я, надув губы.

— Он и сам вооружен. По крайней мере, я заметил у него на груди пластину...

— Да, понятно, Билбон, мне кажется, лучше не заставлять его ждать. Попроси только, чтобы охранники остались за дверью. Ему нечего бояться в моем доме.

Билбон удалился. Через несколько мгновений в сад зашел Марк Туллий Цицерон.

— Гордиан! — Он наградил меня таким теплым взглядом, как будто я был его старым другом или, по крайней мере, нерешившимся избирателем. — Я так давно видел тебя в последний раз!

— Не так уж давно. Вчера только, по дороге в Аркс.

— Ну, это не считается. Я слишком занят и озабочен, я не мог как следует поприветствовать тебя и тогда, по дороге, и после того, как все закончилось.

— Что — «все»?

— Ты понимаешь, что я имею в виду.

— Разве?

— Гордиан! — сказал он с легким упреком. — Как и всегда, общаться с тобой трудно.

— Что тебе нужно от меня, Цицерон?

— Твоя краткость тебе не изменяет.

— Я не оратор, как ты. Мне приходится всегда говорить то, что у меня на уме.

— Ах, Гордиан! Ты, должно быть, все еще не преодолел усталость от поездки. Ты чувствуешь себя не на месте без привычных взгляду полей и пасущихся быков. Я знаю, что суматоха Форума действует на человека не лучшим образом, а тем более накануне выборов. Но выборы прошли достаточно спокойно — не так ли? И удачно, к тому же.

— Для тех, кто победил.

— Сегодня победил Рим. Если бы обстоятельства сложились по-иному, то проиграли бы все, включая и тебя.

— Возле Виллы Публики сегодня было очень много народа, думающего иначе.

— Да, и даже сейчас в некоторых частях города неспокойно; вы поступили мудро, рано вернувшись домой и закрыв ставни. Приспешники Катилины ожидают любого предложения, чтобы перейти к насилию и грабежу.

— Возможно, они охвачены разочарованием.

— Но ты ведь не сочувствуешь этому смутьяну, Гордиан? Ты, такой умный, а теперь еще и состоятельный? Я был рад помочь тебе отстоять свои законные права. Боги и Луций Клавдий захотели, чтобы ты преуспел в этом мире, и я счастлив, что и я оказался небесполезен. Большинство людей гораздо больше ожидают заслуженного. Но, в конце концов, дожидаются.

— Действительно?

— Возьмем для примера моего брата Квинта. Сегодня его избрали претором, так что он пошел по моим стопам!

— А что с Руфом?

— Он тоже избран, можно его поздравить! — Улыбка Цицерона казалась вполне

искренней, он мог себе позволить немного благосклонности.

— А Гай Юлий Цезарь?

Цицерон не улыбался.

— Его тоже избрали претором. Ну, никто, конечно, не скажет, что он этого не заслуживает, хотя... Ему довольно долго придется выплачивать долги. Но ты ведь сам там присутствовал. Мне показалось, что я заметил тебя в толпе.

— Мы ушли рано. Мой сын Метон хотел посмотреть на голосование. А потом он насмотрелся, и ему стало неинтересно.

— Ах, обязанности отца! Моему сыну всего два года, но он уже такой оратор! Его легкие сильнее моих!

— Сомневаюсь, Цицерон. Но скажи мне, зачем ты сюда пришел? Не думай только, что я не рад, что меня посетил римский консул или что мне выпала честь предоставить площадку перед моим домом в качестве места расположения его охраны... я, конечно, польщен. Но ведь ты сказал, что на улицах беспорядки. Конечно, опасность...

— Ведь ты, Гордиан, должен знать, что я не боюсь опасностей. Разве в самом начале своего пути я не бросил вызов Сулле? Ты сам был свидетелем моего противостояния тирании. И ты полагаешь, что всякий сброд помешает мне исполнять обязанности консула? Никогда!

— Да, но ведь что-то все-таки заставляет тебя носить доспехи и окружать себя телохранителями.

— Доспехи придают уверенности. А что касается моих охранников, то все они очень достойные молодые люди, из сословия всадников. Они следуют за мной повсюду, потому что любят меня, как любят Рим. Да, существует опасность. Она всегда угрожает человеку, когда тот стоит за правое дело, ты ведь понимаешь. Но настоящий римлянин не смеет отклоняться от выбранного пути, и его не отвратят с правильной дороги ни сброд с палками и камнями, ни заговорщики с факелами и кинжалами.

— Да, но мне все-таки кажется, что не стоило подчеркивать наши разногласия, отстраняться от встреч друг с другом. Мне Марк Целий все рассказал. А то, что ты пришел ко мне сегодня вечером, — не значит ли это, что наступил конец нашей выдуманной неприязни?

— Не совсем...

— Но ведь кризис, если он вообще когда-то был, миновал.

— Некоторые силы все еще угрожают государству...

— Однако с Катилиной покончено.

— Ты ошибаешься, Гордиан. С врагом Рима не покончено. Пока.

В глазах Цицерона стал заметен пророческий блеск.

— Что в лесу страшной вебря, Гордиан?

— Пожалуйста, не задавай загадок, как Катилина!

— Раненый вебрь. Сегодня Катилину ранили, но не уничтожили. Его возможности гораздо сильнее, нежели тебе кажется. Ты прав, денег ему больше не достать. Но ведь у него есть стальные клинки.

— Цицерон, не проси меня еще об одном одолжении, — сказал я устало.

— Почему бы и нет? Разве ты не доволен поместьем, которое я помог тебе приобрести?

— Цицерон, я премного тебе благодарен.

— Я говорю не о благодарности, Гордиан. Я зываю не к твоему чувству долга, но к чувству самосохранения. Если Катилину не остановить, то пострадаешь и ты, как и многие землевладельцы.

— Цицерон... — Я покачал головой.

— И ты любишь свою семью, не правда ли? Подумай о них и о своем будущем.

— Об этом я как раз и думаю! — Я постарался сдержаться и понизил голос: — Я устал от того, что им угрожает опасность. И я устал от того, что меня все время запугивают,

угрожают мне...

— Угроза исходит от Каталины.

— В самом ли деле?

Цицерон нахмурился, поняв, что пока он говорил об абстрактной опасности, я имел в виду нечто более конкретное.

— Что ты имеешь в виду?

— Мертвое тело в моей конюшне, которое появилось, когда я помедлил с ответом Катилине. Тело без головы.

— Ах да, тело без головы. Целий сказал мне, что ты вчера сообщил ему об этом случае и что он ничего не знает, но так же ничего не знаю и я. Кажется, как будто именно Катилина придумал все это...

— Но если ответственный за этот случай — Катилина, а Целий выступает как его сторонник, то почему и Целий ничего не знал?

— Потому что, как я полагаю... — Цицерон нахмурился.

— Возможно, Целий знал об этом, но тебе не сказал. Тогда как же ты можешь доверять ему? А если ты не можешь довериться ему, то как могу я?

Цицерон долго думал, перед тем как ответить.

— Гордиан, мне понятна твоя озабоченность...

— А возможно, Катилина не доверяет Целию. Может ли так быть? Вдруг он не смог обмануть Каталину, который догадался, что тот — твой шпион, а вовсе не его? Тогда Катилина подозревает, что я тоже твой агент. А от этого мне только страшнее за свою семью.

— Все это похоже на то, как если бы человек тонул в море. Но невозможно удержаться на плаву, если ничего не предпринимать! Опустит руки — и ты утонешь! Государство — это плот, и я им управляю, мне доверили руль. Катилина хочет поджечь плот, и если его не остановить, то все мы обречены. Я должен делать все возможное, чтобы удержать народ на плаву. Но мне необходима твоя помощь, я протягиваю тебе руку, чтобы вытащить из воды.

— Какая чудесная метафора! Такая живая риторика...

— Гордиан! Ты испытываешь мое терпение!

Я-таки рассердил его. Я мог и дальше продолжать смеяться над его воображаемыми страхами, над напыщенным поведением, и он бы только улыбался, но он не мог вынести насмешки над своим красноречием.

— Нравится тебе или нет, понимаешь ты или нет всю важность положения, но ты исполнишь то, о чем я тебя попрошу. Катилина — слишком насущная угроза для меня, чтобы меня смутило твое безразличие.

— Неужели он такой порочный? Мне показалось, он скорее склонен к мечтательности, нежели к бунту.

— Гордиан, не будь таким простаком! — Неожиданно улыбка вновь вернулась на его уста. — Ах, я понимаю, в чем дело. Тебе нравится Катилина. Но он всем нравится, случилось такое, только потом все мы жалели об этом. Спроси тень убитого им зятя или тень убитого им сына, семьи тех несчастных, кого он соблазнил. Перед тем как разрушить жизнь своим жертвам, Катилина всегда заботится, чтобы они полюбили его.

Гордиан, я понимаю, что ты считаешь своего давнего приятеля Цицерона, излишне тщеславным и чересчур напыщенным. У тебя трезвый взгляд, когда дело касается лицемерия — это твой дар — и я признаюсь, что ценю себя чуть больше, чем заслуживаю. Ты умеешь проникать взором сквозь людское тщеславие. И как же ты проглядел Катилину? Неужели его притворство столь велико, что его не сразу охватишь одним взглядом? Он оболstil тебя, Гордиан?

— Какую ерунду ты говоришь, Цицерон.

— Человек, стоящий у моря, не может различить капли воды, так и ты не можешь различить всю цепь уверток и недомолвок Катилины.

— В одном ты безусловно прав — я подобен человеку, стоящему у моря.

Он замолчал и внимательно осмотрел меня. Когда он опустил глаза, жировая складка придавилась подбородком, а глаза, казалось, наполовину скрылись в щеках. Я вспомнил о том, как он выглядел, когда я в первый раз встретил его. Тогда тощая шея, казалось, едва держала голову с широкими бровями. По мере роста его честолюбия его тело тоже росло.

— Ах, ну да, я понимаю, как он воздействовал на тебя, Гордиан. Катилина неплохо разбирается в людских сердцах. Он видит скрытые помыслы и желания и ловко пользуется своим умением. Скажи, ведь это правда? Он понял, что нужно немного подольститься к тебе — похвалить поместье, семью. Он якобы разделил с тобой твои нестандартные мысли, понял, что ты испытываешь сострадание к обездоленным, симпатизируешь несчастным. И вот он поведал тебе, что его цель — дать надежду угнетенным массам Рима. Он поругал оптиматов, пожаловался на их нечестность. Но не забывай — Катилина и сам был бы оптиматом, если бы не потерял все свои деньги, не запятнал своего имени, этим самым потеряв уважение любого достойного человека в Сенате. И вот, польстив тебе своими замечаниями, подогрев разговором о политике, он поведал тебе некий секрет, чтобы показать, как он тебе доверяет и какие вы теперь с ним друзья.

Я вспомнил, как Катилина рассказал мне про Фабию, и почувствовал себя немного неловко.

— Катилина скажет тебе все то, что ты хочешь от него услышать. Катилина станет твоим доверенным лицом. Катилина тебе по-новому откроет глаза на мир. Признаюсь: Катилина умеет очаровывать. Мне тоже раньше так казалось, пока я не увидел его в истинном свете. Ну, а во мне — увы — вовсе нет никакого очарования. Разве мне это неизвестно? Сегодня ты хорошо показал мне свое гостеприимство, Гордиан. Я для тебя слишком беспокойный и навязчивый; тебе хочется, чтобы я поскорее ушел. Я надоел тебе. Во мне нет очарования, и тут уж ничего не поделаешь. Вот почему мне приходится полагаться на риторику, на искусство убеждать — слишком грубые орудия для такого человека, как Катилина, которому стоит только улыбнуться, показать свое красивое лицо — и половина дела сделана. По сравнению с ним я выгляжу чересчур резким и грубым. Но подумай, Гордиан! Что толку во внешнем очаровании, если под ним скрывается неприглядная истина? Вот я сказал «неприглядная истина», и ты поморщил нос. Катилина же улыбается, говорит тебе откровенную ложь, и ты находишь его занимательным. Гордиан, тебе лучше знать!

Что может быть хуже для человека моего возраста, как не начать сомневаться в собственной способности к суждениям? Неужели Катилина заколдовал меня, усыпил мою бдительность? Или же Цицерон воспользовался своим магическим искусством, хорошо понимая, какого рода аргументы собьют меня с толку?

— Тебе понятны мои слова, Гордиан? Ты слышишь в моем голосе откровенную озабоченность? Неужели ты откажешься и дальше играть роль добродушного хозяина для Катилины, если и ему самому так хочется? Сделай это ради Рима. Ради своих детей.

Я ничего не ответил. Цицерон вздохнул и ссутулился. Играет ли он, или в самом деле устал? И почему я — с моей способностью видеть невидимое — не могу сказать ничего определенного?

— Подумай, Гордиан. Когда ты вернешься в свое прекрасное спокойное поместье, вспомни, что Рим по-прежнему находится на этом месте, что ему по-прежнему угрожает опасность. И если в Риме произойдет что-то ужасное, то это распространится и на провинцию.

Цицерон опустил глаза, от чего складка на шее стала более толстой. Он ждал, но мне нечего было ответить ему.

— Я с тобой уже не свижусь наедине — пока не минует кризис. Как и раньше, моим посланником будет Марк Целий. Рискованно было приходить к тебе в этот вечер, но мои агенты сказали, что у Катилины без того сегодня много дел, и я надеялся, что смогу

поговорить с тобой как мужчина с женщиной. — Он отвернулся. Тихо прошелестели складки его тоги. — Я ухожу. Мне еще во многих местах требуется побывать перед тем, как я усну. Конечно, на улицах беспокойно, но это меня не остановит. Я в долгу перед Римом. Хочу, чтобы и ты это понял.

С этими словами он ушел.

Я сел на скамейку возле фонтана. Небо потемнело, звезды сверкали ярко. Поднималась луна, бросая серебряный свет на черепичную крышу портика.

— Можешь выходить, Метон, — сказал я.

Он вышел из-за полога двери, ведущего в его комнату, и вступил в тень от портика.

— Вифания знает?

— Нет. Я слышал, как она время от времени похрапывала за стеной.

Он вступил в лунный свет. На нем была только набедренная повязка. Мне подумалось, что он уже в таком возрасте, когда не следует ходить по дому почти раздетым.

— Хорошо, Экон и Менения либо спят, либо слишком заняты, чтобы слушать, что происходит в доме. Только ты да я знаем о Цицероне.

— А как ты догадался, что и я слушаю? Я старался, чтобы полог не шевелился.

— Да, но твой большой палец было слишком хорошо видно. В некоторых обстоятельствах подобная небрежность может обернуться даже смертью.

— Как ты думаешь, а Цицерон заметил?

Я рассмеялся.

— Не думаю. Иначе бы он позвал охранников, и не успел бы я и слова сказать, как в тебе оказалось бы очень много кинжалов.

Метон сначала встревожился, затем скептически улыбнулся.

— Ну хорошо, что ты думаешь о нашем досточтимом консуле?

Он немного замялся.

— Мне кажется, что Цицерон... болтун.

Я улыбнулся.

— И мне так кажется, только это не значит, что он обязательно врет.

— И, значит, ты сделаешь так, как он хочет?

Я так долго не отвечал, что Метону пришлось переспросить:

— Да, папа?

— Если бы я только знал.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Первые пять дней после выборов мы провели в Риме.

Мне в нем понравилось больше, чем я предполагал; я прогуливался по холмам, встречал старых знакомых, вдыхал ароматы еды, продающейся на рынке, наблюдал за прохожими, наслаждаясь тем, как меня поглощает непрекращающийся поток жизни большого города.

Но не все было так приятно. Однажды, когда Вифания ушла посмотреть на серебряные украшения в лавке ювелира, я отправился к одному адвокату, чтобы узнать, насколько продвинулось разбирательство по поводу реки. Адвоката звали Волумен, контора его располагалась в безобразном кирпичном здании, всего лишь в пределах броска камня от Форума. Во всем здании были конторы судей и адвокатов, и пахло там старым пергаментом. Все стены в его комнатухе были покрыты ящичками для свитков, и сам он походил на свиток — высокий, с вытянутым лицом — и отличался безобразными манерами.

Никакого прогресса в моем деле не намечалось, оно еще не было представлено в суд, хотя, как он заметил, моя победа просто очевидна.

— Но почему так долго? — пожаловался я. — Когда Клавдии опротестовали завещание

Луция, то Цицерон решил все за несколько дней, а не месяцев и не лет.

Уголок рта Волумена слегка дрогнул.

— Тогда, возможно, вы опять обратитесь к Цицерону? — сказал он кислым голосом. — Ах, ну да, ведь он слишком занят. Ну, а я делаю все возможное. Если бы я был одним из самых влиятельных политиков в Риме, тогда, конечно, я сразу бы пошел в суд, но ведь я — рядовой адвокат...

— Я понимаю.

— Нет, если вам кажется, что вы можете рассчитывать на помощь Цицерона, то пожалуйста...

— Это была особая благосклонность. Если ты говоришь мне, что делаешь все возможное...

— Да, но Цицерон бы сделал больше, я уверен, и лучше и быстрее...

В конце концов мне все-таки удалось его успокоить. Неприятно было вспоминать одолжение, которое мне сделал Цицерон. Без его помощи и влиятельных связей мое дело могло бы застрять в судах на много лет, мне пришлось бы сидеть в Риме, пока не поседеет моя борода.

Вечером седьмого дня мы упаковали вещи, а рано утром на рассвете выехали за город.

В поместье мы вернулись после полудня, грязные и усталые. Диана сразу же выскочила из повозки и побежала к загонам, где находились ее любимцы.

Вифания убедилась в том, что рабыни без нее запустили хозяйство, побранила их небрежно и удалилась в свою комнату — прятать драгоценности.

Я расспросил Арата, что случилось в мое отсутствие. Река еще более обмелела, что было обычно для этого времени года.

— Я бы и не заметил этого, — сказал он, — если бы не одно затруднение — с колодцем...

— Что за затруднение?

— Вода в нем испортилась. Я вчера заметил. Возможно, кот или какое-либо дикое животное через решетку ограды прыгнуло в колодец и утонуло.

— Ты хочешь сказать, что в колодце находится труп животного?

— Я точно ничего не могу сказать. Вкус воды, как я уже говорил...

— И что ты предпринял?

Судя по резкому движению его головы, я говорил слишком грубо и напористо.

— В таких случаях нужно поднять решетку, опустить ведро или крюк и постараться поддеть труп. Ведь мертвые тела плавают, вы знаете...

— И ты это сделал?

— Постарался. Но мы ничего не подняли. В какой-то момент крюк за что-то зацепился, но его с трудом вытянули двое рабов. Может, каменная кладка разрушилась. А возможно, обвалилась и большая часть колодца. Тогда, может быть, в колодец и проникло животное, обитающее в норе. Если кладка обрушилась — но это всего лишь предположение, — то дело серьезное. Во время починки нельзя будет пользоваться колодцем, а вода в реке мелеет...

— Как же мы узнаем, обрушились стены или нет?

— Кто-то должен туда спуститься.

— А почему вчера этого не сделали? Или утром? А тем временем какой-нибудь хорек или крот разлагается там и все больше портит воду.

Он скрестил руки за спиной и потупил взор.

— Вчера, когда крюк зацепился, было уже слишком Поздно и темно. А утром с запада пошли тучи, мог начаться дождь и замочить стога на северном поле. Я приказал всем побыстрее убрать сено в сарай.

— я думал, что мы уже все сено убрали.

— Да, хозяин, но несколько дней назад я приказал часть его выставить на солнце.

Чтобы предотвратить распространение болезни.

Я потряс головой, сомневаясь в правдивости его рассказа.

— И что, утром шел дождь?

— Нет, — сказал он почти не разжимая рта. — Но тучи были очень темными, и вдали слышались раскаты грома. Даже если бы мы не были заняты сеном, то я не стал бы посылать раба в колодец в ожидании грозы. Я знаю, как вы цените своих рабов, хозяин, и я не собираюсь попусту рисковать ими.

— Хорошо, — сказал я мрачно. — Достаточно ли времени для того, чтобы послать человека в колодец перед тем, как стемнеет?

— Я как раз собирался это сделать, когда вы приехали, хозяин.

Вместе с Аратом мы подошли к колодцу, где уже собралась группа рабов. Они связали между собой несколько веревок и сделали приспособление для сидения. Один человек обвязался веревкой, а другие принялись его спускать.

К нам присоединился Метон, раскрасневшийся от похода на вершину холма. Когда я ему объяснил, в чем дело, он незамедлительно предложил, чтобы в колодец опустили именно его.

— Нет, Метон.

— Но почему нет? Я подходящих размеров, проворный, не тяжелый.

— Не говори глупостей.

— Но, папа, мне будет так интересно посмотреть.

— Не смейся, Метон. — Я понизил голос. — Ведь это опасно. Даже и не проси. Для этого и существуют... — Я вовремя сдержался и не сказал слово «рабы», представив, насколько резко это прозвучит для моего сына.

А для меня самого? Неужели я настолько огрубел?

Неужели вместе с поместьем я приобрел и образ мыслей таких людей, как Публий Клавдий или покойный Катон? Пользуйтесь живым орудием, пишет Катон, пока оно не сломается, а потом покупайте новое. Я всегда презирал таких, как Красс, кто ценит рабов, исходя из количества полезной работы, которую они могут сделать. Вот так, подумал я, дайте человеку поместье, и он станет новоявленным Катоном; дайте ему рудники и торговые корабли, и он станет Крассом. Я сам отвернулся от Цицерона во многом потому, что он перешел на сторону тех, кого некогда презирал. Но, возможно, такова природа вещей — когда человек богатеет, он становится жадным, от успеха он впадает в тщеславие, и даже мельчайшая доля власти делает его безучастным к судьбам других. Ведь не могу же я сказать, будто чем-то отличаюсь от других?

Такие мысли промелькнули в моем сознании с быстротой молнии.

— Ты не полезешь в колодец, Метон, потому что я сам туда спущусь.

Эти слова удивили меня самого так же, как и Метона.

— Ох, папа, кто же на этот раз говорит глупости? — запротестовал он. — Пойду я, я ведь меньше и стройней.

Рабы тем временем смотрели на нас в полном недоумении.

Арат положил нам обоим руки на плечи и отвел в сторону.

— Хозяин, предупреждаю вас, это слишком опасно. Для того и существуют рабы. Если вы сами будете браться за любую работу, они вас не поймут.

— Рабы здесь для того, чтобы подчиняться моим приказаниям или, в мое отсутствие, приказаниям Метона, — поправил я его. — И пока я буду в колодце, Метон проследит за тем, чтобы все вы правильно понимали свои обязанности.

Арат поморщился.

— Хозяин, ну, если вы не боитесь... Если с вами что-то случится, ведь в ответе будут рабы. Они подвергнутся наказанию. Прошу вас, пусть спустится один из них.

— Нет, Арат, я не изменю своего решения. Не спорь со мной. Итак, как влезать в этот

узел?

Чего я добивался таким жестом? Если я хотел доказать, что я не такой, как все остальные рабовладельцы, то чем-то реально помог бы несчастным и обездоленным рабам. Если доказать, что настолько еще молод, что могу, не моргнув, ринуться навстречу опасности, то достаточно посмотреть в зеркало, чтобы убедиться в противоположном. Возможно, я хотел вернуть уважение Метона, но на самом деле я просто в очередной раз подверг сомнению его взрослость. Я просто поддался мгновенному настроению, и только позже до меня дошло — ведь на такой поступок обязательно бы решился и Каталина!

Арат, мрачный как никогда, наблюдал за тем, чтобы меня как следует привязали. Разочарованному Метону ничего не оставалось, как стоять в стороне и смотреть. Рабы отодвинули решетки и дали мне в руки факел. Потом они выстроились в ряд, а я поднялся на стенку колодца и принялся спускаться, пока они понемногу выпускали веревку. Небо постепенно превращалось в узкое отверстие над моей головой.

Не так уж трудно, решил я. Я просто шагал по стене колодца, осторожно переставляя ноги. Метон и Арат склонились над отверстием и щурились от света факела.

— Осторожней, хозяин! — проворчал Арат.

— Да, папа, будь осторожен, — эхом отозвался Метон.

Отверстие вверху все уменьшалось, пока не стало больше обычной тарелки.

— Еще отпустить немного веревки? — крикнул Арат.

Я оглянулся и не увидел воды.

— Да, пожалуй.

Я спускался, не переставая оглядываться. Наконец подо мной заблестела вода, красная от отсветов факела. На ее поверхности показалось какое-то пятно, словно там был камень. Стены по-прежнему были целы. Чем ниже я спускался, тем труднее мне было поворачивать голову и глядеть на воду.

Я уже спустился почти до самой поверхности.

— Натяните веревку! — закричал я.

— Да, хозяин! — отозвался Арат, и его голос эхом отдался от стен. Его лицо казалось маленьким пятнышком на фоне белого кружка.

Я постарался обернуться вокруг себя, понемногу перебирая ногами. Мне почти это удалось, но вот нога моя не нашла провалившегося камня в кладке и погрузилась в воду. Я повис.

Рабы были не готовы к неожиданному рывку, веревка повисла так, что я погрузился в воду по самую шею. Но потом ее опять натянули, и мои плечи оказались над поверхностью. Я откашлялся.

Каким-то чудом мне удалось удержать факел над водой. Его свет создал причудливую картину — блики вперемешку с черными теньями. Свободной рукой я шарил по сторонам в поисках опоры. Напротив противоположной стороны находился какой-то предмет. Мне удалось ухватиться за него, и он запрыгал по волнам. На ощупь он был скользким и холодным. Я задрожал всем телом.

И крикнул. Не яростным криком, а тем, каким скулит съездившаяся собака. Эхом вылетев на поверхность воды, этот крик, вероятно, произвел ужасное впечатление. Рабы забеспокоились. Веревка дернулась, и я начал снова подниматься.

Я крикнул, чтобы они остановились, но колодец искажал мои слова, и они подумали, что я зову на помощь. Я все еще хватался за предмет с чувством отвращения, но вовсе не боялся его. Его вес тянул меня вниз. Рабы поднажали, веревка натянулась, но я вцепился крепко. Я узнал, что это, но не был достаточно уверен.

Рабы так отчаянно поднимали меня, что я начал выходить из воды вместе с этим предметом. Я ухватился за него обеими руками, стараясь при этом не выронить и факел. Но боль в плечах, обвязанных веревкой, вынудила меня выпустить его. Я уже точно понял, что

это. И оно с громким всплеском упало обратно в воду.

Где-то сверху я услышал крик Арата: «Раз-два, взяли!» — и меня начали поднимать рывками. Факел выскользнул из моих рук, осветил по дороге в последний раз поверхность воды и с шипением погас.

Рабы, тянувшие за веревку, вытягивали меня на свет, словно «бога из машины» на сцену. Меня болтало из стороны в сторону, плечи ударялись о стенки колодца. Но я едва воспринимал боль и едва замечал, как у меня стучат зубы. Мысли мои были полностью поглощены увиденным.

Это было человеческое тело. Без головы.

Часть третья CONUNDRUM

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

К тому времени как тело вытащили из колодца, наступила темнота.

С первой попытки поднять его не удалось. Сначала попробовали опустить раба с дополнительной веревкой, которую он обвязал вокруг рук и плеч. Из колодца появился перепуганный, дрожащий раб, а вслед за ним и тело. Вид его, окровавленного, обнаженного, безглавого, был настолько ужасен, что некоторые рабы вскрикнули от страха и отпустили веревку. Веревка заскользила по рукам тех, кто еще удерживал ее, и обожгла ладони. На дне колодца послышался громкий всплеск. А через мгновение в колодце исчез и конец веревки, словно змея, заползшая в свою нору, презрительно вильнувшая на прощание хвостом.

Эта неудача разволновала наиболее суеверных из рабов. Я слышал, как вокруг меня шептали: «Лемур». Осмотревшись вокруг себя в темноте, я не мог определить, кто из рабов произнес это слово. Все они выглядели одинаково испуганными. Казалось, что слово произнес теплый вечерний ветерок.

Я понял, что колодец дважды отравлен. В первый раз — когда в него бросили разлагающееся, окровавленное тело. А во второй раз — когда рабы подумали, что там лемур. Теперь никто не осмелится брать из него воду, рабы будут всеми средствами избегать этого места, выбирать другую дорогу или опускать глаза, чтобы не смотреть на страшный колодец.

Только благодаря Арату, умевшему обращаться с рабами, мне удалось подвинуть их на вторую попытку, хотя солнце уже почти село. Раб, опускавшийся в первый раз, отказался. Добровольцев больше не было. Арат выбрал одного дрожащего человека и надавал ему тумаков. Раб молча позволил обвязать себя веревкой. А что еще оставалось делать? Я определенно не мог пойти из-за болевших плеч, а Метону я запретил. В конце концов, я поступил как любой рабовладелец и позволил своему управляющему самому разбираться с рабами доступными ему средствами.

На этот раз потрясение при виде трупа не было столь велико, рабам удалось удержать веревку. Но зрелище все равно было не для слабонервных — распухшее тело, зияющая рана на шее, зловещее отсутствие головы. Труп положили на вымощенную камнями площадку перед колодцем. С него стекала вода, устремляясь во всех направлениях. Рабы вскрикивали и отскакивали, чтобы ручейки не коснулись их ног.

В одном из окон дома виднелся силуэт Вифании. Я послал одного раба предупредить ее, чтобы она не пускала сюда Диану, да и сама не приходила. О чем она думает, разглядывая

группу рабов, собравшихся вокруг колодца в наступающих сумерках? Очень скоро она узнает правду. И все в поместье узнают о трупе — теперь правду не спрячешь, как в случае с Немо...

Я велел принести факелы, чтобы получше рассмотреть тело. Рабы нерешительно топтались вокруг — им не терпелось как можно скорее уйти. Я приказал Арату отпустить их, но с тем условием, чтобы все они через час собрались возле конюшни. Я наклонился над трупом, морщась от боли в плечах и от ссадин на коленях и локтях, в тех местах, где я содрал кожу, стучаясь о стены колодца. Метон, взяв факел, опустился на колени рядом со мной.

— Ну, Метон, что ты видишь?

Он нерешительно кашлянул. Даже при красноватом свете факела было заметно, насколько он бледен.

— Тело настолько раздулось, что трудно сказать. Я даже не знаю, с чего начать.

— Попробуй мысленно составить что-то вроде списка вопросов. «Или-или», как выражаются философы. Мужчина или женщина?

— Мужчина, конечно.

— Старый или молодой?

— Такой же, как Немо? — спросил он неуверенно.

— Почему ты так подумал?

— Седые волосы на груди среди черных. И такие же узловатые пальцы. Не юноша, но и не старик.

— Темный или светлый?

— Трудно сказать, поскольку он опух, хотя, мне кажется, он немного загорел на солнце. Волосы на половых органах темные.

— Раб или свободный?

— Раб, — сказал он без сомнения.

— Почему?

— С того места, где я стоял, я заметил его спину.

Я постарался перевернуть тело, но это оказалось мне не по силам — болели плечи. Метон отложил факел и помог мне.

— Вот, — сказал он, подымая факел и указывая на тело.

В неясном, мерцающем свете мы увидели доказательство того, что человек был рабом. Его плечи и спина были покрыты шрамами. Некоторые из них были старыми и почти зарубцевались, но некоторые выглядели вполне свежими. Пока он жил, его постоянно били.

— Что явилось причиной его смерти?

Метон склонил голову, размышляя.

— Очевидно, он был мертв до того, как его скинули в колодец, поскольку он без головы. Конечно, если она не находится там.

Он искоса взглянул на колодец.

— Не думаю. Я там ничего больше не видел, да и рабы тоже. Но опять же, как и в случае с Немо, ты предполагаешь, что его убили. Мы не знаем наверняка. Нет видимых ран, кроме той, на шее. Возможно, ему тоже отрезали голову уже после смерти. Кто знает, как он умер?

— Надо сначала узнать, кто он.

— И откуда он.

— Очевидно, тот, кто оставил тело Немо в конюшне, тот и... — нахмурился Метон. — А как мы этого назовем?

Я посмотрел на распухшее тело.

— «Ignotus», — сказал я. — Что значит «Неизвестный».

Через несколько минут вернулся раб из дома.

— Хозяйка просит вас вернуться, — сказал он, украдкой бросая взгляд на труп. — А

Конгрион жалуется, что ужин стынет.

— Скажи хозяйке, что мне не хочется есть. И попроси Арата собрать людей у конюшни.

— И Конгриона тоже?

— Да, и его.

При свете Метонова факела мы прошли к конюшне. Рабы собирались, перешептывались между собой. Через некоторое время из дома вышел Арат, сопровождаемый кухонными рабынями и Конгрионом. Управляющий подошел ко мне и тихо сказал:

— Все собрались. Вы сами им скажете или мне выступить перед ними?

— Я сам выступлю.

Арат шагнул вперед.

— Тихо! Случилось нечто очень важное, и хозяин хочет с вами поговорить.

Он отступил и остался стоять рядом со мной, не присоединяясь к остальным рабам. Конгрион тоже стоял в стороне, хотя его помощники подошли к толпе рабов. Даже среди рабов существует неравенство.

Я еще ни разу не обращался сразу ко всем рабам. В свете факелов я ясно видел их лица, и они озабоченно смотрели на меня. Слишком мягкий хозяин был Луций Клавдий, а я и того мягче. Кто-то из них, вероятно, предал меня.

— Сегодня в колодце нашли мертвое тело, — сказал я. Ни для кого это новостью не явилось, так как присутствовавшие при этом уже проболтались, но до сих пор событие это вызывало удивление и беспокойство. — Знает ли кто из вас, как оно туда попало?

Никто не ответил.

— Итак, никто из вас не имеет ни малейшего понятия, как это произошло, когда и кто сделал это?

Все как один уклончиво закачали головами, закашлялись. Наконец один из них набрался мужества и вышел вперед, подняв руку. Это был самый старый раб, седобородый Клемент.

— Да, говори.

— Несколько ночей тому назад мне показалось, что я услышал...

— Да-да?

— Звук из колодца. По ночам я часто просыпаюсь — никогда я теперь уже не сплю спокойно. Часто подымаюсь и... У меня с молодости такая привычка. Мне необходимо часто выходить проветриться. Другие смеются, но ведь я уже старик и мне простительно...

— Ближе к делу! — приказал Арат. — Что ты слышал?

— Было уже поздно, ближе даже к рассвету, чем к закату. Луна уже села, и стало темно. Я спал под навесом, позади амбара. Меня разбудил звук — откуда-то донесшийся всплеск. Мне показалось, что со стороны колодца. Такой заглушенный, как будто что-то сбросили в колодец. Я встал, чтобы помочиться, а затем снова лег.

— И какой ночью это случилось? — спросил я.

— Три ночи тому назад. Или четыре. Я уже забыл. Я только сейчас вспомнил, услышав про это тело в колодце.

— Смешно! — воскликнул Арат. — Встал, чтобы помочиться, и услышал всплеск. Да ему это со сна почудилось.

— Мне кажется, Арат, ты смеешься над ним без всякой причины, — оборвал я его резко. — Почему бы ему и не услышать всплеск посреди ночи? А что-нибудь еще ты слышал, Клемент?

Он поскреб бороду.

— Слышал ли я? Мне кажется, кто-то протопал неподалеку, но я тогда особенно ни о чем не задумывался. Ночь была жаркая, а люди часто просыпаются в жару, как и я. Может, кому-то тоже понадобилось облегчиться. Разве рабы не могут просыпаться и ходить ночью?

— Но видел ли ты этого человека? Ты помнишь, что он делал? Он говорил или насвистывал? Было ли что-то особое в его походке?

Клемент снова задумчиво поскреб бороду, но потом покачал головой.

— Нет, ничего такого я не припомню. Я помню, что кто-то ходил в той стороне ночью. Может, мне приснилось, а может, это была другая ночь.

— Бесполезно его дальше спрашивать, — сказал Арат. — Что с него толку.

— Напротив, — сказал я. — Он более бдителен, чем те, кому доверено охранять поместье.

Кроме Клемента, никто ничего не слышал. Остальные казались безнадежно слепыми и глухими. Я предупредил их, что незамедлительно прикажу высечь того раба, который скрывает правду, как только это обнаружится; я попытался увидеть в их глазах проблески вины, но находил только естественное для рабов выражение простого страха. Я уверил их, что колодец очистят — на меня как на главу хозяйства падает эта ответственность, хотя я и не знал, как это нужно делать. Насколько мне известно, Катон в своей книге не затрагивает этот вопрос. Я и не знал, как очистить колодец и какие обряды нужно при этом совершить. Какого рода загрязнение произвел Игнотус и как долго оно продлится? Мне нужно было посоветоваться с Аратом, но ведь я ему не вполне доверял. Можно было спросить у Клавдии, но я не хотел рассказывать ей о случившемся.

Нескольким рабам я приказал перенести тело Игнотуса в сарайчик возле конюшни, а остальных отпустил. Когда они разошлись, ко мне подошел Арат.

— Может, их попытать, хозяин?

— Что?

— Они рабы, хозяин. Вы разговариваете с ними, как будто это солдаты или свободные люди на рынке. Обычно рабы никогда ни в чем не признаются, если их как следует не подвергнуть пыткам. Только силой можно чего-то от них добиться. Ведь вам известен закон: признание раба является доказательством только тогда, когда оно сделано вследствие пытки.

— Но, следуя этой логике, пытать придется и тебя, Арат. Что ты на это скажешь?

Он немного побледнел, не зная, шучу я или говорю серьезно. Я и сам этого не знал.

Ночь выдалась жаркая — везде, кроме моей комнаты, где царил ледяной холод. Вифания была просто вне себя. Она смазала мои синяки и ссадины, но отказалась разговаривать и отвечать на вопросы. В кровати она повернулась ко мне спиной и наконец заговорила:

— Что бы от тебя ни требовали, соглашайся. Чтобы никаких больше трупов, понятно? Забудь о своей гордости и подумай о детях. И чтобы никаких больше глупостей вроде исследований колодца!

Этой ночью я не спал. В моем воображении из колодца подымались безголовые трупы и бродили по окрестным полям.

Утром Метон разбудил меня. Волосы его были еще взъерошены со сна. Он тяжело дышал, как будто кто-то за ним гнался.

— Папа, просыпайся!

Я сжал его руку и посмотрел на него сонным взглядом.

— Папа, мне все ясно! Я проснулся и все понял! Я просто сбегал посмотреть на труп, чтобы удостовериться.

— О чем ты говоришь? Об Игнотусе?

— Не об Игнотусе, папа. Не зови его так. Я знаю, кто он, и ты тоже. Пойдем, я покажу тебе. Я тебе все докажу.

Он с беспокойством ждал, пока я надену сандалии и накину на плечи тунику. Вифания натянула одеяло на голову.

Метон вел меня к сарайчику, нетерпеливо пробегая вперед, а затем ожидая меня. Тело Игнотуса лежало на небольшой скамейке. Вонь от него уже распространилась по всему

помещению. Нужно что-то сделать с ним до того, как встанет солнце, а то мы никогда не избавимся от вони.

— Вот, папа, ты видишь?

— Что?

— Вот, на тыльной стороне левой руки.

Я наклонился, застонав от боли во всем теле. Его безжизненная рука так вывернулась, что мне была видна метка на запястье. Она была грубой треугольной формы, чуть побольше монеты, розовая.

— Родимое пятно, — узнал я. — Да, прошлой ночью я обратил на него внимание. Я и тебе хотел указать на него, да забыл. Оно стало бы немаловажным доказательством, если бы нам удалось узнать, у кого было подобное пятно.

— Но я и так знаю. Ты слышишь меня? Я знаю этого человека. Прошлой ночью у меня появились какие-то смутные мысли, но я не понимал, чего они касаются. Ты продолжал задавать свои вопросы «или-или», и пятно просто вылетело у меня из головы. Но этим утром я проснулся и все вспомнил. Такое случалось с тобой, папа?

— Да, каждое утро я совершаю во сне великие открытия.

— Я не шучу, папа. Так, значит, ты не помнишь, где мы в прошлый раз видели это пятно? Я помню! — Он выглядел очень довольным собой.

— Да, если я и видел такое пятно, то ты прав — я не помню, — сказал я скептически.

— Если бы ты был повнимательней, то тоже вспомнил бы. Это Форфекс!

— Форфекс? — переспросил я с сомнением, вспоминая, где я слышал это имя.

— Пастух коз на горе Аргентум. Раб Гнея Клавдия, тот, кто повел нас показывать шахту и ранил себе голову.

— Тот, кто повел Катилину, ты хочешь сказать. Мы просто шли позади. — Я посмотрел на родимое пятно. — Нет, не помню я такого пятна на его запястье.

— Но зато я помню! Тогда я заметил его. И еще подумал, что оно похоже на синяк, как будто он сам себя ударил. Вчера я не смог вспомнить, а сегодня утром все встало на свои места. Но ведь ты все замечаешь, папа?

— Форфекс! — Я вспомнил ужас, охвативший пастуха, вспомнил, как он бегал по пещере и ранил себе голову, как разгневал своего хозяина. Я с сомнением покачал головой. — По чему еще можно опознать его?

Я внимательно осмотрел тело. Оно вряд ли принадлежало человеку одного возраста с Форфексом. Размер, цвет кожи, все было другим; оно ужасно отличалось от того раба, который провожал нас на гору, я не мог просто сопоставить их вместе, хотя такое превращение могло случиться с любым телом.

— И пятно, и, главное, шрамы на спине, папа! Помнишь, как Гней Клавдий принялся избивать его, Когда мы уезжали? Ведь он явно частенько поколачивает рабов. Неудивительно, что у Форфекса так много шрамов на спине.

— Да, я помню, как его били, но пятно...

— Да, но ведь я-то помню. Главное, мы знаем, кто он и откуда взялся. Это Форфекс, и он был рабом Гнея Клавдия.

— Если бы только знать наверняка...

— Куда верней? Разве может быть у разных людей одинаковое родимое пятно? Это ведь Форфекс, как ты не понимаешь?!

Он ожидающе улыбнулся, но нахмурился, заметив на моем лице тень сомнения.

— Ты не веришь мне, папа?

— Не то чтобы...

— ы не доверяешь моей памяти. Ты подвергаешь сомнению мои суждения.

— Если ты помнил о пятне, то почему не опознал его прошлой ночью?

— Потому что прошлой ночью... — он задумался, подыскивая объяснения, — это

просто не пришло мне в голову, вот и все!

— Метон, со временем многое из памяти стирается, и особенно полагаться на нее не стоит...

— Папа, у тебя на все готов ответ, — сказал он довольно сердито. — Если бы вместо меня об этом сказал Экон, то ему-то ты сразу поверил бы! Ты бы и не сомневался.

Я глубоко вздохнул.

— Возможно.

«Потому что Экон — это Экон, а ты — это ты», — хотел я сказать.

— Ты просто сердишься.

— Что?

— Да, ты сам не помнишь, вот тебе и обидно. Ты сам не заметил пятно, хотя такой наблюдательный, а я заметил. Или забыл, а я вспомнил! Потому что хотя бы один раз моя память и восприятие оказались лучше, чем твои. И ты должен признать это!

Это обвинение показалось мне нелепым. Оно еще более доказывало, что Метон не вполне вышел из детского возраста. Но тем не менее я почувствовал беспокойство. Что может быть хуже для человека в моем возрасте, как не подвергать сомнению свои способности?

Конечно, возможно, Метон и прав. Если так, то я должен потребовать объяснений от Гнея Клавдия. Но что, если Метон ошибается? Что, если он просто из гордости цепляется за это объяснение? Как я могу ему поверить?

И если это Форфекс, то что тогда? Ответственен ли за его убийство Гней Клавдий? Кто из рабов помогал ему? А кто виноват в смерти Немо? Хотел ли он просто запугать меня? Как это связано с загадкой Каталины — или это простое совпадение? А вдруг не совпадение, что Каталина и Форфекс вместе ходили по шахте? Даже если это Форфекс, то след мог вести и к Каталине, и к Марку Целию... и к Цицерону...

Я поймал себя на том, что мысли мои устремились по тому же кругу, что и в случае обнаружения Немо. Неужели Метон прав и я старею? Я уже не молод, и хотя бывают люди, чей разум с годами только развивается, чаще всего происходит обратное.

Оказалось, что я в течение долгого времени взираю на родимое пятно. Метон стоял, сжав кулаки и устремив на меня пристальный взгляд. Он ждал от меня окончательного ответа.

— Пока что мы примем на веру, — сказал я, — что Игнотус — это Форфекс. Если Гней Клавдий и причастен к убийству, то он все равно будет все отрицать. Поэтому, насколько получится, мы должны порасспрашивать его рабов.

До тех пор, пока Метон не разжал кулаки и не опустил плечи, я не знал, насколько он был напряжен. Я подумал, что он сейчас улыбнется в знак победы, но вместо этого он едва не заплакал.

— Ты понял, папа, — сказал он очень серьезным голосом, — что я прав и что я помню.

— Надеюсь, что да, — сказал я, хотя сам весьма сомневался в этом.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

— Мы можем встретиться и непосредственно с ним, — предложил Метон, взбираясь на лошадь.

— Но только после того, как добьемся чего-либо от его рабов, — сказал я, сжимая поводья и успокаивая свою кобылу. Но как же избежать встречи с ним? С Кассиановой дороги в его владения ведет только один путь. Если Гней сейчас там, то он нас сразу увидит, или прибегут рабы и сообщат ему о нашем появлении. Он, кажется, не из тех, кто прощает своим рабам, если те ему не говорят о приезжающих.

— Форфекс позволил нам с Каталиной осмотреть шахту и ничего не сказал перед этим

хозяину.

— Да, но ведь нам уже известно, что с ним случилось после того.

«Если этот труп и в самом деле Форфекс», — подумал я.

Мы поехали по направлению к горе.

— У меня, кажется, появилась одна мысль, — сказал я. — Мы не поедем по главной дороге, ведущей прямо в поместье Гнея.

— А как же иначе? Ведь холмы слишком крутые, там иногда даже пешком не пройдешь, не то что на лошади.

— Но ведь есть еще одна дорога. Помнишь, как мы наблюдали за Каталиной и Тонгилием?

— Это когда к нам подошла Клавдия?

— Да. От Форфекса Каталина узнал, что существует старая тропа, поднимающаяся вверх по склону и скрытая от посторонних взоров густой растительностью. Он, должно быть, нашел ее, потому и исчез тогда на время. Я, кажется, помню, в каком приблизительно месте он скрылся среди скал и деревьев. Можно попробовать отыскать эту тропу. Тогда можно миновать и дом Гнея, и пастухов в горах.

Мы выехали на Кассианову дорогу, но повернули не налево, к главным воротам поместья Гнея, а направо, по направлению к Риму. Мы миновали хребет холма, и я с чувством сожаления подумал о том, насколько мы уязвимы — нас легко заметить с того места, на котором я так часто любил сидеть. Но, кроме Клавдии, там некого ожидать, а она скоро обо всем узнает, если окажется, что это Гней бросил Игнотуса в мой колодец.

Никакого движения на дороге не было. Я специально задержался на подъеме и осмотрелся по сторонам. Перед нами дорога лентой уходила на юг. Позади нас у самого горизонта, виднелось некое пятно — должно быть, группа рабов или стадо, ведомое в Рим, но они были еще очень далеко. Мы продолжили путь. Хребет холма мы уже миновали, но возвышенности справа все еще скрывали от нас поместье Клавдии. Слева начался крутой подъем, с высокими деревьями и камнями.

— Где-то совсем рядом... — пробормотал я.

Мы замедлили шаг и принялись внимательно вглядываться в заросли. Казалось, никто никогда и не думал вступать в эти запутанные переплетения деревьев и кустов. Через некоторое время я решил, что мы уже проехали нужное место. Справа я уже видел на полях рабов Клавдии.

— Мы заехали слишком далеко, — сказал Метон.

— Да. Вероятно, стоит вернуться.

На обратном пути мы также ничего не заметили, и я уже подумал, что нам следует либо оставить затею, либо, подобно Каталине, продрасться сквозь заросли. Тут я услышал топот копыт, поднял голову и впереди себя на дороге увидел молодого оленя, вышедшего из леса. В том месте, откуда он только что появился, колыхались ветви деревьев. Некоторое время он стоял и смотрел на нас словно статуя, потом подался назад и поскакал в лес. Перепрыгнув через кусты, он приблизился к сплошной стене растительности, но не свернул, а проскочил между валуном и стволом старого дуба. Если бы я моргнул, то мне показалось бы, что он просто исчез в лучах солнца, проникающих сквозь крону деревьев. Это был тот самый знак, о которых пишут поэты, настоящее предзнаменование.

— Там, где исчез олень, — сказал я, — и начинается старая дорога.

Мы подъехали к валуну и спешили. В проходе оставалось «достаточно места, чтобы провести лошадей за собой. За валуном оказалось пространство, не замеченное с дороги. Далее мы увидели следы, свидетельствующие о том, что когда-то здесь была тропа, ведущая прямо в гору.

— Этот валун, должно быть, когда-то свалился и загородил дорогу, — сказал я. — После какого-нибудь землетрясения. Да и по всей тропе, мне кажется, валяется немало

камней. Для оленей она подходит, но для наших лошадей нет. Придется нам их привязать здесь, а самим пойти пешком.

Дорога подымалась вверх круто и неровно. После того как люди оставили ее, она превратилась в сток для воды. Ветви деревьев вдоль дороги в некоторых местах были сломаны, что свидетельствовало о том, что этой дорогой кто-то совсем недавно пользовался.

Дорога и в самом начале была довольно крутой, а чуть дальше она просто неимоверно подымалась. Камни, разбросанные в русле потока, казались ступенями для титанов.

Даже Метон стал задыхаться и потеть, хотя если бы он шагал один, а не ждал меня, то давно бы поднялся на самую вершину. Сердце мое громко стучало, а ноги превратились в две свинцовые гири к тому времени, как мы достигли открытого пространства, где в прошлый раз привязали своих лошадей и где я заметил противоположный конец этой тропы. Слева дорога вела дальше, в гору, к водопаду и шахте.

Все мое тело протестовало против того, чтобы подыматься дальше, но там, наверху, легче всего встретить какого-нибудь одинокого пастуха.

И долго нам ждать не пришлось. Когда мы приблизились к каменным ступеням, ведущим к водопаду, я услышал блеяние козленка и голос пастуха, уговаривающего его замолчать. Мы отошли в сторону, к падающей воде. Звук водопада усилился, но также усилился и голос пастуха.

Мы прошли через сплетение виноградных листьев и оказались возле самого озера, по краям которого вздымалась пена. Там было довольно сумеречно из-за нависшей над нами скалы и высоких деревьев, окружавших озеро. Повсюду валялись кости и черепа, которые мы уже видели однажды сверху. По моей спине прошла дрожь; здесь было так мрачно и сыро даже в жаркий день.

Мы прошли еще немного и увидели пастуха. Он был очень молод, почти мальчик, моложе Метона, одет в рваную тунику, на ногах истертые сандалии.

Шум водопада заглушил наши слабые шаги. Когда мы предстали перед ним, молодой пастух так сильно вздрогнул от неожиданности, что едва не упал. Он зашатался, замахал руками и свалился бы в воду, если бы Метон не удержал его.

Пастуху удалось обрести равновесие, и он выдернул руку из ладони Метона. Козленок заблеял, пастух крепко обхватил его, так что пальцы его побелели. Он со страхом переводил взгляд с меня на Метона.

— Кто вы? — наконец проговорил он. — Вы живые или мертвые?

Забавный вопрос, подумал я, но тут же вспомнил о разбросанных черепах и костях и о якобы обитающих в этих местах лемурах.

— Очень даже живые, — ответил я достаточно уверенно, ведь лемуры наверняка не чувствуют усталости и боли в ногах.

Пастух продолжал смотреть на нас исподлобья, держась поодаль.

— Да, мне показалось, что рука у тебя теплая, — сказал он Метону. — Но что вы здесь делаете? Вы друзья хозяина?

— А ты сам что здесь делаешь? — ответил я вопросом на вопрос.

— Меня заставили сюда прийти, потому что я самый молодой. Кто-то услышал, как возле водопада блеет козленок, и послали за ним меня. У него копытца застряли между камней. Никому ведь не хочется спускаться сюда из-за них... — Он невольно огляделся по сторонам.

— И кто же именно послал тебя? — спросил я. — Форфекс?

— Форфекс? — Он как-то странно вздохнул.

— Да, Форфекс, тот самый, что руководит всеми пастухами.

— Теперь уже нет. После того как... — На его лице снова появилось удивленное выражение. — А хозяин знает, что вы здесь?

— Скажи нам, что случилось с Форфексом, — Произнес я насколько возможно более

властным голосом. Рабы Гнея Клавдия, должно быть, привыкли Именно к такому обращению и не станут задавать лишних вопросов даже незнакомцам. Это ясно из того, как сам хозяин обращается с ними.

— Форфекс... Но хозяин вовсе не хотел... Он, конечно, бьет нас иногда, но никогда еще... по крайней мере, своими руками... насколько мне известно...

— Значит, Гней Клавдий убил Форфекса, не так ли? — спросил Метон, глядя на меня с едва заметной улыбкой.

У него были причины испытывать гордость, но он поспешил с вмешательством в разговор. Он не был ни достаточно старым, ни достаточно властным, чтобы раб его испугался. Пастух снова замолчал и подался назад. Козленок беспокойно заерзал в его руках.

— И как же твой хозяин убил Форфекса? — спросил я строго, делая шаг вперед и пристально вглядываясь пастуху прямо в глаза. Он ведь всего лишь мальчик, и хозяин часто наказывает его. Он не способен противиться прямой атаке, даже если его спрашивает чужой человек, не имеющий на то никаких прав...

— Его голова... Не так давно Форфекс поранил голову...

Я вспомнил, как Форфекс ударился головой о выступ в потолке пещеры, испугавшись лемуров, как по его лицу текла кровь, как он стонал, пока мы вели его вниз.

— Да, продолжай.

— После этого он слегка повредился в уме — стал двигаться медленней обычного, забывал, о чем говорил, жаловался на боль в голове, просыпался по ночам и блеял как козленок.

«Бедный Форфекс, — подумал я. — Соблазнившись деньгами Катилины, ты дал увести себя туда, где жили твои скрытые страхи».

— Хозяин иногда нетерпелив; он и раньше наказывал Форфекса за глупость, но после того случая и вовсе взбесился. Он повторял, что тот сам виноват, не следовало ему водить незнакомцев в шахту. Но вы, должно быть... — Он посмотрел на нас с растущим страхом.

— Не важно, продолжай! — настаивал я.

— Несколько дней тому назад хозяин приказал Форфексу забить одну из коз, но тот перепутал и заколол другую, или так сказал сам хозяин. И вот хозяин так рассердился — бегал от гнева, стремительно, словно молния, которая ударяет в гору. Он исхлестал Форфекса кнутом и разорвал его тунику. Кнут пропитался кровью. И тут лицо хозяина изменилось. Я стоял рядом и все видел. Я так и похолодел от ужаса. Хозяин словно решил про себя, что Форфекс уже не нужен ему, ни на что не годится, как разбитая глиняная бутылка. Он взял хлыст за рукоятку и принялся ею наносить удары, а она сделана из железа и полосок кожи, прибитых железными заклепками. Он стал бить Форфекса прямо по голове, смеясь и приговаривая: «Если уж жалуешься на голову, то мы тебя сейчас излечим!» Все это время Форфекс жалобно кричал, стонал, а потом принялся издавать другие звуки. Ах, пожалуйста...

Лицо пастуха сделалось белее мела. Глаза покраснели от слез. Он неуверенно заморгал. Козленок задергался сильнее, и мальчик уже не смог его удержать. Тот с громким цокотом копыт приземлился на камень, упал в воду, но тут же выскочил и побежал через кусты по направлению к тропинке, стряхивая капли воды.

Молодой пастух прислонился к скале и медленно опустил на камень, сжимая руками живот.

— Мне плохо от этого, — сказал он слабым голосом.

— Да, я не сомневаюсь, — сказал я. А что стало бы с ним, если бы он увидел Форфекса сейчас? — И когда это произошло?

— Пять дней тому назад.

— Ты уверен?

— Да. Как раз после ид. Хозяин некоторое время был в Риме на выборах, а потом вернулся. Он сказал, что выборы прошли, как ему хотелось, но что у него все равно плохое

настроение. Возможно, с ним что-то случилось за время пребывания в Риме. Мне показалось, что он просто хотел придаться к Форфексу, не важно из-за чего.

— Пять дней тому назад, — сказал я, обменявшись взглядом с Метоном. — А прошлой ночью Клемент сказал нам, что слышал шум за три-четыре ночи до того — как раз все сходится. И что сделали с телом Форфекса?

— Принесли сюда, — сказал мальчик мрачно. — Когда с ним было покончено и он валялся на полу весь в крови... — Он всхлипнул.

— Продолжай.

— Лицо хозяина снова изменилось. Мне показалось, что он не вполне осознавал, что делает, если вы понимаете. Его глаза — никогда я не видал такого выражения, разве что у некоторых рабов, как будто он испугался своего поступка. Говорят, что есть такая богиня, которая наказывает людей, даже свободных, если они слишком много себе позволяют. Такое греческое слово... — Он наморщился.

— «Хюбрис», — сказал я. — Дерзость, граничащая с безумием, высокомерие, переходящее через все рамки. И за эту «хюбрис» наказывает богиня возмездия Немезида.

— Возможно, и так, — продолжил пастух, — но не слышал я, чтобы какие-то боги спускались на эту гору. Видимо, хозяин на некоторое время понял, что зашел слишком далеко. Он уронил кнут, задрожал. Но затем сжал челюсти, кулаки и попытался сдержаться. Он огляделся по сторонам, осмотрел комнату, прищулив глаза, хотя было очень светло. А потом посмотрел на меня, потому что я случайно оказался рядом. «Прибери-ка здесь, — крикнул он мне, как будто дело шло об обычном мусоре. — Прибери и отнеси то, что от него осталось, к водопаду! Сбрось его с утеса, пусть лежит там с остальными!»

— И ты так и сделал?

— Да, только мы не сбросили его с утеса. Мы принесли его к пруду. Один из старых рабов сказал, что следует раздеть его и обмыть. Потом некоторые принесли молитвы разным богам. Даже у рабов есть боги, хотя мне кажется, что на этой горе никто из них не живет, и уж конечно, не ваша Немезида. Потом мы положили его в расщелину между камнями. Сверху насыпали земли и маленьких камней, а потом ушли. Становилось темно. Никто не хочет оставаться здесь после темноты.

— Бедный Форфекс! — сказал я. — Его оставили среди лемуров, которых он так боялся. И он может войти в их число.

— Вот почему никто и не хотел искать здесь козленка. Всегда ведь боялись старых духов, а теперь к ним прибавился и Форфекс. Как же его лемур сможет успокоиться после такой смерти? Он никогда не сможет отомстить хозяину; у того слишком много власти. Но что касается бедного, несчастного раба... — Голос мальчика перешел в шепот, он испуганно озирался по сторонам, оглядывая мрачные скалы и тени от деревьев. — Он где-то здесь, смотрит на нас.

— Мне кажется, что нет, если лемуры и в самом деле привязаны к смертным останкам. Пойдем, покажешь нам, где вы его оставили.

Мальчик побледнел.

— Пойдем! — повторил я. — Если я прав...

Метон откашлялся.

— Если мой сын прав, то тела там уже нет. Покажи нам, где оно лежало!

Стоило даже поблагодарить Гнея Клавдия за то, что мальчик так беспрекословно повиновался грубому приказанию. Другой раб не сразу бы согласился, его еще стоило бы пару раз ударить и пригрозить, прежде чем он показал бы нам могилу того человека, чей дух, по его мнению, охотится за ним. Молодой же пастух сразу повел нас, хотя его и била крупная дрожь.

— Как раз вон за тем большим камнем, — сказал он дрогнувшим голосом. Он указал нам дорогу, но сам дальше не пошел.

Мы с Метоном прошли мимо него, взобрались на большие сдвинутые камни и посмотрели в расселину.

— Тела нет, — сказал я.

— Нет? — Пастух против своей воли приблизился к нам. Он осматривал пустое место с суеверным ужасом на лице.

— Но это дело рук не богов и не лемурув, — поспешил я заверить его. — Сюда его положили люди и люди же и унесли.

— Тот же, кто и убил его! — заявил Метон.

Я повернулся к нему и нахмурился. У нас еще нет доказательств. И не следует говорить такие вещи о хозяине в присутствии его раба, а то он вскоре всем расскажет о нас.

Метон соорудил физиономию мне в ответ... Ведь он оказался прав насчет Форфекса. Чтобы удостовериться, он спросил раба:

— А на руке Форфекса был какой-нибудь опознавательный знак?

— Знак? Ты хочешь сказать — родимое пятно на левой руке?

На лице Метона отразился полнейший триумф.

— Но куда делось тело? — спросил раб.

— Не тебе знать, по крайней мере, сейчас, — сказал я. — Ты и так подвергаешься опасности, рассказав нам о гибели Форфекса. Мне следует отблагодарить тебя, только у меня с собой ничего нет.

— Вам ничего и не нужно давать мне, — сказал пастух. — Хозяин запрещает нам иметь собственные вещи. Тот человек, что просил показать шахту, дал Форфексу несколько монет, но хозяин отобрал их.

— А тот человек, что просил показать шахту, — он возвращался?

Мальчик пожал плечами.

— Я не знаю. Я никогда не видел его. Я пас стадо на той стороне, когда он приходил. — Он прищурил глаза. — Говорят, с ним еще были люди. Это вы?

— Если я и раньше не отвечал на твои вопросы, то тем более мне не следует отвечать сейчас, — сказал я, улыбнувшись. — Чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Ты даже должен забыть, что видел нас.

— Как лемуры в дымке тумана.

— Именно так, если хочешь.

— И еще один вопрос, — сказал Метон. — Когда Форфекса положили здесь, что было с его головой?

— Вся избита до неузнаваемости. Я же говорил, _ сказал раб, снова бледнея.

— Да, но она была на плечах?

— Конечно.

— Не отрезана? Ведь если она так пострадала...

— Тело было целым! — запротестовал пастух дрогнувшим голосом.

— Не стоит упорствовать, — сказал я Метону, кладя руку на его плечо. — Скажи, а умирал ли кто еще из пастухов около месяца тому назад? — спросил я, вспомнив о Немо.

Мальчик потряс головой.

— А среди других рабов твоего хозяина?

— Нет. Как-то один из кухонных рабов умер от лихорадки, но это было год тому назад. С тех пор умер один Форфекс.

Мы спустились с камней, прошли мимо разбросанных костей и перешли поток. Молодой пастух продолжил свой путь, а мы с Метоном немного задержались. Неплохое здесь все-таки место для отдыха, хотя так много страшных останков. Неплохое место для вечного успокоения рабов, столь несчастных в жизни, трудящихся под жарким солнцем или в кромешной тьме шахт.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Нужно с ним встретиться напрямую, — сказал Метон, когда мы принялись спускаться с горы.

— Согласен.

— Мы уже не сомневаемся, что это тело Форфекса. Мы знаем, что Гней убил его. И нам известно, что он испытывает к нам отнюдь не дружеские чувства. Ведь это он собирался унаследовать поместье Луция Клавдия? Следовательно, он вполне мог подбросить нам тело в колодец, принуждая нас оставить землю.

— В твоей логике есть несколько спорных мест, — сказал я, уклоняясь от загромождающих путь веток.

— Например?

— Почему у Форфекса нет головы?

— Чтобы мы не догадались, что это дело рук Гнея. Он ведь понимал, что, встретившись с ним однажды, мы его узнаем, даже несмотря на ранения. Гней ведет себя как трус, боится собственных поступков. Вот он и отрезал голову, чтобы мы не смогли догадаться о том, кто виноват. Он ведь не рассчитывал, что я вспомню про родимое пятно, ведь так?

— Нет. Но зачем тогда он приказывал сбросить тело с утеса, если хотел впоследствии его использовать?

Я оглянулся. Метон пожал плечами.

— Ему только потом пришла в голову эта идея. Ведь он, очевидно, не хотел убивать Форфекса и не предполагал бросать его тело в наш колодец; убийство не было заранее спланировано. Но раз уж под руки попался мертвец, то можно найти ему применение.

— Пастух не говорил, что были приказания принести тело обратно.

— Пастух ничего не знает и о Катилине. Вне сомнения, у Гнея есть и другие рабы, которым он доверяет.

— А как быть с Немо?

— Возможно, что и это — дело рук Гнея. Он подбросил его труп в конюшню, чтобы запугать нас, но это удалось ему не в полной мере, так что он решил повторить трусливый поступок, только на этот раз более опасный — отравить колодец. Какой презренный человек!

— Но кто этот Немо? Пастух сказал, что до недавних пор смертей у них не случалось.

— Кто знает? Вдруг Гней убил случайного прохожего? Или гостя из Рима?

— Незнакомца? Которого мы не знаем?

— Может, и так.

— Тогда зачем отрубать ему голову? Ведь ты утверждаешь, что Форфексу отрезали голову, чтобы мы его не узнали. Это не лишено смысла. Но зачем Немо-то отрезать голову?

Метон замолчал. Некоторое время я слышал только треск веток, топот наших ног по тропинке и собственное тяжелое дыхание.

— На это у меня нет ответа, — наконец-то признался Метон. — Но при чем тут Немо? Мы знаем, откуда появился Форфекс, и, следовательно, у нас в руках ключ к загадке. Виновен Гней Клавдий. Его нужно наказать. Привлечь к суду за убийство, если есть в мире справедливость. Но ведь нет такого закона против хозяина, убившего собственного раба, не так ли? Можно привлечь его к ответственности за загрязнение нашего колодца.

— Трудно доказать, ведь нет свидетелей.

— Но, папа, ведь это же очевидно!

— Суд потребует улики и доказательств.

— Тогда нужно найти свидетеля. Ведь он не мог загрязнить наш колодец, не привлекая к делу одного из наших рабов? Нужно заставить заговорить этого раба!

— И какими же силами? Я их уже расспрашивал; что из этого вышло — ты видел. Есть хозяева, которые в подобных случаях применяют пытки. Арат мне так и посоветовал.

— Мне кажется, ты не станешь пытаться рабов.

— пытки неизбежны, когда дело касается рабов и закона. Допустим, мы нашли свидетеля среди рабов. Римский суд не признает его показаний, пока они не подтвердятся под пытками. Ты хочешь, чтобы я именно так и поступил, пусть даже с тем, кто предал нас? А что, если кто-то просто был свидетелем и невиновен? Все равно его будут пытаться! Неудивительно, что рабы не хотят ни в чем признаваться. Это все равно, что самому добровольно пойти на пытки.

— Я не подумал об этом.

— Но они-то подумали, будь уверен. Согласно твоим доводам, лучшими свидетелями будут рабы Гнея. Но опять же, согласно закону, нельзя допрашивать раба без согласия его хозяина и раб не может свидетельствовать против хозяина.

— А что, если попросить Цицерона представлять нашу сторону? Ведь он умен, обладает властью, уж он-то додумался бы до чего-нибудь.

— Прошу тебя, я больше не хочу ничем быть обязанным этому Цицерону. Кроме того, мне кажется, наш досточтимый консул не станет тратить время на такие пустяки.

Мы дошли до того места, где оставались наши лошади, отвязали их и вывели между валуном и старым дубом к дороге, по которой уныло плелась вереница рабов, сопровождаемых надсмотрщиками на лошадях. Рабы были либо просто голыми, либо едва прикрыты обрывками тряпок. Ноги они обвязали кусками кожи. Ни рабы, ни надсмотрщики не обратили на нас никакого внимания. Мы же стояли в тени и ожидали, пока они пройдут.

Я повернулся к Метону и сказал шепотом:

— Да, мне понятно, почему ты настаиваешь на вине Гнея Клавдия, хотя твои доказательства небыстречны. Однако я никак не могу отделаться от мысли о Катилине.

— У тебя неверное о нем представление, папа! — прошептал Метон с неожиданной горячностью.

— Прими во внимание его связь с Форфексом. Подумай о совпадении с загадкой о безголовом теле. Вспомни, что Немо появился после того, как я помедлил с ответом на предложение Марка Целия. Теперь Цицерон с Целием снова настаивают, чтобы я принял у себя Каталину, я же не согласился, и вот Форфекс появился в нашем колодце. Каталина — отчаянный человек...

— Почему обязательно обвинять Каталину? А не Целия и не Цицерона? Ты с самого начала пошел не по тому пути. Говоришь, что суд не поверит обвинению без основательных доказательств, а сам предлагаешь вовсе бездоказательные вещи, оставляя без внимания очевидное. Виновен Гней Клавдий. Он-то думает, что он умный, и смеется у нас за спиной. Если мы с ним встретимся напрямую, то клянусь, что он из простого тщеславия и духа противоречия признает свою вину.

— Может, ты и прав, — сказал я. — Предоставим ему такую возможность сегодня же.

Перед нами прошел последний из рабов — человек с темной, загорелой кожей и взъерошенными волосами цвета соломы; он споткнулся о камень и резко упал на колени, схватившись руками за веревку вокруг шеи и нарушив продвижение остальных. К нему подскочил надсмотрщик, ударил его плеткой, и раб встал, продолжив движение.

— Когда же изменится этот мир? — прошептал голос. Он мог быть и моим, но слова эти произнес Метон, смотревший на раба печальными глазами. Не глядя на меня, он сел на лошадь. Я последовал его примеру, и мы быстро поехали к поместью.

Вступив на территорию Гнея Клавдия, я ожидал появления значительной свиты. С собой я взял Арата, частью из тех соображений, что мой управляющий должен сопровождать меня, а также я хотел понаблюдать за его реакцией, пока я буду разговаривать с Генеом: я все еще не доверял ему. Я также выбрал несколько самых сильных рабов для охраны.

Мы выехали после полудня. Я надеялся на то, что Гней плотно пообедал. Я знал, что лучше всего разговаривать с человеком, когда он хочет спать и находится без охраны.

Мы проехали по Кассиановой дороге и свернули к поместью Гнея. Никто нас не окружал и не наблюдал за нашим продвижением. Дорога пошла вверх, на холмах появились кусты и валуны. В лесу мы снова увидели дом пастухов, где в прошлый раз встретили Форфекса. Потом дорога пошла вдоль высохшего русла. Наконец мы подъехали к мостику, пересекли его и приблизились к дому Гнея Клавдия.

Двухэтажное сооружение было выстроено скорее в этруском, чем римском стиле. Дом был очень старым, и его давно не ремонтировали, если судить по кускам штукатурки, свисающим со стен, по ставням, державшимся на перекошенных петлях. Он прислонился к крутому склону, поросшему лесом, и его окружали глубокие тени. В воздухе пахло сыростью. Даже в солнечный день над ним располагался навес. Вокруг теснилось несколько полуразрушенных строений.

По грязному и пыльному двору расхаживали куры и собаки. При нашем появлении они залаяли, а куры суматошно забегали. Через открывающуюся дверь донесся голос, приказывающий собакам заткнуться. Те заворчали и забегали по двору кругами, но лаять перестали.

Потом из двери выглянул раб и, увидев нас, тут же скрылся, не сказав ни слова. Я подумал, что у его хозяина достаточно неприятных гостей, включая нас.

Через несколько мгновений дверь снова открылась. К нам вышел сам Гней Клавдий, с таким же мрачным и недоброжелательным выражением на лице, что и в тот раз, когда мы были с Катилиной. Это был поразительно безобразный молодой человек, со спутанными рыжими волосами и скошенным подбородком, но рост его и осанка придавали ему внушительный вид. При его появлении собаки снова залаяли. Гней зарычал в ответ, словно и сам был собакой. В руке он держал кость с мясом; кусочки еды прилипли к его губам. Эту кость он бросил собакам, и те принялись драться между собой в надежде полакомиться угощением.

— Глупые псы, — пробормотал Гней. — Но все-таки умней, чем многие рабы, да и огрызаться у тебя за спиной не смеют.

Очень трудно было переносить его скрипучий голос, как и смотреть на его лицо. Он прищурился — Клавдия говорила мне, что он плохо видит. Но меня он узнал сразу.

— А, опять ты? На этот раз без своего дружка из города. Снова пришел шпионить, насколько я понимаю. Что тебе надо, Гордиан?

— Мне кажется, ты и сам должен знать ответ на этот вопрос, Гней Клавдий.

— Не пытайся умничать, — ответил он. — Со мной такой фокус не пройдет. Спроси моих рабов, если не веришь. Никто тебя ко мне не приглашал, Гордиан. Ты перешел границу моих владений, и я имею полное право снять тебя с лошади и высесть. Говори, зачем пришел, или проваливай. Или ты хочешь, чтобы тебя высекли? Я могу и мальчишке предоставить право быть выпоротым.

— Папа! — сказал Метон, сжимая кулаки. Я дотронулся до него, чтобы успокоить.

— Мы пришли, Гней Клавдий, потому что кто-то совершил неприятный поступок в моем поместье. Нарушил божественный и людской закон.

— Если боги и оскорблены, то только потому, что плебей, выскочка из Рима, завладел собственностью, которая в течение долгих поколений находилась в руках моей семьи! Тебе, возможно, следовало вспомнить об этом, прежде чем заявляться ко мне.

— Папа, мы не потерпим этого, — прошептал Метон.

— Тише! Ты признаешь свою ответственность, Гней Клавдий?

— За что?

— За то осквернение, о котором идет речь?

— Я не понимаю, о чем ты говоришь. Но если что-то произошло в твоём поместье, то это приятная новость для меня. Продолжай. Ты забавляешь меня, плебей.

— А ты меня нет, Гней. А также та выходка, сделанная несколько дней тому назад.

— Хватит с меня загадок! Говори ясней!
— Я говорю о трупе, который ты закинул в мой колодец.
— Что? Ты перегрелся на солнце, Гордиан. Если хочешь стать настоящим фермером, то следуй моему совету: носи шляпу.

— Так ты отрицаешь?
— Что за труп? Какой колодец? Ну-ка, юнец, похлопай своего отца по спине, а то он заговаривается.

Метон, казалось, едва сдерживается. Я заметил, как он судорожно вцепился в поводья, как побледнели суставы его пальцев.

— Я говорю о трупе твоего раба, Форфекса. Ты будешь отрицать и то, что убил его несколько дней назад?

— Зачем мне отрицать? Он долгое время был моим рабом, а до этого служил у моего отца. Я имею полное право убить его. И пусть поразит меня Юпитер, если он не заслужил смерти!

— Ты нечестив, Гней Клавдий.

— А ты дурак и выскочка, Гордиан Сыщик. Нашел труп в колодце, ну и что? Тем лучше. Но не рыскай тут и не обвиняй меня почему зря. Я к этому не имею ни малейшего отношения.

— Но ведь это тело Форфекса.

— Не может быть. Рабы мои сделали так, как я распорядился. Уж поверь, что они слушаются моих приказаний!

— Пусть так, но тело все равно оказалось в моем колодце.

— Но это не Форфекс.

Форфекс, наверняка.

— Как будто ты бы узнал Форфекса, будь он даже жив. Ах, ну да, ты ведь тоже присутствовал при том, как он показывал дорогу к шахте твоему дружку, не так ли?

— Я? Присутствовал?

— Форфекс признался мне впоследствии, он вспомнил, что одного из незнакомцев звали Гордиан, хотя тогда, в сумерках, я тебя не распознал. А то, несомненно, приказал бы выпороть.

— Ты щедр на угрозы, Гней Клавдий. Ты, должно быть, даже гордишься, что убил беззащитного раба. Почему же ты стесняешься признаться в том, что сбросил его в колодец?

— Потому что я туда его не бросал! — крикнул он.

Собаки вновь завыли и залаяли.

— Если бы это был не Форфекс, а кто-то другой...

— Почему ты так настаиваешь на том, что это был Форфекс? Покажи мне его тело, докажи...

— А если да, то ты признаешься?

— Нет, я просто должен удостовериться, что это действительно Форфекс.

— Но как я могу доказать, если ты сам позаботился, чтобы я не опознал его по лицу?

— Что ты хочешь этим сказать? Да, я здорово избил его, но узнать его можно. Ты ведь и сам узнал его, если уж утверждаешь наверняка, посмотрел на лицо и...

— Я этого не говорил.

— Откуда тогда тебе известно, что это он? — закричал Гней в ярости.

— У меня свои доказательства.

— Какие же? Ты что, снова побывал в моих владениях, разговаривал с моими рабами? — Он так яростно прищурился, что я не смог смотреть ему прямо в глаза. — Откуда тебе известно, что я его убил? Кто сказал тебе? Кто посмел?

— Мне также известно и о другом теле, — сказал я, отчасти чтобы сменить тему, а отчасти чтобы посмотреть на его реакцию. Потом я перевел взгляд на Арата, который все это

время сохранял бесстрастное выражение лица. Он не обменялся ни единым взглядом с Гнеем; если они и были каким-то образом связаны, то очень хорошо скрывали это.

— Какое еще тело? — вскрикнул Гней.

— Слишком быстро ты заявляешь о своей невинности — и подтверждаешь свою вину. Ты знаешь, о чем я говорю. Более того, у меня есть доказательства, и ты пожалеешь о своей дерзости.

Гней гордо вскинул голову и принял неустрашимый вид. Плюнул на землю и протянул обе руки.

— Ты сошел с ума, это очевидно. Ты совсем ничего не соображаешь и даже угрожаешь мне возле моего дома. Убирайся! Убирайся и скорей отсюда, или я спущу собак! Они в мгновение ока стащат человека за ногу с лошади, вцепятся ему в горло и перегрызут его. Если не веришь, то можешь сам очень скоро убедиться. И ты знаешь, что мне ничего не грозит, пока ты находишься на моей земле. А теперь убирайся!

Я посмотрел на него очень пристально, потом повернул лошадь.

— Но, папа... — запротестовал Метон.

— Нам больше нечего здесь делать, Метон, — сказал я спокойно. — Мне кажется, он не шутит насчет собак. Поедем отсюда.

Он нехотя повернулся, в последний раз посмотрев на Гнея Клавдия. Арат с другими рабами был уже на дороге. Я пустил лошадь галопом, проехал по мосту, миновал хижину пастухов, лесистую местность. Солнечные зайчики прорывались сквозь листву и весело освещали мое лицо, но на душе у меня было безрадостно, пока мы снова не выехали на открытую Кассиа-нову дорогу.

Метон скакал позади меня.

— Но, папа, мы уехали до того, как Гней Клавдий признал свою вину!

— Долго же нам пришлось бы ждать, что он признается в том, чего не совершал.

— Я не понимаю.

— Ты собственными глазами видел его, Метон, и слышал собственными ушами, как он говорит. Ты думаешь, ему что-то известно о трупе в колодце?

— Ведь он же признался, что убил Форфекса!

— Без всякого колебания, что делает его дальнейшее отрицание даже более убедительным. Я верю ему — он действительно ничего не знает о колодце. Он убил Форфекса, приказал своим рабам распорядиться телом, и дело с концом. Ты, вероятно, заметил, что я ни разу не сказал об отсутствии головы у трупа, хотя и намекал на это. Он не обратил на это внимания. Думал, что мы опознали тело по лицу, а не по родимому пятну.

— Но он мог и лгать.

— Не такой уж он актер. Все сразу видно по его лицу. Мне знаком такой тип людей. Он воспитан в той среде, в которой не слишком заботятся о вежливости, а все внимание уделяют преимуществам патрициев над простыми людьми. Он может бесстыдно угрожать другим, поскольку считает это своим правом по рождению. Он не благочестив, но и не предатель и не лгун, ему незачем врать, потому что он не стыдится своих действий, какими бы они ни были. Он всегда поступает по-своему и не стесняется этого. И ему всегда удается это.

— Ему, однако, не удалось удержать нас от посещения его поместья.

— Да, но он на самом деле угрожал нам. А если он так разгневался, то уж, без сомнения, признал бы свою вину, не так ли? Он бы даже похвастался своим поступком; он ведь жестокий человек, обращается со своими рабами как с собаками. Нет, тот, кто подкинул нам Немо и Форфекса, обладает изощренной фантазией и редкой проницательностью, чего не скажешь о Гнее Клавдии.

— Да, но ведь перед тем, как уехать, ты напрямую обвинил его, сказав, что и Немо — дело его рук. Если ты уверен, что он не врет, то почему ты сказал, что у тебя есть доказательства?

— Просто так, заключительная риторика, чтобы удостовериться наверняка, что ему ничего не известно. Нет, Гней не виновен. Он действительно убил Форфекса, и Немезида отомстит ему за это. Я верю твоим словам о том, что у Форфекса было родимое пятно и что именно он оказался в нашем колодце. Но до этого он успел пройти еще через одни руки.

— Чьи руки, папа?

— Не знаю. Возможно, мы никогда этого не узнаем, если не случится нечто из ряда вон выходящее.

По его лицу я догадался, что такая мысль ему не нравится. Я и сам был недоволен сложившимися обстоятельствами, но с годами приучил себя сдерживаться.

— Но мы все равно должны обвинить его, — сказал Метон.

— е стоит обременять Волумена. Сам знаешь, как он затянул наш спор с Публием Клавдием по поводу реки. Зачем же заводить дело, если у нас нет никаких доказательств?

— Но они у нас есть!

— Безголовый труп с родимым пятном? Признание пастуха, который никогда не пойдет на то, чтобы свидетельствовать против своего хозяина? Полнейшее отрицание Гнея Клавдия? Признание старого раба, которому почудился всплеск воды однажды посреди ночи, когда он встал помочиться? Нет, Метон, у нас нет никаких доказательств. Конечно, мы могли бы подкупить судей, как иногда поступают в Риме, когда улики недостаточно, но я к этому не склонен. Не верю я, что Гней Клавдий виновен.

— Но, папа, ведь кто-то же сделал это! И нам нужно узнать кто.

— Терпение, Метон, — вздохнул я устало, думая о том, смогу ли я сам смириться с тем, что так много тайн остается нераскрытыми. Люди все-таки приучаются со временем жить среди неизвестности, в страхе, хотя и говорят, что такая жизнь им невыносима. Но они привыкают и продолжают жить, пока бьется их сердце.

Арат дал мне практический совет, как очистить колодец. Ему случалось видеть, как поступали другие в тех случаях, когда в колодец забирался крот или кролик. Ему казалось очень важным, чтобы Форфекса как можно скорее похоронили. Тогда его останки будут почивать в земле, и лемур его не будет беспокойно метаться по поверхности. Он скорее пойдет к водопаду, а не будет оставаться на неизвестной земле. С таким мнением согласились и суеверные рабы. Верил ли сам Арат этому, я не знаю, но он был уверен в практической стороне вопроса — рабы оставят свои страхи.

Но был еще загрязненный колодец — существуют лемуры или нет, но мертвое тело на самом деле плавало в воде и изрядно испортило ее. Можно заболеть, попив такой воды, или даже умереть. Арат считал, что со временем колодец сам очистится, а пока предложил бросать туда раскаленные камни, чтобы вода как следует прогрелась. Мне это показалось подобным тому, как к ране прикладывают раскаленное Железо — по аналогии. К колодцу, по видимому, это не имело ни малейшего отношения, но я согласился.

А пока у нас оставалась вода в бочках, да и речка не совсем пересохла. Но сухие дни были еще впереди.

Большая часть сена не годилась для хранения. Нам угрожала засуха. Мне казалось, что еще одно такое несчастье, и поместье придется продать. Для людей богатых поместье за городом служит развлечением, и если их постигают неудачи, то это все равно, что плата за удовольствие. Но для меня поместье являлось источником средств и надеждой на будущее; неудача могла очень тяжело отразиться на моем благосостоянии. Как будто боги сговорились и решили лишиться меня наследства, дарованного мне Луцием Клавдием в щедрости своей.

Каждый день Арат давал одному из животных, обычно козленку, испить немного воды из колодца. Тот не погибал, но его начинало тошнить, что доказывало непригодность воды для питья.

Я продолжил строительство водяной мельницы. Арат приказал рабам разобрать ненужный сарайчик на строительные материалы. Вот мой старый друг Луций приятно

удивился бы!

Я со страхом ожидал приезда Каталины или хотя бы Марка Целия, но весь остаток квинтилия и большую часть секстилия меня никто не тревожил. Я приказал рабам дежурить по ночам, сменяя друг друга на посту, как в военном лагере. Помогало ли это на самом деле или нет, но больше никаких безголовых трупов я не находил. Однако случилось кое-что еще. Прошел почти месяц со дня возвращения из Рима. День выдался очень хлопотливым. Мы как раз достигли важного этапа в строительстве мельницы; колеса не хотели вертеться, хотя я несколько раз все рассчитывал. А ночью зашумел гром, дождя не было, но ветер раскидал ветви деревьев и разный мусор по всему поместью. Целый день рабы устранили беспорядок. Когда наступило время сумерек, я решил, что смогу немного отдохнуть в библиотеке, но на пороге неожиданно появился Арат.

— Я не хотел вас беспокоить, думал, что само пройдет, но поскольку становится все хуже и хуже...

— В чем дело?

— Клемент. Он очень болен. Он и раньше жаловался на боли, но они со временем проходили, и я не видел причин беспокоить вас. Но сейчас ему стало хуже. Возможно, он даже умрет.

Я последовал за Аратом к навесу, где по ночам спал Клемент, да и днем также дремал. Старик лежал на соломе, крепко прижав колени к груди, и тихо постанывал. Щеки его горели, но губы были синими. Склонившаяся над ним рабыня время от времени смачивала его лицо влажной тряпкой. Порой его схватывали судороги, а потом отпускали, и он начинал тихонько скулить.

— Что с ним? — прошептал я.

— Точно не знаю, — ответил Арат. — Утром его тошнило. Теперь же он не может глотать и с трудом говорит.

— А другие рабы не жалуются? — спросил я с тревогой, ожидая нашествия заразной болезни, что означало бы конец всем моим планам.

— Нет. Возможно, это от старости, — сказал Арат, тоже переходя на шепот. — Такие грозы и непогоды, как вчера, всегда доставляют неприятности людям его возраста.

В это время Клемент задрожал и замер. Он открыл глаза, в которых отражалось скорее удивление, нежели боль. Он раскрыл рот и испустил долгий стон. Потом женщина дрожащими руками дотронулась до лба. Глаза его оставались неестественно открытыми. Женщина отдернула руку и вся сжалась. Клемент умер.

Он был стар, это правда, а старики могут умереть от многих причин естественной смертью. Но у меня не выходило из головы то, что именно он вспомнил о всплеске в колодце и признался, что видел неясную тень той же ночью.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Водяная мельница никогда не заработает. Я горестно повторял про себя, что инженер из меня просто никакой — даже меньше, чем просто крестьянин, и неудивительно, что все мои труды оказались напрасными. Я постарался упростить модель — построил подобие мельницы из деревянных палочек, и она работала вполне прилично. Даже Арат, который никогда не стеснялся высказать критическое отношение к моим затеям, признал, что моя конструкция сможет работать. Но когда я заставил рабов вращать основное колесо (ведь в секстилии слишком жарко, и воды в реке недостаточно), то оно повернулось всего лишь на несколько градусов и остановилось. В первый раз рабы продолжали толкать колесо, пока две деревянные оси не треснули со страшным грохотом. Во второй раз я был более осторожным, но мельница все равно не захотела работать.

Она снилась мне даже ночью. Иногда она представлялась мне такой, какой и должна

быть, — вертелись колеса, жернова перемалывали зерно, в мешки сыпалась мука; иногда — в виде чудовища, злобного, давящего рабов своими механизмами и плюющего кровью.

Почему столько времени и мыслей я уделяю постройке мельницы? Я повторял себе, что это мой дар благодетелю — Луцию Клавдию. Знак того, что я не просто живу на подаренной мне земле, но и сознательно пытаюсь усовершенствовать хозяйство. Это и вызов Публию Клавдию, который хочет лишить меня прав на реку. Все это правда (как и то, что мельница будет ценным сооружением на моей территории), но она также служила мне и развлечением. Тайны Немо и Форфекса оставались неразгаданными. Вместо того чтобы ломать голову над ними, я беспокоился о своих неудачах в строительстве; вместо того чтобы приняться профессионально распутывать таинственные события, что доставило бы мне удовлетворение, я довольствовался конструированием. Одержимость техническими планами позволяла мне забыть и об испорченной воде в колодце, и о сгнившем сене.

Но все эти неприятности были ничто по сравнению с тем, что ожидало нас всех — не только в Этрурии или в Риме, но и по всей Италии. Я могу повторять, что у меня совсем нет предчувствия катастроф, но это неправда. Человек, повернувшийся к огню спиной, может утверждать, что не видит огня, но он чувствует его тепло; он видит его отсветы на окружающих предметах и свою тень перед собой. Я предчувствовал, до чего может довести борьба между Каталиной и Цицероном, поэтому предпочел беспокоиться по поводу мельницы.

В конце секстилия Диана праздновала свой седьмой день рождения. Дни рождения девочек не так уж часто празднуются среди римлян, но двадцать шестой день секстилия, за четыре дня до сентябрьских календ, вдвойне значим для нас: в этот день не только родилась Диана, но и Марк Муммий спас из рабства Метона. Мы всегда в семье отмечали этот праздник, готовили угощение; Вифания загодя дала необходимые указания Конгриону. Экон с Мененией должны были нанести нам ответный визит.

Они приехали в повозке до праздника, вместе с Билбоном и пятью другими рабами. Как я заметил, это были самые сильные из всех рабов Экона и у каждого под туникой был спрятан кинжал. Я пошутил насчет того, что он ходит с охраной, как Цицерон, но Экон не засмеялся.

— Потом объясню, — сказал он загадочно, словно я требовал серьезных объяснений. А я просто шутил.

Вифания приложила немало усилий, чтобы Менения чувствовала себя как дома, между ними, казалось, и в самом деле установились дружеские отношения. Метон с Дианой радовались приезду старшего брата. Пока все были заняты друг другом, я решил отвлечься от компании. Я разыскал Билбона, который с остальными рабами отдыхал за конюшней и играл в бабки. Билбон славился скорее своей силой, а не ловкостью, и поэтому вскоре он вышел из игры. Я подозвал его. Он последовал за мной, и мы удалились на расстояние, достаточное, чтобы нас никто не услышал.

— Мой сын окружил себя охраной, чтобы защитить двух не представляющих особого интереса людей, да еще на такой безопасной и оживленной дороге.

Билбон нахмурился и покачал головой.

— Хозяин ничего зря делать не станет, как и всегда.

— Как всегда, Билбон. Хотел бы я, чтобы ко мне вернулась прежняя наблюдательность. Почему так много кинжалов?

— Времена в городе беспокойные.

— В городе всегда было беспокойно. Мой сын во что-то ввязался?

— А разве он сам не может ответить вам?

— Если бы ты был новичком в хозяйстве моего сына, то я бы и не стал разговаривать с тобой. Но поскольку я тебя очень хорошо знаю, то тебе нечего скрывать, Билбон. Скажи правду, Экон замешан в чем-то серьезном?

— Хозяин, вы знаете жизнь. Опасности подстерегают на каждом шагу.

Я внимательно смотрел ему в глаза, зная, что меня не собьет с толку его уклончивость. Он силен как бык и предан как собака, но он не может долго скрывать что-то от постороннего взгляда. Я заметил, что его лицо покраснело вплоть до корней соломенных волос.

— У него новое дело, — признал он.

— По чьему поручению?

— Одного молодого человека, который был и на дне рождения Метона — вы видели его. Через несколько дней он пришел к молодому хозяину. С такой модной бородкой.

— А имя у него есть? — спросил я, заранее зная ответ.

— Марк Целий.

— О, клянусь Нумой, я так и знал! Они и на Экона набросили свою паутину.

Раз уж я разрушил его непрочную оборону, то Билбон решил быть со мной откровенным.

— Там что-то связанное с заговором — планы убийства Цицерона и свержения правительства. Молодой хозяин ходит по ночам на собрания — втайне от всех. Я не так уж и много знаю; я остаюсь снаружи, вместе с другими рабами и охранниками. Но на этих собраниях бывают очень большие люди — сенаторы, всадники, патриции — все те, кого в течение многих лет можно было видеть на Форуме. И Марк Целий там тоже часто бывает.

Пока он говорил, я сжимал кулаки и тихонько скрежетал зубами. Экону следовало бы лучше узнать, повторял я себе, кто его настоящий хозяин Цицерон или Катилина, прежде чем пускаться в такие авантюры. Одно дело — расследовать обстоятельства обыденного убийства или спора о собственности; другое дело — очертя голову бросаться в дьявольскую игру Цицерона и Катилины. Это не просто грозит ему невероятной опасностью; кроме того, я учил его быть сыщиком, а не шпионом. По моему мнению, почетно находить истину и предоставлять ее на всеобщее обозрение, но недостойно честного человека прятаться и шептаться по ночам.

До меня дошло, что у Экона могло не оказаться другого выбора. Мне представилось безголовое тело, появившееся в римском доме, и я сжал тунику Билбона.

— Ему угрожали? Запугивали? Его заставили бояться за Менению, за всех нас?

Билбона поразила моя настойчивость.

— Мне так не кажется, хозяин, — сказал он спокойно. — Марк Целий пришел к нам вскоре после того, как вы уехали из Рима. Все было очень по-дружески — молодой хозяин похож на вас, он тоже не любит работать с неприятными людьми. Мне кажется, он охотно согласился на предложение Целия. Если и были угрозы, то о них мне ничего не известно.

Слышать, как такой гигант разговаривает с тобой успокоительным тоном, было абсурдно. Не менее дикими казались мои сжатые пальцы, вцепившиеся в его тунику, словно ручки испуганного ребенка. Я отпустил его и сделал шаг назад.

— Следи за тем, чтобы остальные всегда имели при себе кинжалы, даже когда играют, — сказал я. — И прикажи кому-нибудь следить за Кассиановой дорогой. Если Экон считает нужным иметь охрану, то я ему доверяю. Но он должен знать, да и ты тоже, что здесь не безопасней, чем в городе.

Я долго бродил по поместью и пытался собраться с мыслями. Вернувшись в дом, я застал всю семью в атриум — они спасались от полуденной жары. Вифания с Мененией лежали на подушках лицом друг к другу; Диана сидела скрестив ноги на полу возле них и играла с куклой; Экон с Метоном сидели на скамейке возле бассейна. На полу лежала игра, которую мне однажды подарил Цицерон, под названием «Слоны и лучники». Очевидно, они уже закончили играть, поскольку бронзовые фигурки лежали кучей на одной стороне. Когда я к ним подошел, то услышал, как Метон говорит о Ганнибале.

— О чем вы разговариваете? — спросил я насколько возможно беззаботным голосом.

— О вторжении Ганнибала в Италию, — ответил Метон.

— Вместе со слонами, — добавил Экон.

— На самом деле слоны не дошли до Италии, — сказал Метон, поворачиваясь к Экону. Ему доставляло большое удовольствие играть роль учителя своего старшего брата. — Они умерли среди снегов, во время перехода через Альпы. И люди Ганнибала тоже умирали десятками тысяч. Не помнишь разве, что несколько лет тому назад, когда я впервые приехал в Рим, один из магистратов устроил зрелище в Большом цирке — про то, как Ганнибал пересекал Альпы. Из всякой грязи и мусора устроили маленькие горы и овраги. Снег изображали белыми полотнищами, а снизу прятались рабы с веерами, чтобы развеять его. Но слоны были настоящими. Их и не убивали, просто научили ложиться на бок и замирать. — Улыбка его погасла. — Один из рабов, изображавший карфагенского солдата, попал под слона, и его раздавило. Так ужасно — красная кровь на белом снегу, — ты не помнишь, Экон?

— Да, помню, конечно.

— А ты, папа, помнишь?

— Смутно.

— Так что, Экон, как говорит Марк Муммий, победа в сражении зависит не только от численности войск, храбрости и тактики, но и от внешних условий — дождя, снега, болотистой местности, неожиданного урагана. «Слоны и солдаты, конечно, важны, — говорит он, — но люди сражаются, и битва зависит от них, а погода от богов». Ты как-нибудь поговори с Муммием на эту тему. Он все знает о великих полководцах и известных сражениях.

Я покачал головой.

— И как это вы заговорили о Ганнибале? Ах, ну да, вижу, вы играли в «Слонов и лучников».

— Да, папа, — отозвался Экон. — Метону очень нравится военная история.

— Неужели? Ну ладно, оставьте на время разговор о битвах. Экон, мне нужно с тобой поговорить о мельнице.

Экон пожал плечами и встал. Метон тоже хотел было встать, но я помахал ему рукой.

— Оставайся здесь. Займись Мененией, проследи, чтобы твоя сестра не слишком ей досаждала. Ты и так, вероятно, устал от мельницы.

Метон хотел что-то сказать, но передумал и опустил глаза. Он снова сел на скамейку и принялся играть бронзовыми фигурками.

— Его действительно привлекает все, связанное с армией, — сказал Экон, пока мы шли к речке. — Я даже и не знаю, откуда у него такой интерес. Мне кажется, ему всегда нравился Марк Муммий...

— Давай поговорим о другом; чем ты, например, занимался в последнее время?

Экон вздохнул.

— Я так и думал, что ты неспроста позвал меня посмотреть на свою мельницу. Кстати, как она?

— Неважно. Это такая же неудача, как и все то, что происходит в поместье.

— Что, дела идут плохо?

Мы дошли до мельницы. Я нашел тенистое место и жестом предложил Экону прилечь рядом со мной. Вместе мы смотрели на грязь и узкую полоску воды посередине.

— Сначала я поведаю тебе о своих событиях и опасениях, — сказал я. — Потом ты мне все расскажешь.

Я подробно рассказал ему все, что происходило в поместье за время его отсутствия, — то, как мы обнаружили труп Форфекса, о загрязнившемся колодце, о встрече с Генеом Клавдием, о смерти Клемента.

— Папа, ты бы дал мне знать обо всем. Написал бы мне письмо.

— А тебе следовало написать мне о встрече с Марком Целием.

Экон искоса бросил на меня подозрительный взгляд.

— Я узнал об этом от Билбона, — объяснил я. — Нетрудно было догадаться.

— Признаюсь и я — мне уже известно о теле в колодце.

— Но как...

— Метон рассказал мне. Большую часть.

— И ты вновь выслушал меня, как будто ничего не знал!

— Я хотел послушать, как рассказываешь ты, с начала до конца. Метон говорил слишком прочувствованно, а ты довольно последовательно. Метон очень гордится, что опознал Форфекса по родимому пятну на руке. А ты почти ничего не сказал об этом в своей версии.

— Правда? Метон, пожалуй, и сейчас считает, что виноват Гней Клавдий.

— Он склоняется к этому мнению.

— Даже если бы это и был Гней Клавдий, то у меня нет против него никаких доказательств. Но ему известно, что мы его подозреваем. Я ведь напрямую сказал ему, что он виновен и что это бесспорно. Впрочем, я не только об этом хотел поговорить с тобой...

— Папа! Ты так ведешь себя, как будто ничего особого не случилось — подумаешь, нашли безголовый труп! На этот раз это не просто угроза, а намеренная порча имущества. Мне кажется, если эту загадку никто так и не разрешит, то тебе следует вместе с семьей переехать в Рим.

— Экон, мы уже говорили на эту тему, — сказал я нетерпеливо. — На всех нас не хватит места, да к тому же мне вовсе не нравится жить в городе. Я могу предложить и тебе покинуть Рим и жить у нас в поместье. Все лучше, чем работать на Марка Целия. Почему ты позволил ему вовлечь себя в заговор Каталины и его дружков? Ты разве не понимаешь, что это опасно?

— Папа, я работаю на консула Республики.

— Слабая защита, если что-то обнаружится; ведь тебя могут убить прямо на тайном собрании, если узнают, что ты шпион. И чем тогда Цицерон поможет тебе?

Экон в задумчивости щипал себя за нос.

— Я знаю, что ты невысокого мнения о Цицероне в последнее время, папа. Мне кажется, что ты полностью потерял уважение к нему после того, как он выиграл на выборах. Но ты должен поверить, что с друзьями он честен.

— Не говори только, что ты следишь за Каталиной всецело из дружеских чувств.

— Почему, папа? Я делаю это за деньги. Это ты соглашаешься по дружбе.

В его голосе зазвучали строгие нотки, которых я до этого не слышал. Никогда еще между нами не было серьезных споров, и я вдруг понял, что мы находимся на пороге первого из них. Я отвернулся и глубоко вздохнул. Экон сделал то же самое.

— Мне кажется, что мое волнение до некоторой степени пройдет, если ты расскажешь мне все обстоятельства, вовлекшие тебя в это дело, — сказал я наконец. — Чего добивается Каталина?

— Правда то, что говорит Марк Целий: Каталина со своими сообщниками замышляют осуществить переворот. Они надеялись выиграть выборы, тогда перемены начались бы сверху, Каталина использовал бы свое положение консула и полагался на друзей в Сенате; вместе бы они все осуществили путем радикальных реформ или посредством гражданской войны, если бы реформы не удались. Каталина предпочитал этот путь. Кажется, он всерьез надеялся на свое избрание. Но теперь ему осталась только возможность вооруженного восстания. Каталина колеблется. Оказалось, что со всех сторон его подстерегают трудности.

Сочувствую я ему, — заметил я слегка иронично.

— Ну так вот, заговорщики пока ничего противозаконного не совершили, по крайней мере, их не в чем обвинить. Они ничего не записывали. Они встречаются тайно, *sub rosa*,³ как

3 Под розой (лат.).

говорится. Каталина довольно буквально отнесся к этому выражению, — улыбнулся Экон. — Он в действительности подвешивает розу в той комнате, где собираются его друзья, чтобы напомнить им, что роза символизирует тайну и что ни одно слово не должно достичь посторонних ушей. Но Цицерону все известно.

— Потому что ты шпионишь за ними.

— Не я один. Я, к тому же, не член самого близкого кружка Каталины. Я принадлежу к кругу тех людей, которым он доверяет и кто может быть полезен ему, когда наступит время. Но при этом я многое знаю и умею отличить правду от досужих домыслов, ходящих повсюду по поводу их заговора. Эти люди поверили в собственные фантазии. Иногда мне кажется, что они вовсе не видят никакой опасности.

— Только Цицерону не говори об этом! Не такое мнение он ожидает услышать.

Экон вздохнул.

— Папа, ты безнадежно циничен.

— Нет, я просто описываю Цицерона. Разве ты не видишь, что ему представляется возможность сыграть грандиозную роль? Если ему покажется, что государству ничего не грозит, он еще что-нибудь выдумает.

Экон заскрежетал зубами. Мне показалось, что мы опять подошли к грани спора. Я решил пойти на попятную.

— Расскажи мне подробности, — сказал я. — Кто эти заговорщики, знаю ли я их? Кто еще работает на Цицерона?

— Ты и в самом деле хочешь, чтобы я рассказал? Мне казалось, что ты не желаешь вмешиваться в политику, что ты умыл руки.

— Лучше знать, чем не знать.

— Но тайны опасны. Кому они становятся известны, на того ложится груз в полной мере. Ты действительно хочешь возложить на себя такую ответственность?

— Я хочу знать, с какими людьми водится мой сын. Я хочу знать, кто угрожает моей семье и почему.

— Значит, ты отказываешься от своего неучастия? Значит, ты не желаешь больше прятать голову в песок, как страус?

Я вздохнул.

— Перья страуса высоко ценятся, но их легко сорвать. Голова в песке лишает его способности передвигаться и защищаться.

— И оставляет снаружи длинную шею, которую так легко перерезать кинжалом, — сказал Экон.

— Умное замечание.

— И еще более меткая метафора.

Мы оба рассмеялись. Я сжал его руку.

— Ах, Экон, ты говоришь, что эти заговорщики обманывают себя, но я сам заблуждался, думая убежать от Рима. Никто не может уйти от него! Спроси любого раба, который убежал до Геркулесовых Столпов или до парфянской границы и которого привезли обратно в клетку. Все мы рабы Рима, вне зависимости от своего положения и вопреки тому, что говорят законы. И только одно делает человека свободным: истина. Я хотел повернуться спиной к истине, думая, что таким образом мне удастся избежать Судьбы. Но человек не может отвернуться от себя самого, от собственной натуры. Всю жизнь я искал справедливости, зная, как нелегко ее добиться; иногда, если мы не можем добиться справедливости, то стоит хотя бы поискать правду и довольствоваться ею. Теперь, мне кажется, я и о справедливости забыл, и даже потерял способность обнаруживать истину. Но не стоит отказываться от поисков.

Я вздохнул и закрыл глаза — на них падали солнечные лучи, проникающие порой сквозь листву.

— Тебе понятен смысл моей сумбурной речи, Экон? Или я слишком стар, а ты слишком молод?

Я открыл глаза и увидел, что он широко улыбается.

— Папа, мне кажется, что порой ты забываешь, насколько мы похожи.

— Возможно, особенно когда мы далеко друг от друга. Когда ты со мной, мне лучше, я чувствую себя сильнее.

— Для сына больше и мечтать не о чем. Хотел бы я, чтобы ты так думал и по отношению...

Его голос дрогнул, и я понял, что он имеет в виду. С нами не было Метона, оставшегося в саду вместе с матерью и сестрой. Ему снова не доверяют.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

— Итак, — сказал я, усаживаясь поудобнее, — расскажи мне все, что тебе известно о Катилине и его сообщниках.

Экон посерьезнел.

— Я сознаю бремя ответственности, — сказал я.

— Я думаю не только о тебе, но и себе. Если хоть слово достигнет ушей Катилины, то виноват буду я...

— Ты ведь понимаешь, что вполне можешь мне довериться.

Он вздохнул и положил руки на колени. Я словно смотрелся в зеркало — настолько эта поза была мне знакома.

— Хорошо. Для начала, их больше, чем тебе кажется. Цицерон и Целий всегда говорят, что их легион, но ты считаешь, что Цицерон часто преувеличивает.

— Цицерон? Преувеличивает? — пошутил я.

— Да-да. Но в этом отношении он прав.

— И что все эти заговорщики собираются делать?

— Возможно, это не совсем еще ясно и им самим, но в их планы наверняка входит вооруженное восстание и смерть Цицерона.

— Так ты хочешь сказать, что все эти пластины, доспехи и охранники неспроста? Мне казалось, что их основная цель — запугать избирателей.

— Я не уверен, что Катилина собирался убить Цицерона до выборов, по крайней мере, он не готовил никаких конкретных планов убийства. Если бы Катилина выиграл на выборах, все пошло бы по-другому. Но теперь конспираторы сходятся в одном — нужно устранить Цицерона, во-первых, из мести, во-вторых, в назидание другим, кто захочет служить оптиматам.

— И кто эти люди? Назови их.

— Сам Катилина, конечно, в первую очередь... Потом молодой человек, который сопровождает его повсюду, по имени Тонгилий.

— Я знаю его. Он и у меня побывал. Кто еще?

— Самый главный после Катилины — Публий Корнелий Лентул Сура.

— Лентул? Лентул-«Ноги»? Не тот ли старый негодник?

— Тот самый.

— Да, Катилина выбрал довольно колоритную фигуру для своего окружения. Тебе знакома его история?

— Все из круга Катилины знают. И, как и ты, улыбаются при воспоминании о ней.

— Да, он умеет внушить очарование, не стану отрицать. Шесть-семь лет тому назад, как раз после того, как его выгнали из Сената, мне пришлось иметь с ним дело. Все вокруг кричали «подлец», но мне он не переставал нравиться. Мне кажется, что многие сенаторы тоже испытывали к нему симпатию, даже когда голосовали за исключение его из своих рядов.

А кто-нибудь называет его «Ноги» в глаза?

— Только приятели-патриции.

«Сура» — это прозвище, означающее «икры ног», и было оно дано Лентуру во времена диктатора Суллы, когда он служил квестором. Тогда из его ведомства исчезла довольно крупная сумма денег, и Сенат вызвал его для разбирательства. Лентул вышел на помост и в довольно развязной манере заявил, что и не собирается предъявлять никаких оправданий (оправданий никаких и не было), он просто поднял ногу и похлопал себя по икре, как это часто делают мальчишки, когда, играя, пропускают мяч. Во времена диктатора растрата денег считалась всего лишь детской игрой, к тому же он был родственником Суллы. Прозвище закрепилось за ним.

Позже его привлекли к суду за одно должностное преступление, но оправдали с перевесом всего лишь в два голоса. Тогда он жаловался, что зря потратил часть денег для подкупа судей — хватило бы и одного голоса. Он действительно негодай, как я и сказал, но не без чувства юмора.

Однако скандалы, связанные с его именем, не помешали ему добиться поста претора, а затем и консула; к несчастью, его выбрали в самое худшее время — шло восстание Спартака. Пострадал любой деятель, так или иначе связанный с властью; все принялись поносить друг друга, обвинять во всех грехах, и эта вакханалия продолжалась и после подавления восстания. Через год лишенного союзников и уязвимого для соперников Лентула исключили из Сената по обвинению в недостойном поведении. И на этот раз он показывал сенаторам не ногу, а склоненную голову, но удалился с таким же презрительным выражением на лице.

Лентул не пал духом. На его месте многие бы отчаялись, сломленные таким унижением, и удалились бы от дел, он же по новой начал политическую борьбу, с самого низа, как молодой человек. Год назад он был избран претором, через десять лет после первого своего назначения, а потом добился и восстановления в Сенате. Этому во многом способствовала его наглость, но у него имелись и положительные качества — старое патрицианское имя Корнелий, слава популиста, переданная ему по наследству его дедом, погибшим шестьдесят лет назад во время антигракхианских восстаний, брак с честолюбивой Юлией, родственницей Юлия Цезаря, с которой он воспитывал ее сына Марка Антония и, к тому же, умышленно ленивый, но на самом деле довольно действенный ораторский стиль, которому его чувство юмора придавало дополнительное очарование.

— Зачем же ему добиваться переворота? — спросил я. — Он ведь все-таки снова стал сенатором. Он даже может быть избран консулом.

— Но нет никаких надежд на успешный исход дела. Теперь в его речах меньше юмора и больше горечи и нетерпения. Таков человек, которому пришлось посреди жизненного пути начинать все сначала. И сейчас ему просто не терпится поскорее добраться до желанной цели.

— Цели?

— С недавних пор его характер немного изменился: он стал верить прорицателям. Говорят, что возле него постоянно вертятся какие-то предсказатели судьбы. И они вычитали прямо из книг Сивиллы, что троим из рода Корнелиев суждено править Римом. Двоих мы уже знаем — Цинна и Сулла. А кто будет третьим?

— Значит, эти предсказатели уверяют его в том, что ему суждено стать диктатором?

— Ничего удивительного. Да, они хитры, эти пророки. Ты же знаешь, что стихи Сивиллы представляют собой акrostихи; читая первые буквы строк, можно разобрать спрятанные слова. И как ты думаешь, какое слово спрятано в тех стихах, о которых идет речь?

Я выпятил губы.

— Начинается наверняка с «эль»?

— Совершенно верно: «Л-Е-Н-Т-У-Л». И они, конечно, не сказали ему об этом

напрямик, но сделали так, чтобы он сам прочел акrostих, якобы случайно. Теперь он убежден, что боги предназначили его в правители Рима.

— Он с ума сошел, — сказал я. — Сейчас я понимаю, что ты говорил о всяких фантазиях среди этого круга людей. Да, человек, которого судьба довела до вершин власти, потом сбросила, а потом опять подняла, чувствует, что ему предназначена какая-то роль в жизни.

Я вытянул ноги и посмотрел вверх, на листву.

— Итак, значит, Лентул — те «ноги», на которых стоит Катилина?

Экон нахмурился.

— Одна из ног. Другая не такая крепкая.

— Заговор Катилины «хромает»? Прошу тебя, не надо больше загадок, связанных с телом человека!

— Есть еще один сенатор из рода Корнелиев, Гай Корнелий Кетег.

— Это не прозвище?

— Нет. Возможно, он еще слишком молод, чтобы ему давали прозвища. А то бы его прозвали «Горячая голова».

— Ты говоришь, «молод», но если он в Сенате, то ему должно быть не меньше тридцати двух.

— Едва ли. Он ведь знатный патриций, как Катилина и Лентул, у него есть возможности.

— Да уж, — сказал я, вспомнив, с каким выразительным достоинством вел себя Катилина. Ему не стоило никаких трудов сохранять уверенность в себе. «Новый человек», такой, как Цицерон, должно быть, смертельно завидует ему, ведь у него нет врожденной уверенности в своем превосходстве.

— Как и Лентул, Кетег из влиятельного рода, у которого есть связи повсюду. Но ему не хватает настойчивости Лентула, он молод, горяч, нетерпелив, говорят, даже склонен к насилию. Он не играет особой роли в Сенате, он не оратор — ему не терпится приняться за действие, слова только беспокоят его. У него, кстати, затруднения с ближайшими родственниками: в Сенате заседает и его старший брат, но он с ним даже не разговаривает. Говорят, что они не поделили наследство. Он считает, что его обманывают, и даже не столько семья, сколько Рок.

— Идеальный кандидат для революции. Если и не очарователен, то, по крайней мере, в своем уме.

— Тем не менее он убеждает некоторых. Он взывает к тем молодым людям из знатных семей, кто, как и он, ненавидит риторику, медленный ход политической жизни, кто чувствует себя обойденным оптиматом и у кого нет денег для карьеры, а добраться до власти тем не менее хочется.

Я подобрал веточку и принялся чертить на песке разные линии.

— Это самые главные заговорщики?

— Да. Лентул из-за своей настойчивости, а Кетег — из-за пыла и стремления победить.

— Это — «ноги», как ты выразился, — сказал я и начертил две линии. — А Катилина — голова. Но между головой и ногами должно быть тело. Не говоря уже о руках, пальцах, стопах...

— Мне казалось, что ты устал от метафор, связанных с организмом.

Я пожал плечами.

— Мне казалось, что я и слышать ни о ком не желаю, но тем не менее прошу тебя продолжать.

— Хорошо, тело — римский народ, конечно же. Если Катилина убедит его следовать за ним, если Лентул и Кетег помогут ему осуществить этот план, тогда тело и в самом деле найдется. А что касается рук — так это те, кто постоянно общается с Катилиной и его

друзьями — сенаторы, всадники, люди, которые некогда были богачами и надеются стать ими опять, люди, которые и сейчас богаты, но надеются стать еще богаче; обычные рядовые граждане и свободные. Некоторых привлекает сама опасность предприятия, им скучно сидеть без дела, а иным нравится Катилина. Мне кажется, среди них есть и идеалисты, которым не терпится переделать мир. Им кажется, что они могут изменить положение дел.

— Экон, ты устал, как и твой отец, и заговариваешься. Они на самом деле могут изменить положение дел, только вот никто не знает, в худшую или лучшую сторону. Назови мне имена, Экон!

Он довольно долго всех их перечислял. Некоторые имена были мне знакомы, другие нет.

— Но ты ведь знаешь, кто такие Публий и Сервий Сулла?

— Внуки диктатора?

— Совершенно верно.

— Как низко падают высоко вознесшиеся, — сказал я, цитируя восточную поговорку Вифании.

— Связь с Суллой заходит довольно глубоко. Среди приверженцев Катилины сеть старые ветераны диктатора, поселившиеся в северных областях. Многие из них жалуются на тяжелые времена, их гнетет ярмо сельской жизни, так сказать, они вспоминают походы на Восток и участие в гражданских войнах. Когда-то перед ними склонялся весь мир, а теперь им самим приходится стоять по колено в грязи и навозе. Им кажется, что Рим не заплатил им как следует. Теперь же, когда их ставленник Катилина и во второй раз не прошел в консулы, они могут решиться на борьбу. В сараях они отыскивают старое оружие; чистят свои панцири и наконечники, затачивают мечи, прилаживают новые наконечники к копьям...

— Но разве могут старые ветераны причинить большой урон? Ведь их панцири покрылись ржавчиной, не говоря уже о жире, покрывшем животы. Когда-то у Суллы была лучшая армия, пусть так, но с тех пор его солдаты состарились и ослабли.

— Их военный предводитель — Гай Манлий, старый центурион. Он один из тех, к кому ездил Катилина в Фезулы. В течение многих лет он представляет интересы ветеранов. Манлий вел их голосовать в Рим, и он же удержал их от вооруженного выступления, когда Катилина проиграл. Кровавое пролитие тогда ни к чему бы не привело; Манлий позаботился о дисциплине в рядах. У него седые волосы, но, как говорят, здоровье у него отменное, плечи как у быка, а руками он сгибает стальную полосу. Он тренирует ветеранов и тайне собирает оружие.

— Манлий и в самом деле собирается возглавить поход?

— Заговорщики в Риме думают, что да, но, возможно, это всего лишь одно из их заблуждений.

— Но они могут быть и правы. Сулла на самом деле когда-то командовал сильнейшей армией. В молодости они побеждали и грабили; теперь же они станут сражаться за свои семьи в надежде на лучшую долю. А кто еще поддерживает Катилину?

— Есть и женщины, конечно.

— Женщины?

— Определенный круг в Риме — большинство из знатных семей, которым не терпится посекретничать. Враги Катилины говорят, что он сводник, предлагает им молодых красавцев в обмен на драгоценности или на секретные сведения об их мужьях. Но мне кажется, что многие из этих женщин — образованные, богатые, ухоженные — мечтают о власти не меньше, чем мужчины, и им прекрасно известно, что обычным путем им никогда ее не добиться. Кто знает, чего им наобещал Катилина?

— Политики без будущего, солдаты без армии, женщины без власти, — сказал я. — А кто еще поддерживает Катилину?

Экон замаялся.

— Есть кое-какие слухи, толки, намеки, что в предприятие вовлечены люди и повлиятельнее Лснтула с Кетегом, даже более влиятельные, чем сам Катилина.

— Ты имеешь в виду Красса?

— Да.

— И Цезаря?

— Да, но, как я уже сказал, у меня нет доказательств. Хотя заговорщики надеются, что оба поддержат Катилину, когда он примется за дело.

Я покачал головой.

— Поверь мне, Красс в меньшей степени, чем кто-либо, надеется добиться выгоды от переворота. Цезарю он мог бы послужить лишь для достижения своих целей. Но если они участвуют в этом или просто поддерживают Катилину из тактических соображений...

— То представления о размахе меняются.

— Да, как оптическая иллюзия — низкий холм с белыми цветами превращается в высокую гору со снежной вершиной. Неудивительно, что Цицерон так беспокоится и расхаживает по городу с охраной, рассылая повсюду своих шпионов.

— Цицерону всегда известно, что творится в городе. Известно абсолютно все. Говорят, что врасплох консула не застанешь; будь то стычка в театре или драка на рынке. У него страсть собирать сведения.

— Или даже одержимость. Качество, присущее «новому человеку», ведь знати незачем проявлять бдительность для сохранения своего положения. И подумать только — началось все с меня, когда я расследовал дело Секста Росция и привлек к своей особе внимание молодого адвоката с никому не известным именем. А теперь и ты попался, — заметил я иронически. — А кто еще?

— Цицерон хитер и не желает, чтобы агенты знали друг о друге. Поскольку я обо всем докладываю Марку Целию, то только о нем мне известно наверняка...

— Если он действительно тот, за кого себя выдает.

— Мне кажется, что это правда, если только он не умнее Цицерона и Катилины, взятых вместе. Тогда Целий может быть только богом, спустившимся с небес, чтобы ввергнуть нас, смертных, в пучину бедствий.

— Даже и это меня вряд ли удивит. И вообще — все это грязно и недостойно. Хоть бы одно честное убийство за все это время.

— В такие уж времена мы живем, папа.

— Если уж мы заговорили о времени — когда нам ожидать решительных действий?

Трудно ответить. Заговор пока что слегка тушится, как похлебка на медленном огне. Катилина проявляет осторожность. Цицерон тянет время и ждет, когда его враги проявят оплошность, чтобы обвинить их наверняка. А тем временем Марк Целий сказал, что ты согласился, чтобы Катилина приехал к тебе еще раз.

— Я не давал согласия.

— Ты отказал Цицерону, когда он приходил к тебе в городе?

— И очень даже многословно.

— Для Цицерона все, что не прямое «нет», значит «да», и даже «нет» во многих случаях означает «может быть». Он, должно быть, не понял тебя. Целий просто уверен, что ты согласен продолжить свою работу. Папа, сделай то, что Цицерон просит от тебя. Катилина может и не вернуться. А если и приедет, ты просто предоставишь ему кров, и все. Это ведь очень скромная просьба. Я даже не прошу тебя примкнуть к кому-либо. Я пока что связан с Цицероном, и ты поступи так же, хотя бы прояви пассивную поддержку. В конце концов, всем нам будет от этого лучше.

— Я удивляюсь, Экон, что ты советуешь подвергнуть всю мою семью опасности только из-за какого-то неуверенного обещания, что нам потом — когда-то — станет лучше.

— Будущее уже решено. Ты ведь сам сказал, что не избавишься от опасности в любом

случае, даже если прекратишь поиски истицы, отвернешься от всех дел.

— При чем тут истина? Или справедливость? Где их найти в таком беспорядке? И как их распознать, даже если мне удастся их найти?

На этот вопрос у него не нашлось ответа, и даже возможности такой не представилось, поскольку в это время к нам подошел странно одетый посетитель. Мы оба обменялись удивленными взглядами.

— Клянусь Геркулесом, что за... — начал я, но Экон откинулся назад и засмеялся.

По травянистому склону к нам спускалась Диана, высоко подняв подбородок, с таким напыщенным видом, до которого далеко даже Цицерону. Но ее высокомерие расстроило несколько неудачных шагов — сандалии были слишком велики для ее маленьких ножек. Она взяла покрывало со своей постели и обмоталась им наподобие тоги.

— Сегодня мой день рождения! — заявила она. — Теперь моя очередь надеть тогу и совершить прогулку.

— День рождения наступит только завтра. А насчет тоги... Ведь тебе еще нет шестнадцати лет. Кроме того...

Я был избавлен от необходимости прочесть лекцию о различии между мужчиной и женщиной — появился Метон и сердито набросился на сестру:

— Мои сандалии!

Он схватил ее за плечи, поднял и достаточно грубо переставил в другое место. Диана принялась плакать.

Не обращая на нее внимания, Метон обулся, мрачно посмотрел на меня, встал и скрылся за холмом.

Тога свалилась на землю. Диана, одетая в тунику, сжимала кулачки и плакала, взяв такую высокую ноту, что мне пришлось заткнуть уши пальцами. Экон поднялся и подошел к ней, чтобы успокоить.

Где же, в самом деле, справедливость в этом мире?

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Возможно, было ошибкой не допускать Метона к нашему с Эконом разговору; с другой стороны, его детское поведение по отношению к Диане противоречило его намерениям вести взрослую жизнь. Об этом я размышлял целый день, пока Метон думал, что им пренебрегли. Экон тоже ходил задумчивый — ему не давали покоя появление трупа Форфекса и упрямство отца. Вифания размышляла о тревожном настроении мужа, а Менения просто передалась общая тревога, царившая в поместье. Только Диана, перестав плакать, пришла в радостное расположение духа. Наше беспокойство немного смущало ее, но она продолжала петь и веселиться.

День рождения прошел без особых неприятностей. Конгрион снова превзошел самого себя. Хотя мы и были в дурном расположении духа, но желудки наши порадовались. Менения привезла из Рима разнообразные подарки для Дианы: голубую ленту для волос, деревянный гребень, желто-синий шарф, подобный тому, который Менения купила для себя в день рождения Метона. Чтобы немного забыть о своих тревогах, все свое внимание мы переключили на Диану, которая сочла, что так и должно быть, поскольку у нее сегодня праздник. Ей исполнилось семь лет.

На следующий день Экон возвратился в Рим.

Оставшиеся дни секстилия прошли быстро. Не успели мы оглянуться, как настал сентябрь. В поместье закипела работа — все готовились к сбору урожая. Рабы занимались починками — за зиму скопилось много мелочей, которые не успели доделать за весну и лето. Каждый день было столько работы, что закончить ее успевали только к заходу солнца. Я больше не проводил свободное время на холме или в библиотеке; я полностью отдался

хозяйственным заботам. И мне даже становилось немного легче от них. Я не разрешил загадок Немо и Форфекса, беспокоился об Эконе в Риме, и поэтому физическая усталость служила мне отдыхом, каждую ночь я сразу же засыпал без всяких мыслей. Даже не знаю, что думали рабы о хозяине, который так себя выматывает. Мне кажется, Луций Клавдий ни одной оливки с дерева сам не сорвал. Арат, казалось, проникся ко мне уважением, да и я, работая с ним бок о бок, видя, как он командует рабами и справляется с затруднениями, приучился уважать его мнение и доверять ему.

Я также поручал часть работ Метону, чтобы он не говорил, будто им пренебрегают, но все задания оставались недоделанными. Я боялся, что поместье ему надоело или он просто наперекор отцу показывает свое безразличие. Чем больше я старался вовлечь его в управление делами, тем больше росла пропасть между нами. Он становился загадкой для меня.

Между тем наши отношения с Вифанией, наоборот, наладились. Она всегда любила теплое время года, оно напоминало ей о родной Александрии, и в сентябре она становилась более веселой и открытой. Она перестала закалывать волосы булавками и вовсе их распустила, длинные пряди спускались по ее плечам и спине. У нее стало гораздо больше седых волос, чем прошлым летом, но для меня они были все равно что блики луны на водной глади. Ей, казалось, доставляла удовольствие моя изнурительная работа, ей нравилось, как я пахну потом, какими крепкими становятся мои руки. Когда я падал в кровать без сил, она доказывала мне, что сил все-таки немного осталось. И после этого я, весь в поту и смертельно усталый, попадал в объятия сладострастного Морфея.

Речка все пересыхала, а вода в колодце продолжала оставаться зараженной, но Арат сказал, что мы протянем до дождей. Что же до сена, то я попросил Клавдию продать мне немного своего; однако, к несчастью, у нее не оказалось лишнего. Попросить других Клавдиев я, естественно, не мог. Другие крестьяне и землевладельцы в округе пока не продавали запасы, еще не решив, хватит ли им самим на зиму, или собирались продать его дороже. Я могу и попозже разрешить эту проблему, денег у меня хватит, ведь я предпочту потратиться, чем видеть, как умирает с голоду мой скот.

А тем временем меня волновала также и водяная мельница. Арат не предлагал никаких решений. Я попытался привлечь Метона, но он, услышав скептицизм в моем голосе, вовсе не проявил интереса. Для меня это поражение не так много бы значило, если бы я не посвятил эту работу Луцию Клавдию. К тому же я поведал о своих планах Публию Клавдию и предложил ему совместно пользоваться мельницей. Мне плохо становилось от мысли, что сейчас этот дурак смеется за моей спиной вместе с Манием и Гнеем.

Утром сентябрьских ид я решил съездить в ближайшую деревню. Мы сооружали новую стену вдоль конюшни, и нам требовалось несколько поденных рабочих. А в деревне был рынок, где их можно было найти. Я мог бы отправить одного Арата, но, принимая во внимание все несчастья, постигшие наше поместье, я хотел сам посмотреть на работников, узнать, из каких мест они прибыли, и понять, на что они способны, прежде чем поручать им мою собственность.

Мы с Аратом выехали верхом рано утром и вернулись через несколько часов, ведя за собой группу из шести рабочих. Они были рабами, но без кандалов, им можно было доверять, их нам предоставили хозяева за определенную плату. Я бы предпочел нанять свободных вольноотпущенников, но владелец рынка сказал, что в последнее время они редки. Сейчас даже свободные продают себя в рабство, чтобы не умереть с голоду.

Когда мы свернули с Кассиановой дороги, Арат приподнялся в седле и сказал:

— Гости, хозяин.

И действительно, в конюшне были привязаны две незнакомые лошади. Я оставил рабов на попечительство Арата, а сам поскакал дальше. В мое отсутствие главным оставался Метон; я намеренно передал ему свои полномочия, чтобы удовлетворить его гордость. Но

когда я вошел в дом, его нигде не было, он даже не пришел, когда я его громко позвал. Раб, бывший на страже — после убийства Форфекса я всегда выставлял кого-нибудь на страже, — перебежал по черепичной крыше конюшни и спрыгнул на землю.

— Где Метон?

— На мельнице, хозяин.

— А гости?

— Также на мельнице.

— Их только двое?

Он кивнул.

Я поскакал галопом, но, приблизившись к мельнице, замедлил ход. Я привязал лошадь возле самой речки, чтобы она немного попаслась и попила из луж, в которые превратился поток. Издалека я услышал знакомый голос.

Тогда наверняка неполадки вот здесь. Ну да, эти два колеса и не цепляются друг за друга, все равно что заставить спариваться козу и осла.

Тут раздался смех — смеялся Метон, да так задорно, как я давно уже не слышал. Я вошел в дверь и увидел Тонгилия, прислонившегося к стене и скрестившего руки. На его тунике лежала пыль, а волосы взъерошились от поездки. Рядом стоял Метон. Они оба наблюдали за Катилиной, который склонился над осями и колесами. Когда я вошел, все они повернулись ко мне.

— Гордиан! — воскликнул Катилина. — Что это за сооружение? Ты сам его придумал?

— Мне немного помогал Арат.

— Удивительно! Ты известен своим умом. Я-то думал, что все инженеры заняты только строительством катапульт для осады крепостей или акведуков для Сената. У тебя талант. Кто тебя научил?

— Книги и здравый смысл. Глаза и уши также помогают. Но не совсем. Ведь она не работает.

— Заработает. Загвоздка только в одном.

— В чем же?

— Посмотри сюда, на этот вал. Здесь он ни к чему.

— Что ты говоришь? — Я рассердился на его самоуверенность, но в то же время какая-то мысль смутно зашевелилась у меня в голове. Он знает, о чем говорит.

— Его нужно поставить сюда, — сказал он, указывая. — И перпендикулярно прежнему состоянию.

— Но тогда нужно все перестроить, изменить весь механизм, — сказал я, не веря в легкость решения.

— Не нужно. Два колеса могут сцепляться друг с другом и под прямым углом. Сейчас механизм может разрушиться от вращения, но если только поменять вал и колесо...

— О Геркулес! — воскликнул я, стараясь не выглядеть слишком глупым. Он совершенно прав, вне всякого сомнения. — Почему же мне раньше не приходило это в голову?

Катилина усмехнулся и положил руку мне на плечо. Его волосы тоже были взъерошены, а лицо покраснело. Он выглядел моложе своего возраста, полный здоровья и уверенности, и вовсе не походил на заговорщика.

— Ты долго обдумывал весь план, продумывал варианты, держал в голове весь механизм, и одна деталь могла не привлечь внимания. Я же приехал, сразу увидел механизм в действии и заметил, что для его совершенства не хватает лишь одного. Понимаешь, Гордиан, иногда свежий взгляд помогает правильно понять происходящее. Тебе тоже полезно иногда по-новому взглянуть на мир.

Последние слова он произнес с глубокомысленной интонацией, стараясь придать им важность. Он похлопал меня по плечу.

Я смотрел на колеса и старался убедить себя в простоте решения. Неужели у него такая безупречная логика или же он просто гений? Как он сразу смог объяснить то, что беспокоило меня месяцами? Я сердился, восхищался и сомневался одновременно.

— Ты скакал, — сказал я. — Неужели все утро, прямо из Рима?

— Нет, мы едем с севера, — ответил за него Тонгилий. Я подумал, что Катилина, должно быть, совещался с полководцем Манлием и с ветеранами Суллы.

— Твое приглашение все еще в силе? — вмешался Катилина с улыбкой. — Марк Целий уверял меня в этом.

Я вздохнул и сделал вид, что снова изучаю колеса и валы, чтобы не выдать себя.

— Ну да, конечно.

— Хорошо. Ты просто удивишься, когда узнаешь, сколько друзей неожиданно оказались занятыми и не могут меня принять после того, как я проиграл на выборах. Но у меня появились и новые друзья, так что равновесие соблюдено.

Катилина с Тонгилием удалились в дом, чтобы переодеться. Я же слишком увлекся идеей достроить мельницу. Поэтому я забросил строительство стены и заставил наемных рабочих исправлять механизм. Мы работали до самой ночи. Вифания с Дианой звали меня на обед, но я попросил их принести мне только немного хлеба с сыром.

И вот мы по-новому установили зубчатые колеса и валы. Из-за отсутствия потока главное колесо толкали рабы. Внутри мельницы механизм вздрогнул и пришел в движение. Валы закружились, зубья колес точно подходили друг к другу.

Итак, несколько последних штрихов — и у нас будет новое приспособление. Хотя толку от него пока мало, зато мое начинание окончилось успехом.

Я обрадовался даже больше, чем ожидал. На лице Арата показалась такая улыбка, какой я никогда не видал. Даже Метон прекратил дуться и радовался вместе с нами. Я посмотрел на дом, на темные окна и вновь подивился гению Катилины.

ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ

Хотя день был жарок, ночь выдалась великолепная. Я вспотел, покрылся потом и грязью. Было уже поздно, но я от восторга нисколько не хотел спать. Поболтавшись еще немного на мельнице, я послал раба с приказанием приготовить горячую баню. Так как воды у нас оставалось мало, то выглядело это чистейшим чудачеством — мы давно обходились мокрыми губками и полотенцами. Но мне нужна награда, повторял я себе.

Метон сказал, что устал и не может присоединиться ко мне; он умылся водой из кувшина и отправился спать. Когда я открыл дверь бани, меня окутало облако теплого пара. Лампа едва горела, я почти не видел лоханей, но ориентировался по звуку в трубах. Я погрузился в горячую воду и застонал от удовольствия. Мускулы мои, казалось, растворились в этой воде.

Когда я вытянул ноги, то вдруг обнаружил, что в ванне сидит кто-то еще. Я почти не удивился, зная, что Катилина наверняка придет сюда.

Мы сидели по разные стороны, лицом друг к другу. Наши икры соприкасались, но я и не думал отодвигаться. Я слишком устал. Сквозь туман я заметил, что мой гость улыбается. В руке он держал бокал вина.

— Ты не против моего присутствия? То есть в бане, я имею в виду?

— Плохим бы я был хозяином, если бы отказал гостю в таком удовольствии.

Кроме того, подумал я, Катилина заслужил этот подарок — ведь без него мне бы нечего было праздновать.

— Я услышал, как раб передал приказание, и не смог удержаться. Я так долго скакал, что у меня весь зад окаменел.

— Он вздохнул и пошевелил ногой, в результате чего она потерлась о мою.

— А где Тонгилий?

— Уже в кровати, спит, словно ребенок. Ну, как твоя мельница — работает?

— Да! Просто великолепно! Ты бы сам посмотрел.

— Победа твоя, Гордиан, а не моя. Ты должен гордиться своим достижением.

— Мне показалось, что она живая, когда мы привели в движение колеса и она заработала. Я хотел послать за тобой, но подумал, что ты уже спишь.

— Насчет этого не беспокойся. В последнее время я вовсе разучился спать. Нет времени.

— Ты что, хочешь сказать, что очень занят в последнее время? — спросил я, имея в виду, что человеку, проигравшему на выборах, всегда хватает времени для своих дел.

— Сейчас я занят как никогда в жизни. Почти так же, как если бы я выиграл выборы. Сомневаюсь, что найдется еще один человек в Риме, у которого было бы такое лихорадочное расписание.

— Одного бы я назвал.

— Консула. Да, но Цицерон может позволить себе время от времени расслабиться, закрыть глаза. Ведь у него так много вспомогательных глаз и ушей и он всегда знает, что происходит в Риме, даже когда спит.

Я внимательно изучал лицо Каталины, насколько это возможно сквозь пар, и решил, что он ни на кого не намекал, говоря о шпионах Цицерона. Наверняка эти мысли всегда его занимают, с кем бы он ни разговаривал. Круг тех, кому он мог доверять, уменьшался с каждым днем.

Мускулы мои расслабились. Сознание тоже отдыхало.

— Так значит, ты приехал с севера? — спросил я.

— Из Фезул и Арреция.

— И направляешься в Рим?

— Завтра.

Он замолчал. Вода немного охладилась. Я постучал в стенку. Появился раб, и я приказал ему подбросить дров в огонь и принести еще одну чашу с вином.

— Ты, должно быть, счастлив здесь, Гордиан, — сказал Катилина.

Его тон был слегка небрежным, как будто один усталый человек разговаривает с другим о пустяках по окончании трудового дня.

— Довольно счастлив.

— Я сам никогда не управлял поместьем. У меня их было несколько — за Римом, но я их давно распродаю.

— Это вовсе не такая буколическая мечта, которую воспевают поэты.

Он тихонько рассмеялся.

— Мне кажется, реальность не всегда оправдывает наши ожидания.

— Да, всегда есть какие-то проблемы — маленькие, большие, и их гораздо больше, чем можно было бы запихнуть в ящик Пандоры, сколько ни старайся.

— Руководить поместьем — почти то же самое, что руководить Республикой, насколько я полагаю.

Он произнес эти слова несколько горестно и жалостно.

— Смотря как измерять, — сказал я. — Конечно, некоторые проблемы одинаковы для всех людей — доверять ли рабам, как успокоить чересчур требовательную жену... Я вижу, ты улыбаешься, Катилина? Как поступать с сыном, который требует к себе взрослого отношения...

— Ах, ну да, Метон. У тебя с ним затруднения?

— С тех пор как он облачился в тогу, у нас с ним некоторые разногласия и непонимание. Он меня удивляет. Меня удивляет, сказать по правде, и собственное к нему отношение. Я уверяю себя, что он уже взрослый, но вдруг виноват и мой возраст?

Катилина опять рассмеялся.

— И сколько тебе?

— Сорок семь.

— А мне сорок пять. Вот уж действительно, сознательный возраст! Кто мы, откуда мы, куда идем? Не поздно ли менять направление? Иногда мне кажется, что труднее, когда тебе сорок пять, а не шестнадцать. Возможностей много, но большинство целей уже, и ты это понимаешь. Ты слишком стар — устаешь от собственной сообразительности и способностей, в тебе затухают страсти. Достаточно стар, чтобы видеть, насколько смертна красота. Многие друзья уходят из жизни. Мертвых больше, чем живых.

А жизнь продолжается. Одни аппетиты исчезают, но на их место приходят другие. И жизненный процесс продолжается — ешь, пьешь, занимаешься любовью, общаешься с родителями, супругой, детьми. Я не знаю, какие у тебя проблемы с Метонем, но мне кажется, что тебе повезло с ним. А мой сын... я часто мечтаю, особенно сейчас, будь он со мной...

Он не закончил речь.

Мы немного помолчали. Я почувствовал, что вхожу в знакомую роль. Со времени прошлого визита Катилина изменился, тогда он тщательно следил за тем, что происходит между нами. Теперь ему требовалось выговориться, а я, как и раньше с другими, стал слушателем, своего рода решетом, сквозь которое просеивают всю грязь, горечь и мусор, накопившиеся в Жизни. Во мне есть что-то, побуждающее людей говорить правду. Этот дар или проклятье я унаследовал от своего отца, а тот — от богов. Цицерон может говорить, что Катилина использует эту способность против меня, делая меня поверенным в своих махинациях. Но я сомневался в этом.

Сейчас его слова казались вполне искренними.

— Где ты был во время выборов? — спросил он тихо.

— Мы все собрались в Риме. У Метона было совершеннолетие.

— Ах, ну да, я помню, что Целий мне об этом говорил.

— И он впервые проголосовал.

— За меня, надеюсь.

— Сказать по правде — да. Хотя наша центурия проголосовала за Силана.

Катилина серьезно кивнул. Он не спросил, за кого я голосовал; словно и не стоило сомневаться, кого я предпочел. А что, если он спросит? Я могу ответить — «За Немо». За «никого», за безглавый труп, похороненный не так далеко от того места, где мы сидим. Я представил себе, что будет, если спросить его напрямик о Немо и Форфексе. Что бы дали эти вопросы? Если он виноват, то ни за что не признается, какие бы откровения на него ни находили. Если ему ничего не известно и я обвиню Целия, то это может скомпрометировать Целия и вызвать подозрения Катилины. А на Цицерона я даже не могу намекнуть, ведь тогда бы пришлось во всем признаться и подвергнуть опасности не только себя, но и Экона.

У меня несколько раз промелькнули в голове эти мысли, прежде чем Катилина заговорил.

— Тебя мучили когда-нибудь сомнения? Я вижу твое лицо, но достаточно смутно.

Слава богам, из-за этого пара он не разглядел тревожного выражения.

Он глотнул вина.

— Как ты думаешь, почему мы понимаем друг друга? Неужели только потому, что родились приблизительно в одно время? А что еще у нас общего? Я патриций, ты — плебей; мне нравится город, а ты покинул его ради деревни. Я стараюсь удовлетворить любую свою прихоть, а ты проявляешь сдержанность.

Я смел и резок в политике, а ты вовсе повернулся к ней спиной. Но ты также ненавидишь людей, захвативших власть в Риме, как мне говорил Марк Целий, и большего от тебя я не жду. Я благодарен тебе, что ты предоставил мне ненадолго убежище. Целий также обратил внимание на твоего сына, Экона. Ценный человек. Некоторые говорят, что такой же

сообразительный, как и отец. Оба, и Целий, и Экон, советовали мне слишком не обременять тебя, я и не буду. Достаточно того, что я сижу с тобой в бане в эту сентябрьскую ночь, пью вино, разговариваю. Не позовешь ли еще раз своего раба? Мне хочется вина.

Я понял, что это был не первый кубок; неудивительно, что он так разоткровенничался и расслабился. Я позвал раба, и тот принес очередную порцию. — Приказать подогреть воду?

— Она и так достаточно горяча, не правда ли? Я едва не сварился. — С этими словами Катилина вылез из ванны и сел на ее край, прислонившись к стене. Капельки пота блестели на его коже. Ручейки воды, освещенные лампой, сбегали по лбу и широким плечам. — Наверное, уже стоит окунуться в холодную воду.

— Сегодня холодной воды нет.

— Что? Горячая баня без холодной воды? Все равно, что любить, любить и не достигать конца.

— У меня неприятности с колодцем.

Катилина удивленно приподнял брови. Я старался уловить по его лицу, известно ли ему об этом, но ничего не смог определить.

— Пока не настанут осенние дожди, воды у нас слишком мало. В прошлом месяце колодец загрязнился.

— Как это?

Я немного замялся, но раз уж зашел разговор, почему бы не упомянуть о Форфексе и не посмотреть, как он отреагирует?

— В колодце мы нашли труп.

— Ужасно! Наверное, его пришлось вытаскивать твоему управляющему? И что же это оказалось? Коза?

— Это было не животное.

Он удивленно склонил голову и несколько раз моргнул.

Вино замедлило его сообразительность, но придало более живое выражение лицу; трудно было сказать, играет он или нет.

— Что ты имеешь в виду?

— То, что мы нашли в колодце труп человека.

— Кого-то из твоих рабов?

— Нет. Соседского раба. Ты его знаешь.

— Сомневаюсь.

— Да нет же, тебе он прекрасно известен. Это Форфекс.

Он напряженно поморщился.

— Это имя ничего мне не говорит.

— Да ты помнишь его — пастух на горе. Он показывал нам заброшенную шахту.

— Ах, да! Конечно, Форфекс. Но ты говоришь, что он мертв. Упал в колодец...

— Его обнаружили только через несколько дней.

— Не хотел бы я присутствовать при его извлечении.

Я кивнул.

— Тело распухло и уже стало разлагаться.

— Но ты узнал его, несмотря на это?

— Несмотря на что? — Я внимательно взглянул на него. Знает ли он, что у тела не было головы?

— Несмотря на то, что оно разлагалось. Мне случается иногда видеть, что бывает с утопленниками.

— Нам удалось установить его личность.

— И что же он делал в твоём поместье?

— Мне неизвестно.

— Неприятный человек этот твой сосед. Ему нужно держать своих рабов у себя во

владениях.

— Тебе было бы легче убедить в этом Гнея Клавдия, если бы ты сам прежде не пересекал его границу.

— Да, верно, пересекал, — сказал Катилина с такой искренней улыбкой, что я едва ли предполагал возможность обмана с его стороны. — И взял тебя с собой, не так ли?

Он снова соскользнул в воду и закрыл глаза. Потом он надолго замолчал, и я подумал было, что мой гость заснул, но он, открыв глаза, провозгласил:

— Слишком жарко! А холодной воды не будет. Тебе не надоело здесь сидеть, Гордиан?

— Кажется, да. Еще немного, и Конгрион сможет подать меня запеченного на стол с яблоком во рту.

— Ну тогда давай прохладимся на открытом воздухе.

— Может быть, просто вытереться...

— Глупости! Прекрасная ночь. На западе, где садится солнце, дремлет бог теплого ветра, ему снятся весенние сны; он вздыхает, и его дыхание порождает теплый ветерок. Давай прогуляемся, и пусть нас осушит Зефир. — Он поднялся и пошел к двери. — Идем со мной, Гордиан.

— Как, прямо так, без одежды? Даже не вытеревшись?

— Наденем сандалии. Вот я уже готов. И возьмем полотенца, чтобы было на чем сидеть.

Я вылез из лохани. Катилина пальцами ног подтолкнул ко мне мои сандалии. Я встал на них и завязал веревочки.

В прихожей темно, но я помню дорогу, — сказал он, открывая дверь. Потом он прошел к атрию. Я последовал за ним, обнаженный и мокрый.

Светила яркая луна, словно лампа, подвешенная над двором. Ее бледный свет отражался в водоеме и освещал колонны, отбрасывающие длинные тени. Думая, что дальше мы уже не пойдем, я посмотрел на свое отражение в воде. Вода была такой спокойной, что я отчетливо видел в ней звезды. Передо мной также предстало мое удивленное лицо — в это мгновение скрипнула дверь.

— Катилина! — сказал я.

Но он уже вышел. Я видел только руку, знаком манившую меня наружу.

«Вот это — точно глупости», — пробормотал я про себя, но последовал за ним.

Снаружи, как и предсказывал Катилина, дул теплый ветер. В лучах луны тело моего гостя казалось высеченным из мрамора. От нашей разгоряченной кожи подымались клубы пара, так что казалось, что мы идем среди облаков. Неподалеку промычали коровы в загонах и проблеял козленок.

— Катилина, куда мы идем? — спросил я.

Он не ответил, но знаком пригласил меня идти Дальше.

— Что за странное зрелище, должно быть, мы собой представляли! Я услышал шум сверху — это был раб, которого я оставил на страже. Он смотрел на нас с удивлением. А вдруг мы духи, бесплотные тени?

— Хозяин? — позвал он меня неуверенно. Я махнул рукой, но он продолжал смотреть на нас удивленно.

Мы прошли мимо загонов, мимо виноградников, достигли оливкового сада. Я больше не спрашивал Катилину. Меня зачаровал наш таинственный поход; ветерок так нежно ласкал нас.

— Это сумасшествие, — сказал я.

— Сумасшествие? Что может быть более естественным, чем прогулка на свежем воздухе? Что может быть более благочестивым по отношению к богам, чем показаться им в нашем естественном виде — такими, какими они нас создали?

Мы дошли до подножия холма. Катилина осторожно, но довольно проворно пробирался

вверх.

— Когда я был моложе, после бани я часто так гулял, даже в Риме. — Он засмеялся от воспоминания. — Ну да, на Палатинском холме, по окрестностям, обдуваемым ветром. Превосходно, не так ли? В Риме полно обнаженных статуй, и никто не чувствует себя оскорбленным, почему же возражают против нагих людей? Ни разу не было никакого скандала. Ты не поверишь, но никто даже и не пожаловался.

— Если бы твое тело было более уродливым, то пожаловались бы.

— Ты льстишь мне, Гордиан.

Мы уже были на вершине холма. Катилина отложил полотенце и встал на один из пней, чтобы оглядеться. Я посмотрел на его вздымающуюся грудь, на сильные руки, стройные ноги и плоский живот.

— Ты великолепно выглядишь, Катилина! — сказал я, смеясь и стараясь отдышаться. Я ему не завидовал, я просто смотрел. — Действительно, как статуя на пьедестале.

Мне показалось, что я немного опьянел — не столько от вина, сколько от ночной прогулки и лунного света. Я высох, но успел вспотеть от подъема.

— Ты действительно так считаешь? Мои любовницы мне говорили то же самое.

Он взглянул на свое тело, как на знакомую, но отдельную от него вещь, словно это было что-то вроде изящного кресла или картины.

— Внушительно для сорокапятилетнего мужчины.

Это была похвала, лишенная иронии и ложноймскромности, — просто бесспорный факт, само собой разумеющийся.

Под нами лежала сонная долина. У Клавдиев никаких ламп не было, да и перед моим домом горела только одна, зажженная ночным стражем. Но как же можно спать, когда луна такая яркая? Кассианова дорога алебастром извивалась у подножия горы. Черепичная крыша отбрасывала голубоватый свет. Оливковые деревья шевелили серебряными листьями; неподалеку вздохнула сова.

Катилина тоже вздохнул.

— Я никогда не ограничивал себя в удовольствиях, да и других не сдерживал. Такой вот простой жизненный принцип, не правда ли? Но даже и его использовали против меня мои враги, обвиняя во всех грехах. Ты ведь был в городе во время избирательной кампании и слышал, как меня поносили. Так, как и в прошлом году, даже значительно хуже. Если раньше Цицерон и его брат Квинт попробовали крови, то теперь им захотелось сердца.

Он сел на пень и посмотрел на долину. Когда я сказал, что он походит на статую, то говорил наполовину серьезно. Он и вправду походил на бога, особенно сейчас, с мраморным телом и серьезным лицом. Не на юношей Меркурия или Аполлона, а, возможно, на Вулкана или даже самого Юпитера, хозяина порядка, взирающего на нас с Олимпа.

— С бородой ты бы походил на Юпитера, — сказал я.

Эта мысль его позабавила. Он встал, простер вперед свою руку ладонью вниз и расправил пальцы.

— Если бы еще молнии кидать, как он. А Цицерон может — тебе известно об этом? Он указывает на толпу на Форуме, и с его пальцев летят искры. Он поражает этими молниями уши и глаза, ослепляет их, и они уже не видят правды и глухи к доводам разума.

Катилина бросал вперед руку, пародируя речи Цицерона.

— «Девственных весталок следует защитить от Каталины!» Трах! Вылетает молния, и слушатели вздрагивают. А теперь средний палец — «Катилина развращает молодежь!» Слушатели морщатся от неприятных ощущений (а может, завидуют?). Еще один палец — «Катилина — сводник матрон!» Слушатели воют. И еще мизинец — «Служа Сулле, Катилина губил добропорядочных граждан и насиловал их жен!» Слушатели дрожат от негодования. А другой рукой, другой... он возможно занимается рукоблудием — тебе не приходило это в голову?

Я громко засмеялся. Катилина откашлялся и ответил мне добродушным смехом, но потом снова предался горьким раздумьям.

— Этим враньем он раздавил меня, и толпа называет его первым гражданином Республики. Но все равно я скорее останусь Каталиной, чем буду Цицероном, — сказал он, осмотрев свои руки и опустив их. — А ты как, Гордиан?

— Ну, я тоже предпочту быть собой, чем Цицероном.

— Нет же, я имел в виду выбор — Катилина или Цицерон?

— Станный вопрос.

— Хороший вопрос.

— Ты всегда играешь в какие-то игры.

— А ты всегда уклоняешься. Ты боишься неизвестного? А нужно ли всегда знать будущее? Тогда пожалуйста — становись Цицероном!

Тень скрывала выражение его глаз, но уголки рта заметно дрожали.

— Ты знаешь, о чем я подумал? Тебе, наверное, страшно становиться Каталиной.

Он взял полотенце, расстелил его на земле и лег на него, лицом вверх, смотря на луну.

— Ложись рядом, Гордиан.

Я замялся.

— Ну давай, ложись. Посмотрим вместе на луну. Ты ведь назвал свою дочь Дианой, как богиню луны? Посмотри же на ее лицо.

Я лег рядом с ним.

— Диана — это сокращенно от Горднана, ты ведь знаешь, — объяснил я.

Все равно, намек есть. Некоторые считают неблагочестивым называть детей именами богов. Но ей подходит, мне кажется. Диана — покровительница плебеев, воодушевившая сабинянок на восстание. Богиня плодородия, рождения. Защищает тех, кто живет в горах или лесах, ей нравится все дикое. Своим светом она окутывает все в этом мире. Полежим здесь немного, почтим ее.

Мы лежали в молчании. Если не считать выкриков совы и редкого шуршания листьев, вокруг нас царила такая тишина, что я мог слышать, как бьется мое сердце. Потом Катилина промолвил:

— Могу я быть с тобой откровенным?

Я улыбнулся.

— Мне кажется, не в моей власти сдерживать тебя.

— У нас одинаковые вкусы, что касается женщин. Твоя жена Вифания — очень хороша, она напоминает мою Аврелию. Их красота немного похожа, как и их высокомерие, загадочность. Но мне кажется, мы не разделяем вкуса к юношам.

— Очевидно, нет.

— Я не могу представить, как может найтись человек, который бы не назвал Тонгилия красивым, даже Цицерон. Зеленые глаза, волосы, свешивающиеся со лба...

— Да, Тонгилий красив, — признал я.

— И ты не испытываешь никакого желания?

— Даже если бы испытывал, то это было бы бесчестно, ведь ты — мой гость, а Тонгилий — твой товарищ.

— Не играй словами, Гордиан. Мой вопрос вот какой — почему, признавая красоту, ты не охотишься за ней? Почему ты сдерживаешься?

Я рассмеялся.

— Во-первых, Катилина, как многие люди, обуреваемые страстями, ты, кажется, не можешь понять, как другие не испытывают таких же желаний.

— Неужели ты себя недооцениваешь, Гордиан? А вот Тонгилий сказал, что ты довольно привлекателен.

Я вдруг неожиданно испытал чувство гордости.

— Ты шутишь, Катилина. Тонгилий бы никогда такого тебе не сказал. Да и как вы могли об этом заговорить?

— Для меня подобные разговоры вполне естественны. О чем, кроме политики, еще говорить, как не о привлекательности других людей?

— Катилина, ты неисправим.

— Нет, скорее, слишком жаден и ненасытен, но исправим. Ты бы лучше последовал моему примеру в этом случае, как и во всех остальных.

— В каком случае?

— Не стоит бессмысленно сдерживаться, если тебя привлекают молодые и красивые юноши.

— Катилина, ты хочешь развратить меня? Я не стою твоих попыток.

— Ерунда, дело стоит того.

— Ты думаешь, что я польщен?

— Нет, благодарен и внимателен.

Я рассмеялся, удивленный, что меня увлекла эта шуточная борьба. Тут и луна влияла, конечно же, и теплый ночной воздух. И моя нагота, и мотыльки, витающие над нами, и очарование Катилины, которое только усиливалось, когда он говорил о том, чего не случится никогда.

— Знаешь, Гордиан, о чем я думаю? Мне кажется, мы во многом придерживаемся противоположных взглядов, а следовательно, дополняем друг друга. Целий говорит, что ты умеешь выуживать правду из уст других людей, что у тебя даже имя сложилось из-за этого умения; людям кажется естественным высказывать все, что скопилось у них на душе. У меня тоже дар, только в другом. Я вижу те уголки в сердцах, куда сами люди ни за что бы не осмелились взглянуть, и я им говорю, что там находится. Знаешь, что я разглядел там у тебя? Касательно этого вопроса?

— Что он забавляет тебя больше, нежели меня?

— Мне так не кажется. Я вижу в тебе чрезвычайно нравственного человека, стоящего гораздо выше мира, в котором он живет. Мы знаем, как Рим относится к вопросу любви: власть — все, она важнее любых удовольствий. И в самом деле, любовь — нечто чуждое настоящему римлянину. Это что-то восточное, упадническое, пороки египтян и греков. Мужчины обладают властью, женщины — нет.

— Кажется, речь зашла совсем о другом.

— Вовсе нет. В этом обществе любовь подавляют, все склоняется только перед силой. А любовь же сводится к умножению. Все это слишком просто, примитивно, словно и речи нет о душе, вместо нее — механизмы, похожие на твою водяную мельницу. Женщин не спрашивают, хочется им этого или нет. С другой стороны, если совокупляются с мужчиной, то считается, что этим сводят его до уровня женщины — таково всеобщее мнение, хотя за закрытыми дверями многие придерживаются другого мнения, а снаружи заботятся о своем положении в обществе. Отсюда все эти слухи о Цезаре и царе Вифинии Никоমেде — подумать только, какое неримское поведение! Но Цезарь был молод и мужествен, Никомед унаследовал восточную чувственность — и кому какое дело, было ли между ними что-то, если бы это не было поводом для придинок Цицерона. Незаконные виды любви влекут гнев богов — таков его аргумент, да и спроси старого Катона — и кто знает, как бы мы счастливо жили, если бы не недостойное поведение некоторых — таковы вот рассуждения! Греки допускали некоторое разнообразие в этом вопросе, но в основном связи между мужчинами принимали вид отношений мудрого наставника и почтительного юноши. Опять же, равновесие сил и вопрос власти. Но ведь должны быть исключения, которые не вписываются в модель «ментор-ученик».

Но у нас, римлян, увы, даже такая модель неприемлема. Мы смеемся над греками, над их пристрастием к философии и атлетическим играм. У нас отсутствуют культурные

традиции, и в этом вопросе мы должны блуждать в потемках. Обычно мы пользуемся рабынями и рабами для выражения наших страстей. Такие связи не в чести, но и не запрещены. То, что римляне вообще творят со своими рабами, не поддается никакому описанию. Девочек лишают чести, мальчишек тоже. С ними обращаются как с собаками, да и правда, что дрессированная собака на рынке стоит дороже хорошенькой девчонки или мальчишки.

Из-за таких вот обычаев и считается, что воспылать страстью недостойно настоящего гражданина. Из-за этого люди, подобные Гордиану Сыщику, ищут Других путей выражения своих стремлений. Конечно, он должен иметь половое желание, но оно идет уже не по тому пути: он женится на рабыне, тем самым подымая ее до своего положения. Его поступок — насмешка над римскими установлениями, советующими брать себе жену, равную по общественному положению, не смотря на ее красоту или уродство. Но никто и не думает о том, что он честнее по отношению к ней и вернее ей, чем девяносто девять сельских жителей из ста во всей округе! Брак по любви — это так редко и непонятно для Рима!

А что касается молодых людей, то он и помышлять не смеет о них. Или, скорее, избегает этой мысли. Он слишком уважает достоинство любого человека, даже раба, чтобы, согласно всеобщему мнению, «опозорить» его, пусть даже намеком. Вместо этого он предпочитает играть роль целомудренного учителя. Такое поведение редко, но встречается, вот почему и в тебе я распознал подтверждение некоему правилу. Гордиан не истязает и не насилует своих рабов. Он не ищет связей из своего круга на стороне. Он учит, воспитывает, «возвышает» душу своих питомцев. Его жесты благородны. Он даже подбирает уличного бездомного и мальчишку-раба и усыновляет их! Какая неслыханная семья! И в то же время он бессознательно тяготеет к молодым людям, но даже прикоснуться к ним не смеет. Страсть принимает вид сострадания. Такой человек необычен, он не вписывается в рамки обыденности, он не стремится захватить власть, не хочет даже властвовать над рабами, над женщинами и так далее. Он будет даже позагадочней Катилины!

Он замолчал. Мы лежали рядом под светом луны.

— А Катилина, — спросил я, и слова для меня самого прозвучали необычно, потому что все мне сейчас казалось очень странным, — как сам Катилина вписывается в этот мир?

— Катилина, как и Гордиан, устанавливает свои правила и следует им.

Всю ночь мы провели на холме.

Как часто и бывает после того, как распаришься в бане, потом охладишься, а потом снова устанешь после и без того тягостного дня, я заснул, совершенно не заметив как. К счастью, ночь была теплой, и утренней прохлады не было. Я проснулся до рассвета. Полотенце лежало на мне словно одеяло. Катилина ушел. И луна тоже исчезла. Небо было уже не черным, но еще и не голубым, а каким-то средним. Мелкие звезды исчезли. Над горой Аргентум мерцал Люцифер, утренняя звезда.

Я встал, прикрылся полотенцем, надел сандалии, которые ночью успел снять. Медленно спустился по холму. Спина моя болела от долгого лежания на твердой земле.

Охранник на крыше конюшни зевнул, протер глаза и моргнул, увидев меня.

— Слушай, — сказал я, — а те гости, что приезжали вчера...

— Уехали, хозяин. Забрали своих лошадей час назад. Когда выбрались на Кассианову дорогу, то повернули к Риму.

Он прикусил нижнюю губу.

— Я немного встревожился, когда увидел его одного, спускающегося с холма. Но с вами было все в порядке. Спали как убитый. Я правильно сделал, что не разбудил вас?

Я угрюмо кивнул и вошел в дом.

Вифания спала, но немного зашевелилась, когда я улегся рядом.

— От тебя пахнет вином, — пробормотала она. — Где ты был всю ночь? Случись это в Риме, я бы решила, что ты ушел к другой женщине.

— Глупости, — сказал я. — Здесь такого не бывает.
Я закрыл глаза и проспал до полудня.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Ночь, проведенная с Каталиной на холме, была одним из последних тихих мгновений перед бурей.

Сентябрь выдался сухим и теплым. Первые дни октября позолотили листья и принесли урожай. Решив загадку мельницы, я вновь принялся за управление поместьем, и работа закипела по новой. Я отвлекался незначительными делами, чтобы не вспоминать об испорченном сене и о недостатке воды, а также о растущей холодности Метона.

Катилина приезжал еще раз в сентябре и три раза в октябре. С каждым разом он привозил новых спутников, кроме Тонгилия, но не более пяти-шести человек — мощных и вооруженных охранников. Вифания не устаивала их и взглядом, они жили за конюшней и питались вместе с рабами, но не жаловались. Больше чем на одну ночь Катилина не задерживался.

С каждым визитом он становился менее разговорчивым и более отвлеченным. Мне казалось, что это молчание человека, озабоченного проблемами и временем. Приезжал он поздно днем и уезжал рано утром, уже не сидел в атрии и не ходил голым по холму, а ложился в постель после ужина и подымался с рассветом. Мне редко удавалось застать его одного, и мы уже не говорили о его планах или каких-то желаниях.

Он даже не удосужился посмотреть на водяную мельницу, хотя я его не раз звал. Мне пришлось переделать некоторые детали, и раз уж изменили весь план, то Арат тоже предложил несколько поправок. Работу выполняли отрывочно, отвлекаясь на более важные дела. К ноябрю мельница была готова, хотя проверить ее на практике предстояло только на следующий год, когда потечет река и завертится большое колесо. Однако можно было бы проверить и сейчас. Каждый день я смотрел на небо в ожидании дождя.

Ближе к самому концу октября я решил показать мельницу Клавдии. Ведь именно она рассказала мне о намерении Луция; без нее я никогда бы и не узнал об этом. Я послал гонца сообщить ей, чтобы она ждала меня на вершине холма в полдень, якобы под предлогом совместного обеда и некоторого разговора.

Я принес сыр, хлеб и яблоки, Клавдия — медовые пирожные, вино и, самое вкусное, — свежую воду. Я сказал, что пирожные и вино превосходны, но что на самом деле привело меня в восторг — так это свежая вода из ее колодца.

— Неужели у тебя все так серьезно? — спросила она.

— Да. Мы собираем воду из скудных струек, и, когда сор оседает, ее можно пить, но трудно, конечно, угодить жажду всех людей и животных. Есть также небольшой источник у подножия холма, но он течет слишком медленно; если подставить урну, то она наполняется только к концу дня. Так что для крупного скота мы используем воду из колодца, хотя от нее им становится плохо. К счастью, у нас сохранилось несколько бочек, наполненных незадолго до загрязнения, я берегу их, как серебро. Есть вино, но ведь человеку иногда хочется просто воды.

— А для уборки и мытья вода годится? — предположила Клавдия.

— Арат против этого. Но мы иногда обтираемся губками. Из-за отсутствия дождя уровень воды понизился. Вифания смазывает себя благовонными маслами. Она привередлива, словно кошка, не дай ей прилизаться, и она уже сердится. Боюсь, все мы слишком грязные. Эту тунику давно не стирали.

— Увы, но мой колодец тоже пересыхает, и воды там мало, как сообщил мне управляющий. Пожалуйста, пей всю воду, что я принесла, но смотри, не напейся допьяна, — засмеялась она. — А где, кстати, Метон?

— Он, наверное, занят. Он не захотел гулять.

— Я так давно его не видела, еще со дня рождения. Ну ладно, не буду расспрашивать, — сказала она, заметив, какое выражение появилось на моем лице. — Хотя не удивлюсь, если узнаю, что ему все меньше здесь нравится. Я же тебе как-то говорила, что ты — городской человек, это относится и к Метону. Не каждый может жить в сельской местности, особенно когда в городе таклюдно и интересно. Ну ладно, сказала, что не буду настаивать, а сама поучаю, как римская матрона.

Мы поели в тишине. Стоял прекрасный осенний День, воздух прозрачный, небо безоблачное. Пейзаж П°Д нами был раскрашен в цвета охры, серый и зеленый. Столбы дыма от сжигаемых листьев и от печей подымались прямо вверх, столбом. Сквозь кристально чистый воздух до нас доносились переключки Рабов и мычание коров.

— Разве можно такое увидеть в городе? — спросил я.

Клавдия посмотрела на пейзаж с безмятежной улыбкой.

— Твой раб сказал мне, что ты хочешь поговорить со мной.

— Да, только закончим сначала есть.

— Я уже наелась, — сказала она, засовывая свои толстые пальцы прямо в рот, чтобы удалить остатки печенья. — А тебе нужно еще догрызть яблоко.

— У нас слишком много яблок, и все мы не съедим.

— Но ведь это такая трата!

Я улыбнулся.

— Я могу скормить их свиньям на обратном пути. Когда мы будем спускаться.

— Спускаться? Куда?

— К речке.

— Ах, Гордиан, ты собираешься показать мне водяную мельницу?

— Да.

— Ты знаешь, я ведь видела, как ты ее строишь. Я не могла не заметить ее отсюда, с холма. Здание довольно привлекательное.

Я пожал плечами.

— Его сделали из кусочков других зданий. Это не храм, но смотреть на нее не противно.

— Она просто очаровательна!

— Возможно. Но гораздо важнее то, что внутри. Механизм работает по-настоящему.

— Значит, она закончена?

— Настолько, насколько это возможно без потока.

Мы поднялись с пеньков и собрали остатки еды. Я посмотрел на Кассианову дорогу, как всегда, когда уходил с холма, и заметил двух всадников, приближающихся с юга. Ничего особенного в них не было, но мне все равно стало не по себе, и, пока мы спускались, я время от времени посматривал в том направлении, насколько позволяли кусты и деревья.

Клавдию зрелище поразило, но ее чрезмерный энтузиазм казался искусственным; она к тому же совершенно не разбиралась в механизмах. Она так спрашивала о каждом колесе и вале, что было ясно — любое объяснение здесь бессильно. Когда я позвал рабов, чтобы они немного потолкали главное колесо, она встрепелась, вздрогнула и сказала:

— Ужасно! Словно огромные зубы! Как в пасти у Титана!

Хотя на самом деле она не испугалась, и видно было, что ей даже понравилось стоять рядом с мельницей. Я отнес ее высказывание на счет консерватизма, воспитанного в ней с детства. Люди ее класса не воспринимают новшеств, как в сфере общественной, так и в механизме. Ее кузен Публий совершенно ясно высказался по этому поводу: «Ну и к чему она? У меня и так рабов достаточно — сеть кому молоть муку!» Иногда мне казалось, что Клавдия более восприимчивая, а иногда — что она во всем подобна своим родственникам.

Колеса вертелись вовсю, когда я услышал голос:

— Великолепно, папа!

Я обернулся и увидел в дверях Экона, за которым стоял Билбон — они и были теми двумя всадниками на дороге.

Я радостно засмеялся и подошел к Экону, чтобы обнять его; рабы тем временем прекратили вращать колесо, и механизм остановился. Клавдия слабо улыбнулась и внезапно подпрыгнула, когда один из валов резко скрипнул.

— Ничего особенного, — сказал я, но успокоилась она только выйдя наружу.

Я отозвал всех на берег. Экон хотел еще раз посмотреть механизм в действии, но я кивком указал ему на Клавдию, дав понять, что нужно считаться с гостьей.

— Позже, пожалуй, — сказал я. — Рабы устают да и могут серьезно пораниться.

— Но как ты справился с какой-то там проблемой? Только не говори, что прозрение пришло к тебе во сне! Как ты говорил много раз в то время, когда перед тобой возникали неразрешимые вопросы.

— Не сейчас. В общем-то, здесь было совместное Решение.

— Совместное?

— Да, с одним гостем.

Я слегка выпятил челюсть, дав понять, что говорю ° Каталине.

— Ах! — Экон понял необходимость соблюдения тайны и кивнул. — Тот человек, из города.

— Да, тот самый. Но мы забываем о гостье.

Экон кивком поприветствовал Клавдию.

— Ах, Экон, как я рада видеть тебя, — заговорила Клавдия. За время нашей беседы она пришла в себя, — Какие новости в городе?

— Ну, в общем... — замялся Экон.

По его виду я понял, что именно из-за этих новостей он и приехал ко мне, но они не предназначались для чужих ушей. Он моргнул, соображая, что можно сказать при посторонних.

— На самом деле, потому я и здесь: в Риме беспокойно, как и все лето, — вы ведь должны знать.

— Ну да, мои кузены так и предсказывали после выборов, — сказала Клавдия.

— Тогда им только работать предсказателями, — сказал Экон достаточно шутливо, но Клавдия не улыбнулась, так уж на нее подействовала мельница.

— В городе говорят о вооруженном восстании, — продолжил Экон. — Цицерон добился от Сената чрезвычайных полномочий — то, что называют крайними мерами по защите государства.

— Да-да, тот самый декрет, что приняли наши предки шестьдесят лет тому назад, чтобы защитить граждан от подстрекателей Гая Гракха, — сказала Клавдия, немного смакуя свои слова.

Я степенно кивнул.

— Гай Гракх был убит в толпе, когда законы против убийств временно приостановили. А Катилину тоже ожидает подобная участь?

— Никто не знает, — ответил Экон. — Декрет составлен очень неопределенно. В основном в нем говорится, что консулу дается право смертного приговора, тогда как в обычное время это решает народное собрание. А также власть руководить армией и неограниченные средства по наведению порядка.

— Другими словами, оптиматы хитростью добились того, что должно решать народное собрание.

— Почему бы и нет, — сказала Клавдия. — Когда государству угрожает опасность, нужно принимать крайние меры. Только жаль, что полномочиями наделили Нового Человека, Цицерона, ведь его происхождение и воспитание едва ли подготовили его к такой

ответственности.

— Как бы то ни было, — отозвался Экон, — всякому известно, что от Антония никакого толка нет. А значит, все ложится на плечи Цицерона.

— Или падает в его руки, — заметил я.

Экон кивнул.

— Чисто теоретически сейчас у Цицерона больше власти, чем у кого бы то ни было со времен Суллы.

— Тогда Цицерон наконец-то добился своего, — сказал я. — Единственный правитель Рима!

— Ну, если он может избавить нас от Катилины раз и навсегда, тогда он заслуживает такой должности, — сказала Клавдия. — А какие еще новости, Экон?

— Слухи о войне. Полководец Катилины, Манлий, открыто мобилизовал свои войска в Фезулах. Также говорят о восстаниях рабов, спровоцированных, конечно же, Каталиной. Одно в Апулии, другое в Капуе...

— В Капуе? Да там же начинал и Спартак! — проговорила Клавдия с широко открытыми глазами.

Экон кивнул.

— Всем гладиаторским школам в Италии приказано сдать оружие, а рабов распродать по окрестным селам. Это было первым приказом Цицерона после того, как он принял чрезвычайные полномочия.

— Чтобы напомнить о Спартаке, — сказал я печально.

Хороший ход запугать население и заручиться его поддержкой. У всех еще в памяти беспорядки и ужасы восстания Спартака. Кто же во время кризиса откажется от закрытия гладиаторских школ, даже если он владелец, а тем временем, привлекая к ним внимание, можно взволновать народ. Также можно обвинить Каталину, сравнив его, патриция, с каким-то фракийским рабом. Я теперь начинал понимать, что имел в виду Катилина, говоря о молниях Цицерона.

— Тем временем Катилину обвинили... — продолжал Экон.

— Обвинили? В чем?

— Кое в чем более серьезном, чем подкуп или растрата. Один из оптиматов обвинил его в нарушении закона Плавта против вооруженного насилия.

— И как Катилина к этому отнесся?

— Он проявил необычную для него пассивность. Дал добровольно посадить себя под домашний арест у одного из друзей. То есть он уже не может выехать из Рима. — Экон посмотрел на меня довольно многозначительно.

— Хорошо, — сказал я автоматически, словно встряхивая руки после мытья. Новости меня взволновали больше обычного, но, по крайней мере, я лично уже не вовлечен в происходящее.

— Хорошо! — отозвалась Клавдия. — Наверное, все-таки можно решить проблемы и без кровопролития. Если Катилину осудят и сошлют в ссылку, то его банды разбредутся сами собой, лишившись руководителя. Ведь без головы тело жить не может!

— Как странно, — промолвил я. — Мне в голову пришло абсолютно то же самое сравнение.

Вскоре после этого Клавдия нас покинула, сказав, что хочет рассказать обо всем кузенам и спросить, нет ли и у них каких-нибудь новостей. По настоянию Экона я показал ему механизмы мельницы, но признался, что сейчас гораздо больше озабочен механизмом политических интриг в Риме, механизмом более сложным и, несмотря на все мое отвращение, в данный момент более привлекательным.

После ужина мы собрались в атрии. Ночь выдалась прохладной, но небо было чистым. Фонтан давно высох, и на его месте мы установили жаровню и расселись вокруг огня. К нам

присоединился и Метон. Я специально сказал ему, чтобы он пришел и послушал нас, но, судя по выражению его лица, он счел, что я с ним просто заигрываю. Вифания, уложив спать Диану, тоже присоединилась к нам. Даже ею овладел дух нависшего надо всем кризиса.

— Такие вот дела, — начал Экон. — Сенат собирает армию, чтобы послать ее против Манлия в Фезулах и вступить в бой или, по крайней мере, удержать его от похода в Рим. В Риме расположили гарнизон и удвоили число стражников. Катилина под домашним арестом, но все его заговорщики на свободе; против них у Цицерона нет улик. Бунт в городе может быть, а может, и нет. Может, будет сражение между Манлием и Сенатом, а может, и нет. Насчет восстаний в Италии тоже неизвестно.

— А что, Сенату действительно угрожает опасность? — спросил Метон у Экона. Но ответил на вопрос я, сильно разочаровав Метона:

— Повсюду в Италии бедность, долги и кабала. Нашей семье улыбнулась удача, не говоря уже о завещании Луция Клавдия, а вообще-то мы живем в сложное время. Простые люди вокруг нас голодают, а многие знатные лишаются имущества. Некоторые скопили огромные состояния и выдают мизерное количество средств остальным, чтобы те не умерли с голоду. Всем давно известно, что коррупция достигла неслыханных масштабов. Люди хотят перемен и уверены, что, пока оптиматы заседают в Сенате, перемен им не видать. Могут ли Катилина и его соратники поднять восстание? Очевидно, сенаторы действительно верят в такую возможность, иначе они бы не приняли декрет и не наделили бы консула чрезвычайными полномочиями. — Я протянул руки к огню. — И как, должно быть, Цицерон сейчас наслаждается властью, дарованной ему! Интересно, они искренно проголосовали или же ему пришлось пустить в ход какие-то уловки?

— Да, папа, — признался Экон, заметив сарказм в моем голосе, — будь уверен, что Цицерон приложил все усилия. Единодушие в Сенате удалось добиться, продемонстрировав анонимные письма.

— Письма? Ты раньше об этом не говорил.

— Неужели? Я, наверное, не решился сказать перед Клавдией. За день до того, как Цицерон убедил Сенат принять декрет, его посетили некоторые видные граждане, в том числе и Красс. Они постучались в дверь поздно ночью и приказали рабу поднять Цицерона с постели. Якобы каждый из них получил анонимные письма со страшными угрозами.

— И кто их разносил?

— Посланник со скрытым лицом. Он протягивал свиток охранникам и исчезал, не сказав ни слова. Вот например, письмо, адресованное Крассу: «Через несколько дней всех богатых и влиятельных людей в Риме перебьют. Спасайся, пока есть возможность! Это Послание — подарок тебе от друга».

— И Красс принес это письмо Цицерону?

— Да, как остальные, получившие письма в тот вечер. Ну да, понятно, что получение письма поставило Красса в двусмысленную позицию. Он и так под подозрением в связях с Каталиной и в темных махинациях. Некоторые считают, что он один из заговорщиков. Чтобы отвлечь от себя подозрение, он сразу же принес письмо Цицерону, отрицая, что ему известен автор.

— И письма были без подписи?

— Да, анонимны. Конечно же, все уверены, что их написал кто-то близкий к Каталине.

— То есть то, в чем и требовалось уверить публику.

— А кто еще мог их послать?

— Кто, в самом деле? Кому выгодно посеять панику среди властей и в то же время выяснить позицию таких людей, как Красс? И ведь именно из-за этого случая Цицерону удалось убедить Сенат принять чрезвычайные меры?

— Да, вместе с напоминанием об армии Манлия.

— А известия о ее боеготовности пришли от...

— От Цицерона и его осведомителей. Ну и, конечно, слухи о восстаниях рабов...
— Слухи, а не донесения?
Экон довольно долго глядел в огонь.
— Папа, ты хочешь убедить меня, что Цицерон сам разослал эти анонимные письма? Что нарочно создает панику?
— Я никого ни в чем не убеждаю. Я просто задаю вопросы и сомневаюсь — как и сам консул.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ

В конце октября подули резкие ветры, а небо приобрело свинцово-серый оттенок. Ноябрьские календы выдались сырыми и холодными, изморось никак не переходила в настоящий дождь, с крыши скупно падали капли, словно редкие слезы неохотно плачущих богов.

Так продолжалось до восьмого дня ноября. Забрезжил просвет, но солнце так и не проглянуло. На севере собирались темные тучи. Порывистый ветер странствовал по равнине. Всех животных мы завели в стойла. Кассианова дорога опустела, за исключением нескольких групп рабов, перегоняемых надсмотрщиками.

Мы закрыли все двери в доме и подсобных помещениях и проследили, чтобы нигде не осталось брошенных инструментов, а после этого уже не выходили. Диана была не в себе, а когда ударил гром, она испугалась и еще больше закапризничала. Мать утешала и успокаивала ее, но с остальными тоже была не в ладах.

Метон сидел в своей узкой комнатке. Я неслышно прошел в нее и увидел на столе развернутый свиток Фукидида и оловянных солдатиков на полу в боевом порядке. Когда я, улыбнувшись, спросил, какое же сражение его увлекло, он вздрогнул, нахмурился и сгреб солдатиков в кучу.

Единственная радость в такую погоду — ждать дождя, а вместе с ним — прибытия воды в реке, подумал я. Целый день я расхаживал в маленьком закрытом садике возле библиотеки и смотрел на небо. Вершина горы Аргентум потерялась в темных тучах, время от времени освещаемых молнией. Там, должно быть, шел проливной дождь, но в долине царствовали только ветер и темнота.

Дождь дошел до нас только после захода солнца, если можно говорить о солнце в такой пасмурный день. Сначала послышался легкий перестук по черепичной крыше, затем он перешел в стремительный поток. Обнаружилось несколько течей в потолке. Вифания обрадовалась и, словно полководец, давно мечтавший о генеральном сражении, послала рабов чинить крышу. Диана неожиданно пришла в себя, открыла окно и с удовольствием разглядывала дождь. Даже Метон заулыбался. Он принес ко мне в библиотеку свиток Фукидида, и мы даже поговорили о спартанцах и персах. Я послал мысленную благодарность богам за то, что они наконец-то открыли небо.

Поскольку в этот день мы ничем не занимались, то долго не могли уснуть. Давно уже из кухни доносились ароматы ужина, и вот Конгрион подал на стол. После еды я попросил Метона почитать нам вслух — Геродот позабавил нас описаниями чужеземных стран и обычаев.

Наступил совсем поздний час, но никто не хотел спать. Дождь продолжался.

И в эту ночь я назначил охранника, как и во все предыдущие. На крыше оставаться было невозможно, и я приказал ему сидеть на чердаке и наблюдать за окрестностями через окошко. Ему тоже не хотелось спать в эту ночь. И он сразу заметил приближающихся со стороны дороги людей и прибежал ко мне доложить о них.

Дождь шумел, и стука не было слышно. И только когда раб принялся кричать и дергать

запор, мы услышали его. Вифания сразу же насторожилась, она уже давно опасалась ночных визитов. Ее опасения передались и Диане, она улеглась у матери на коленях и притихла. Метон отложил свиток и пошел вместе со мной к атрию. Мы прошли вдоль колоннады, чтобы не попасть под дождь. Я отворил окошечко в двери и выглянул наружу.

Раб указывал на дорогу и кричал. Неожиданно дождь усилился, и я не мог сразу разобрать его слов.

Мы открыли дверь. Раб ворвался внутрь, весь промокший насквозь.

— Люди! — сказал он хрипло. — Спускаются с дороги! Их — целая армия на конях!

Он преувеличивал. Тридцать человек — это еще не армия, но зрелище они все равно представляли впечатляющее, особенно в темноте и особенно закутанные в черные плащи. Цоканье копыт походило на раскаты приближающегося грома. До них оставалось футов сто.

— Катилина? — прокричал Метон.

— Не знаю, — ответил я.

— Папа, может, нам закрыть двери?

Я кивнул. Мы вместе с рабом захлопнули двери и опустили засов. Зачем — я не понимал. Он мог защитить нас от воров или грабителей, но не от вооруженного отряда. Солдаты легко могли бы проникнуть внутрь сквозь библиотеку или кухню. Но у нас было преимущество во времени, и мы могли узнать, кто они и чего хотят от нас. На другом конце атрия я увидел Вифанию с Дианой на руках, обе они взирали на нас широко раскрытыми глазами.

Стук в дверь раздался так неожиданно, что я даже отпрянул и вздрогнул. Метон ухватился за мой локоть и удержал меня в равновесии. Я прижался глазом в щелку.

— Катилина? — прошептал Метон.

— Я так не думаю.

Я едва различал их лица в темноте, да еще прикрытые капюшонами. Человек у двери снова постучал, на этот раз не рукой, а чем-то потверже — рукояткой кинжала, возможно.

— Беглые рабы? — спросил Метон.

Я обернулся и заметил страх в его глазах. Я положил руку ему на плечо и придвинул поближе к себе. Зачем я привез семью в такое место? В городе всегда есть возможность сбежать, позвать на помощь соседей, спрятаться среди стен и крыш. А поместье и поля — место, где нельзя как следует обороняться, ты просто на ладони у неприятеля. У меня, правда, есть рабы, но что они могут сделать против вооруженных солдат?

Стук повторился. Я приложил к щели рот.

— Кто вы? Что вам нужно?

Один из всадников, очевидно их предводитель, жестом приказал прекратить стук.

— Нам нужен человек, которого ты здесь укрываешь! — прокричал он.

— Какой человек? Кого вы имеете в виду? — Я почувствовал облегчение: это наверняка какая-то ошибка.

— Катилина! — крикнул человек. — Выдай нам его!

— Папа? — посмотрел смущенно на меня Метон.

Я покачал головой.

— Катилины здесь нет.

— Катилина здесь!

— Папа, что он говорит?

— Не знаю.

Я посмотрел на Вифанию, которая стояла словно статуя, прижав к себе крепко-накрепко Диану. Я снова приложил губы к расщелине.

— Кто вас послал?

Вместо ответа возобновился стук. Откуда-то снаружи я слышал крики и вопли. Я посмотрел в щелку — за спиной всадников какие-то люди сновали около конюшни.

Через мгновение до нас донесся звук разламываемого дерева — откуда-то изнутри дома. Вифания оглянулась на проход в библиотеку и завизжала. Она крепче прижала Диану к себе. Люди ворвались в дом.

Я побежал через атрий и споткнулся о жаровню. Вифания ухватилась за меня, а сзади прижался Метон. Откуда-то появился Арат с испуганным лицом. Послышался грохот на кухне, и оттуда выбежал испуганный Конгрион.

Над домом сверкнула молния, заливая все ярким светом. Потом последовал ужасный удар, от которого задрожал пол. Отзвуки грома походили на скрежет мельничных жерновов. Сквозь шум дождя я слышал, как падают столы, грохочут медные тазы, разбиваются горшки. Со всех сторон в атрий ворвались люди с кинжалами в руках. Мы еще больше сгрудились, а они подбежали к воротам, подняли засов и распахнули их настежь.

Предводитель въехал в дом верхом на коне. С копыт стекала вода и грязь. Он спрыгнул и пошел к нам, пнув ногой опрокинутую жаровню.

— Гордиан Сыщик? — спросил он, и звук его голоса перекрыл шум дождя и разгрома, все еще продолжавшегося в доме.

Диана принялась всхлипывать. Я выпрямился, насколько это возможно, когда за тебя цепляются. Метон вышел из-за моей спины и стал рядом.

— Я — Гордиан, — сказал я. — А ты кто и что тебе нужно?

Из-под капюшона виднелась только нижняя часть его лица. Он широко улыбнулся.

— Мы охотимся за хитрым лисом. Где он?

— Если вы имеете в виду Катилину, то его здесь нет, — сказал Метон едва дрогнувшим голосом.

— Не ври, мальчишка.

— Я не мальчишка!

Человек рассмеялся. Я узнал этот смех (если не человека) — это смех возбуждения, когда люди принимают за грабеж, или когда охотятся, или вступают в разгар битвы. Сердце мое обратилось в лед.

Люди продолжали шнырять повсюду, сверкая своими кинжалами. Некоторые сдвинули капюшоны. Они были в основном молодые, гладко выбриты, со сверкающими глазами и крепко сжатыми губами. При виде некоторых лиц у меня смутно промелькнуло что-то в памяти. Где я мог их видеть?

Метон прижался губами к моему уху.

— Охранники Цицерона! — прошептал он. — Помнишь, тогда, на Форуме?

— О чем ты там шепчешься? — прорычал человек. — Где вы его прячете?

— Каталины здесь нет, — повторил я.

— Глупости! Нам известно, что он укрывается здесь. Мы гнались за ним из самого Рима. Глупец думал, что может ускользнуть незамеченным! Но мы до него доберемся!

— Его здесь нет — по крайней мере, в доме. Может, в конюшне...

— Мы уже обыскали конюшню, подавай нам его!

К нему подбежал один из сопровождающих и что-то прошептал на ухо.

— Невозможно! — прокричал человек. — Они его где-то прячут.

— Но ведь его сопровождают, по крайней мере, десять человек. В таком доме нельзя спрятать десять лошадей и десять человек...

— Десять человек и девять лошадей, — подчеркнул предводитель. — Ты забываешь о том, что мы подобрали на дороге лошадь.

Он повернулся ко мне.

— Мы уже несколько часов гонимся за ним. Сначала ему удалось оторваться, но в последнее время мы наступали ему прямо на пятки. Неважно, что темно и сыро. Промежуток в тучах осветил ненадолго дорогу, и мы увидели их впереди — между горой и холмом. А потом тьма снова поглотила их. И вот когда мы собирались настичь их, они внезапно

исчезли. Осталась только одна лошадь, без седока. Не Катилину ли она сбросила? Не в этом ли месте они остановились, Думая, что мы проследуем дальше? Где он? Выдай его нам!

Человек почти кричал, но отчаяние в его голосе придало мне уверенности. Теперь он казался мне не головорезом, способным на любое убийство, а всего лишь незадачливым охотником, рассердившимся на то, что добыча ускользнула от него. Он был в ярости, но его можно было понять. К тому же он устал.

На его усталости я и решил отыгаться.

— Катилина не был здесь сегодня вечером. Разве я не сказал бы вам сразу же? Разве я не так же верен консулу, как и вы? Если вам знакомо мое имя и если вы знаете, что он посещал меня несколько раз в прошлом, тогда вы должны знать и мою роль в игре Цицерона. Что он скажет, когда узнает о суматохе, вызванной вами в моем доме? Или о том, что вы смертельно напугали мою семью? Катилины здесь нет, еще раз повторяю! Мы уже давно его не видели. Он улизнул от вас? Ну что ж, возвращайтесь на Кассианову дорогу, если еще хотите поймать его.

Человек в ярости топнул ногой, потом вдруг понял, что весь дрожит от холода. Он сдернул капюшон и пригладил свои мокрые волосы. Он был совсем молод.

Погром в доме постепенно прекратился. Люди стали собираться в атрии, ожидая приказаний.

Предводитель хмуро посмотрел на меня из-под бровей.

— Вчера приверженцы Катилины попытались убить консула. Они пришли к дому Цицерона на закате, как бы в гости, надеясь обмануть рабов и, проникнув в дом, заколоть его кинжалами. Но консула заранее предупредили о времени, и он не пустил их.

«Мне бы такое везение», — подумал я, но вслух не сказал.

— Сегодня Цицерон созвал Сенат в храме Юпитера и выложил все детали преступлений Катилины против государства. Такая речь! Говорят, даже храм сотрясся. Катилина стоял в уголке со своими приверженцами, и всякий, у кого есть хоть капля патриотизма, сторонился его. Когда он пытался заговорить, его заглушали криками. Он понял, что ему не миновать своей участи. Сегодня он похож на кролика, испуганно выскочившего из своей норы.

— Прежде ты называл его лисой, — пробормотал Метон, немало удивив не только главаря, но и меня — я прикусил язык и задержал дыхание.

— Неужели?! Ну ладно, какая разница. Скоро его освежают, а шкурка кролика так же хороша, как и лисья.

Он повернулся к своему товарищу.

— Ты все здание обыскал? И загоны для скота тоже?

Человек кивнул.

— Ни единого знака, ни одного отпечатка копыт.

Предводитель натянул капюшон на голову и знаком приказал всем садиться на лошадей.

— Быстро! — крикнул он, закутался в плащ и серьезно посмотрел мне в глаза. — Если Катилина вернется, то не предоставляй ему убежища. Хватит притворяться. Катилина хорош только мертвый, как и его последователи. Никто не мог сказать красноречивей Цицерона сегодня в Сенате: «Настало время понести наказание. Живого или мертвого, мы привлечем его к алтарю богов!»

— Нет, нет, нет! — кричала Вифания. — Никто из вас никуда не пойдет! Вы что, с ума сошли?

После того как пришельцы покинули дом и отправились по дороге на север, мы принялись собираться в путь. Не говоря друг другу ни слова, мы приняли одно и то же решение. Я был рад, что мы пришли к взаимопониманию с сыном. И это чувство сглаживало потрясение от происшедшего.

Но Вифания оставалась неумолимой. Она стояла, крепко прижимая к себе Диану.

— Сними этот плащ, муж! Метон, отложи накидку! Куда вы собрались?

— Если Катилину с товарищами видели между горой и холмом... — говорил Метон, не обращая на нее внимания.

— А потом они неожиданно исчезли, — продолжил я.

— Они могли скрыться в стороне от дороги.

— А то открытое место, за камнем, там могут поместиться девять лошадей? — спросил Метон.

— Мне кажется, да. Но мы скоро узнаем.

— Ты не должен брать его с собой! — твердо сказала Вифания. — А что, если его преследователи вернутся? Помнишь, что сказал этот человек? «Не давайте ему убежища». Подумай о своей дочери! — Она еще крепче прижала к себе Диану.

— Еда! — вскрикнул Метон. — Я почти забыл. Что мы можем взять с собой?

— Я запрещаю! — сказала Вифания.

— Жена, подумай о красивом Каталине и прекрасном Тонгилии. Ты хочешь, чтобы они превратились в кожу да кости, когда у нас так много остатков со стола Конгриона?

Очевидно, мой шуточный тон достиг желаемого результата. Вифания смягчилась.

— У нас осталось немного хлеба, — сказала она хмуро. — А также множество яблок...

— Я принесу их, — сказал Метон.

Вифания надула губы.

— На улице холодно, и идет дождь. Они, должно быть, промокли. Вот бы сухое одеяло...

— Возьмем одеяла с наших постелей, — предложил я.

— Только не это! У нас есть старые, штопаные. Я сама их принесу.

Так Вифанию склонили к помощи в нашем предприятии.

Мы избегали открытой дороги и ехали по садам и полям. Сначала земля была рыхлая и грязная, потом пошла каменистая почва. Я боялся, что наши лошади споткнутся и сломают ногу, но в итоге мы выехали на Кассианову дорогу без всяких происшествий. Копыта зацокали по булыжникам, блестящим от капель дождя. Ничто так не противостоит стихии, как добрая римская дорога.

Мы подъехали к тропке, о которой нам уже было известно. Я думал, что в темноте и под дождем ее не так просто найти, но она оказалась как раз перед нами, будто нас проводила к ней рука богов. Мы спешили и не без труда прошли между старым дубом и камнем, поскольку к спине Метона был привязан мешок с хлебом и яблоками, а я нес одеяла. Потом мы втащили за собой лошадей. Как я и ожидал, вся небольшая площадка была заполнена лошадьми, привязанными к стволам, камням и ветвям.

Сверкнула молния. Яркий свет проник сквозь лис тву и отразился в глазах лошадей. Они зафыркали затопали ногами. Потом разразился гром. Лошади тряхнули гривами и заржали.

Я их пересчитал. Их было девять.

Площадка была каменистая, и вместо того, чтобы превратиться в грязь, она сделалась небольшим прудиком. Лошади стояли в воде. Мои ноги тоже сразу промокли. Мне стало понятно, откуда взялось столько воды, — заброшенная тропа превратилась в русло ручья.

— Мы здесь не пройдем, — сказал я.

— Но ведь Катилина со своими товарищами здесь проехал, — возразил Метон.

— У нас такой груз — яблоки, одеяла...

Метон поправил мешок за спиной, прыгнул вперед и крикнул:

— Давай, папа! Это не так трудно, как кажется.

— Старые кости легче ломаются, чем молодые, — проворчал я. — А старым ногам труднее сохранять равновесие.

Но я говорил самому себе, потому что Метон уже исчез. Я подымал ноги, стараясь нащупать безопасный путь среди грязи и камней.

О чем я думал, когда выходил из дома? Ответ прост: я вовсе ни о чем не думал. Возбуждение полностью запутало мои мысли. Теперь я вспомнил, как мы подымались на гору в прошлый раз; если и раньше мне было трудно, то теперь дорога казалась вовсе непроходимой, а груз делал ее вдвое трудней. Сердце мое забилося. Ноги превратились в свинец, они стали не просто тяжелыми — они спотыкались и не слушались меня. Я начал понимать, что подъем не только тяжелый, но и небезопасный. В любой момент можно поскользнуться и упасть в каменистое русло. Интересно, если я разобью себе позвоночник, Вифания будет браниться или пожалеет меня?

Но потом я отбросил эти мысли. Между тем Метон скакал впереди меня, словно горный козел. Казалось, он даже не промок, словно утка.

Наконец мы дошли до того места, где тропа соединяется с дорогой, ведущей к дому Гнея, и поднимается дальше в гору. Кусты и трава здесь были смяты — очевидно, тут проходила группа людей.

Я расправил болевшие плечи.

— Вопрос в том, — сказал я, — повернули ли они направо или налево?

Метон, казалось, очень удивился такой постановке вопроса.

— Конечно, направо, в шахту.

— Ты уверен? Если Катилина тайно связан с Гнеем Клавдием, то это многое объясняет. Убийство Форфекса, например.

— Но как они могут быть связаны?

— Не знаю, да и сейчас слишком холодно и мокро, чтобы размышлять. Но что, если Катилина ускользнул от преследователей, чтобы пойти к Гнею, а не в шахту?

Метон покачал головой. Мне показалось, что он нахмурился, но в темноте это было незаметно.

Он оказался прав, и мои сомнения не подтвердились — со стороны дома Гнея трава вовсе не была примята и никаких следов в грязи заметно не было. Мы повернули направо, к шахте.

Рев водопада мы услышали задолго до того, как подошли к нему. Поток воды значительно увеличился от дождей. Скользкие каменистые ступеньки казались хитроумным испытанием, придуманным злонамеренным богом. Я, словно старый калека, подолгу стоял на каждой ступени и собирался с силами. А Метон уже давно был на вершине.

Наконец и я взобрался и подошел к нему. Когда он обернулся, то в его глазах впервые за этот вечер отразилось сомнение.

Зрелище заставило бы содрогнуться любого. Ложе реки, прежде мелкое и каменистое, превратилось в бушующий поток, высотой иногда по пояс. Через несколько шагов от нас он с ревом устремлялся в пропасть.

Метон взирал на него и покусывал губы.

Я всегда испытывал недоверие к воде. Я плохо умею плавать. Однажды в Кумах я чуть не утонул, решив заплывать в пещеру. Когда-нибудь я предпочту пытку огнем, а не водой. Но сейчас выбора не было.

И раз уж Метон отступил, я вышел вперед.

— Дазай, Метон, возьми за мою руку.

Он стоял на берегу и сомневался.

— Давай, вдвоем безопаснее.

Он колебался. Я понял, что он сомневается не в моем утверждении, а в своих силах.

Наверное, нам следует повернуть. Я в задумчивости смотрел на черную воду. Мы решились на поход, поддавшись импульсу, из чувства протеста против охранников Цицерона, а не из чувства солидарности с Катилиной. Ему мы ничего не должны, мы не обязаны

приносить ему одеяла и пищу и, уж конечно, не должны рисковать жизнью ради этого. Теперь мы задумались над своим выбором. Я осознал опасность путешествия и решил повернуть назад.

Я протянул руку Метону, надеясь, что он не возьмет ее. Если с ним что-то случится, то я этого не переживу. Он еще немного поколебался, потом сжал мою руку и вступил в воду.

Мы шли по диагонали, против течения. Я нащупывал ногами дно и предупреждал его о любой неровности. Посередине течение усилилось, и я немного зашатался. Метон крепче сжал мою руку. Я вглядывался в поток и думал, что мое опасение насчет воды не случайно и что сейчас исполнится предназначенное Роком. Парки заглянули в будущее и узнали, что меня ожидает, они и вложили в меня это отвращение. Сердце мое сильно забилося.

Что-то коснулось моей ноги. Я посмотрел вниз и увидел череп, влекомый потоком с горы. Он немного повертелся в круговороте вокруг моей ноги, затем поплыл дальше, а потом исчез в водопаде.

— Пап! — сказал Метон настороженно.

Мои ноги отяжелели как никогда. Они словно выросли в каменистое русло. Я устал, но собрался с силами и постарался сдвинуть ногу. Наконец пальцы зашевелились, как испуганные рыбы.

Кое-как мы перебрались на другую сторону. Метон ослабил хватку, и я заметил, что руки его дрожат. Мои тоже дрожали.

Пока мы пересекали поток, я совсем забыл о дожде и холоде, но сейчас в полной мере осознал их присутствие. Нам еще оставалось преодолеть крутой подъем, но пути назад не было: заново пересекать реку я бы не решился.

И вот мы вышли к склону, ведущему ко входу в шахту. Дождь перешел в изморось, а наши шаги сопровождались скрежещущим звуком — под ногами была галька. Когда мы подошли ко входу, я шепотом приказал Метону молчать и не шуметь.

Но слишком поздно.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Незабываемое впечатление — когда из темноты вырастает копьё и острием своим касается твоей переносицы. Невозможно даже проследить приближение такой вещи, как копьё, — угол зрения не позволяет, видно только мерцание наконечника, освещенного звездами, прорвавшимися сквозь тучи. Но можно сразу же рухнуть на колени, что я и сделал. И тогда я увидел, что это и в самом деле копьё — различил и наконечник, и длинное древко. Оно со свистом пролетело над моей головой и глухо куда-то ударилось. Что-то стукнуло меня по спине, я не понял что. Сзади крикнул Метон. Замершее было сердце забилося снова. Мне показалось, что его поразили, потом я обернулся и понял, что он испугался за меня. Мы одновременно упали на колени и поползли к кустарнику, щедро осыпавшему нас дождевыми каплями.

Я попытался изменить направление и повернулся, но понял, что зацепился за ветки. Оказалось, что копьё пронзило насквозь сверток с одеялами и качалось над моей головой.

Все равно как если бы я был ранен — передвигаться я не мог. За мной беспокойно ерзал Метон, пытаюсь вытянуть копьё, думая до сих пор, что меня ранили.

— Друзья! — позвал я, в надежде, что слово опередит следующее копьё.

Последовала тишина, затем сверкнула молния и осветила все вокруг. Во время вспышки я разглядел копыеносца, прижавшегося к большому-плоскому камню возле входа в пещеру, он готовился ко второму броску. За ним, возле самого входа, стоял Катилина. Он поднял руку.

— Стой! — прокричал он.

Молния погасла, и на мир снова опустилась тьма. Я моргнул. Мне показалось, что приказание было произнесено слишком поздно. Копьё уже летит. Катилина, при всей своей

проницательности и уме, не может остановить его на лету.

Последовал жуткий, раскатистый удар грома, такой сильный, что я даже не мог сообразить, ударило ли меня копьё или нет. Я съёжился и поднял руки над головой. Через мгновение моего плеча коснулась рука. Я взглянул вверх. Далекая молния осветила скудным светом улыбающееся лицо Каталины.

— Гордиан! Ты выглядишь испуганным, — сказал он спокойно. — Давай пройдем внутрь, передохнем от дождя.

По другую сторону стены, построенной, чтобы перегородить дорогу в пещеру козам и детям, стояла тьма. Разожгли небольшой костер, но большая часть света поглощалась ревнивой темнотой. Это было царство теней, и свет казался чужеземцем.

Катилина склонился над костром и погрел руки.

— К счастью, нам удалось найти кое-какие щепки и поленья. Во время побега, конечно же, мы не могли захватить материал для костра. Дыма можно не бояться — строитель шахты поступил достаточно мудро, прокопав узкие туннели для вентиляции. Красс — дурак, упустил такую собственность. Я сказал, что Шахта стоит того, чтобы ее осмотрели. Но он ответил мне, что ему однажды уже пришлось иметь дело с Родом Клавдиев и он не хочет повторять опыт. — Он посмотрел на языки пламени. — Ну, что еще сказать про Красса? Он бросил меня.

— Посмотри, Луций, — сказал Тонгилий, — они принесли хлеба.

— И яблок — мы можем порезать их, погреть на огне и поесть горячего! И одеяла. Те, что внутри, не отсырели.

Из темноты появились остальные люди. Некоторых я видел и раньше, они ночевали у меня на конюшне. Другие были незнакомы мне. Кое-кто дремал, остальные сидели и смотрели на огонь. Они выглядели старше, чем Метон, но моложе меня с Каталиной. Все они были тяжело вооружены и по очереди сторожили вход в пещеру.

— Не думаю, что тебя обнаружат, по крайней мере, этой ночью, — сказал я. — В такую ночь пастухи сидят у себя в хижине, а преследователи поехали дальше. Они перевернули весь мой дом в поисках тебя. А потом поехали на север.

— Но они могли и следить за тобой, — сказал Катилина без всякого подозрения, высказывая прагматическое соображение. — Не для того я проделал весь путь, чтобы меня убили в этой норе охранники Цицерона. Пока мы здесь, нужно сохранять бдительность.

Тонгилий протянул ему печеное яблоко. Каталина улыбнулся.

— Еда! Одеяла! Может, ты и ванну с собой принес?

— Забыл, поверишь ли!

— Ах, клянусь Геркулесом, это плохо! Как было бы славно посидеть с тобой в горячей воде, вплоть до самого рассвета!

Метон просиял.

— Мы можем вернуться домой...

Я нахмурился. Катилина заметил это и покачал головой.

— Это и глупо, и бесполезно, Метон. Слишком опасно для твоей семьи. И для меня тоже. Нет, пока все не успокоится, я не могу приехать к вам. Интересно, почему они решили искать меня там? Как ты считаешь, Марк Целий предал меня?

Он посмотрел на меня, потом на Метона с его виноватым лицом. Тень сомнения отразилась в его глазах.

— Значит, Целий. Так и есть. Но вы ведь не предали меня, догадались, что я здесь, и не сообщили преследователям, не так ли?

Он пристально смотрел мне прямо в глаза.

— Нет, Катилина, мы никому не сказали.

Он вздохнул и принялся изучать язычки пламени.

— Простите. Последние дни несколько потрясли меня. Люди, которых я считал своими

друзьями, отвернулись от меня. Те, кого бы я никогда не обвинил в страхе, открыто пожелали мне смерти. Цицерон! Чтобы его глаза сгнили!

— Да пусть распухнет его язык! — отозвался Тонгилий с неожиданной для него яростью. Он подобрал одно из яблок и с ненавистью швырнул его в стену.

— Его язык и так уже давно сгнил! — подхватил Катилина. — Все мы слышали, что за помой вытекали из его рта сегодня.

— Тогда пусть его черви съедят! — крикнул Тонгилий, сжав кулаки и принимаясь расхаживать. Для его гнева не хватало места, тогда он подошел к стене и пнул ее ногой, а потом перепрыгнул через нее.

— Дождь охладит его немного, — сказал Катилина, не отрывая глаз от огня.

— Несколько дней тому назад ко мне приезжал мой сын Экон, — сказал я. — Он рассказал мне, что ты находишься под добровольным арестом, обвиненный в преступлении против закона Плавта. Как тебе удалось бежать? Что случилось?

Катилина наконец оторвал взгляд от костра. Из-за прихотливого пламени его лицо казалось одновременно и угрюмым, и забавным.

— Мир треснул по швам и постепенно распускается.

— Еще одна загадка?

— Нет, Гордиан. Ради тебя я сдержусь и буду говорить напрямик. Твой сын Экон сказал, что я под домашним арестом. А что еще он сказал?

— Что Цицерон убедил Сенат дать ему чрезвычайные полномочия — чрезвычайные меры по спасению государства.

— Да, таким же образом наши прадеды расправились с Гаем Гракхом. Мне должно быть лестно от этого. Конечно же, все доказательства были подстроены самим Цицероном.

— Каким образом?

— Он заявил, что я собираюсь перебить половину Сената в двадцать восьмой день октября. И предъявил анонимные письма, полученные некоторыми гражданами, с предложением поскорее убраться из города. Разве это настоящее доказательство? Знаешь, что я предполагаю? Эти письма написал секретарь Цицерона, Тирон, под диктовку своего хозяина. Старая жаба.

— Не говори дурно о Тироне, я помню его еще с тех пор, когда он помогал мне в деле Росция.

— Это было давно! С тех пор он стал таким же продажным, как и его господин. Рабы во всем уподобляются хозяевам, ты ведь понимаешь.

— Не важно. Так ты говоришь, что письма придумал сам Цицерон?

— А что, думаешь, я их написал? Или какой-нибудь каллиграф из моих людей, решивший предупредить друзей перед тем, как я начну кровавое побоище? Глупости! Все это придумал Цицерон, преследуя две цели: запугать сенаторов, которые всегда готовы поверить в заговор против них, и проверить тех, кто эти письма получил. Среди них был и Красс. Мне раньше казалось, что на него я могу рассчитывать — по крайней мере, косвенно, — но он при первой же возможности отвернулся. Чтобы не причинить себе хлопот, он направился напрямик к Цицерону и доложил о письме. Конечно, он догадался, что оно исходит от самого консула! Что за комедию они оба разыграли перед Сенатом! Как такой гордый человек, как Красс, мог позволить себе, чтобы с ним так играли? Не беспокойся, рано или поздно. Новый Человек из Арпина рассчитается с ним по-своему.

Чтобы держать сенаторов в состоянии истерии, Цицерон сделал еще несколько сообщений, основанных на донесениях его шпионов. Во-первых, он заявил, что двадцать седьмого октября мой друг Манлий подымет свою армию в Фезулах. И что с того? Манлий месяцами тренировал армию ветеранов Суллы, и никто это ему не запрещал. Но вот Цицерон говорит, что эта армия будет направлена против Сената. Это бессмыслица, но сенаторы проглотили и это. Он ведь предсказывал, и вот пророчество сбывается. Письмо служит

доказательством. Письмо, понимаешь? Еще одно творение Тирона.

Потом он обвинил меня в том, что я собираюсь атаковать город Пренесту во время ноябрьских календ. Поэтому Цицерон вызвал гарнизон из Рима — как удобно, что Пренеста находится совсем близко от Рима! Никакой атаки не было — ее никто и не планировал, да если бы я и собирался атаковать этот город, то передумал бы, когда об этом стало известно всем. Консул надулся как лягушка и объявил себя спасителем Пренесты — в то время, когда вся затея была порождением его собственной фантазии! Какой способный полководец — умеет предсказывать даже несуществующие планы противника! Потом он приказал закрыть гладиаторские школы по всей Италии. Как будто я собирался подстрекать рабов к восстанию! Он объявил о большой награде тому, кто донесет о так называемом «заговоре»: рабам и вольноотпущенникам сто тысяч сестерциев, свободным — двести тысяч и прощение! Но никто не соблазнился такой замечательной наградой. Молчание — знак того, что руководители восстания запугивают исполнителей, сказал Цицерон, не заикнувшись даже о том, что заговора просто может и не быть. — Катилина покачал головой. — Когда один из его ставленников обвинил меня в нарушении закона Плавта, я решил промолчать. Враги давно мне угрожают разными расправами, и еще одна угроза мне нипочем. Я также не хотел упускать случая позабавиться за счет Цицерона.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Ну, я прямо пришел к нему и посоветовал заключить меня под стражу в его доме! А где бы еще за мной так тщательно присматривали и не давали продолжать губить государство? И как же Цицерон смутился! Если я представляю угрозу, то меня нужно немедленно арестовать, а с другой стороны, как он сможет продолжать упрекать меня, когда я спокойно буду сидеть под его крышей? Ему вовсе этого не хотелось, и он отклонил мое предложение. Но даже тогда он выкрутился и обернул происшедшее себе на пользу. Если он не может обеспечить себе безопасность в городе, то как же он допустит меня в собственный дом? Да я же при любом удобном случае перебую всю его семью, даже голыми руками! Другие тоже отклонили мое предложение по его примеру. Когда же я предложил дом Марка Метелла, самого незаинтересованного во всем человека, то Цицерон сказал, будто я хочу укрыться в доме своего сторонника! Бедный Метелл! Теперь, когда я убежал, все уж точно дурно о нем думают!

— А почему ты убежал из города? — спросил Метон.

— Потому что сегодня Цицерон произнес речь в Сенате — о том, что предпочел бы видеть меня мертвым, — так прямо и сказал! У меня нет причин сомневаться в искренности его высказываний. Я просто спасал себе жизнь.

— Люди Цицерона говорили о других причинах, — сказал я. — Они говорили, что вчера вечером ты подослал к Цицерону своих убийц.

— Убийцы Цицерона убьют меня, если поймут!

— Но то, что они сказали, — правда? — переспросил Метон.

— Еще одна ложь! — Катилина глубоко вдохнул. — Цицерон утверждает, что два дня тому назад я тайком прокрался из дома Метелла на тайное собрание и замыслил убить его. Предположительно мои друзья — Гай Корнелий и Луций Варгунтей — должны были прийти к нему, якобы с визитом, проникнуть внутрь и убить ударами кинжалов. Как будто они после этого могли свободно уйти из дома! Но Цицерон хитер, поздно вечером он послал за некоторыми сенаторами, которые все еще сомневались. Он приказал им явиться к нему домой. Что это, подумали они, зачем он поднял нас с постели? Когда они прибыли, повсюду горели факелы и стояли охранники. Видишь, какая театральность? Он сообщил им, что его тайный агент принес ему ужасную весть — в этот час Катилина со своими сообщниками находится в доме на улице Косильщиков, намереваясь убить Цицерона! Исполнители — Гай Корнелий и Луций Варгунтей, известные его друзья и смутьяны. Вот увидите, сказал он, они придут под утро, чтобы совершить ужасное злодеяние. А вы будете моими свидетелями. И

вот на следующее утро Корнелий и Варгунтей на самом деле прибыли к нему в дом. Они постучали и потребовали, чтобы их принял консул. Рабы высунулись из окон и принялись их всячески ругать, Корнелий и Варгунтей в долгу не остались. Когда в конце концов выбежали охранники с мечами, Корнелий и Варгунтей стремительно убежали.

Предсказание Цицерона сбылось. Свидетели это видели своими глазами. Но что они видели? Двое людей, обвиненные в связях со мной, пришли к нему рано утром, потому что к ним, в свою очередь, пришли анонимные посланники и сказали: если им дорога жизнь, то пусть они немедленно поспешат к дому консула! Конечно же, всю эту сцену разыграл сам Цицерон. Все случилось, как он и предсказывал, ведь Корнелий и Варгунтей прибыли в возбужденном состоянии, испуганные, не знающие, чего ожидать, и когда их оскорбили, они тоже принялись выкрикивать ругательства. Их вынудили играть роль наемных убийц, и никому это не было известно до сегодняшней речи Цицерона в Сенате, когда он заявил о неудачном покушении и привел свидетелей — те кивнули в знак подтверждения! Этот человек просто чудовище. Гениальное чудовище, — сказал Катилина с горечью. — Понимаешь, когда он летом в первый раз высказал мысль, что его жизни грозит опасность, в то время, когда хотел отложить выборы, никто ему не верил; его преувеличенная охрана и доспехи казались всем смешными. Теперь он сыграл более умную шутку. Я не поверил своим ушам, когда услышал его сегодня в Сенате, никто даже слова не сказал против. Только потом я поговорил с Корнелием и Варгунтеем и понял его обман. Никакого убийства мы не планировали. Это, конечно, не значит, что я не был бы доволен, увидев его мертвым. Мало что меня бы так обрадовало...

— И меня тоже, — сказал Тонгилий, неожиданно появляясь возле костра. Его плащ промок, с взъерошенных волос падали капли. — Дождь не прекращается. Он даже еще усилился. Молнии так и сверкают. Твое яблоко уже запеклось, Луций, вынимай его из огня. Но не ешь пока, а то обожжешься. Если бы только сжечь язык Цицерона!

Он посмотрел в темноту туннеля и засмеялся своей мысли. Портило ли жесткое выражение его красоту Или, наоборот, усиливало? Он коротко рассмеялся и принялся опять расхаживать из угла в угол.

— У Тонгилия есть все причины для досады, — пояснил Катилина. — Цицерон и его упомянул в своей речи. Назвал его моим сожителем. Забавно, что такое бесполое создание, как Цицерон, любит смаковать подробности того, что он считает непристойным. Всякому известно, что он ненавидит свою жену, а дочь выдал замуж до того, как ей исполнилось тринадцать лет! Едва ли его кто-нибудь любил. И вот он без всякого стыда смеется над Тонгилием. Без стыда, без пола, все это ему заменяют высокомерие и злоба.

— А что сегодня случилось в Сенате, Катилина?

— Мне передали, что Цицерон собирается произнести речь против меня, не мог же я оставаться в стороне. Мне нужно было защищаться и не дать оставить себя в дураках. Меня охватила гордыня — «хюбрис», мне показалось, что я могу посоперничать с ним в ораторском искусстве. Теперь меня покарали боги. Речи как таковой и не было. Цицерон кричал, я кричал в ответ, сенаторы заглушали меня криком. Оказалось, что все меня покинули и я сижу один, в окружении нескольких товарищей. Мне кажется, тебе неведомо чувство этого стыда, Гордиан, с тобой так не обращались. Я умолял их вспомнить мое имя — Луций Сергей Катилина. Некий Сергей спасся из горящей Трои вместе с Энеем и приплыл в Италию. С самого начала наш род был одним из самых знатных в Риме. А кто Цицерон? Слышал ли кто когда-нибудь о Туллиях из Арпина? Из городка с одной таверной и двумя свинарниками? Выскочка, хуже даже, чем чужеземец! Иммигрант — я так и назвал его в лицо.

— Сильные слова, Катилина.

— Ничего, он ведь угрожал моей жизни. «Почему такой человек до сих пор жив?» — он так прямо и сказал. Он напомнил о нескольких случаях, когда Сенат приговорил

реформаторов к смертной казни, сказал, что им, нашим современникам, не хватает смелости повторить то же самое. Он заметил, что по закону консул и Сенат не имеют права выносить смертный приговор, но сказал, что я вне закона, потому что недостойн называться гражданином, раз решился на бунт. Он вдохновлял их на мое убийство. — А если ему это не удастся, он добьется ссылки — моей и моих сообщников. «Забирай своих подонков и убирайся, — сказал он. — Избавь Рим от своей заразы! Оставь нас в покое». Он много раз подчеркивал, что мне оставался только один выбор — удалиться или быть убитым.

Конечно, он не мог удержаться и не повторить еще раз самые лживые утверждения обо мне и моих товарищах прямо мне в лицо. Опять обвинял меня в распущенности; снова делал ужасные намеки, что я виновен в убийстве собственного сына. Он хотел, чтобы я потерял самообладание. Но мне очень не хотелось, чтобы он добился своей цели. Поэтому я решил хладнокровно опровергнуть все его домыслы, но кончил криком — потому что мне не давали сказать и слова.

Когда Цицерон намекнул, что всем его врагам место в специальном лагере, я больше не мог стерпеть. «Пусть каждый напишет у себя на лбу свое политическое кредо, чтобы все видели», — сказал он. «Зачем? — спросил я. — Чтобы легче видеть, кому следует отсечь голову?»

Тут все собрание зашумело, как море в шторм. Но у Цицерона сильные легкие, он специально тренировал свой голос и может говорить при любом шуме. «Настало время наказания, — прокричал он. — Врагов Юпитера, в храме которого мы собрались, нужно возложить на алтарь и принести ему в жертву. Мы их сожжем — живых или мертвых, живых или мертвых!»

Поднялся такой крик, что я испугался за свою жизнь. Я встал, придал каменное выражение своему лицу, насколько это было возможно, и направился к выходу. «Я окружен врагами, — крикнул я. — Меня обложили со всех сторон охотничьи собаки. Но имейте в виду — если вы разожжете огонь, чтобы уничтожить меня, я его погашу не водой, а своим презрением!»

Голос Каталины дрожал. Глаза блестели. Никогда еще я не видел его в таком расположении духа. Тонгилий склонился перед ним и положил руку на плечо. В течение долгого времени мы молчали. Нужно было подбросить веток в костер, но никто не пошевелился.

Наконец заговорил я.

— Так ты, Катилина, утверждаешь, что полностью не причастен ни к какому заговору? Что твои тайные собрания, общение с недовольными настоящим положением, связь с Манлием — все это ложные утверждения Цицерона? Признаешься ли ты в том, что не имел ни малейшего намерения совершить переворот?

Глаза его отражали языки пламени, но оказалось, они горели и внутренним огнем.

— Я не утверждаю, что полностью невиновен. Но говорю, что мои враги не оставили мне никакого выбора. Я всегда соглашался с политической системой Рима. Приходил на суд, когда меня вызывали, добивался компромиссов с такими людьми, как Цезарь и Красс; я участвовал в избирательных кампаниях и подвергался неслыханному поношению. Дважды собирался стать консулом, и дважды меня побеждали оптиматы. Никто не вправе говорить, будто я прибегал к незаконным мерам, пока оставалась возможность действовать легально. Здание Республики расшатано, из него вываливаются кирпичи, а оптиматы ревниво топчутся на крыше. Кто разрушает здание? Кто подбирает обломки и прилаживает их на место, используя все подручные средства? Почему этим человеком не могу быть я?

Да, иногда я сожалел, что не могу прибегнуть к насилию, но утверждать, будто существовал детально разработанный заговор, — нелепость. Я тайно встречался с друзьями; я советовался с Манлием по поводу готовности и преданности его войск. Называйте это заговором, если вам так нравится, но до сих пор это было всего лишь смутным желанием

перемен, без всякого продуманного плана. Манлию не терпится привести в действие своих ветеранов. Лентул хочет подвигнуть на восстание рабов. Я утверждаю, что это безумие. У Кетега слишком горячая голова, которая одна может спалить весь Рим. — Он покачал головой. — Знаешь, о чем я мечтаю? Я вспоминаю о древних восстаниях плебеев, когда, защищая свои права, они просто собирались и уходили из города, оставляя патрициев искать компромисса. Если бы только мне удалось собрать всех бедняков, должников, незащищенных и решить их проблемы мирным путем, я бы без промедления согласился. Но это всего лишь мечты; оптиматы не поделятся ни малейшей частичкой своей власти. Руководителей мирного сопротивления перебьют, а последователей продадут в рабство.

Именно Цицерон довел государство до кризиса. Там, где не было никаких доказательств заговора, он их выдумал. Пока мы с друзьями мешкали, он заставил нас действовать. Он довел дело до того, что либо он, либо мы должны погибнуть, а иного не дано. Он своими силами поддерживал постоянный конфликт. Он думает, что разобьет нас сейчас; во время своего консульства он достиг значительной власти, люди его любят. Оптиматы целуют его пятки, он будет спасителем Рима.

Но и в этом я сомневаюсь. Услышав его речь, услышав постоянные требования отправить меня в ссылку, я сомневаюсь, что он удовлетворится достигнутым. Что, если аппетит его только разжигается? Успокоится ли Новый Человек из Арпина, когда избавит Рим от заговора, которого никогда не существовало, и удалит из государства бунтаря, которому так и не пришлось додуматься до своего бунта?

— Так ты собираешься уехать? — спросил Метон, пододвигаясь ближе к огню. — Или возьмешься за оружие?

— Уеду... — сказал Катилина, не в ответ, а словно пробуя это слово на вкус. — Перед тем как покинуть Рим, я отправил письма некоторым должностным лицам — бывшим консулам, патрициям, магистратам. Я сказал им, что еду в Массилию, на юг Галлии, не как преступник, скрывающийся от закона, а как миролюбивый человек, не намеренный терпеть оскорбления и не желающий быть причиной беспорядков. И я туда уеду, если только они не загородят мне дорогу в Галлию. Я не готов взяться за оружие, я еще не уверен. Цицерон добился своего — он сделал меня изгнанником. Но он хотел вынудить меня пойти на отчаянные меры, и ему это не удалось.

— А что с твоей женой? — спросил я.

Он так повернул лицо, что свет от костра на него больше не падал.

— Аврелию и ее дочь я поручил Квинту Катулле, одному из самых непреклонных оптиматов, но честному человеку. С ним она будет в безопасности; что бы ни случилось, он ей не причинит вреда, и никто его не обвинит в соучастии со мной.

Буря усилилась. Снаружи доносились завывания ветра — словно то были полчища лемуров. От ударов грома пещера сотрясалась, как внутренность барабана. По склонам горы неслись потоки, выворачивая с корнем деревья и двигая камни. Вифания, должно быть, с ума сошла от тревоги, подумал я, и мне стало не по себе. Даже в такое ненастье охранники Цицерона могут вернуться ко мне домой и увидеть, что я исчез. Я все время размышлял над такой возможностью и не мог уснуть.

Время текло медленно. Люди Каталины спали по очереди, завернувшись в одеяла и прижимаясь друг к другу, чтобы согреться. Стража у входа не слишком усердствовала: даже Титан не посмел бы подняться на гору в такую погоду и напасть на нас. Каталина прислонился к каменной стене. Тонгилий положил голову ему на колени. Лицо Каталины оставалось в тени, но я видел, что его глаза открыты: время от времени они отражали свет пламени.

Метон задремал, но вдруг неожиданно проснулся и широко раскрыл глаза, вглядываясь в темноту. Неподалеку что-то сидело на камне, завернутое в покрывало, из-под которого поблескивало серебро.

— Что это? — прошептал он, поднимаясь и направляясь к этому странному предмету.

Катилина медленно повернул голову.

— Орел Мария, — сказал он тихо.

Я тоже уставился в темноту. Это был орел, с поднятым клювом и распростертыми крыльями. Серебро поблескивало, и он казался настоящей птицей, только замороженной. Метон подошел к нему, не смея дотронуться.

— Его несли впереди войска, когда Марий сражался с кимврами, тогда мы с тобой, Гордиан, были еще детьми.

— Он чудовищно тяжелый, — пробормотал Тонгилий сонным голосом. — Я знаю, ведь я сам его сюда затащил.

Катилина взъерошил его волосы, затем пригладил.

— Если дело дойдет до сражения, то он будет сидеть на моем штандарте. Замечательная вещь, не правда ли?

— А как он тебе достался?

— Долгая история.

— Буря усилилась, впереди у нас вся ночь.

— Достаточно сказать, что он мне достался от Суллы, во время его проскрипций. История его связана с кровью. Цицерон сказал Сенату, что я держу его дома вместо алтаря и обращаюсь к нему с молитвами перед тем, как совершить злодеяние. Своим языком он может запятнать даже чистое серебро.

— Орел, — произнес Метон, повернув голову так, что лицо его осветилось отраженным светом серебра.

— Да, — пробормотал я, почувствовав необычайную сонливость.

— Орел, настоящий орел, папа, ты видишь?

— Да-да, орел, — сказал я, закрывая глаза.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Буря неожиданно закончилась, небо, заполненное рваными облаками, осветилось оранжевым светом зари. Люди Катилины поднялись, собрали свои вещи и помогли друг другу перебраться через стену, загораживающую вход в шахту. Единственным доказательством их присутствия были хлебные крошки, зола, да запах недавнего костра.

Тропинку завалили ветви и камни, но не это было главным затруднением. У меня нестерпимо болели ноги. После подъема колени мои не сгибались, а икры превратились в деревянные. Отец мне как-то в детстве сказал, что боги решили посмеяться и сделали путь вниз по горе гораздо труднее пути вверх. Тогда я не понимал его. Сейчас, глядя на юношей, которые долго скакали из Рима, едва спали ночью, а теперь с улыбкой спускались вниз, я его понял очень хорошо. Каждый шаг отдавался ударом в моих коленях.

Я заранее опасался перехода через поток у водопада. Он и в самом деле стал более бурным или выглядел таковым при свете зари, когда любой водоворот казался черной дырой. Мы взяли за руки и сделали цепочку, протянувшуюся от берега до берега. Молодым людям, казалось, даже понравилось окунуться в холодную воду, их это только бодрило. Я терпел и смеялся вместе с ними, только вот не мог унять стучавшие зубы.

В том месте, где дорога расходилась — одна вела к дому Гнея Клавдия, а другая — к Кассиановой дороге, я отвел Катилину в сторону.

— По какой дороге мы пойдем? — спросил я.

Он удивленно поднял брови.

— По которой пришли, конечно.

Его люди ожидали нас возле тайной тропки. Он махнул им рукой, чтобы они спускались без него.

— А иначе нам придется красться на цыпочках мимо дома твоего враждебного соседа, а там собаки, рабы и все остальное. Ты ведь помнишь...

— Да, помню. Но я помню и другое.

— Гордиан, о чем ты говоришь?

— Ты не должен никогда возвращаться в мой дом. Ведь твои враги ожидают там твоего появления.

— Я понимаю.

— Моя семья — я должен позаботиться о ее безопасности.

— Конечно. А я должен позаботиться о том, чтобы сохранить голову на плечах.

— Катилина, хватит загадок и шуток.

На его лице отразилось беспокойство.

— Гордиан...

— Луций, ты идешь? — Тонгилий ждал нас у тропы вместе с Метоном.

— Идите без меня, — сказал Катилина через плечо шутливым голосом. — Старикам нужно немного передохнуть.

Тонгилий надул губы, затем кивнул и исчез. Метон последовал за ним, но лишь после того, как многозначительно посмотрел мне в глаза и помялся, словно ожидая нашего приглашения. Почему в любом моем действии он находит вызов для себя?

— Итак, Гордиан, в чем дело?

— С тех пор, как Марк Целий убедил меня принять тебя в моем поместье, у нас стали твориться странные вещи. Сначала я нашел в конюшне безголовое тело... — Я остановился и посмотрел в его глаза. Он внимательно слушал меня. — Потом тело в колодце...

— Да, ты говорил мне. Тот самый бедный пастух, что показал нам этот путь.

— Как ты его называешь?

— Что ты имеешь в виду?

— Кто для тебя бедный Форфекс? Шпион, сообщник, жертва? Почему он умер? Почему ему отрезали голову перед тем, как бросить в колодец?

Катилина посмотрел на меня серьезно.

— Ты несправедлив ко мне, Гордиан, если задаешь такие вопросы. Я и понятия не имею, о чем идет речь.

Я перевел дыхание.

— Ты, случаем, тайно не общаешься с Гнеем Клавдием?

— Твоим неприятным соседом? Я видел его только один раз в жизни, да и то вместе с тобой. После этого я поговорил о шахте с Крассом. Я посоветовал ему осмотреть ее, но, как я уже говорил, он не хочет иметь дело с Клавдием. Вот я и не возвращался к нему.

— Но теперь ты находишься в его владениях.

— Но ему об этом неизвестно. Мы здесь и не останемся; нас могут обнаружить пастухи и поднять тревогу. Я с первого раза понял, что шахта — идеальное место для укрытия, особенно если Красс ее купит. Конечно же, я исходил из того, что Красс мне верен. — Его глаза горько блеснули. — Но и без него это место мне пригодилось, не так ли? А что до тех происшествий в твоём поместье, то какое они имеют ко мне отношение?

— Они появлялись в те моменты, когда, по словам Целия, ты торопил меня с принятием решения.

— Торопил? Разве ты никогда не хотел видеть меня у себя?

Я покачал головой, не желая ничего объяснять. Разве можно дать ему понять, что меня принудил к этому Цицерон?

— Гордиан, я никогда не приказывал Целию убеждать тебя. Он мне говорил, что ты просто будешь рад моему присутствию.

— Но твоя загадка в Сенате о безглавых массах и сенаторах без тела. Странное совпадение...

— Гордиан, неужели ты говоришь, что принимал меня все это время только под давлением Целия? Да, таков он, твой злодей. Вот почему вчера к тебе прискакали приспешники Цицерона — вероятно, Целий им обо всем рассказал. Он, должно быть, все это время оставался преданным Цицерону. О, Юпитер, подумать только, какие тайны я ему доверял! — Он склонил голову с болезненным взглядом. — Гордиан, так ты вообще не испытывал никакого сочувствия к моему делу? Ты просто поддался уговорам Целия, когда пустил меня в дом?

Я мог сказать «да» и солгать, поскольку правда уже не сводилась к таким простым высказываниям.

— Ну, ладно, — сказал он. — Главное то, что ты не предал меня вчера ночью, когда для этого были все возможности. Если, конечно... — он тревожно посмотрел вниз, — если, конечно, там их с Тонгилием не поджидает засада!

Он взялся за рукоятку меча. Меня охватила тревога. Он повернулся ко мне с глазами убийцы, и вот тогда я по-настоящему понял всю глубину его отчаяния. Луций Сергей Катилина был патрицием, он родился привилегированным. Верил в то, что так определили боги, верил, что ничто не может поколебать его положения, верил в почтительность со стороны остальных, верил в силу своего очарования. Теперь все это исчезло; все люди и боги постепенно предали его.

Я взял его за руку, с силой сжав ее, чтобы удержать его меч в ножнах.

— Нет, Катилина, с твоими людьми все в порядке. Я не предал тебя. Подумай — ведь с ними Метон. Не стал бы я рисковать своим сыном.

Он постепенно расслабился. Губы вытянулись в болезненную улыбку.

— Видишь, что творится со мной? — Он смотрел на тропу, словно все еще видел своих людей, спускавшихся по ней. — Но ведь они ждут меня, я их предводитель. Давай поспешим!

Как я и боялся, путь вниз оказался намного труднее подъема. Дождь превратил дорожку в грязное месиво, вперемешку с ветками и камнями. Мы спотыкались и хватали друг друга за руки, стараясь совместными усилиями сохранить равновесие. Мы спускались скорее не шагая, а скользя. Я ушиб локоть и ободрал колени; я уже столько раз падал на задницу, что даже перестал обращать на это внимание. Неподалеку мы слышали голоса людей, шутивших и предупреждавших друг друга об опасности. Мне и самому вдруг стало смешно, но смеяться у меня уже не хватало сил.

Наконец мы подошли к каменистой площадке, где нас ожидали лошади. Они выглядели очень несчастными после дождливой ночи, но заржали при виде Каталины, словно им не терпелось двинуться в путь. Мы же все были покрыты грязью с головы до ног, особенно я.

— Я уже разведал дорогу, — сказал Тонгилий. — Впереди никого нет.

Мы по одному друг за другом вывели своих лошадей из-за огромного камня и дуба. Я дал им свою лошадь вместо потерянной. Мы с Метоном можем доскакать до дома и на одной.

Веселый спуск восстановил добродушие Каталины. Он дернул поводья, и лошадь его пустилась легким галопом. Потом встала на дыбы, заржала и потрясла головой, будто довольная, что вся покрылась грязью. Он успокоил ее, похлопав по загривку, и подъехал обратно к нам.

— Так ты точно не едешь с нами, Гордиан? Да нет же, я просто пошутил! Твое место — здесь. У тебя семья. У тебя будущее.

Он проехался кругом, и его окружили соратники. Насколько же странно выглядели его спутники — грязные, усталые, но довольные, словно выиграли битву.

— Тонгилий, у тебя серебряный орел? Хорошо. Гордиан, я благодарю тебя за то, что ты мне помог. И за то, что ты мог сделать, но не сделал, я благодарю тебя еще больше.

Он повернулся и поскакал стремительным галопом.

Мы с Метоном выехали на дорогу и долго смотрели, как он и его спутники превращаются в черные точки на горизонте.

Метон вслух спросил о том, о чем я подумал про себя:

— Увидим ли мы его когда-нибудь еще?

Ответило мое тело — плечи мои невольно содрогнулись. Кто, кроме Судьбы, знает ответ на этот вопрос? Но я боялся, что Каталину мы видели в последний раз.

Когда мы добрались до дома, Диана пришла в полный восторг, думая, что мы с самого утра играли в грязи. Вифания ужаснулась, но потом вздохнула с облегчением, хотя и не хотела того показывать. Я устал, дал ей протереть меня губкой и лег спать. Через некоторое время она прилегла рядом со мной и так отчаянно предалась любви, как этого не было в течение долгого времени. Потом мы спали.

Катилина ехал на север, а Цицерон в Риме произносил против него свою вторую речь — на этот раз не перед сенаторами, а перед римским народом, собравшимся на Форуме. Это я узнал на следующий день из письма Экона, которое мне принес его раб; там мой сын предупредил меня и о побеге Каталины, но слишком поздно.

Цицерон многое повторял из предыдущей речи, но с еще большим ядом и большими гиперболами. Экон никак не комментировал его выступление — а вдруг письмо попало бы в посторонние руки? — но вместо этого привел много цитат. Возможно, он тоже ужаснулся, как и я, и счел необходимым дословно передать речь или решил, что стоит и мне почитать примеры такой зажигательной риторики. В своей речи Цицерон оповещал, что Катилина сбежал из Рима, и смиренно просил дозволения «удалить кинжал от нашего общего горла». Потом он скромно заметил, что многие могут обвинить его в том, что он не покончил с Каталиной (хотя казнить римского гражданина имеют право только суд и народное собрание). Побег Каталины доказывает его виновность, и Цицерон сетовал на глупость тех, кто раньше не понимал этого. Если есть такие, для кого Катилина безвинный мученик, а он — злобный палач, то он готов выслушать подобные обвинения и взять весь груз решения на себя. Что касается заговорщиков, до сих пор остающихся в Риме, то у этой банды переодетых головорезов нет от него никаких секретов; их повсюду сопровождают «глаза» и «уши» консула, он даже знает их сокровенные мысли.

Что касается слухов, что Катилина направляется в Массилию, а не в Манлию, то это правдоподобно, хотя он, Цицерон, в этом сомневается: «Клянусь Геркулесом, даже если бы он и был невиновен в заговоре, то все равно погиб бы, защищаясь, а не сбежал, такой он уж человек». Цицерон очень проницательно оценивает своего соперника.

Он снова, и довольно подробно, коснулся распушенности Каталины, называл его совратителем молодежи, упоминая Тонгилия и других, говорил, что Катилина во многом преуспел благодаря тому, что убил некоторых их родителей и поделил наследство с сыновьями. Катилина, заметил Цицерон, бесстыдно принимал и активную, и пассивную роли. Его физическая сила и выносливость давно истощились за время безумных оргий.

Его друзья тоже разделяли с ним эти его пристрастия. Как и их учитель, они испытали все роли в постели. Миленькие мальчики, рожденные танцевать и услаждать слух пением, они тем не менее учились вонзать кинжалы и отравлять ядом, чего не скажешь, взглянув на их надутые губы и приглаженные бородки. Они промотали свое состояние в играх, в развлечениях со шлюхами, покупая дорогие вина, а теперь хотят перебить всех честных граждан и сжечь город, только бы не платить по долгам. Теперь, когда Катилина и его приспешники в бегах, что они будут делать без своих девиц и угодников долгими ночами? Возможно, танцевать голыми возле костра, чтобы согреться, предположил Цицерон.

Толпа на Форуме все это спокойно проглотила. Но разве мог хоть самый неразумный из них проглотить следующее? «В каком только грехе не повинен Катилина? — вопрошал Цицерон. — Во всей Италии не найдется такого отравителя, гладиатора, грабителя убийцы, фальшивомонетчика, обманщика, обжоры, расточителя, прелюбодея, совратителя молодежи

или совращенного юноши, который бы не был приятелем Катилины. Какое убийство в последние годы обошлось без него? Какая распутная оргия?»

Ничто так не различается, как день и ночь. На моей стороне, заметил Цицерон, все скромные, целомудренные, честные, патриотичные граждане; на стороне Катилины — все дерзкие, горячие, распутные, склонные к предательству. «С одной стороны — справедливость, умеренность, смелость, мудрость и все хорошее, с другой — несправедливость, невоздержанность, трусость, предательство. Процветание борется с разорением, правота против обмана, благоразумие против безумия, надежда на будущее против безнадёжного отчаяния. Даже если силы человеческие невелики, то сами боги определили, чтобы мерзость и порок подчинились стройному порядку вещей».

Какой же патриот мог не поприветствовать подобную речь?

В ходе своего выступления Цицерон несколько раз напомнил о возможности восстания рабов, говоря, что Катилине только того и нужно, чтобы воцарился хаос и чтобы государство разрушили беглые рабы и гладиаторы. Он ненавидит насилие, но во времена опасностей стоит быть начеку. И он снова воззвал к «бессмертным богам», чтобы они придали ему силы, ему и «непобедимому народу, процветающему государству и этому самому прекрасному из всех городов».

Голос Цицерона был превосходен, а композиция его речи — непогрешима, писал Экон. Я читал эти упражнения в ораторском искусстве и все больше хмурился.

Я отправил ответ с тем же посланником. Я написал ему, что гость, о котором он спрашивал, на самом деле проезжал по Кассиановой дороге, но ко мне не заехал. По взаимному соглашению, он больше не будет останавливаться у меня. Я не хотел, чтобы Экон беспокоился.

Дожди тем временем продолжались. Земля напилась, а поток устремился с прежней силой. Хотя нам еще придется побеспокоиться насчет сена, но о воде уже не стоит. В первый раз я увидел, как вода заставляет работать мельницу без помощи людей. Видя, как вертятся зубчатые колеса, сцепляющиеся друг с другом, передают вращение валам и жерновам, я вспоминал о Луции Клавдии, в котором все было так же гармонично. Он бы порадовался мельнице, и меня это восхитило. Я также вспомнил о Катилине, который помог мне разрешить одну проблему. Это меня радовало меньше, но я все равно желал добра ему и его компании. А потом, я старался не думать о них вовсе.

Но долго так продолжаться не могло, я знал. Вся Италия говорит о Катилине и ожидает решения его участи. Некоторые с удовольствием передавали слухи о восстании против оптиматов; другие презрительно сплевывали при упоминании его имени, ожидая его гибели; а иные обреченно готовились к гражданской войне, сопровождаемой смутами и разрушениями, что было не редкостью для Италии за последние десятилетия.

Я втайне надеялся, что Катилина уедет в Массилию, как и говорил. Но этого не случилось, или так мне показалось из письма, которое мне прислал Экон через несколько дней после октябрьских ид:

«Дорогой папа, дела в городе не дают мне возможности повидаться с тобой, а иначе я, конечно же, приехал бы. Мне недостает твоего уверенного голоса и советов. Я скучаю и по Вифании, и по Диане, и по моему брату Метону. Передавай им мой привет.

Новости здесь таковы, что Катилина решил поднять оружие, вместе с Манлием в Фезулах. Сначала он остановился в Арреции, чтобы разрешить там некоторые проблемы. Мы каждый день ожидаем восстания то на севере, то на юге, то здесь, то там. Народ в Риме взволнован и возбужден. Я такого не помню со времен Спартака. Люди ни о чем другом и не говорят, и даже У рыбного торговца и лавочника есть свое мнение. Как сказал один драматург: «Мир сотрясается словно паутина, задетая в одном ее углу».

Сенат, по настоянию Цицерона, объявил Катилину и Манлия вне закона, врагами народа. Каждый, кто даст им прибежище, также станет врагом народа. Мне кажется, ты понял, о чем речь.

Армия теперь под командованием консула Антония. Война определенно будет. Люди говорят, что Помпей спешит в Рим из своих чужеземных походов, но ведь люди всегда так говорят о Помпее, не так ли?

Пожалуйста, папа, приезжай к нам в Рим и привози с собой семью. Ведь сейчас не время жить в поместье. Богатые люди всегда возвращаются в город на зиму, почему бы и тебе не вернуться? Если будет война, то, скорее всего, в Этрурии, а я спать не могу, когда думаю о том, насколько вы незащищены. В городе вам будет спокойнее.

Если не хочешь возвращаться надолго, то хотя бы приезжай в гости, тогда мы с тобой поговорим подробнее, а то ведь в письме всего не скажешь.

Ожидаю тебя, твой любящий сын Экон».

Я дважды перечитал письмо. В первый раз меня тронула его забота, я улыбнулся цитате из Болифона (второстепенного драматурга, но Экон всегда интересовался театром) и покачал головой его предупреждению не пускать Катилину в мой дом; почему он вернется? При втором чтении меня поразило его искреннее беспокойство и тревога.

Когда мне нужно было его присутствие, Экон всегда приезжал ко мне в поместье, даже если я его и не просил. Теперь же он настойчиво убеждал меня посетить его, и я не мог отказать ему в просьбе. Я посоветовался с Вифанией. Спросил Арата, когда менее всего нужно мое присутствие (зная, что ему не терпится самому в город в начале декабря).

Для человека, подобно мне ненавидящего политику, трудно было выбрать более неподходящее время. Летом я попал в разгар выборов и даже против моей воли участвовал в голосовании. А зимой меня ожидало еще более впечатляющее зрелище — последний месяц консульства Цицерона, когда он постарается выжать все, что только возможно при такой власти. Иногда мне кажется, что жизнь подобна Критскому лабиринту: куда бы мы ни пошли, непременно ударяемся носом в песок, а где-то в глубине смеется Минотавр.

Часть четвертая NUNQUAM

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ

На следующий день после декабрьских календ мы отправились в Рим спозаранку. В спину нам дул ветер, бодрящий, но не прохладный, и лошади наши были в хорошем расположении духа. Мы прекрасно провели время в дороге и подъехали к Мильвийскому мосту, когда солнце стояло уже высоко.

Движение было небольшое, по сравнению с тем, что мы видели в прошлый раз. Но даже сейчас перед мостом скопилось группа людей. Я сначала подумал, что это странствующие торговцы, предлагающие свой товар, но, подъехав поближе, увидел, что эти люди что-то очень оживленно обсуждают. Собравшиеся принадлежали к разным слоям общества — местные крестьяне, вольноотпущенники, а также несколько богато одетых путешественников со своими рабами.

Когда мы приблизились к ним вплотную, я знаком показал рабам, чтобы они оставили

повозку с Вифанией с краю от дороги. Мы же с Метоном спешили и подошли к толпе. Там одновременно разговаривали несколько человек, но всех перекрикивал крестьянин в пыльной тунике.

— Если это правда, то почему они не убили его на месте?

Его вопрос был адресован состоятельному купцу, судя по кольцам на пальцах и по сопровождавшим его рабам, которые были одеты гораздо роскошней крестьянина.

— Я только повторяю то, что слышал сегодня в городе, — сказал купец. — Мне нужно ехать по делам на север; а иначе я остался бы и подождал, чем кончится дело. Говорят, что Цицерон может обратиться к гражданам Рима.

— Цицерон! — сплюнул крестьянин. — От грохота у меня в животе бурчит.⁴

— Уж лучше, чем варварский нож, что приготовили для тебя эти предатели, — отозвался купец.

— Ложь, как и всегда, — ответил крестьянин.

— Нет, не ложь, — проговорил другой человек, стоявший прямо передо мной. — Человек из города знает, о чем говорит. Я живу в этом доме, возле реки. У меня провели ночь претор со своими людьми, и мне многое известно. Они поджидали в засаде, потом должны были схватить предателей на мосту и арестовать их...

— Ну да, Гай, ты уже рассказывал нам свою историю. Конечно, солдаты арестовали кого-то, но были ли это предатели? — спросил сердитый крестьянин. — Послушай, ведь все это мог подстроить сам Цицерон с оптиматами, чтобы разбить Каталину.

Другие присоединились к нему в сердитом хоре одобрения.

— А почему бы и нет? — спросил купец. Толпа все более возбуждалась, и рабы сплотились вокруг своего хозяина, словно выученные собаки. — Катилине давно уже пора умереть. Вина Цицерона только в том, что он не проявил достаточной решительности, когда тот был в Риме. Вместо этого Катилина продолжал замышлять недоброе, и видишь, до чего дошло — римляне подстрекают варваров к восстанию! Это позор.

Тут загудели те, кто был согласен с купцом.

Я дотронулся до плеча человека по имени Гай, который говорил, что живет поблизости.

— Я приехал с севера, — сказал я. — Что случилось?

Он обернулся и уставился на нас своими красными от бессонной ночи глазами. Волосы его были взъерошены, а подбородок порос щетиной.

— Давайте отойдем немного, — сказал он. — А то я уже и думать не могу в таком шуме.

Он полушутя вздохнул, но я понял, что он рад очередному слушателю, поскольку люди в толпе заняты спором и все уже знают.

— Ты едешь в город?

— Да.

— Об этом там все говорят, вне всякого сомнения. А ты можешь похвастаться, что узнал обо всем от очевидца. — Он важно посмотрел на меня, чтобы я уяснил себе, насколько мне повезло.

— Да, да, продолжай.

— Прошлой ночью, когда я уже лег спать, они постучали в мою дверь.

— Кто они?

— Претор, по крайней мере, он так сказал. Представь себе только! Его зовут Луций Флакк. Он пришел по поручению самого консула. Его окружала компания людей в темных плащах. И у всех были мечи, как у легионеров. Он сказал, чтобы я не беспокоился, но им нужно провести ночь в моем доме. Попросил позволения оставить своих лошадей в моей конюшне и чтобы я послал своего раба показать дорогу. Спросил, есть ли в доме окно,

⁴ Cicero по-латыни означает «горох». — Прим. пер.

выходящее на мост. Спросил меня, патриот ли я, и я ответил, что да, конечно. Он сказал, что доверяет мне, но на всякий случай дал сребреник, чтобы я молчал. Но ведь за постой солдат всегда платят, не так ли?

— Но ведь это были не солдаты? — спросил Метон.

— Ну, мне кажется, нет. Они ведь не были одеты как воины. Но их послал консул. В прошлом месяце Сенат принял декрет — должно быть, вы слышали, — консула наделили всеми возможными полномочиями. Так что я не особо удивился, увидев вооруженных людей, сказавших, что их послал консул. Я, конечно, не подозревал, что окажусь в гуще событий! — Он покачал головой и слабо улыбнулся. — Тем временем претор расположился у окна и растворил ставни — вот, наклонитесь чуть-чуть вперед, и вы сами увидите мой дом и окно, выходящее на мост и реку. Потом послал одного из людей за головешкой из очага, взял ее, высунул в окно и помахал. А видите тот дом, на другом берегу реки? Оттуда ему ответили таким же образом. Они прятались на обоих берегах, понимаете? Это была засада. Я сам догадался, мне никто не говорил.

Он остановился, чтобы мы прониклись всем драматизмом ситуации.

— Да, — сказал я, — продолжай.

— Ну так вот, наступила ночь, но ни я, ни моя жена и дети не могли заснуть. Зажигать свет было нельзя, потому мы и сидели в темноте. Претор не отходил от окна. Его люди собрались в кучу и переговаривались тихими голосами. Где-то между полуночью и рассветом мы услышали цоканье копыт по мосту. Мост отзывался словно барабан. Всего лишь несколько лошадей. Претор замер, а люди замолкли. Я стоял в другом конце комнаты, но все видел через плечо претора. На том берегу снова появился свет в окошке. «Вот они!» — сказал претор. Люди в мгновение ока вскочили и обнажили мечи. Я прижался к стене, чтобы дать им дорогу. Потом на мосту послышался шум, способный разбудить и лемулов утопленников. С двух концов на середину устремились вооруженные люди, слышались крики и проклятья, я даже различил крики на этом ужасном галльском наречии.

— Галльском? — переспросил Метон.

Да, некоторые из задержанных оказались галлами, из племени аллоброгов, как мне сказал впоследствии претор. Но другие были римлянами, хотя и не заслуживают этого названия. Предатели!

— А откуда тебе это известно? — спросил я.

— Потому что мне рассказал претор Луций Флакк. После удачной засады он очень гордился собой и расхвастался. Ведь он ждал, ждал, — тут собеседник хлопнул руками, — и раз! Все готово. Без единой капли крови; по крайней мере, никаких следов сегодня на мосту заметно не было. Предателей сбросили с коней, разоружили и связали. Флакк похлопал меня по плечу и сказал, что и я внес свой вклад в защиту Республики. Ну, я и сказал ему, что горжусь, но что еще более буду гордиться, когда узнаю, в чем дело. «Вскоре все об этом будут говорить, — сказал он, — но почему бы тебе и не узнать раньше всех? Те люди, которых мы арестовали, — заговорщики против Республики!»

«Люди Катилины?» — спросил я его. Я жил на проезжей дороге, и потому мне могло быть известно о вражде консула и негодяя-бунтовщика.

«Посмотрим, — сказал претор. — Здесь могут быть кое-какие доказательства». Он взял в руки документы, найденные у задержанных. Все они были запечатаны воском. «Письма предателей к заговорщикам, пусть сам консул их откроет. Но самое худшее — то, что с ними были галлы». Он указал на группу варваров в кожаных штанах, которые все еще сидели на своих лошадях.

«Они — враги?» — спросил я, недоумевая, почему их тоже не связали. «Нет, — ответил претор, — друзья, как выяснилось. Это посланцы племени аллоброгов из Цизальпинской Галлии, по эту сторону Альп, находящейся под владычеством римлян. Предатели хотели и их вовлечь в свой заговор. Они подстрекали аллоброгов на восстание, когда заговорщики начнут

беспорядки в Риме. Представь себе только, обратились к варварам, чтобы те воевали против самих же римлян! Можешь ли ты представить себе что-нибудь более гнусное?» Я сказал, что не могу. «Эти заговорщики нисколько не уважают свой народ. Они презирают и собственных богов, раз задумали такое преступление. Но, к счастью, аллоброги решили не вмешиваться и доложили обо всем Цицерону, у которого повсюду есть глаза и уши. Но заговорщики, думая, что аллоброги на их стороне, передали с ними послание Каталине. Нам удалось не выпустить их из Рима. Сенату и народу римскому решать, как поступить с этими отбросами».

Рассказчик остановился для передышки. Он превосходно умел передавать события и речь других лиц, вероятно, с помощью многочисленных репетиций.

— Ну так вот, я не спал все это время, как вы можете представить. Сначала боялся, потом был слишком возбужден. Наступил рассвет, и соседи пожелали знать, что за шум был ночью, — думая, что это разбойники или сбежавшие гладиаторы, они затворили окна и двери. Вот я и передаю новости всем, кто пожелает услышать. — Он неожиданно широко зевнул и протер глаза. — Не каждый же день случается такое. Как сказал претор, и я внес свой вклад в защиту Республики!

В это время комок навоза ударил его в щеку. Человек схватился за голову.

— Пусть Юпитер обратит тебя в жабу! — прокричал крестьянин, сочувствующий Каталине. Это он кинул навоз, целясь в купца, который проявил необычайную изворотливость.

— Как ты посмел? — закричал купец.

— Убери своих грязных рабов! — воскликнул неожиданно окруженный крестьянин.

В толпе мелькнуло лезвие меча, я пошарил рукой в поисках Метона, но он был уже впереди меня. Мы вскочили на коней, погонщик привел в движение повозку. Посередине моста — там, где претор Луций Флакк задержал заговорщиков и неверных им галлов, — я оглянулся назад. Спор закончился небольшой дракой. В воздухе мелькали комки навоза и слышались проклятия. Сердитый крестьянин, пошатываясь, вышел из толпы в сопровождении нескольких сторонников. Он обеими руками сжимал голову, по его лбу текли ручейки крови. Гордый свидетель Гай тем временем совершил стратегический маневр и отступил к своему дому у реки, где и смотрел, зевая, на все происходящее.

Рим, подумал я, похож на Вифанию. Как я со временем приучился определять ее настроение по малейшему наклону головы, по тому, как она кидает на стол расческу и щетку, как задерживает дыхание, так я определял и настроение в городе — по мельчайшим признакам. После того, что я услышал на мосту, я держался настороже. Торговцы прогоняли посетителей от прилавков и закрывали свои лавочки. Таверны были переполнены. На улицах было мало женщин. Лишь стайки мальчишек сновали там и сям, а взрослые стояли на углах и разговаривали. Наблюдалось общее движение по направлению к Форуму, иные шли намеренно быстро, других несло по течению, словно соломинок. Такое у меня сложилось впечатление, пока мы доехали до дома Экона на Субуре. Мне показалось, что мы плывем против течения.

Менения поприветствовала нас. Диана устремилась к ней в объятия, я же спросил, где Экон, и получил ответ, который и ожидал.

— Он ушел на Форум, совсем недавно. Говорят, что сегодня после обеда к народу обратится сам Цицерон. Мы не ожидали вас так рано, но Экон сказал, что в том случае, если ты приедешь, его можно найти на Форуме.

— Мне кажется, что лучше... — начал я, но меня Прервал Метон.

— Мы поедem на лошадях или пойдем пешком, папа? — спросил он, жадно всматриваясь в мое лицо. — Я лучше пойду пешком, а то у меня вся спина болит от верховой езды! Кроме того, там, вероятно, негде оставить лошадей, да и путь недолог...

Мы решили идти пешком.

Ощущение того, что мы попали в поток, усиливалось с каждым шагом по мере

приближения к Форуму. Поток убыстряется в месте сужения реки, вот и мы пошли быстрее. Все вокруг нас разговаривали, и до меня долетали обрывки одних и тех же слов: «Предатели... аллоброги... Цицерон... Катилина...»

В такой толчее невозможно найти Экона, подумал я, но Метон крикнул его имя и помахал рукой. Поверх толпы вынырнула рука, и я увидел удивленное и обрадованное лицо Экона.

— Метон! Папа! Я и не знал, что вы приедете так рано. Вы уже побывали дома? Давай поспешим, а то он скоро начнет.

И в самом деле, далеко впереди я услышал знакомый голос.

Мы направились к открытому пространству у храма Согласия. За храмом возвышался крутой Арке. Справа находилось здание Сената и Ростра, с которой много лет тому назад Цицерон произнес речь в защиту Секста Росция. Слева начиналась лестница, ведущая на Капитолийский холм и на Арке. Задержанных преступников привели в храм Согласия, и здесь же Сенат постановил быстро провести слушание дела. Из храма вышел Цицерон и, стоя на его ступенях, обратился к народу. За ним возвышалась статуя Юпитера, бросаясь в глаза своей новизной и искусной работой. Отец богов сидел на троне, напрягая сильные бронзовые мускулы, на его грудь падала солидная борода, в одной руке были зажаты пучки молний, в другой — сфера; он ярко блестел на солнце, посылая повсюду желтые лучи. Цицерон по сравнению с ним казался простым маленьким смертным, но голос его, как и всегда, был оглушителен.

— Римляне! Спасти от опасности, ускользнуть из пасти рока, избавиться от пучины бедствий — что может быть радостней? Вы спасены, римляне! Ваш город спасен! Радуйтесь! Хвалите богов!

Да, спасены, ибо во всем городе, под каждым домом, храмом, священным местом раскладывали костер бедствий. Языки пламени уже заплясали — мы придавили их ногой! Мечи уже были подняты и приставлены к горлу — но мы отбросили эти мечи и затупили их голыми руками! Этим утром перед Сенатом я поведал всю правду. Теперь я и вам, граждане, кратко расскажу о той опасности, которой вам предрасположено было избежать. Я расскажу вам, как во имя Рима и с помощью богов об опасности стало известно, как с ней боролись и как ее победили.

Во-первых, когда несколько дней тому назад Катилина сбежал из города — или, сказать точнее, я выгнал его из города, — я честно признаюсь вам в этом, ведь я больше не боюсь, что вы обвините меня в неправомерных действиях, даже, скорее, станете меня порицать, что я долго держал его в Риме и подвергал опасности ваши жизни, — итак, когда он покинул город, я надеялся, что вместе с ним удалятся и все его приспешники и мы будем избавлены от них навсегда! Увы, не так уж мало этих негодяев осталось в городе, продолжая разрабатывать преступные планы. С тех пор я проявлял постоянную бдительность; да, ваш консул не позволял себе спать или даже сомкнуть глаза, ведь я знал, что рано или поздно они примутся за действия. Но даже меня поразили неопровержимые доказательства. Вы должны поверить, ради вашей же безопасности!

До моего слуха дошли сведения о том, что претор Публий Лентул — да, граждане, Лентул-«Ноги» — не смейтесь, пока я не сказал главного! — старался подкупить послов аллоброгов, надеясь поднять восстание в Альпах. Вчера эти послы отправились обратно в Галлию, имея с собой письма и распоряжения, сопровождал их один из приспешников Лентула, Тит Вольтурций, у которого было письмо к самому Катилине.

О Геркулес, подумал я, наконец-то настал момент, о котором я давно молил богов, — настало время разоблачить всю глубину падения этих людей, представить перед Сенатом и народом неопровержимые доказательства их злонамеренности. Вчера я вызвал к себе двух преданных и добропорядочных преторов, Луция Флакка и Гая Помптиния, и объяснил им положение дел. Исполненные самоотверженного патриотизма, эти люди вняли моим

приказаниям без всяких колебаний. С наступлением ночи они тайком пробрались к Мильвийскому мосту, разделили своих людей на две группы и расположили их по разные стороны Тибра, а сами скрылись в близрасположенных домах и принялись ждать.

В ранний час их терпение было вознаграждено. На мосту показались послы аллоброгов в сопровождении Вольтурция и его предательски настроенных друзей. Наши люди окружили их и захватили. Обнажились мечи, но преторы со своими воинами заранее предвидели такую возможность, Вольтурций же с компанией поразились неожиданному нападению и тому, что аллоброги отъехали в сторону и не встали на их защиту. Преторам попали в руки их письма, нераспечатанные. Вольтурция с людьми взяли под стражу и привели к дверям моего дома как раз перед рассветом. Я немедленно вызвал тех людей, печати которых красовались на письмах, и тех, кто был причастен к заговору, среди них печально известный Гай Кетег и, конечно же, Лентул, который прибыл позже всех, несмотря на репутацию своих ног. Возможно, ему хотелось спать после того, как он всю ночь писал письма.

Меня посетили несколько государственных мужей. Они побуждали меня продолжить начатое и самому распечатать письма, чтобы знать наверняка, в чем обвинять злодеев. Но я настоял, чтобы их открыли и прочитали только перед Сенатом. Я поспешно созвал Сенат здесь, в храме Согласия. Вспомните, в честь чего поставлен этот храм: в честь порядка и согласия всех сословий римлян — плебеев и патрициев, богатых и бедных, вольноотпущенников и свободных по рождению, — в честь всех тех, кого сегодня спасли от угрозы, нависшей над нашим государством.

Сначала Вольтурция вызвали, чтобы дать показания перед Сенатом. Человек был настолько испуган, что едва мог говорить. Чтобы развязать ему язык, ему пообещали неприкосновенность — ведь он был всего лишь посланником, назначенным для передачи письма, хотя ему многое было известно, как впоследствии выяснилось. Этот заикающийся посланник прибыл из Кротона, расположенного на самом юге Италии, на ее подошве, так сказать. И этой язвочки оказалось достаточно, чтобы поразить все планы «Ноги» Лентула.

Я вздохнул и посмотрел вокруг себя. Толпа смеялась, как смеялась всегда, когда Цицерон принимался играть словами. Говорят, что даже перед искушенными сенаторами он не мог удержаться и не сострить, если была такая возможность и если от этого врагу приходилось несладко. Улыбался даже Экон. Но Метон не улыбался, он настороженно хмурился, словно разгадывал загадку посложней игры слов Цицерона.

— И что же открыл нам Вольтурций? Я вам скажу: Лентул дает ему письмо, в котором просил Катилину как можно быстрее собрать армию из беглых рабов и повести ее на Рим.

Смех прекратился, и в толпе послышались крики возмущения. Я вспомнил, как Катилина изображал Цицерона, метającego молнии и подчиняющего толпу своей воле. Теперь мне казалось, что я гляжу не на Цицерона, а на блестящую статую Юпитера позади него и на беспокойные лица зрителей.

— В их план входили поджоги всех семи холмов внутри города — да-да, каждому заговорщику отводится определенный участок — и убийство многих граждан. Катилина должен был прийти на подмогу своим соратникам в городе и добить тех, кто попытается скрыться от него.

Волна гнева, словно горячий ветер, пронеслась по толпе. Восстание рабов и пожар: этих напастей более всего боялись римляне. Рабы и огонь придуманы, чтобы доставлять удовольствие людям, помогать им, но, выпущенные из-под контроля, они могут причинить неисчислимые бедствия. Использовать их против своих же сограждан казалось невероятным преступлением, предательством, а Цицерон обвинил Катилину с его товарищами сразу в обоих грехах.

— Потом перед сенаторами выступили аллоброги. Они сказали, что с них взяли клятву, вручили письма Кетега и Лентула и приказали послать своих всадников на помощь восставшим. Представьте себе только армию рабов, преступников и галлов, вступающих в

горящий Рим! Чтобы уверить их в успехе, Лентул сообщил им, что все предсказатели и даже книги Сивиллы сходятся в одном: ему предназначено быть правителем Рима, третьим Корнелием после Суллы и Цинны — правителем Рима или того, что от него останется, ведь ясно, что городу грозят бедствия, раз уж этот год десятый после обвинения девственной весталки и двенадцатый после пожара в Капитолии.

Цицерон помолчал и потряс головой от презрения к таким нечестивым суевериям.

— Аллоброги также рассказали нам о разногласиях среди заговорщиков. Лентул, ленивый и медлительный, хотел дожидаться семнадцатого дня и уж тогда начинать резню под прикрытием праздника Сатурналий — того дня, когда хозяева меняются со своими рабами. Но кровожадному Кетегу не терпелось дожидаться удобного случая и начать истребление и пожары прямо сейчас.

Потом настало время опросить самих обвиняемых. Их по очереди вызывали и показывали письма. Кетег признал, что печать его, но отрицал, что это его нить. Письмо же было написано его почерком и содержало все то, о чем я вам уже сообщил. Ранее я послал в дом Кетега специальный отряд, обнаруживший там большой тайник оружия — мечей и кинжалов. Их конфисковали. Кетег же насмешливо заявил нам, что он просто собирал оружие — таково его увлечение! Но когда письмо прочли вслух, он испугался, устыдился и замолчал.

Потом привели еще одного — Сатилия. Вскрыли письмо и снова обнаружили описание ужасного плана.

Затем настала очередь Лентула. Его письмо прочли. Там было то же самое, но он отказывается признать вину, как остальные. Я дал этому человеку — претору когда-то и римскому консулу — возможность защищаться. Он отказался, но захотел, чтобы привели Вольтурция и аллоброгов, чтобы он выслушал и их показания. Мы так и сделали. Но это его и подвело — они повторили все то же самое, а когда дело дошло до предсказаний, то мы ясно увидели, что может сделать с человеком стыд.

Все злодейство его замыслов и тщетная суеверная надежда на власть неожиданно предстали перед ним и лишили его рассудка, и вместо того, чтобы отрицать свою вину, что легко можно было бы сделать, он пустился в откровения. Никогда еще мы не слышали из его уст такого хнычущего голоса; ораторское мастерство и известный сарказм покинули его в то время, когда он больше всего нуждался в них.

Потом позвали Вольтурция, чтобы и перед ним открыть последнее нераспечатанное письмо. Увидев его, Лентул задрожал и побледнел; тем не менее он признал, что и письмо и печать — его. Я вам сейчас его зачитаю.

Не отвлекаясь и не поворачиваясь, Цицерон протянул руку. Вынырнувший у него из-за спины секретарь Тирон вложил ему в ладонь письмо. Цицерон развернул документ и зажал в обеих руках.

«Ты узнаешь, кто я, от того человека, кто принесет это письмо. Помни, что ты мужчина; трезво оценивай ситуацию; предпринимай необходимые шаги. Используй помощь всех, даже самых низких по положению».

Цицерон отбросил руку, словно письмо слишком дурно пахло, и Тирон избавил оратора от него.

Письма, печати, почерк, признания — граждане, вот наиболее явные доказательства, обличающие этих людей. Но еще более обличает их беспокойный взгляд, бледность лиц, их ошеломленное молчание. Их чувство вины — наиболее веское доказательство.

Располагая этими свидетельствами, мы собрались и постановили заключить под стражу этих девятых, несмотря на то, что заговорщиков значительно больше. Но мы надеемся, что они внимут голосу совести и образумятся, видя, как наказаны их главари.

Таким образом, безрассудные планы Каталины потерпели полное поражение. Если бы я

вовремя не изгнал его из города, то неизвестно еще, чья сторона взяла бы верх. Ведь поскольку ленивый Лентул и горячий Кетег не представляли особой угрозы, то мне было легко следить за их планами. Катилина же не таков. Он умеет втираться в доверие, ему известны мельчайшие подробности всех затеваемых предприятия, он известен своей хитростью, своей силой, физической выносливостью. Это и сделало его одним из самых грозных врагов Рима — пока он был среди нас. Он бы не поступил так глупо — посылать письма со своими печатями! Если бы он оставался среди нас, то нам бы предстояла долгая борьба, борьба до самой смерти.

Цицерон остановился. Он сжал руки и склонил голову, потом с глубоким вздохом возвел глаза к статуе Юпитера и подошел к ней поближе.

— Дорогие мои сограждане, я уверен, что в этих делах меня вела воля бессмертных богов. Это бесспорно, ведь человеческих сил недостаточно, чтобы привести такое предприятие к счастливому завершению. И в самом деле, в эти темные дни боги нас вели, чем и доказали свое присутствие, как если бы мы видели их собственными глазами. Вам уже известны предзнаменования, так что мне не нужно особо напоминать о них. Об огнях, видимых на ночном небосклоне, о сотрясениях земли, о молниях. Такими вот знаками боги сопровождали нашу борьбу. Всех их я не перечислю, но есть среди них особый, и я не могу забыть о нем.

Перенеситесь медленно на два года назад, в консульство Котты и Тарквиния. Тогда Капитолий поразила молния, свалив с пьедестала статуи богов наших предков и расплавив медные таблички с записями наших законов. Не обошла она стороной даже основателя нашего города — Ромула, — золотую статую, изображавшую его подле волчицы. Предсказатели, собравшиеся со всей Этрурии, предвещали резню, пожары, нарушение законов, гражданскую войну и гибель нашего государства — пока боги не захотят поступить иначе. В соответствии с этими ужасными пророчествами мы провели церемониальные игры и сделали все, что только возможно, чтобы убажить небожителей.

Предсказатели посоветовали сделать новую статую Юпитера и расположить ее на возвышении таким образом, чтобы она смотрела на Форум и Сенат. С помощью бессмертного бога и его лучей всякое злоумышленно не останется незамеченным нашими государственными мужами. И так долго длилось сооружение этой массивной статуи, что ее закончили только теперь — и сегодня ее водрузили на возвышение перед храмом Согласия!

Не найдется человека, настолько слепого, чтобы утверждать, что боги позабыли о нашем городе. Два года тому назад нас предупреждали о надвигающейся катастрофе. Не все верили в предзнаменования, но мудрость победила, и богов умиротворили. Теперь же настало время кризиса и — кто посмеет назвать это простым совпадением? — готова статуя Юпитера! И настолько все совпадало, что предателей вели в храм в то время, когда строители заканчивали ее установку! И теперь, когда на нас смотрит сам Юпитер, ужасный замысел против Рима раскрылся, не ускользнул от всепроникающего света!

Да будет ненависть ваша и наказание суровее к тем, кто хотел разрушить не только ваши дома, но и святыни. Я вроде бы должен гордиться, что мне выпала честь пресечь их преступные замыслы, но это не так; их остановил сам Юпитер. Юпитер хотел сохранить в целости и Капитолий, и город, и храмы, и ваши дома, граждане. Я был всего лишь орудием его божественной воли.

Сенат принял постановление отблагодарить богов. В этом постановлении упоминается и мое имя — впервые такая честь оказана простому жителю. Там есть такие слова: «Потому что он уберег город от пожара, граждан от резни и Италию от войны». Да, граждане, произнесите хором слова благодарности, но Не мне, а нашему отцу, победившему врагов Рима, всемогущему Юпитеру!

Оратор простер руки к сверкающей статуе и отступил. Толпа так охотно разразилась криками, как будто в ней было много нанятых Цицероном людей. Но крики были

искренними, да почему бы и нет? Ведь они приветствовали не Цицерона, простое орудие богов, а самого Юпитера, взирающего на них из-под опущенных бровей. Но Цицерон, стоя в тени, улыбался так, будто приветствовали исключительно его.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ

— Значит, Катилине конец, — сказал Экон вечером, когда мы закончили ужинать.

Посуду и еду унесли, оставив только кувшин с разбавленным вином. Диана давно спала в своей кровати, а Вифания с Мененией удалились в другую комнату.

— До нынешнего дня, — продолжил Экон, — никто в Риме не был уверен, чем кончится дело. Вполне серьезно ожидали бунта — удачного или нет. Ты и сам мог почувствовать это на улицах — гнев, негодование, беспокойство, стремление к любым переменам. Как будто люди надеялись, что небо откроется и оттуда на них посмотрят совершенно новые боги.

— Ты об этом хотел сказать мне, когда писал, что хочешь поговорить с глазу на глаз?

— Да, и не мог этого передать в письме. Посмотри, что сделали с Лентулом и Кетегом за то, что они были так неосторожны в выражении своих мыслей! Не то чтобы я им сочувствую, но в такие дни нужно быть осторожным — следить за тем, что говоришь, пишешь...

— Глаза и уши консула повсюду...

— Совершенно верно.

— И даже глаза его глядят друг за другом.

— Да.

— Тогда жалко, что косоглазые шпионы Цицерона не споткнулись друг о друга! — вмешался Метон, да так яростно, что мы с Эконом удивились. До этого он тихо сидел на своем месте, пил разбавленное вино и слушал нас.

Экон смущенно посмотрел на своего брата.

— Что ты хочешь сказать, Метон?

— Не знаю, но только что речь Цицерона оказала на меня тошнотворное воздействие, — отвечал он тоном честного и оскорбленного молодого человека. — Как ты думаешь, было ли там хоть слово правды?

— Конечно же, было, — ответил Экон. Я полулежал, наблюдая за их спором. — Ты ведь не думаешь, что письма составил сам Цицерон?

— Нет, но кто придумал весь план?

— Какой план?

— Обратиться за помощью к аллоброгам?

— Вероятно, Лентул, или кто другой...

— А почему не сам Цицерон?

— Но...

— Когда люди уже стали расходиться, я услышал слова одного мужчины. В толпе говорили о том, что аллоброгам не легко под властью римлян. Римские наместники в Галлии такие же жадные и ненасытные, как и везде. Вот почему эти люди и прибыли в Рим, чтобы пожаловаться перед Сенатом...

— Совершенно верно, — согласился Экон. — Зная о их недовольстве, Лентул решил обратиться к ним с просьбой...

— А вдруг Цицерон решил использовать их недовольство в своих целях? Понимаешь, Экон, похоже на то, что аллоброги первые обратились к сторонникам Катилины, а надоумил их на это Цицерон. Он же сказал сегодня, что мечтал любыми средствами вывести их на чистую воду, вот он сам все и затеял! А Лентул с Кетегом просто проглотили приманку, дураки, и оказались в сети нашего консула.

Экон откинулся назад в задумчивости.

— Так говорили люди на Форуме?

— Не вслух, конечно, но у меня хорошие уши.

— Признаю, это не лишено правдоподобия, но все равно безумная идея!

— Почему? Всем же нам известно, что Цицерон предпочитает действовать хитростью и обманом. Думаешь, он не мог разработать план всего предприятия? Это же очень просто. Аллоброги жалуются, но в Сенате на них не обращают ни малейшего внимания. Цицерон же очень влиятельный человек в Риме, и он может помочь им. Но они тоже должны помочь ему — стать его агентами. Они приходят к Кетегу и Лентулу с целью заключить союз. Катилины нет, Лентулу и Кетегу приходится действовать самим, на свой страх и риск, вот они и хватаются за их предложение. Но аллоброгам нужно заверить договор на бумаге — ведь только это удовлетворит Цицерона, — и эти дураки соглашаются. Потом послы делают вид, что возвращается домой. И тут два претора разыгрывают комедию На Мильвийском мосту.

— Почему «комедию»? — спросил Экон.

— Потому что, хотя преторы и всерьез затеяли засаду, но людям на мосту об этом было давно известно, вот они и не сопротивлялись. Все, кроме Вольтурция, были агентами Цицерона. Хотя он тоже мог быть его доверенным лицом.

— И об этом тоже говорили на Форуме?

— Нет, — сказал Метон, смягчаясь и слегка улыбаясь. — Про Вольтурция я сам придумал.

— Но похоже на правду, — вмешался я. — Нам известно, что шпионы Цицерона повсюду.

— Даже в этой комнате, — прошептал Метон, так, что я едва услышал его.

— Но все же, — сказал Экон, — даже если то, что ты говоришь, — правда и Цицерон на самом деле приготовил им ловушку, то они вовсе не были обязаны попадаться в нее и вовлекать в заговор против Рима иностранцев.

— Да, — подтвердил я, — и Метон прав, называя их дураками. Многие римляне поддержали бы идею восстания изнутри — хотя бы просто намереваясь пограбить, — но непростительно вовлекать в заговор чужеземные племена. Заговорщики становятся предателями. Мне кажется, что ты прав, Экон, и Катилина никогда уже не поправит свое положение. Неудивительно, что Цицерон поблагодарил богов в своей речи — даже сам Юпитер не мог бы придумать более удачного разоблачения его врагов.

Метон заткнул уши.

— Пожалуйста, папа! Не говори о богах! Ты ведь прекрасно знаешь, как Цицерон относится к религии; среди своих интеллектуальных друзей он даже хвастается тем, что вовсе не верит ни в каких богов. А когда выступает перед людьми на Форуме, то становится благочестивее любого жреца и называет себя орудием Юпитера. Такое лицемерие! И разве можно верить этой нелепице о том, как статуя Юпитера послужила предзнаменованием? Это лучше всего доказывает, что он все заранее спланировал.

Экон раскрыл рот, но Метон не желал, чтобы его прерывали.

— И знаешь что еще? Я вовсе не уверен, что Кетег и Лентул хотели поджечь город. Разве есть этому свидетельство — кроме показаний Вольтурция, который наверняка шпион Цицерона? Возможно, они и хотели устроить пожар, а возможно, Цицерон все это придумал, как и восстание рабов, — с целью запугать публику. Ведь больше всего люди боятся двух вещей — огня и рабов, вышедших из-под контроля. Богачи опасаются вторых, а бедняки — первого, способного в мгновение ока лишить их всего имущества. Даже самые бедные, ожидавшие прихода Катилины к власти, теперь от него отвернулись.

— Молнии, метаемые в толпу, — пробормотал я.

— Что ты говоришь, папа? — спросил Экон.

— Мне Катилина сам как-то говорил: девственная весталка, оргия, поджога, анархия,

восстание рабов, заговор с чужеземцами, воля Юпитера — Цицерон знает цену словам, с помощью которых он убеждает массы.

— Не забывай о его бдительности, — сказал Метон. Он встал и отложил чашу. Руки его дрожали. — По крайней мере, я один в этой комнате могу сказать, что не служил консулу ушами и глазами.

Потом он резко отвернулся и ушел.

Экон удивленно посмотрел ему вслед.

— Папа, что случилось с моим младшим братом?

— Он стал мужчиной, возможно...

— Нет, я хочу сказать...

— Я знаю, о чем ты. С каждым днем со времени своего дня рождения он становился все раздражительнее.

— Но откуда эти безумные идеи, гнев против Цицерона?

Я пожал плечами.

— Ведь Катилина несколько раз останавливался у Меня. Кажется, они иногда беседовали, когда я был занят делами. Ты ведь знаешь, как Катилина умеет очаровывать своих собеседников.

— Но эти идеи опасны. Одно дело говорить такое в поместье, а другое — в городе. Надеюсь, он понимает необходимость сдерживать себя на людях. Я думаю, ты Должен поговорить с ним.

— Зачем? Я прекрасно понимаю, почему он так говорит...

— Но тебя это не беспокоит?

— Да, когда он вышел из комнаты, я почувствовал не беспокойство. Я почувствовал гордость за него и — да-да, немного устыдился себя.

Иногда в театре наступает мгновение, когда и актеры, и события кажутся более правдоподобными, чем в жизни. Я имею в виду не римские фарсы, хотя среди них попадаются неплохие; нет, речь идет о возвышенных комедиях греков. Всем известно, что за масками прячутся актеры, что они произносят заранее написанный текст, и тем не менее ослепленный Эдип волнует больше, чем настоящая физическая боль, и ужас проникает до глубины души. В воздухе парят боги; их поддерживают специальные механизмы, но тем не менее все зрители испытывают чувство благоговейного почтения.

Дни, последовавшие за речью Цицерона на Форуме, были окрашены для меня той же самой неестественной реальностью. Было нечто величественное и театральное, но вместе с тем неприличное и абсурдное в том, с какой неумолимой жестокостью «провинившиеся» приближались к своему концу. Формально преступников приговорил к смерти Сенат, а не Цицерон. Но обошлось ли здесь без подкупа и убеждения, я не уверен до сих пор.

Согласно римским законам, казнить гражданина может только суд и народное собрание, а вовсе не Сенат и не консул. Но суды слишком затягивают дело, а собрание непостоянно, и его трудно собрать, поэтому в горячее время они ни на что не годятся.

Можно, правда, предположить, что в чрезвычайные полномочия, дарованные консулам Сенатом, входит и право лишать жизни врагов Рима. Но честно ли казнить людей, которые сдали оружие, находятся в плену и больше ни для кого не представляют непосредственной угрозы? Эти вопросы и занимали Сенат в течение следующих двух дней.

Такой аполитичный человек, как я, должен был бы сразу покинуть город, но я не сделал этого. Как и все горожане, я провел эти дни в своего рода полусне, чувствуя, как что-то ужасное нависает над Римом. Все были в мрачном расположении духа, независимо от своих политических взглядов и отношения к происшедшему и к замешанным в этом людям. Словно неведомая болезнь поразила наши души. Мы хотели избавиться от этой болезни. И мы боялись, что наши врачи в Сенате дойдут до того, что не только не излечат наш недуг, но и погубят нас самих в своем рвении.

На следующий день после речи город превратился в водоворот всяческих слухов, а храм Согласия служил его центром. Новости о том, что Красс якобы причастен к заговору, вызвали панику среди торговцев: некоторые размахивали руками и уверяли собравшихся, что Красса обязательно арестуют, а имущество его конфискуют, другие уверяли, что Красс ни за что не допустит такого исхода и уж лучше присоединится к Каталине в его восстании. На самом деле перед Сенатом выступил некий Луций Тарквиний и сообщил, что Красс немедленно выступил с походом на Рим. После некоторого оцепенения сенаторы криками заставили его замолчать. Даже если это и было правдой, никто не хотел разбираться с Крассом, пока он сохраняет видимость верности Сенату. После краткого обсуждения присутствующие проголосовали за доверие самому богатому человеку Республики. Что касается Луция Тарквиния, то решили больше не заслушивать его показаний, если только он не признается, кто подкупил его, вынудив клеветать на такого безупречного патриота, как Марк Красс. Некоторые считали, что Тарквиний желал смягчить наказание пленников — ведь к Крассу не стали бы применять особых мер, Сенат бы содрогнулся от своей жестокости и заодно простил бы и остальных. Другие думали, что Тарквиния подговорил Цицерон, чтобы заткнуть рот Крассу. Луций Тарквиний же настаивал на правдивости своих показаний, но после того, как его отстранили от выступления, он больше не мог вмешиваться в обсуждение судьбы арестованных.

Цезаря тоже подозревали. Не был ли и он замешан в дело аллоброгов и Вольтурция? Не замаял ли Цицерон этот вопрос из нежелания идти на конфронтацию? Или это были просто слухи, распускаемые недругами Цезаря? Тем не менее молва разошлась широко. Все это так сильно подействовало на стражников и охранников, стоявших возле храма Согласия, что когда в полдень Цезарь вышел из здания, они сопровождали его криками, озлобленно потрясали мечами. Цезарь сохранял спокойствие, а выйдя из-за ограды, произнес: «Что-то собаки разлаялись, видно, хозяин давно их не кормил».

В этот день сенаторы рассуждали о вине заключенных и признали их всех виновными. Было ли это законным разбирательством или нет — предстояло обсуждать в последующие годы. Сенаторы также проголосовали за выплату солидного вознаграждения аллоброгам и Вольтурцию.

В лавках, тавернах и на площадях пошли слухи о восстании, назначенном якобы на время праздников Сатурналий. Уничтожить должны были весь Сенат и многих знатных граждан, только детей Помпея должны были взять живьем, чтобы тот вел себя подобающим образом. Сотни людей якобы подожгут город со всех концов и разрушат акведуки, чтобы невозможно было погасить пламя; всякого, кто будет нести воду, станут убивать на месте. Что в этих слухах правда, а что — досужие домыслы? Невозможно ответить, потому что на всякое высказывание находилось опровержение в очередной порции сплетен. Торговец серебром, живущий возле Форума, говорил мне, что собственными глазами видел тайник с невероятным количеством новых мечей, обнаруженный в доме Кетега, и что рабы в его доме — сплошь гладиаторы. Виноторговец, заходивший к Кетегу за два дня до его ареста, сказал, что кроме оружия, развешенного по стенам в качестве украшения, там ничего нет, да и хвороста для растопки там не больше обычного.

Появились свежие слухи — о том, будто Лентул и Кетег собираются бежать. Пленников посадили под домашний арест в домах некоторых сенаторов. Но вольноотпущенники Лентула якобы ходят по улицам и подстрекают бедняков и рабов силой освободить их хозяина, а за городом их уже ожидают свежие силы гладиаторы Кетега. Консул вызвал дополнительное подкрепление для охраны девяти домов, в которых находились обвиняемые. Увеличение же вооруженных людей на улицах дало повод для очередных слухов.

На закате солнца Цицерону пришлось уйти из своего дома по причинам, не имевшим ни малейшего отношения к политике. Настало время ежегодного ритуала в честь благой богини Фауны, на котором должны присутствовать жена консула и девственные весталки.

Поскольку к ритуалу мужчины не допускались, то Цицерону пришлось провести ночь в доме своего брата, Квинта. Среди весталок была и Фабия, его родственница, которую десять лет тому назад обвиняли в связи с Каталиной. Среди женщин особой популярностью пользовались слухи как раз об этой самой Фабии. Я же интересовался скорее душевным состоянием жены консула, Теренции. Верила ли она в Фауну или нет, как не верил ее муж в Юпитера, но на предсказания ей также повезло: когда пламя уже почти погасло, а потом взвилось вновь, она послала весточку своему мужу — благая богиня советует ему не проявлять милосердия к врагам Рима.

Декабрьские ноны выдались холодными и пасмурными. Возле храма Согласия толпилась вооруженная группа людей. Прибывшие сенаторы оставляли свою свиту у ступеней, а сами поднимались по лестнице, заходили в храм и решали судьбу заговорщиков. Красс предусмотрительно отсутствовал, как и многие из партии популистов, но Цезарь пришел, пролагая себе дорогу среди своих многочисленных последователей.

Нервное напряжение народа, собравшегося на Форуме, дошло до предела. Люди спорили по поводу того, что сейчас обсуждалось внутри. Вновь поползли слухи — что Лентул сбежал, что Кетег удавили ночью, что Катилина с большой армией уже пересекает Мильвийский мост, что многие районы города уже горят, что на Цезаря напали внутри храма и убили. Из-за этих последних домыслов сторонники Цезаря устроили небольшой бунт и успокоились только тогда, когда Цезарь сам вышел к ним.

Я поймал себя на мысли, что жалею об отсутствии Руфа и что неплохо было бы проникнуть внутрь и услышать, о чем толкуют сенаторы. Вместо этого я узнал о происходящем позднее, и не столько со слов Руфа, сколько читая выступления, ведь Цицерон, провозгласивший в первой речи против Катилины, что неплохо бы записывать у каждого на лбу его политическое кредо, нанял целую армию писцов, и те записывали все речи, чего раньше никогда не случалось. Сам Тиرون обучил их особому быстрому письму, согласно которому слова и даже некоторые фразы можно записывать одним движением руки. Теперь от Цицерона не ускользает ни одно слово оппонентов.

Выступление начал новоизбранный консул Силан; он яростно набросился на тех, кто мечтал ввергнуть Рим в пучину бедствий, нарисовал ужасные картины расчлененных трупов детей, изнасилованных жен и растерзанных мужей, разрушенных храмов, домов, сожженных до основания. Богов удовлетворит только «высшая мера наказания», настаивал он.

Последующие ораторы в основном соглашались с ним, только Цезарь заметил, что римские законы допускают изгнание для провинившихся. Он не настаивал на сохранении жизни виновным, он всего лишь напоминал о традициях. «Примите во внимание, что этим вы создаете прецедент для дальнейших приговоров. Вы осудите преступников на казнь, чего они, вне всякого сомнения, заслуживают, но что случится, когда этот закон перейдет в руки менее достойных людей, чем вы, которые захотят применить наказание незаслуженно, ссылаясь на ваш опыт? Никто тогда их не остановит». В таком духе выступал Цезарь, призывая к милосердию, в то время как его самого подозревали в причастности к заговору. Он предложил конфисковать имущество преступников, а самих их отправить в далекие города под стражу в ожидании полного разгрома Катилины или разрешения кризиса.

Цицерон возразил, сказав, что тогда уж их придется держать под стражей всю жизнь, а этому прецедента не было, и что законы, охраняющие жизнь граждан, к ним уже не относятся: «Ведь враг народа уже не может считаться гражданином». Однако Силан проникся убедительной речью Цезаря и сказал, что под «крайней мерой» он имел в виду заключение, что как раз подходит для таких людей, как сенаторы Кетег и Лентул. Но тут со всех сторон послышались крики и возгласы негодования.

Потом последовало еще несколько выступлений, и оказалось, что присутствующие разделились на два лагеря — требующие ссылки и требующие казни. Тиберий Нерон вызвал

одобрительный гул голосов, когда сказал, что под горячую руку не следует совершать никаких казней, что лучше всего последовать совету Цезаря, что не нужно ничего решать без законного разбирательства и суда и что трезвых решений не дождешься до тех пор, пока Катилина либо не погибнет в битве, либо не удалится в изгнание.

В это время поднялся Марк Катон. Хотя писцы и обошли вниманием этот факт, но, должно быть, по залу пролетел всеобщий стон. Марк Катон добровольно возложил на себя обязанности «совести» Сената, стараясь убедить своих коллег поступать по суровым законам наших предков.

— Много раз я выступал перед этим собранием и много раз я упрекал своих граждан в мягкотелости, потворстве своим желаниям, лени, жадности, — начал он. — Этим я нажил себе множество врагов, но поскольку сам я никогда не прощал себе дурных деяний, то почему я должен прощать их другим? Вам известны мои принципы, вы слышали о них уже много раз, и я вижу, как вы морщитесь и надуваете губы оттого, что вам придется выслушать их снова. Людям не нравится, когда им напоминают о доблестях и добродетелях предков, особенно тогда, когда эти добродетели у них самих отсутствуют. Предки наши ценой невероятных усилий построили это государство, а сегодня вы растаскиваете общее добро, в то время как государству угрожает гибель. Должности, которые следует вручать достойным, продаются за деньги. В личной жизни вы давно стали рабами собственных пороков и заботитесь только о собственном удовольствии, в Сенате же вы — всего лишь инструменты, которыми добиваются денег и власти. И к чему же это привело? Когда Республике угрожает опасность, ее некому защищать! Все стоят в сторонке, дрожат, ожидая, когда начнет действовать сосед!

В течение многих лет вы не обращали никакого внимания на мои предупреждения. Вы забывали обо мне и спешили предаться собственным заботам. Но благодаря твердым установлениям наших предков Республика стояла и даже процветала. Теперь же дело не в прочности ваших моральных принципов, а в том станет ли наше государство богаче и обширнее, уцелеет ли оно, или же мы сдадимся на милость врагам! Как в такое время кто-то смеет говорить мне о милосердии и сострадании?

Мы давно уже разучились называть вещи своими именами. Расточение народных богатств называется щедростью; бунтарские идеи называются новыми веяниями; преступников хвалят за смелость. Неудивительно, что нас постигли такие несчастья! Ну хорошо, давайте побудем милосердными за счет тех, кто платит налоги, и проявим великодушие к тем, кто разграбляет казну. Но стоит ли даровать тем, кто убивает, жизнь? Должны ли мы пощадить горстку преступников, чтобы они угрожали нам, честным людям?

Нам советуют подождать, подумать — глядя в пропасть! Мы должны подчиниться букве закона, провести судебное разбирательство, приговорить виновных к ссылке — и это в то время, когда вокруг наших домов раскладывают хворост! Другие преступления можно наказывать строго по закону, но только не это. Нужно подавить ядовитое растение в корне, а не то поздно будет. Стоит только немного подождать, и тогда уже не будет речи ни о каких законах. Когда город захватят, то граждане потеряют все. Все!

Если в вас недостаточно патриотизма, то подумайте хотя бы о себе! Я обращаюсь к тем, кто больше всего заботился о своих виллах, поместьях, предметах роскоши и золоте, а не о собственной стране. Ради Юпитера, если вы надеетесь сохранить все это за собой, проснитесь, пока не поздно, и постарайтесь защитить Республику. Сейчас речь идет не о налогах и не об отдельных преступлениях, а о наших жизнях и свободе!

Мы можем проявить храбрость, а можем и малодушие. Если мы проявим малодушие и помилуем Лентула с товарищами, то это будет знаком Катилине начать восстание. И чем суровее будет наказание, тем больше мы потрясем их храбрость. Стоит только один раз испугаться, и эта свора собак вас съест, разорвет на мелкие кусочки. И тогда уж не зовите богов на помощь. Боги помогают только тем, кто и сам о себе заботится!

Изгнание? Заключение под стражу? Что за безумные полумеры?!

Этих людей нужно наказывать так же, как они намеревались поступить с нами. Если вы застанете человека за тем, что он поджигает дом, станете ли вы рассуждать о том, как его наказывать, или же вы ударите его? А что до сенатора, предполагающего меньшее наказание, ну что ж, возможно, он не так опасается за свою жизнь.

Это было прямым намеком на то, что Цезарь связан с заговорщиками, и поэтому сторонники Цезаря ответили ворчанием, пока он сам не встал и не начал обсуждать предложение Катона. Ничего нового сказано не было, и противники продолжали обмениваться взаимными оскорблениями и намеками. В это время один из секретарей Цезаря передал ему письмо. Тот принялся разглядывать его, поднеся близко к груди, словно оно представляло большую тайну. Катон, очевидно, решил, что письмо пришло от одного из заговорщиков и тайных товарищей Цезаря, он потребовал, чтобы его прочитали вслух. Цезарь отказывался, но Катон настаивал, тогда Цезарь уступил, протянул письмо секретарю и послал его по проходу к Катону, сказав: «Прочти сам, если сможешь».

Катон вырвал письмо из рук секретаря и быстро пробежал его глазами. Под взглядами всех сенаторов он покраснел, словно полоса пурпура на тоге. Цезарь едва сдерживал улыбку, а Катон хмурился, плевался, смял пергамент и кинул его обратно Цезарю со словами: «Возьми его обратно, негодяй!»

— Оказывается, среди спора по поводу жизни или смерти заключенных Цезарю пришло письмо от сестры Катона, довольно легкомысленного содержания. Сервилия всегда служила источником головной боли для великого моралиста. Нарочно ли придумал Цезарь эту сцену, чтобы заткнуть рот своему противнику? Или Сервилия, сидевшая все время дома и мало осведомленная о проблемах государства, вдруг вспылала неожиданной страстью? Даже самый смелый автор комедии не раз подумал бы, прежде чем включать такую в высшей степени нелепую сцену. Но хотя Катона удалось смутить, все-таки он настоял на своем. Сенат проголосовал за применение высшей меры наказания к пятерым из девяти заключенных. Среди них было два сенатора, Лентул и Кетег, два всадника, Луций Сатилий и Публий Габиний Капитон, и один простой гражданин, Марк Цепарий.

Сенаторы боялись, что с наступлением ночи сторонники преступников могут предпринять попытки освободить их, поэтому поспешили с исполнением приговора. Пока преторы пошли за другими, Цицерон в окружении многочисленных сенаторов отправился в дом на Палантине, чтобы привести Лентула. В толпе оказался и я, ощущая биение сердца, потому что настороженно ожидал проявлений восстания. Но никаких выкриков не было, слышалось только гудение голосов. Никогда еще я не замечал, чтобы толпа на Форуме была так молчалива. На лицах людей отображалось благоговейное чувство ужаса перед потрясающим зрелищем. Всех просто заворожил смертный приговор. Я снова вспомнил о театре, где зрители отвлекаются от повседневной реальности и сталкиваются с высшими силами. Сенат Рима провозгласил свою волю, и ничто в мире не отменит его приговора.

Со мной были Экон и Метон. Я хотел было задержаться, но Метон тянул меня вперед. За щитами и поднятыми мечами я увидел самого Цицерона. Одной рукой он поднимал край тоги. Глаза уверенно глядели вперед, подбородок поднят.

За ним последовал еще один сенатор в тоге, с таким же непреклонным выражением лица, только более старшего возраста. Лентул не выказывал никакого страха, и в нем не было ничего мелочного или смешного, не было никакого сарказма, благодаря которому он приобрел свое прозвище. Если бы я не знал их в лицо, то не различил бы, где преступник, а где консул. Лентул на мгновение повернул голову в мою сторону, и это был взгляд человека, идущего на смерть.

Совсем рядом с храмом Согласия в твердом камне Капитолийского холма построена древняя государственная тюрьма. Когда-то давно, еще в незапамятные времена, туда заключали своих пленников цари. С тех пор как Рим стал Республикой, там содержались

враги отечества. На моей памяти самым знаменитым ее заключенным был Югурта, царь Нумидии. После того как его и его двух сыновей протащили по всему Риму в цепях, их бросили в глубокую яму, куда вело только отверстие в камне, и держали там в течение шести дней без пищи и воды, прежде чем их задушили охранники. Лентулу оставалось ждать не так долго. Остальные четверо заключенных уже находились в тюрьме. В тюрьме с него сняли тогу, а потом проводили в ту же яму, где лишили жизни Югурту и его сыновей. Как полагалось по рангу, Лентула первым опустили в дыру. Едва его ноги коснулись земли, палачи набросили ему на шею петлю. Потом по очереди спустили остальных и покончили с ними тем же образом.

После окончания процедуры Цицерон вышел из тюрьмы и провозгласил: «Их жизнь окончена», — традиционное выражение, не говорившее напрямую о смерти, чтобы не искушать Рок и не тревожить духов убитых.

После совершения казни огромное напряжение покинуло город и улетело ввысь. Финальные слова произнесены, актеры покидают сцену. Наступает ночь. Толпа начала расходиться. Цицерона окружили охранники, и он пересек Форум. В воздухе раздалось несколько восторженных криков. Люди подбегали к Цицерону, называли его спасителем города. Когда он выступил на богатую улицу, ведущую к его дому на Палантине, матроны выглядывали из окон, приветствовали его, посылали рабов с факелами, чтобы освещать ему путь. Он больше не сохранял серьезного выражения, а улыбался и махал зрителям рукой, как полководец во время триумфа.

Таким вот образом закончились декабрьские ноны, величайший день в жизни Цицерона. Если судить по восторженным крикам толпы, в то время, когда он подымался на Палантин, слава его была безгранична, Успех — вечен. Но вернувшись в дом Экона, мы не заметили на Субуре ни одного восторженного гражданина; никто там не радовался. В окрестностях царила глухая, мрачная тишина.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ СЕДЬМАЯ

Наступили самые короткие дни, стало холодней. С севера дул пронзительный ветер, всю ночь в ставни стучался снег с дождем. Лужи замерзли. День еще не успевал начаться, а уже наступал вечер.

Тут-то и пришлось вспомнить о недостатке сена. «Нужно в первую очередь подкармливать молодых и здоровых животных, — сказал Арат, — а остальных пустить на еду или продать на рынке, пусть даже за бесценок, лишь бы они зря не погибли. Все равно слабые животные погибнут, не от недостатка пищи, так от холодов. Нужно из всего извлекать выгоду».

Иногда мы видели войска, марширующие на север по Кассиановой дороге, они были в полном обмундировании и закутаны в одеяла по причине зимы. Сенат собирал свои силы. Однажды в такой день я застал Метона с Дианой на холме. Он указывал пальцем на ряды солдат и объяснял, как называются разные виды оружия, доспехов и для чего они служат. Когда он догадался, что за спиной стою я, то повернулся и ушел. Диана побежала за ним, но потом вернулась. Она склонила голову и нахмурилась. «Папа, — сказала она, — почему ты такой грустный?»

Время от времени из города приходили письма от Экона — он старался держать нас в курсе событий. Слухи о восстаниях в Испании и Мавритании не прекращались, но после казни в Риме многие сторонники Каталины отвернулись от него. Но зато другие стояли на своем, и из-за этого даже происходили семейные драмы. Особенно ужасной была история Авла Фулвия, сына сенатора. Он бежал из Рима, чтобы последовать за Каталиной. За ним послали группу воинов, схватили, привели в Рим и казнили по приказанию отца.

Сатурналии прошли без кровопролитий. Их праздновали в Риме с чувством облегчения.

Катон при всем народе провозгласил на Форуме, что нужно чествовать Цицерона как отца отечества. Толпа тут же подхватила это высказывание, и Сенат принял предложение в качестве закона. Разве мог Цицерон предвидеть, что он когда-либо достигнет такой славы?

С началом нового года Цицерон должен был сложить полномочия консула. По традиции следовало дать клятву в том, что он честно служил Риму, а затем произнести прощальную речь с Ростры. Какую, должно быть, речь он составил! Однажды, когда он писал речь в защиту Секста Росция, я провел несколько дней в его доме и представлял себе, как он беспокойно ходит по своей библиотеке, проверяя каждую фразу на слух, посылая Тирона рыться в книгах, чтобы убедиться в правильности цитаты, планируя композицию, чтобы достойно обратиться к современникам и потомкам.

Но произнести ее ему не было суждено. Оба новых народных трибуна воспрепятствовали этому, сказав, что не стоит обращаться с прощальной речью к народу тому, кто казнил римских граждан, и формально, согласно некоторым законам, они были правы. Консулы заняли Ростру и ни за что бы не пустили его. И согласились они только на тех условиях, что он просто произнесет клятву. Когда трибуны внимательно следили за ним, чтобы в случае чего вовремя спихнуть с помоста, он сымпровизировал: «Клянусь... что на самом деле служу своей стране и возвеличу ее!»

Цицерон при желании мог бы добиться последней речи, но разочарование его было велико. Говорили, что в этом инциденте виноват и Цезарь, и популисты. Другие утверждали, что здесь не обошлось без Помпея, которому надоело, что Цицерон постоянно сравнивает свои деяния с его военными подвигами, и который решил, что нужно поставить этого «горохового» сенатора на место.

Я не удивился, когда однажды морозным днем ко мне в библиотеку вошел Метон и сказал, что хочет ненадолго покинуть поместье и погостить у брата в Риме.

Я долго размышлял.

— Ну, если Экон не против...

— Он не против, — быстро проговорил Метон, — я уже спрашивал его, когда мы были у него в прошлый раз.

— Понятно.

— Ведь я не нужен здесь. Сейчас у нас мало работы.

— Да, я могу справиться и без тебя. Диана будет скучать по тебе, конечно же...

— Но ведь я уеду ненадолго. — Он вздохнул и отвел глаза. — Папа, разве ты не понимаешь, что мне на самом деле нужно уехать?

— Да, это ясно, мне кажется, это ты верно придумал — съездить в город. Ты ведь теперь мужчина, и тебе самому нужно выбирать дорогу в жизни. А Экону я доверяю — он проследит за тобой. Кого из рабов ты возьмешь с собой?

Он так и не поднял глаз.

— Мне кажется, что я могу съездить и один.

— О нет, только не во время этих смут. Ты не можешь сейчас в одиночку разъезжать по стране. Кроме того, я не могу послать тебя к Экону просто так, ведь его рабам придется и о тебе заботиться. Как насчет Ореста? Он молодой и сильный.

Метон просто пожал плечами.

Он почти тотчас же отправился упаковывать свои вещи. Вифания подождала, пока он уедет, и только потом принялась плакать. Она думала, что между нами произошла огромная ссора, и все допытывалась подробностей. Когда я попытался успокоить ее, она вытолкала меня за дверь и заперлась на замок.

— Ну, тогда и мне следует сбежать в Рим, — произнес я с негодованием.

Беспокойная оказалась нынче зима.

На следующий день я долго гулял по окрестностям, думая, что физическая усталость и свежий воздух помогут мне забыть о моих горестях. Я приблизился к Кассиановой дороге и

пошел вдоль нее, пока не дошел до камня, отделявшего мои владения от владений Мания Клавдия. Что за негодай, подумал я, вспомнив сцену, случившуюся на дне рождения Метона. Сначала крал остатки со стола, а затем ругал меня в лицо в моем же доме! Сейчас он, наверное, в Риме. Клавдия говорила, что он предпочитает находиться в городе, особенно в зимнее время.

Рабы хорошо починили летом стену, но дожди и морозы уже брали свое — я различил трещины в замазке. Я оглянулся на поля, постепенно подымавшиеся к моему дому, из трубы которого столбом шел дым, С такого расстояния он выглядел уютным сельским развлечением зажиточного горожанина.

Я дошел до реки и повернул на юг. Деревья, за исключением вечнозеленых, стояли голые, замерзший поток остановил колесо, которое не сможет вращаться, пока не растает лед. Когда-нибудь, подумал я, вопрос о реке разрешится в мою пользу, и тогда мне не придется всякий раз вспоминать о юристах, судах и Публии Клавдии. Его дом скрывался за холмом, но я видел подымающийся из него дым. Что он делает в этот день, мой сосед? Возможно, греется рядышком со своей Стрекозой, решил я. И содрогнулся при одном воспоминании о визите в его дом.

Я дошел вдоль реки до зарослей, в которых похоронил Немо. Нетрудно было заметить его могилу среди голых ветвей. Кто же он все-таки был — слуга Цицерона, Каталины или Марка Целия? Не так далеко мы похоронили и тело Форфекса. Хотя нам было известно его имя, его похоронили по-простому, лишь указав камнем место могилы.

Потом я взобрался на холм и осмотрел пейзаж сверху. Вид был приятен для глаза — в серо-коричневых тонах, хотя и вызывал легкую меланхолию. Я и дольше бы стоял на холме, если бы у меня не замерзли пальцы и я не пошел домой греться.

Возле двери меня поджидал Арат.

— Хозяин, — сказал он тихим голосом, — у вас гость, он ждет в библиотеке.

— Из города? — спросил я с некоторой тревогой.

— Нет, хозяин, это сосед — Гней Клавдий.

— О Юпитер, чего же ему от меня нужно? — пробормотал я.

За дверями я сбросил плащ и направился к библиотеке. Гней сидел на табуретке и беспокойно вертел в руках ярлычок одного из свитков, сложенных в шкафу, словно никогда не видел до этого письменных документов. Он поднял брови, когда я вошел, но не потрудился встать.

— Что тебе нужно, Гней Клавдий?

— Плохая нынче погода, — заметил он будничным тоном.

— Да, не из приятных, холодно, да и ветер часто дует. Но по-своему привлекательная, смотря для кого. Немного резковата и грубовата.

— Да-да, грубовата, именно это я и хотел сказать, как и все в сельской местности. Трудно жить в деревне, особенно если у тебя нет городского дома, куда можно вовремя сбежать. Люди в городе читаются всяких поэм, а потом представляют себе всяких фавнов и бабочек, порхающих по лесам. А на самом деле все по-другому. Ну, я догадываюсь, трудновато тебе пришлось в этом году?

— Почему вдруг тебе пришла в голову такая мысль?

— Клавдия сказала.

— А тебе-то какое дело?

— Я могу помочь тебе.

— Не думаю, что чем-то ты будешь полезен, вот разве что сена продашь.

— Нет у меня сена! Ведь в горах его особенно не пособираешь.

— Тогда о чем ты говоришь?

Его напряженное выражение лица вдруг перешло в улыбку.

— Ну, я могу согласиться купить это поместье...

— Оно не продается. Если так тебе сказала Клавдия...
— Я просто предположил, что ты решил продать его и вернуться на свое место.
— Мое место — здесь.
— Не думаю.
— Мне все равно, о чем ты думаешь.
— Это земля Клавдиев, Гордиан. Она принадлежала нашему роду еще со времен...
— Расскажи это духу твоего покойного кузена. Я завладел этой землей по его завещанию.

— Луций всегда отличался от остальных. У него было больше денег, и он всегда принимал все как должное. Не ценил своего положения; забывал о том, что нужно удерживать плебеев на их месте. Он бы и собаке завещал свое поместье, если бы собака была его лучшим другом.

— Мне кажется, что тебе лучше уйти, Гней Клавдий.
— Я пришел сюда с серьезным предложением. Если ты думаешь, что я обману тебя...
— Ты прискакал на лошади? Я прикажу Арату вывести ее из конюшни.
— Гордиан, пойми, так будет лучше для всех...
— Уходи, Гней Клавдий!

На следующий день я все еще размышлял о его визите, когда прискакал гонец и передал мне письмо от Экона. Каковы бы ни были новости, я мысленно улыбнулся, вспомнив его приятный голос. Возможно, у Метона тоже скоро будет такой же. Я удалился в библиотеку и поспешно сломал печать.

«Дорогой папа, твой раб Орест прибыл к нам, не объяснив цели своего визита. Он заявляет, что выехал из поместья с Метоном, но вскоре Метон повернул коня и приказал ему ехать в Рим и передать нам, что ты даришь его мне — пусть он остается в моем хозяйстве. Оресту поначалу казалось, что он просто сопровождает Метона в Рим, в любом случае, ты ничего не говорил насчет того, чтобы ему остаться в моем доме.

(Он силен как бык, но не очень-то умен.) Ты можешь объяснить, что произошло?

Тревожные слухи продолжают носиться в воздухе. По-моему, былое спокойствие не вернется до тех пор, пока Катилина не потерпит окончательного поражения. Иногда это кажется вопросом нескольких дней; а потом вдруг заявляют, что в его армию влились сотни и тысячи беглых рабов, и численностью она теперь превосходит армию Спартака. С каждым днем труднее во что-либо верить. Иногда кажется, что к Цицерону понемногу охладевают, особенно те, кто не занят его прославлением на всех углах...»

Я долго еще продолжал читать — после того, как слова для меня потеряли всякий смысл. Когда я наконец отложил письмо, то заметил, что руки мои дрожат.

Если Метон не в Риме, то где же он? И до меня сразу же дошел ответ..

— Как далеко они отсюда? Когда ты вернешься? — спрашивала Вифания.

— Как далеко? Где-то между этим местом и Альпами. Как долго буду я отсутствовать? Да кто же знает?

— А ты уверен, что он подался к Каталине?

— Настолько же, как если бы он сам мне сказал. Какой же я дурак!

Вифания не стала со мной спорить. Пока я торопливо собирал вещи, она наблюдала за мной, скрестив руки и выпрямив спину, но с затаенным огоньком в глазах, показывающим, что она вне себя от отчаяния и старается это скрыть. Я редко видел ее настолько расстроенной; я не мог даже взглянуть ей в глаза.

— А что мы здесь будем делать, без тебя и без Метона? Ведь всегда есть опасность, что явятся беглые рабы или солдаты. Может, нам с Дианой поехать в Рим?

— Нет! Дороги сейчас слишком опасны. Я не верю, что рабы смогут защитить вас.

— Но ты думаешь, что здесь нам ничто не угрожает?

— Вифания, пожалуйста! Приедет Экон. Я уже написал ему. Он приедет послезавтра днем или ночью.

— Ты должен подождать его прибытия, чтобы знать наверняка.

— Нет! Время не ждет. Возможно, уже вдет сражение — ведь ты хочешь, чтобы Метон вернулся, не правда ли?

— А вдруг никто из вас не вернется?

Ее голос дрогнул, она прижалась к косяку и задрожала.

— Вифания! — Я крепко прижал ее к себе.

Она принялась всхлипывать.

— С тех пор, как мы покинули город, сплошные неприятности...

Меня кто-то ухватил за тунику, я оглянулся и увидел Диану.

— Папа, — сказала она, как-то не обращая внимания на слезы матери, — папа, пойдем, увидишь, что я покажу!

— Не сейчас, Диана.

— Нет, папа, ты должен посмотреть!

Что-то в ее голосе убедило меня в такой необходимости. Вифания тоже отцепилась от меня и сдержала рыдания.

Диана побежала впереди. Мы прошли за ней в атрий и вышли во двор. Она остановилась возле конюшни, помахала рукой и побежала вперед. Мое сердце тревожно забилося.

Мы подошли к дальней стене конюшни и завернули за угол. Там была навалена куча пустых бочонков. Диана стояла за ними и указывала на что-то, что мы еще не видели. Я шагнул поближе. За бочками торчали чьи-то голые ноги.

О нет.

Еще один шаг, и я увидел колени.

Нет, нет, нет!

Еще один шаг, и показался бледный, безжизненный торс.

Нет, не сейчас, это невозможно!

Я сделал еще один шаг, но больше смотреть было не на что.

У трупа не было головы.

Я сжал руками лицо. Вифания же, напротив, казалось, оправилась после недавнего потрясения. Она глубоко вздохнула.

— Кто же это может быть?

— У меня нет ни малейшего представления, — ответил я.

Диана выполнила свою задачу и теперь подошла к матери, взяв ее за руку. Она посмотрела на меня с разочарованием и немного с обвинением.

— Если бы здесь был Метон, он бы вычислил, кто это!

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВОСЬМАЯ

«Человек, путешествующий в одиночку, путешествует с дураком», — гласит древнее высказывание, но у меня не было времени об этом задумываться, спешил за Метоном, и мне казалось, что я настолько невидим, что никакие разбойники, никакие заговорщики, солдаты или беглые рабы не причинят мне ни малейшего вреда.

Это, конечно, иллюзия, и очень опасная; более мудрая моя половина догадывалась об этом, но рабы со мной не поедут, лучше они будут защищать поместье в случае чего. Если бы им можно было полностью доверять! Предполагалось, что прошлой ночью на крыше конюшни стоял охранник, и он-то должен был заметить, как под ее крышей оказалось

мертвое тело и кто его туда приволок. Но раб со слезами на глазах поведал мне о том, какая была холодная ночь, как он замерз и пришел ненадолго на кухню погреться, упрашивая меня не приказывать Арату избить его. А чего еще от него ожидать? Ведь это раб, а не солдат. Но я все-таки поручил Арату наказать его, сказав, что если за время моего отсутствия подобное повторится, я продам его на рудники. Я говорил это очень сердитым голосом и, должно быть, очень убедительно — Арат побледнел как мел. А что касается того трупа, который нашла Диана, то я не обнаружил никаких особых примет. Я приказал Арату не хоронить тело до прибытия Экона, вдруг тому удастся что-то прояснить.

Странное занятие — путешествовать по стране зимой и в ожидании войны. Поля были пустыми, пустой была и дорога. Обычно всегда есть какое-то движение, несмотря на холода, особенно когда небо ясное и дождя не ожидается, однако я скакал уже несколько часов и никого не встретил. Ставни и двери придорожных домов были наглухо закрыты, скот заперт в сараях и загонах. Даже собаки не лаяли, когда я проезжал мимо. Единственными признаками жизни оставались столбы дыма, поднимающегося из очагов. Жители старались никак не обнаруживать своего присутствия. Они походили на страусов из представления в Большом цирке — те зарывали голову в песок и таким образом прятались, думая, что спасаются от ревущей толпы. А разве я поступил по-другому, скрывшись в своем поместье? Это мне нисколько не помогло. А разве поможет эта тактика несчастным обитателям, если вдруг армия или войско разбойников решит пройти по их земле? Но ведь для птиц, которые не могут летать, иного выбора и не остается.

Придорожные городки тоже казались вымершими, как и деревни, — дома закрыты и ни единой души на улицах. В каждом из них находилась одна-две таверны, в которых и теплилась еще жизнь. В них собравшиеся бесконечно доказывали друг другу, что сражения будут совсем в другой стороне и что уж точно никому и в голову не придет искать в их городке провианта для армии. Они надеялись получить как можно больше сведений от путника, но я ничего не мог им рассказать. Хотя я и проезжал по той местности, в которой, судя по слухам, находилось больше всего почитателей Катилины, однако мало людей высказывалось в его пользу. Наиболее яростные его сторонники уже ушли к нему, подумал я, или разочаровались и вернулись обратно.

Я передвигался большими переездами, останавливаясь в городах, названия которых никогда не слышал, и постоянно допытывался, что известно о Каталине и где он может находиться. С момента казней в Риме его армия двигалась туда-сюда между Альпами, не решаясь вступить в бой с сенатскими войсками, посланными на ее разгром. Одно время численность ее превосходила два полных легиона, или двенадцать тысяч человек, но после казней и провала восстания в Риме довольно сильно поредела. Сторонники восставших устали от долгих переходов, недостатка провизии, и теперь там оставались только те, кому не было дороги обратно. «Не думаю, что у Катилины и Манлия найдется хотя бы пять тысяч человек», — сказал мне один хозяин таверны во Флоренции. Он также добавил, что несколько дней назад проходившая здесь армия под командованием Антония, соконсула Цицерона, оттеснила Каталину на север.

Я нашел их у подножия Аппенин, неподалеку от маленького городка под названием Пистория. Основные силы Антония находились совсем рядом. Мне пришлось сделать огромный крюк, по объездным дорогам и по полям, чтобы не попасться людям Антония.

Я боялся, что меня немедленно атакуют, как только заметят подходящим к лагерю и кострам, но никто не обратил внимания на одинокого всадника в плаще и без оружия. В лагере меня окружили люди, не больше моего похожие на солдат, их оружие состояло в основном из охотничьих копий, ножей и даже заостренных посохов. Некоторые были моложе меня, но большинство — такого же возраста или даже старше. Многие — ветераны Суллы, с древним оружием, которое теперь вряд ли сослужит им службу. Находились, правда, и люди в полном легионерском облачении, хорошо вооруженные, в доспехах, они производили

впечатление солдат регулярных войск.

Настроение у повстанцев было гораздо лучше, чем я ожидал. Среди них царило такое отчаянное воодушевление, что даже к незнакомцам они относились как к родственникам, страшась одиночества. Люди стояли и пересмеивались, глядя на огонь костров. Их лица казались усталыми и мрачными, но глаза сияли. Надежды у них не оставалось никакой, но в отчаяние они не впадали. Они добровольно пошли за Каталиной и, следовательно, жаловаться им ни на что не приходилось.

Я разглядывал их лица и постепенно терял надежду найти то единственное лицо, ради которого и приехал. Как среди тысяч людей мне удастся отыскать Метона? Если он вообще здесь. У меня совсем не осталось сил. Но тем временем я бессознательно подъехал к центру лагеря, где стояла палатка, отдельная от других. По углам ее развевались знамена — красные и золотые, а перед входом стоял штандарт с орлом, привезенным из Рима. В холодном зимнем свете он казался почти живым, словно тот самый орел, что слетел к нам в Авгуракуле в день совершеннолетия Метона.

Два легионера преградили мне дорогу.

— Скажите Каталине, что я хочу видеть его, — произнес я тихо.

Они с сомнением посмотрели на меня и хмуро переглянулись. Потом старший из них пожал плечами и вошел в палатку. После довольно длительного времени он выглянул и помахал мне рукой.

Внутри было довольно много вещей, уложенных, однако, в порядок. Спальные тюфяки лежали по углам, чтобы освободить пространство для столов, на которых располагались развернутые карты, придавленные камнями. Стулья были завалены кожаными ранцами со свитками и документами. На особом столике располагались церемониальные топорики и другие знаки власти, которые должно нести в бой специально назначенное лицо; Катилина взял одного из римских магистров, думая, что этим придает своей власти видимость законности, или надеялся сам себя убедить в этом.

Среди людей, собравшихся за центральным столом, я сначала распознал Тонгилия, который кивнул мне в ответ. Он выглядел великолепно — в блестящей кольчуге, с красной накидкой — вылитый Александр Македонский, и взъерошенные волосы так же откинuty назад. Другие тоже взглянули на меня, и я узнал несколько лиц, увиденных мною в пещере во время дождя. Среди них сидел огромный, широкоплечий человек, с седыми волосами и бородой, чем-то напoмнивший мне Марка Муммия. Это, несомненно, Манлий, решил я, тот самый центурион, что возглавил ветеранов Суллы.

Они недолго смотрели на меня и снова отвернулись к человеку, который сидел ко мне спиной и говорил им что-то тихим голосом. Это был Катилина. Я осмотрелся и обнаружил еще одну фигуру, сидевшую в углу палатки на тюфяке и усердно чистившую доспехи. Я узнал его даже со спины, и сердце мое подпрыгнуло буквально до самого горла.

Потом вдруг люди шумно одобрили то, что им предложил Катилина, встали и направились к выходу, пройдя мимо меня. Тонгилий улыбнулся.

Катилина повернулся на стуле, не сходя с места и не вставая. Щеки его впали, а глаза приобрели лихорадочный блеск, и лицо его казалось острее, чем когда-либо. Он загадочно улыбнулся. Я сжал губы, чтобы невольно не улыбнуться в ответ.

— Ну, Гордиан Сыщик? Когда охранник прошептал мне твое имя на ухо, я едва поверил. Ты удачно выбрал время. Ты пришел пошпионить за мной? Слишком поздно! Или, следуя своей настойчивости, ты решил разделить со мной последние часы?

— Ни то, ни другое. Я пришел за своим сыном.

— Боюсь, что поздновато, — сказал Катилина тихо.

— Папа! — За работой Метон не расслышал моего имени, произнесенного Каталиной, но узнал голос, когда я заговорил.

Он тут же отбросил доспехи и обернулся. Множество чувств сменилось на его лице,

прежде чем он резко встал и вышел из палатки.

Я повернулся, чтобы последовать за ним, но Катилина схватил меня за руку.

— Нет, Гордиан, пусть уходит. В свое время он вернется.

Я сжал кулаки, но более умная моя половина решила послушаться Катилину.

— Что он здесь делает? Ведь он всего лишь мальчик! — прошептал я.

— Но он так сильно хочет стать мужчиной, Гордиан. Как ты не понимаешь?

Меня охватило чувство ужасной тревоги.

— Нет, только не это! Я не позволю ему умереть вместе с тобой!

Катилина вздохнул и отвернулся. Я произнес запрещенное слово.

— Ах, Катилина! Почему ты не удалился в Массилию, как говорил мне? Почему ты остался в Италии, а не уехал в ссылку? Ты что, на самом деле предполагал, что...

— Я остался, потому что мне не дали уйти! Проход загородили. Сенатские войска в Галлии перекрыли каждую тропинку. Цицерон не собирается отпускать меня живьем. Ему нужно во что бы то ни стало сразиться со мной. У меня нет иного выбора. Меня перехитрили, — сказал он, переходя на шепот. — Окружили со всех сторон. А мои сторонники в Риме — ох, какие дураки! Позволили втянуть себя в эту глупую историю с аллоброгами. Да, это конец... Но ведь ты был там, не правда ли? И Метон был, он довольно подробно мне все передал. Твой сын многое понимает. Он необычайно умен для своего возраста. Ты должен гордиться им.

— Сыном, которого я не понимаю, который бросает мне вызов?

— Почему ты не понимаешь его, Гордиан, ведь он так похож на тебя? Или похож на того, кем ты когда-то был или мог бы быть до сих пор. Смелый, как и ты. Бесстрастный, как и ты. Сострадательный. Он старается принять участие в деле, как и ты когда-то. Хочет быть причастным к жизни, как когда-то и ты хотел. Хочет получить те удовольствия, которые предлагает ему жизнь...

— Пожалуйста, Катилина, не говори только, что ты совратил его.

Он долго молчал, затем произнес задумчиво:

— Хорошо, не скажу.

Я подошел к тюфяку, на котором сидел Метон, поднял нагрудную пластину и изучающе посмотрел на свое изображение среди львиных голов и извивающихся грифонов, потом швырнул эту пластину через комнату.

— И ты заставляешь его полировать свои доспехи, словно раба!

— Нет, Гордиан, это не мои доспехи. Это его. Он хочет сражаться нарядным.

Я посмотрел на различные приспособления — на ножи, на шлем с гребнем, короткий меч в ножнах. Все они были из разных наборов и от разных людей — даже я, не сведущий в вопросах войны, мог определить это. Я постарался представить себе Метона в полном облачении и не мог.

— Кстати, об облачении, — сказал Катилина. — Как я понимаю, в честь меня Сенат решил провести церемонию, облачиться в специальные одежды, а не в обычные тоги, и население тоже должно так поступать. Это правда?

— Экон что-то писал об этом, — сказал я задумчиво, все еще разглядывая доспехи. Я как-то перестал беспокоиться. Теперь мне было все равно.

— Подумать только! Все время они так — со своими древними обычаями, которых никто уже не помнит. Смешно, но мне бы эта церемония понравилась, меня всегда интересовали вопросы моды; могу похвалиться — я заставил сменить одежду даже сурового Катона!

Я поднял глаза и уставился на него. Он покачал головой.

— Нет, Гордиан, я не сошел с ума. Надо же мне хоть чем-то позабавиться и повеселиться перед битвой.

— Битвой?

— Она начнется через час, насколько я предполагаю. Манлий и Тонгилий собирают войска, чтобы послушать мою речь. Ты прибыл как раз вовремя. Представь себе только — мог бы пропустить мою речь! Ты бы всю жизнь потом сожалел. Но даже так, если ты не хочешь быть свидетелем резни, то можешь уйти хоть прямо сейчас.

— Здесь... сейчас?..

— Да! Время пришло. Я собирался отложить сражение в очередной раз, чтобы выиграть время. Я хотел пересечь горы и выйти куда-нибудь в Галлию, по обходным дорогам, сражаясь со снежными завалами. Но когда мы дошли до перехода, знаешь что мы увидели по ту сторону? Еще одну римскую армию. Я решил вернуться и сразиться с этой. Ее, как ты знаешь, возглавляет консул Антоний. Он когда-то сочувствовал мне. Я слышал, Цицерон подкупил его, дав в управление провинцию, которая предназначалась ему, Цицерону, после консульства. Ну, и никогда нельзя утверждать заранее, что случится, вдруг он встанет на мою сторону? Я понимаю, Гордиан, что это безумная идея, только не говори это вслух! Не нужно больше дурных предзнаменований в этой палатке, пожалуйста. Обернись лучше — видишь, твой сын вернулся, как я и предсказывал.

У входа стоял Метон.

— Я пришел за своими доспехами, — сказал он.

— Помоги мне сначала с моими. Это займет немного времени.

Катилина встал и протянул руки, а Метон надел на него панцирь и прикрепил его, потом он повязал вокруг шеи малиновый плащ; поднял позолоченный шлем с гребнем и водрузил его на голову Катилины.

— Вот так! — сказал Катилина, наблюдая свое отражение в отполированном бронзовом блюде. — Не говори Тонгилию, что я позволил одеть меня, а то он обидится, что предпочли не его.

Он отвернулся от зеркала и посмотрел на нас таким взглядом, с каким человек расстается с друзьями перед долгим путешествием.

— Я оставлю тебя здесь. Ненадолго, торопись.

Метон посмотрел, как он уходит, затем подошел к углу, где лежали его доспехи.

— Метон...

— Папа, помоги мне. Не принесешь ли ты мне пластину; она каким-то образом оказалась в другом конце палатки.

Я поднял ее и поднес к нему. Он поднял руки.

— Метон...

— Это легче, чем кажется. Сначала выровняй завязки и закрепи их узлом.

Я сделал, как он просил, двигаясь, словно во сне.

— Извини, папа, что я обманул тебя. Я не мог иначе.

— Метон, ты должен немедленно покинуть это место.

— Но мое место — здесь.

— Я прошу тебя пойти домой вместе со мной.

— Я отказываюсь.

— А если я прикажу тебе как отец?

Метон облачился полностью и отодвинулся от меня, посмотрев одновременно и грустно, и вызывающе.

— Но ведь ты не мой отец.

— Ах, Метон, — вздохнул я.

— Мой отец — раб, которого я никогда не знал, и я тоже был рабом.

— Да, пока я не освободил и не усыновил тебя!

Он притопнул ногой, чтобы на колени встали на место.

— Да, закон называет тебя моим отцом, и согласно закону, у тебя все права распоряжаться мною, ты можешь даже убить меня за непослушание. Но ведь мы оба

понимаем, что в глазах богов мы не отец и сын. В моих жилах не течет ни капли твоей крови. Я даже не римлянин, а грек, а может, даже какая-нибудь смесь...

— Ты мой сын!

— Тогда я и гражданин и свободный житель, я могу поступать по своему усмотрению.

— Метон, подумай о тех, кто любит тебя, о Вифании, Эконе, Диане...

Снаружи донесся звук трубы.

— Это сигнал к началу речи Каталины. Я должен присутствовать там. Ты можешь прямо сейчас уйти, Хотя время еще есть. Папа... — Он прикусил язык и осекся, потом быстро закончил одеваться. Посмотрел в бронзовое блюдо и остался доволен. Затем повернулся ко мне. — Ну, как тебе? — спросил он, немного стесняясь.

«Понимаешь, ты ведь мой сын, — думал я, — а зачем же тебе тогда моя похвала?» Но вслух ответил — Какая разница!

Он опустил глаза и покраснел. Теперь настала моя очередь прикусить язык; но хуже было бы, если бы я сказал то, что думал на самом деле, — передо мной стоял мальчик, облаченный в нелепый костюм и собирающийся идти туда, где убивают.

— Не стоит пропускать речь, — сказал он, быстро проходя мимо меня к выходу.

Я последовал за ним вдоль всего лагеря к тому месту, где естественное углубление образовывало род амфитеатра. Мы долго пробирались среди толпы, пока не подошли на достаточное расстояние, чтобы все видеть. Трубы прозвучали еще раз, чтобы пресечь разговоры, а потом вперед вышел Катилина в блестящих доспехах и с улыбкой на лице.

— Ни одна еще речь, какой бы красноречивой и воодушевляющей она ни была, не превратила труса в храбреца, безвольную армию в победоносное войско и не послужила причиной для сражения там, где его могло и не быть. Но стало традицией произносить речь перед началом битвы, и я следую этой традиции.

Причина же этого, насколько я полагаю, — то, что во многих армиях воины редко видят своего полководца или вовсе не знают его в лицо, еще меньше у них возможностей поговорить с ним, следовательно, нужно предоставить им эту возможность и постараться наладить взаимоотношения. Но это объяснение не подходит в данном случае, так как едва ли найдется здесь человек, с которым я не переговорил лично, не помог бы в минуту трудностей или не разделил радости. Но я, тем не менее, следую традиции.

Вот я говорил, что от слов смелым не станешь. У каждого есть какая-то доля храбрости, врожденная или полученная в результате тренировок; на поле боя храбрее этого он не становится. Если человека не волнует ожидающая опасность или победа, то бесполезно воздействовать на него средствами риторики: страх в сердце делает его глухим. Но я, тем не менее, следую традиции.

«Как же необычно, — подумал я, — для римского оратора начинать речь с отрицания ее полезности, осмеивать риторику ею же самой, даже если этим ты честно открываешь свои мысли слушателям».

Лицо Катилины омрачилось.

— Вам известно, как провалились наши союзники в Риме, какой недостаток ума и сообразительности они проявили и чем это для них обернулось. Настоящее положение дел вам тоже известно. Две армии загораживают нам путь — одна между нами и Галлией, другая — между нами и Римом. Остаться на месте невозможно, ведь скоро у нас кончится продовольствие и остальные запасы. По какой бы дороге мы ни пошли, нам придется применить свое оружие.

Поэтому я призываю вас вспомнить, какой мерой храбрости вы обладаете. Когда пойдете в бой, ваша свобода и будущее страны будут находиться в руках, которые сжимают мечи. Если мы победим, то нам достанутся города, приветственно распахивающие двери на нашем пути и снабжающие нас всем необходимым. Наши ряды пополнятся новыми силами, мы вновь увеличим численность и мощь нашей армии. Волна, идущая сейчас на нас,

отразится и поспособствует нашей победе. Но если мы проиграем, против нас будет весь мир — никто даже не сможет дать приюта человеку, неспособному постоять за себя.

Помните и о том, что перед нашими противниками не стоит такая насущная необходимость. Для нас в этой битве поставлено на карту все — справедливость, свобода. А их просто принуждают идти в бой правящие круги, к которым они не испытывают никаких симпатий. Мы сами выбрали свою судьбу; мы вместе претерпели разнообразные тяготы, мы поклялись, что не вернемся в Рим со склоненными головами и не станем жить под гнетом недостойных правителей. Те, кто стоит по другую сторону, уже подчинились своим хозяевам и закрыли себе путь к переменам. Которая из армий покажет больший дух, спрашиваю я вас, — та, что глаза свои опускает в землю, или та, чей взгляд устремлен к небесам?

Восторженный крик был ответом на этот вопрос.

Среди тысяч голосов я различил и голос Метона, повторяющий имя своего полководца. Мечи ударяли по щитам и производили оглушающий шум. Он постепенно замер и перешел в гудение, от которого у меня по спине пошли мурашки.

Вперед вышел Тонгилий и поднял руку, призывая всех замолчать, чтобы Катилина мог продолжить.

Он начал речь в иронической манере, чтобы немного приподнять дух своих людей, но вот его голос дрогнул:

— Когда я вспоминаю все то, чего вы достигли и как вы сражались раньше, солдаты, у меня возрождается надежда. Я верю в вашу смелость и доблесть. Сражаться мы будем на равнине. Слева от нас горы, а справа — каменистая местность, так что превосходящие силы противника нас не окружают. Мы столкнемся с ними лицом к лицу, со всей смелостью, и покажем, на что способны. Но если Фортуна повернется к вам спиной, не сдавайтесь легко, не дайте перебить себя, как скот! Сражайтесь, как люди, пусть враг дорого заплатит за свою победу!

И вновь раздались приветственные крики, эхом отразившиеся с двух сторон. Потом трубы дали приказ строиться. Метон отчаянно вцепился мне в руку.

— Уходи сейчас же! Если ускачешь на лошади, то можно проскользнуть той же дорогой, или же можно отъехать назад, а после битвы вернуться.

— Поедем вместе, Метон. Покажешь мне дорогу.

— Нет, папа, мое место — здесь.

— Метон, дело безнадежно! Не слушай то, что говорит Катилина. Если бы ты только слышал, каким тоном он говорил в палатке...

— Папа, мне все прекрасно известно. Я все понимаю.

«Глаза твои устремлены в небо», — подумал я.

— Ну хорошо, а можешь ли ты достать мне какие-нибудь доспехи?

— Зачем?

— Чтобы сражаться с тобой. Поэтому мне нужно нечто более солидное, чем кинжал под плащом, хотя, как вижу, у многих, кроме этого, ничего нет.

— Нет, папа, ты не можешь оставаться!

— Как? Ты лишаешь меня того, на чем сам настоял?

— Но ты поступаешь необдуманно...

— Нет, Метон, по дороге сюда у меня было достаточно времени на размышления. Я давно предвидел такую возможность. Мне даже повезло — я увидел тебя живым, а мог бы только увидеть яму с мертвыми телами, где нелегко распознать твое. Не так уж все плохо, как я предполагал. И я сознательно хочу сражаться вместе со своим сыном.

— Нет, папа, сражаться нужно за Катилину, за то, что он представляет для тебя, а не...

— Это ты сражаешься за Катилину — ну хорошо, и я тоже буду. Почему бы и нет? Сказать по правде, Метон, если бы я был Юпитером и мог одним ударом молнии дать Катилине все, что он хочет, я бы не стал медлить. Почему бы и нет? Я бы и Спартака

воскресил и дал ему все, о чем он мечтал. И проследил бы за тем, чтобы Сулла никогда не рождался, да и Цицерон тоже. Я бы в мгновение ока изменил мир — к лучшему или худшему, не знаю, лишь бы увидеть хоть какие-нибудь перемены. Но ведь я не могу так поступать, да и никто не может. Тогда почему бы не взять в руки меч и не устремиться в бой вместе с сыном, ради того, что ему нравится, и ради славы, которой он так бестолково добивается?

Метон с удивлением смотрел на меня. Он, вероятно, думал, что я сошел с ума, или лгу, или то и другое. Но сказал только:

— Ты мой отец.

— Да, Метон. А ты — мой сын.

Вокруг нас бешено бегали люди, лошади ржали, металл звенел о металл, командиры кричали, трубы гремели. Метон взял меня за руку.

— Пойдем, мне кажется, в палатке Каталины есть еще какие-то доспехи.

Итак, в возрасте сорока семи лет я впервые в жизни стал солдатом в разношерстном снаряжении — помятый шлем, кольчуга с отсутствующими колечками, тупой меч. Я подумал, что приближаюсь к самому Центру лабиринта, даже чую горячее дыхание Минотавра на своем лице.

Не стоит описывать сражение, ведь я даже не знал, где нахожусь и что происходит. Мне показалось, что Катилина разделил армию на три части, одной командовал Манлий, другой — еще один командир, а третьей — в центре — сам Катилина, окруженный наиболее верными своими приверженцами, среди которых оказались и мы с Метоном. Тонгилий шел впереди и нес штандарт с орлом, пока Катилина не выбрал подходящее место, и тогда Тонгилий воткнул штандарт в землю. Кавалерии не было, до битвы Катилина распорядился, чтобы коней отвели в горы. Этим он показывал солдатам, что их полководец не собирается спасаться бегством и что вместе со всеми разделяет опасность.

Опасность приближалась к нам в виде серебряно-малиновой гудящей волны. Я понял, как чувствуют себя враги Рима, когда сам Рок приближается к ним. Я был потрясен, но не боялся. К чему ничтожному человеку цепляться за собственную жизнь, когда весь мир на глазах рушится в безумии?

Я ни о чем не сожалел, но чувствовал себя дураком; да-да, не мог перестать думать, что поступаю глупо. Вифания никогда меня не простит. И этого-то я боялся больше, чем катящуюся на меня волну стали.

Я оставался неподалеку от Метона, а тот держался рядом с Каталиной. Многие бегали из стороны в сторону или устремлялись вперед, но никогда не отступали. Я помню, как стрела со свистом пролетела мимо моего уха, с глухим стуком поразив человека позади меня. Я помню, как солдаты, которых до тех пор я почти никогда не видел, устремились навстречу мне с обнаженными мечами и со злобным взглядом, все это походило на кошмар, и я хотел поскорее проснуться. Но меч в моих руках, казалось, сам знал, что нужно делать, а я лишь слепо подчинялся его приказаниям.

Я помню, как мне в лицо брызнула кровь. Я помню Каталину с искаженным лицом, с раненой рукой — из плеча торчала стрела, и кровь стекала по его блестящему панцирю. Я помню, как Метон побежал к нему, рубя врагов на ходу, словно он поступал так всю свою жизнь. Я побежал за ним, но споткнулся обо что-то твердое. Я обернулся и увидел позади Тонгилия с орлом в руках. Под руководством Катилины мы глубоко вошли в ряды неприятеля. Я яростно завертел головой в поисках Метона, но он скрылся в этом хаосе. И тут уголком глаза я разглядел приближающийся ко мне дротик, нацеленный прямо мне в лоб. Он летел очень медленно, да и все сейчас в мире происходило очень медленно, все словно ждали, когда он ударит; это все равно что ожидать лодку у причала. Вот он ближе, ближе, совсем близко — и тут время вновь потекло с бешеной скоростью. Я даже не успел подумать, что нужно было отклониться, пока была такая возможность, — дротик достиг своей цели, покорежив шлем, и я летел назад. За мной или подо мной — направления потеряли всякий

смысл — я увидел, как шатается серебряный орел, словно и его поразили, как и меня. Тут кроваво-красный мир в моих глазах потемнел.

ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ

Я сидел на камне, и меня окружали скалистые стены, и потолок тоже был каменным. Поначалу мне показалось, что это пещера: воздух сухой, а не холодный и влажный. Это, наверное, заброшенная шахта на горе Аргентум, подумал я, но тут же догадался, где я. Это, вне всякого сомнения, знаменитый Лабиринт на Крите, ведь из-за угла за мной наблюдал Минотавр — его бычья морда и рога отражались на противоположной стене.

Он стоял так близко, что я даже различал капли пота на его ноздрях и сверкание в глазах. Мне бы следовало испугаться, но, к моему удивлению, я вовсе не боялся. Я только думал о том, что эти пористые ноздри кажутся очень нежными и что его глаза по-своему красивы. Он был живым существом среди такой массы камня, казался редким созданием среди мертвых, бездушных стен. Но все-таки я немного встревожился, когда он, со стуком задев потолок рогами, приблизился ко мне — непривычно было видеть бычью голову на человеческом теле. Я заметил, что рога его очень острые, а кончики покрыты ржавчиной.

Минотавр фыркнул, из его ноздрей повалил пар.

Он остановился и склонил голову. Заговорил он грубым и немного неестественным голосом, как мне показалось — нарочно.

— Кто ты? — спросил он.

— Меня зовут Гордиан.

— Ты не здешний.

— Я пришел сюда кое-что обнаружить.

— И глупо поступил. Это лабиринт, а в лабиринте ничего нельзя найти и обнаружить, в нем можно только заблудиться, для того он и построен.

— Но я ведь нашел дорогу к тебе.

— А может, это я нашел дорогу к тебе?

От неопределенности, но вовсе не от страха, у меня заболела голова. Я закрыл глаза. Когда открыл, вокруг меня уже не было каменных стен, но темнота осталась. Я находился на вершине холма, под звездным небом, и смотрел на простиравшийся вид — река с водяной мельницей, каменная стена вдалеке, дорога, дом. Я понял, что это мое поместье, только смотрю я на него под необычным углом. Я находился не на своем знакомом месте, а слегка в стороне.

Мы уже были не одни. Я обернулся и увидел три безголовых тела, сидящих на пеньках, руки они сложили на коленях, словно зрители или судьи.

— Кто они? Что они здесь делают? — спросил я Минотавра тихо и доверительным голосом, хотя они были, очевидно, глухи, слепы и немые. — Ты ведь знаешь?

Минотавр кивнул.

— Тогда скажи мне.

Минотавр потряс головой.

— Говори!

Зверь опять громко фыркнул, из носа его повалил пар, но не проронил ни слова. Он поднял руку и указал на место возле меня. Я поглядел вниз и увидел меч. Я взял его, с удовольствием глядя, как он сверкает в звездном свете.

— Говори, или станешь одним из них! — сказал я, указывая мечом на трех безголовых свидетелей.

Минотавр продолжал молчать. Я встал и принялся размахивать мечом.

— Говори! — кричал я.

Когда зверь отказался, я размахнулся и со всей силой ударил по бычьей шее. Когда

голова откатилась, я увидел, что Минотавр внутри пустой; тело его было костюмом, голова — маской.

Изнутри начала просачиваться истина. Я шагнул назад. Виски мои заболели от напряженного ожидания.

И тут я узнал...

А потом проснулся с дикой, ослепляющей болью в голове. Кто-то дотронулся до моего плеча и сказал тихим голосом:

— Все в порядке, не двигайся. Ты слышишь меня?

Я открыл глаза и снова закрыл от резкого света.

Если не двигаться, то боль утихает. Вздохнув, я услышал собственный стон. Я положил руку на глаза, снова открыл их и понял, что лежу не под открытым небом, а в палатке. Поначалу я подумал, что снова попал к Катилине, и удивился, как я там оказался. Если его палатка до сих пор стоит, если лагерь его в сохранности...

Я отнял руку и увидел неожиданное лицо. Рыжие волосы, веснушчатый нос, голубые глаза — передо мной склонился мой друг авгур, Марк Валерий Мессала Руф.

— Руф?

— Да, Гордиан. Это я.

— Мы в Риме?

— Нет.

— Тогда где?

— Гораздо севернее, в городке под названием Пистория. Было сражение...

— И мы в лагере Катилины?

Он так вздохнул, что я сразу понял — такого места больше не существует.

— Нет, это лагерь Антония.

— Тогда...

— Тебе повезло, ты остался в живых.

— А Метон? — Сердце мое сжалось.

— Метон и спас тебя.

— Да, но...

— Он жив, Гордиан, — сказал Руф, увидев мой страх.

— Слава богам! И где он?

— Скоро придет. Когда я увидел, что ты шевелишься, то сразу же послал за ним.

Я сел, сжимая зубы от боли. Тело мое, руки и ноги оказались целы. Я огляделся по сторонам и увидел, что никого, кроме Руфа, в палатке нет, если не считать цыплят в клетках. Я смотрел на них, смотрел и понял, что голоден.

— А сколько времени прошло?

— Сражение было вчера.

— А как я сюда попал?

— Твой сын очень храбрый молодой человек. Когда он увидел, что ты упал, он поспешил к тебе на помощь и отволол тебя к подножию холма. Он, должно быть, очень устал. Представь себе, сколько вы оба весите, да еще в доспехах? А ты не шевелишься, словно мертвый. Да и раны его кровоточили...

— Раны?

— Не бойся, Гордиан, они незначительны. Он потом и сам упал без сознания. Его нашли рядом с тобой.

— Кто?

— После сражения Антоний приказал прочесать холмы. Солдаты должны были привести пленных, если они сами сдадутся, или добить сопротивляющихся врагов. И знаешь, сколько пленных они привели? Двоих — тебя и Метона, обоих без сознания. Только вы остались в живых из всей армии Катилины — примечательный случай, поэтому позвали

авгура. Как только я вас увидел, я взял вас под свою защиту и приказал перенести в мою палатку. Когда Метон очнулся, он объяснил мне, как вы попали в лагерь Катилины. Он совсем недавно вышел — пошел поискать еды.

— Надеюсь, что он найдет что-нибудь, — сказал я, ощущая шевеление в желудке. — Не знаю даже, что более пусто — моя голова или живот! Только мы двое, говоришь ты, значит, Катилина...

— Погиб, вместе с остальными, и погиб достойной смертью. Солдаты в нашем лагере только и говорят, что никогда не встречали такого сильного сопротивления от столь малочисленного противника. Каждая позиция удерживалась вплоть до последнего человека, и все раны были спереди. Многие из воинов Антония умерли или ранены.

— А Катилина, как же он погиб?

— Его обнаружили далеко от своих, среди тел противников. Его доспехи все покрылись кровью, одежда ею пропиталась. Сколько было ран — невозможно сосчитать, но он еще дышал, когда его нашли. Меня позвали в свидетели, вдруг он скажет свое последнее слово, но он так и не открыл глаз и ничего не произнес. И вплоть до самой смерти лицо его сохраняло величественное и даже надменное выражение превосходства, за которое его многие ненавидели.

— А другие любили, — добавил я тихо.

— Да.

— Мне знакомо это выражение. Хотел бы я посмотреть на него в последний раз.

— И сейчас можешь, — сказал Руф.

Перед тем как я успел спросить, что он имеет в виду, снаружи донеслись такие вопли, что волосы мои стали дыбом.

— И так все утро, — сказал Руф. — Никто не радуется, все только скорбят. Люди ходят по полю сражения, некоторые — чтобы поживиться у мертвых, некоторые — чтобы посмотреть и вспомнить сражение. Они переворачивают тела, и кого же они видят? Знакомых, родственников, тех, с кем они вместе росли. Ужасная, горькая победа.

— А зачем ты здесь, Руф?

— Чтобы служить авгуром, конечно. Читать предзнаменования перед битвой.

— Но почему ты?

— Меня назначил верховный понтифик, — сказал он и пристально посмотрел на меня. — То есть, иными словами, по приказанию Цезаря.

— Чтобы служить его глазами и ушами.

— Да, если так тебе нравится. Я как авгур должен следить за всем, но не запятнать рук римской кровью. Я участвую в военном совете, но не сражаюсь. Я только передаю волю небес.

— Другими словами, ты шпионишь. И передаешь все Цезарю.

— Если это можно назвать «шпионить» — ведь все знают, зачем я здесь.

— Неужели интриги никогда не прекратятся?

— Nunguam, — сказал он, степенно качая головой. — Никогда.

— Не думаю, что Антоний сомневался в целесообразности уничтожения своего старого приятеля. Катилина думал, что он хотя бы испытает сомнение.

— Он и сомневался, по-своему. У него случился приступ подагры перед битвой, и командовать он назначил одного из своих офицеров. Во время сражения он оставался в палатке и даже дверь завязал. Никто не упрекнет его в том, что он не преследовал Катилину, как того хотел Сенат. Но никто и не скажет, что он убил его собственными руками. Скоро он оправится от болезни и будет с удовольствием управлять Македонией, как предназначил ему Цицерон, и римский Форум избавится хотя бы от одного лицемера.

Я покачал головой и закрыл глаза от световых разводов.

— Моя голова как перезрелая тыква.

— И внешне похожа, — улыбнулся Руф. — У тебя шишка на лбу величиной с орех.

Возле входа послышался шум. Я слишком быстро обернулся и снова упал на пол, застонав. Мне было не так уж и больно, просто я застонал от неожиданности, но Метон быстро подбежал ко мне, обнял меня и сквозь сжатые зубы спросил Руфа:

— Если он...

— Твой отец в порядке, только голова немного болит.

Я открыл глаза, но слезы застили мне глаза, и я едва мог различать очертания Метона. Слезы, казалось, уносили с собой часть боли, что было хорошо, так как их скопилось у меня неимоверное количество. Но слезы не могли придать прежний вид Метону. Руф правильно сказал, что раны его были незначительны: он ходил, руки и ноги были целы. Только вот меч врага отсек ему кусочек уха и оставил на левой щеке шрам, который останется у него на всю жизнь.

Метону не следовало говорить, так как рана не совсем зажила. Руф обвязал его голову и челюсть платком, который одновременно и сжимал его рот, и закрывал рану. Когда я увидел его в первый раз, он ненадолго снял повязку, чтобы поесть и попить.

Я тоже не мог говорить от биения в голове. И, возможно, это к лучшему, ведь слова только бы искажали наши чувства, когда мы сидели и держались за руки.

Позже я поведал ему о трупe, который обнаружила Диана незадолго до моего отъезда, и о Минотавре, который мне приснился, и о том, какая догадка пришла мне в том сне. Теперь я знал, кто подбрасывал трупы, зачем и с чьей помощью. Сначала Метон поразился и не хотел верить, но когда я привел ему доказательства, какие пришли мне в голову, он вынужден был согласиться.

Я захотел домой. Теперь, когда волнения по поводу Метона были позади, я забеспокоился о Вифании и Диане, которых оставил на милость Минотавра. Приехал ли Экон? Даже если и приехал и привез при этом Билбона и дюжину других рабов, то он мог и не защитить их, поскольку не знал, кого нужно опасаться. Но когда я попытался встать и одеться, то немедленно упав в постель. И я уж точно бы не вынес галопа.

Руф дал мне успокоительных снадобий, которые облегчили бы боль и помогли бы мне заснуть. Я отказывался, говоря, что в лагере много тяжело раненных людей, которым эти снадобья быгодились, по крайней мере, облегчили бы им смерть. Но он все-таки подмешал мне в вино маковых семян, потому что я быстро заснул, несмотря на боль и волнения. На этот раз мне ничего не снилось, ни Минотавр, ни другие чудовища.

Посреди ночи я проснулся. Светила лампа, и тихо переговаривались два голоса.

— Но орел, спустившийся тогда, на Авгуракуле, и орел Катилины... — говорил Метон сквозь сомкнутые от повязки губы.

— Да, я согласен, — сказал Руф. — Таковы были знаки, и ты их прочитал. Боги повелели, чтобы ты был с Каталиной.

— Но мне следовало оставаться с папой! Из-за меня он покинул Вифанию с Дианой в то время, когда они более всего нуждались в его защите. Если в поместье произошло нечто ужасное...

— Не порицай себя, Метон. Нами правят высшие силы. Они как ветер — их ничем не удержишь, они скорее нас приведут в движение. Подчиниться высшим силам — это не ошибка.

— Но если такова моя судьба, то я должен был погибнуть вместе с Каталиной! Я не боялся, я был готов к этому. Но когда я увидел, что папа упал, я бросился к нему на помощь. А когда увидел, что он еще жив, то не смог оставить его там. Я покинул поле битвы и отнес его в безопасное место, надеясь вернуться, но силы покинули меня, и я потерял сознание. Мне бы следовало от стыда броситься на собственный меч.

— Нет, Метон. Ты ведь мне сказал, что перед тем, как помочь отцу, ты увидел, как штандарт с орлом шатается и падает.

— Да, стрела поразила Тонгилия прямо в глаз. Штандарт упал, и некому было поднять его.

— Понимаешь? Когда орел появился на Авгуракуле, то это послужило сигналом к началу твоей взрослой жизни. Когда ты увидел орла Катилины, то понял, что это судьба. Но когда орел упал, чтобы никогда не подняться, ты освободился от обещания. Ты совершил то, что от тебя хотели боги. Они больше уже не могли помочь Каталине, а уж ты тем более. Ты поступил правильно, поспешив на помощь своему отцу.

— Ты и вправду так считаешь, Руф?

— Да.

— И я не трус и не глупец?

— Следовать мечте — это не трусость; забыть о ней, когда это нужно, — вовсе не глупость. Трус не смог бы пронести раненого человека на плечах через поле битвы, а спасти своего отца — это не глупость. Ах, твой отец шевелится. Гордиан? Нет, он спит еще. Смотри, улыбается; должно быть, боль отпустила его. У него приятные сны.

На следующее утро я почувствовал, что мне стало гораздо лучше. Долгий сон и снадобья, вероятно, упорядочили спутанные жизненные соки, а орех на голове превратился в горошину. Руф беспокоился, что я еще не готов к путешествию, но я настоял на своем, и он пообещал раздобыть нам лошадей.

— Мы ведь не пленники? Мы свободны в своем передвижении? — спросил я.

Руф улыбнулся.

— У авгура, представляющего здесь самого верховного понтифика, есть кое-какие привилегии. Допустим, я могу с помощью некоторых снадобий насыщать забывчивость. И вы никогда не существовали. Никаких пленников не было. Все сторонники Катилины погибли в бою. Так я скажу Сенату, гонцу, и так запишут историки в своих книгах. Вам повезло, не потому, что вы остались в живых, а потому, что вы оказались вместе. Фортуна улыбнулась тебе, Гордиан.

— Я молю, чтобы она и дальше находилась в приятном расположении духа, — сказал я, беспокоясь о том, что сейчас происходит в поместье.

Никто не обратил на нас особого внимания, когда мы проскакали по переулкам лагеря, между палаток и костров. Среди воинов преобладало дурное настроение духа, но были заметны и признаки анархии, как это и бывает всегда после битвы, когда опасность уже позади. Люди пили вино, обсуждали сражение, играли в кости, делили добычу, снятую с мертвых.

Мы проехали мимо палатки полководца. Интересно, Антоний до сих пор страдает от подагры? Улыбка замерла у меня на устах, когда я увидел, какие трофеи развешаны на шестах возле палатки. Метон их тоже увидел — и яростно заскрежетал зубами.

Теперь я понял, что имел в виду Руф, когда сказал, что у меня есть еще возможность увидеть лицо Катилины.

Победители сохранили его голову, чтобы принести в Сенат и доказать его поражение. Чтобы больше не боялись те, кому не давал покоя страх от его присутствия на земле. Чтобы его сторонники впали в отчаяние. Чтобы утратить тех, кто намеревался пойти по его стопам. «Я вижу два тела, одно худое и изможденное, но с большой головой, другое без головы, но сильное и крепкое, — сказал он однажды Сенату. — Что страшного, если я вдруг стану головой для этого тела?» Теперь его голова висела на колу и никому была не нужна, тела не было. Высокомерная улыбка не отпугивала кружащихся вокруг нее мух.

Я едва проглотил комок в горле. Метон еле подавил рыдание, прорвавшееся сквозь его повязку. Мы задержались и в последний раз посмотрели на Катилину. Метон первым вздернул поводья и пустил лошадь галопом. Мы бешено проскакали мимо солдат, которые прокричали ругательства, и мимо рабов, которым пришлось поднять оброненный груз. И только далеко за пределами лагеря, среди голых холмов и под серым небом, Метон сбавил

ход, словно пустынная местность немного утешила его.

ГЛАВА СОРОКОВАЯ

Оказалось, что мрачный дух в провинциальных городках и селах нисколько не изменился с тех пор, как я ехал на север, ведь мы обгоняли новости о разгроме Катилины. У меня не было ни малейшего желания служить вестником, и поэтому во время стоянок я хранил молчание. А молчать было трудно, особенно тогда, когда какой-нибудь человек принимался хвалить Катилину, говоря, что «он еще покажет», или, напротив, отпускать шуточки по поводу девственной весталки. Я боялся, что Метон не выдержит и пустится в спор, повредив при этом свою рану, но он сохранял стоическое спокойствие истинного римлянина.

Утром того дня, когда мы уже проезжали хорошо знакомые места, настроение мое неожиданно приподнялось. Землю осветил яркий свет, сглаживая зимнюю остроту предметов. Я полными легкими вдыхал морозный, бодрящий воздух. Мы уже почти доехали до дома. Что было, то было, нужно продолжать жить. Конечно, оставался еще Минотавр, но я не думал, что за время моего отсутствия в поместье произошло что-то серьезное. По крайней мере, я ожидал, что хоронить безголовые трупы мне больше не придется.

Метон тоже радовался возвращению домой. Когда мы свернули с Кассиановой дороги, он пустился галопом, и я последовал его примеру. На крыше конюшни стоял раб. «Хорошо, — подумал я, — они продолжали стоять на страже, как я и приказывал». Узнав нас, он закричал во все горло: «Хозяин! И молодой Метон!»

Когда мы вели лошадей в конюшню, из дома вышел Экон. Я улыбнулся ему, но он мне не ответил тем же. Он, возможно, увидел повязку на Метоне, решил я, она-то и тревожит его. Но вот вслед за ним выбежала Вифания. Она еще не заметила Метона, но лицо ее покраснело от слез. Она пробежала мимо Экона, который ступал так, словно каждый шаг доставлял ему боль. Вифания так сильно вцепилась в мои руки, что я испугался, как бы не оторвались рукава моей туники.

— Диана! — крикнула она хриплым голосом. — Диана пропала!

На меня словно навалилась темная, плотная ночь.

— Пропала? — переспросил я. — Ты хочешь сказать, что...

— Ее нет нигде, — сказал Экон.

— И как давно?

Вифания поспешно ответила:

— Еще со вчерашнего дня. Утром она была со мной, потом пообедала, а после полудня я заметила, что ее нигде нет. Я немного вздремнула — ах, если бы только я этого не делала! Проснулась и не смогла ее найти. Я звала ее, кричала, пока не охрипла, пока не наступил вечер, но она не отзывалась. И как только она могла потеряться? Ведь она знала все укромные уголки в поместье. Я не понимаю...

Я посмотрел на Экона.

— Колодец?..

Он покачал головой.

— Я уже осматривал его, как и те места, куда можно упасть. Рабы прочесали все поместье из угла в угол и даже не один раз. Никаких следов нет.

— Метон! — вскрикнула Вифания, заметив наконец повязку. Она отступила от меня и обняла его.

— А соседи? — спросил я.

— Я побывал у всех. Все они доказывают свою невиновность, но кто знает? Если бы были доказательства...

— Кто видел ее в последний раз?

— Она не наелась за обедом и захотела еще каши. Вифания заснула, и она сама пошла на кухню просить добавки. Конгрион сказал, что подразнил ее по поводу обжорства, но добавки дал. После чего она пошла гулять. Но снаружи ее никто не видел...

— Метон! — крикнула Вифания, когда он вырвался из ее объятий и устремился к кухне.

— Пойдем, Экон, пока он не убил его! — крикнул я, бросаясь вдогонку за Метоном.

Когда мы прибежали на кухню, Конгрион лежал на полу. Руками он защищал лицо. Метон вынул из очага огромную железную кочергу и размахивал ею.

— Где она? Где? — кричал он, а Конгрион только выл и стонал.

— Метон, я уже допросил его! — сказал Экон.

Он сделал шаг, чтобы прекратить избиение, но Метон взмахнул кочергой, и ему пришлось отступить. Он продолжал колотить пухлое тело повара. Даже не видя его лица, я понимал, какое наслаждение ему это доставляет, ведь я и сам его испытывал. Вся злоба и отчаяние перенеслись на эту вопящую фигуру.

— Папа, да останови же его! Он убьет бедного раба! — крикнул Экон.

— Пусть убивает, только после того, как мы вытянем из него всю правду, — сказал я. — Хватит, Метон. Хватит!

Вытянув перед собой руки, я шагнул вперед и схватил его за руку. Метон некоторое время боролся, потом переложил кочергу в другую руку, но тут Экон вовремя выдернул ее, и мы долго удерживали его, пока он не успокоился. Конгрион тем временем лежал на полу, всхлипывая и тяжело дыша.

— Пусть его пытаются, папа! Заставь его говорить! — проворчал Метон.

— Хорошо, если на то пошло, — сказал я, поворачиваясь к Конгриону, чтобы со всей силы пнуть его ногой, но он представлял такое жалкое зрелище, что я сдержался.

— Пожалуйста, хозяин, не бейте меня! — плакал он, а когда Метон подался вперед, заверещал: — Я ничего не знаю!

— Лжешь! — прокричал я. Теперь я уже не удержался и пнул его, испытав злорадство, как и Метон. — Лжешь! Я все про тебя знаю. Скажи спасибо, что оставляю тебя в живых. А теперь скажи, где Диана, или, клянусь Юпитером, тебя будут пытаться, пока не признаешься!

После такой угрозы он стал очень сговорчивым.

— Не стоит сразу сдаваться, — сказал я Метону и Экону, когда мы свернули с Кассиановой дороги. С нами также ехал и Билбон, и еще десять рабов, вооруженных кинжалами. Впереди, за рощицей, показался дом. Из очага подымался дым, значит, хозяин никуда не убежал. Я молил богов, чтобы Диана тоже находилась в этом доме, только вот что с нею? При этой мысли мне стало нехорошо.

— Поскольку ты, Экон, вчера уже побывал здесь, то тебе не удивятся. Важно проникнуть внутрь, а тогда уже надо действовать очень быстро.

— Не волнуйся, папа, мы уже обо всем договорились, — сказал Метон, — мы знаем, что делать.

В рощице рабы спешили и привязали к деревьям своих лошадей. Метон, я и Экон поскакали дальше. Был полдень, никто не показался во дворе. Подъехав к двери, мы спешили. Экон постучал. Открыла старая рабыня с седыми волосами.

— А, это вы, — сказала она, потом уставилась на меня с Метоном.

— Это мой отец и брат, вернулись из поездки, — сказал Экон. — Они пришли спросить насчет моей сестры, как и я. Ну, чтобы удостовериться наверняка.

Рабыня неопределенно кивнула.

— Да-да, ждите здесь, я сейчас схожу...

— Экон, это ты опять, — пропел знакомый голос изнутри. В проходе появилась фигура. — Ах, мальчик мой, хотела бы я сообщить тебе приятные новости, да не могу... — Ах, и твой отец здесь. И Метон — с ужасной повязкой! — сказала она, выходя на свет и откидывая прядь рыжих волос со лба.

— Да, Клавдия, мы пришли попросить твоей помощи, — сказал я.

— Значит, бедную Диану до сих пор не нашли?

— Да.

— Ах, а я так надеялась, что она отыщется еще вчера, до захода солнца. Вы, должно быть, так беспокоитесь!

— Да.

— Особенно Вифания. Мне-то самой неизвестны ни радости, ни печали материнства. Но боюсь, что не могу сообщить ничего полезного. Мои рабы тоже все обыскали, как посоветовал Экон, но не нашли никаких следов. Если хотите, можете и моих рабов послать на розыски — чтобы быть уверенными наверняка. Я вас понимаю.

— И ты позволишь, Клавдия?

— Конечно.

— А можно обыскать твою конюшню и подсобные помещения?

— Если хотите. Не думаю, что она могла там оказаться без ведома моих рабов и оставаться незамеченной — если, конечно, она не прячется нарочно. Пожалуйста — ищите.

— А дом осмотреть можно?

Ее дружелюбная маска немного поблекла.

— Ну...

— Твою спальню, например? Те места, где обычно не принимают гостей?

— Не знаю, чего ты хочешь этим добиться, Гордиан. Ведь ребенок не мог оказаться в моем доме без моего ведома.

— И я так думаю.

На мгновение ее глаза сверкнули, затем она собралась и снова сложила губы в улыбку.

— Ах, Гордиан, как, должно быть, ты расстроен. Конечно, делай, что захочешь. И прямо сейчас, чтобы потом не сомневаться и продолжить поиски в других местах.

— Хорошо, — сказал я как можно более ласково и взял ее руку, словно намереваясь ее поцеловать, но немедленно завернул ее и приставил к шее Клавдии кинжал.

Она раскрыла рот, чтобы крикнуть, но, почувствовав острую сталь возле горла, только хрипнула. Я выволок ее наружу. Метон забежал внутрь, а Экон позвал рабов.

Никто не оказал нам сопротивления. Старая рабыня, правда, закричала, и на ее крик выбежало несколько рабов с кинжалами и дубинками, но, увидев, в каком положении находится их госпожа, они встали и спокойно принялись смотреть, как наши люди обыскивают конюшни, сараи и сам дом.

— Ты глубоко заблуждаешься, Гордиан, — сказала Клавдия.

— Это ты заблуждаешься, если считаешь, что тебе удастся скрыть ее от нас, — проворчал Экон и побежал в дом вслед за остальными.

— Девочки там нет.

— Но привели ее именно сюда, — сказал я. — Не стоит лгать, Клавдия. Конгрион предал тебя. Ну, давай, вырывайся, если порежешь горло, то это будет твоя вина.

Она завывала, и я почувствовал, как вибрирует ее горло.

— Если твой повар лжец, то я-то при чем?

— Он не лжет, а говорит правду, Клавдия. Вчера ты послала одного из рабов, занятых на кухне, в мой дом под предлогом торговли, что случалось довольно часто, вот никто его и не заметил. Но на самом деле он пришел, чтобы передать твои указания Конгриону, что тоже случалось часто. Согласно его показаниям, в твои новые планы входило использование яда. Конгриону это не понравилось, он отказывался, а твой человек спорил с ним. В кухне никого не было, Экон находился снаружи, Вифания спала, и они говорили шепотом. Но вдруг они обернулись и увидели Диану, которая стояла возле двери и слушала их разговор.

Они забеспокоились. Конгрион заткнул ей рот, и они оба обвязали ее веревкой. Твой человек пришел с тачкой, туда они ее и положили, а затем твой раб быстро отправился

обратно. Мой охранник клялся, что видел его, но мне кажется, он лжет, под страхом наказания, потому что невозможно, чтобы Диана не поднимала никакого шума, даже будучи связанной и лежа в тачке. То, что он приходил, рабы помнили, но, как я уже говорил, не обратили особого внимания, поскольку он был частым гостем. Так что, как видишь, мне все известно. Твой раб был в заговоре с моим поваром! Итак, где она?

— Спроси Конгриона! — прокричала она. — Лжец! Разве ты не понимаешь, что он сотворил нечто ужасное с твоей дочерью, а теперь хочет свалить всю вину на меня! Он все выдумал; как ты можешь подозревать меня?

— Как ты можешь врать мне? — спросил я, едва сдерживаясь, чтобы не воткнуть кинжал ей прямо в горло.

— Если ты считаешь, что она здесь, то найди ее. Пожалуйста, ищи сколько угодно, но ее здесь нет. Ничего ты не найдешь.

Я неожиданно понял, что она, очевидно, права. Диану сюда привезли, в этом я не сомневался, но здесь ли она осталась? Нет, Клавдия слишком хитра, чтобы держать ее здесь. Тогда где она? Где она могла спрятать девочку — или ее тело?

В задумчивости я ослабил хватку, и она неожиданно освободилась. Когда я попытался снова схватить ее, она укусила меня за руку. Из дома выбежали Метон с Эконом, но было слишком поздно. Она побежала к своим рабам, и те обступили ее кругом, выставив оружие.

Экон позвал наших рабов.

— Мы их одолеем, папа. Ее рабы завопят и убегут при первой же крови.

— Только попробуй, Гордиан, и я не отвечаю за последствия, — сказала Клавдия, тяжело дыша. — Ты что, в самом деле хочешь кровной вражды Клавдиям?

— Скажи только слово, папа! — крикнул Метон, так сильно сжимая кинжал, что его пальцы побелели.

— Нет, Метон, никакого насилия! Месть подождет. Сейчас важно найти Диану, и, мне кажется, я знаю, где она находится. Экон, оставайся здесь со своими рабами. Следи за Клавдией, чтобы она не сбежала. Метон, садись на лошадь и поезжай за мной.

Клавдия, должно быть, всю жизнь знала про шахту. И ей сразу же пришло в голову это место. Так я убеждал сам себя, пока мы скакали по Кассиановой дороге. На это я надеялся и этого опасался.

Мы проехали мимо тайной тропы. Подъем по ней был бы слишком медленным, а скрываться сейчас мне было ни к чему. Мы открыто въехали на территорию Гнея, поднялись в лес, миновали пастушью хижину, где когда-то жил бедный Форфекс, проехали мимо мрачноватого дома Гнея, где собаки залаяли, чувствуя наше приближение.

Мы доехали до конца дороги, привязали лошадей и продолжили путь пешком. Никто из нас не проронил ни слова. Мы не осмелились поведать друг другу свои мысли вслух.

Поток оказался быстрым и холодным. Вода доходила до колен. Когда я достиг другого берега, ступни мои совсем онемели от холода, но скоро я об этом забыл — мы быстро вскарабкались по склону и подошли ко входу в шахту.

А что, если там ее нет? Сердце мое билось слишком быстро, и я не мог придумать, что же нам следует делать дальше. А что, если она там? Она, конечно, должна выдержать одну ночь, повторял я себе. Там не дует ветер, а без еды день потерпеть можно. Но в каком состоянии они ее оставили, и вдруг она боится темноты? Вдруг она отправилась погулять и упала в бездну? С каждым шагом мне становилось все тревожней, и вскоре я не мог сказать, что доставляло мне большие мучения — физическая усталость или тревога. Я упал на колени и хотел, чтобы убежавший вперед Метон нашел ее, а я просто подождал бы, но пересилил себя и встал. Я ковылял вперед, ругая Каталину, ненавидя богов и моля Фортуну.

Наконец-то показался вход. Метона не было видно. Он уже перелез через стену, которую построили, чтобы помешать козам и через которую маленькой девочке не перебраться. Я побежал, хотя и чувствовал, что грудь моя вот-вот разорвется. «Ты старик и

дурак, — повторял я себе. — Ты повернулся спиной к миру, и вот мир напомнил о себе, отплатил за твое презрение к нему! Ты отбросил свой разум, как гладиатор отбрасывает меч; но у гладиатора нет выбора — сражаться или умереть. Так и у тебя только один выбор — либо прокладывать свою дорогу сквозь путаницу событий, либо умереть. Как глупо покидать Рим, когда тебе самой судьбой предназначено находиться там. Диана!»

Подойдя к стене, я хотел позвать Метона и ее, но боялся ответа. Я кое-как вскарабкался на стену и упал по другую сторону. Неподалеку оказался Метон, в руках он что-то нес. Он обернулся, и я увидел слезы в его глазах.

— Ох, нет, Метон! — простонал я.

— Папа, папа, ты пришел! Я так и знала!

Диана спрыгнула с рук Метона и подбежала ко мне. Я прислонился к стене, обнимая ее.

— Я всем им говорила, что ты придешь! — кричала она.

Я отстранил ее и осмотрел. Одежда ее порвалась, лицо запачкано грязью, но ничего страшного не заметно. Я снова прижал ее и закрыл глаза от нахлынувших слез.

— Я говорила им, говорила им, — повторяла она, пока я не спросил, про кого она говорит.

— Про тех, остальных!

— Каких остальных?

— Других мальчиков и девочек.

В полумраке шахты она указала на линию черепов, выстроенных вдоль одной из стен — останки рабов.

— Не помню, чтобы они там были в прошлый раз, не правда ли, Метон? — сказал я озадаченно.

— Нет, — прошептал он.

— Это я сделала, — сказала Диана. — Это я их собрала вместе.

— Но зачем?

— Потому что они были одни, сами по себе, и я была одна, мне было очень холодно этой ночью, папа, а представь, как им холодно без кожи.

Я заботливо посмотрел на нее.

— И как ты думаешь, кто они, Диана?

— Другие мальчики и девочки, конечно. Те, кого привел сюда злой царь, чтобы их съел Минотавр. Посмотри, он всех съел, только кости остались! Бедняжки! Когда рабы Клавдии меня привели сюда, я сразу догадалась, что это Лабиринт. Они опустили меня по эту сторону стены и не подымали обратно, хотя я кричала и говорила, что они еще пожалеют. Как ты думаешь, они надеялись, что Минотавр съест меня?

— Ох, Диана, — сказал я, обнимая ее, — ты, должно быть, так напугалась!

— Не так уж и напугалась.

— Нет?

— Нет. Вот Метон бы испугался, потому что он боится Минотавра, но я не боюсь.

— Почему?

— Потому что Минотавр давно погиб.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что ты сам мне рассказывал, папа. Разве не помнишь?

— Да. Помню. — Я вспомнил тот летний день, когда она прибежала сказать мне, что в доме ожидает гость из Рима, и заодно спросила про Минотавра, потому что им ее напугал Метон. — Да, я сказал тебе, что герой по имени Тезей его убил.

— Вот-вот. Потому я и не испугалась, только немного замерзла, и не с кем было поговорить, ведь они не могут разговаривать. И проголодалась. Папа, я так проголодалась! Нельзя ли чего-нибудь поесть? Но только пусть готовит не Конгрион — он хочет отравить нас...

ГЛАВА СОРОК ПЕРВАЯ

Метон предложил порезать Конгриона на кусочки и поджарить их. Я сказал, что еда будет слишком жирной, а кроме того, он мог бы и сам проглотить яд и, следовательно, отравить нас. Вифания предложила бросить его в колодец и смотреть, как он медленно умирает с голода. Но зачем снова загрязнять колодец? Практичный Экон сказал, что можно продать его нашим недругам, зная, что он в любой момент может их отравить или предать. Разумное предложение, подумал я, только кого же мы так не любим?

Для Клавдии же никакое наказание не казалось слишком суровым. Все наши фантазии начинались ее похищением среди ночи и заканчивались такими ужасными сценами, которые далеко превосходили зверства времен Суллы. Особенно старалась Вифания, к моему удивлению, ведь, согласно распространенному мнению, египтяне более покладистые и цивилизованные люди, чем римляне. Теперь она стала настоящей римской матроной, готовившей козни против другой матроны, как и Метон доказал на поле боя, что он настоящий римский солдат. Все мы теперь римляне, подумал я, а если так, то почему бы не обратиться к римским законам.

Это предложение не вызвало решительно никакого энтузиазма. Мы уже однажды победили Клавдиев в суде, признал Экон, но только благодаря помощи Цицерона. Следующая наша победа не так уж несомненна, стоит только посмотреть, с какой медлительностью решается спор по поводу реки. Суды превратились в орудия для вытягивания взяток и потворствования более сильным и знатным, а вовсе не в учреждение для поиска истины. Как и до Республики, людям теперь нужно решать споры своими силами, так что и нам следует по-своему поступить с Клавдией.

Я напомнил, что нас окружают и другие Клавдии, словно мы находимся в стане врага. И если мы чем-нибудь обидим представительницу их рода, то возмездие с их стороны не замедлит прийти. Они и так нас ненавидят, а что будет, когда прольется их кровь? Мы тогда многие годы будем охотиться друг за другом, и что ж это будет за жизнь?

Вдоволь накричавшись, помахав руками и посоперничав друг с другом в жестокости, мы решили немного отдохнуть. Хорошо, что мы устали, а то после того, как Диана нашлась, все хотели немедленных действий. Я предложил подождать эту ночь и следующие сутки, прежде чем на что-то решиться. Мы успокоились и могли отдохнуть с ясными головами, а Клавдия пусть не спит и решает, что мы задумали.

На второе утро я как отец семейства заявил, что беру все дело на себя и пусть мне никто не мешает. Мое решение будет окончательным и бесспорным. Потом я удалился в библиотеку, написал записку, запечатал и приказал рабу отнести ее Клавдии, подняв руки при подходе к ее дому и крича, что при нем только письмо:

«Клавдии.

Есть кое-какие вопросы, которые нам следует обсудить с глазу на глаз и на нейтральной территории. Давай встретимся в полдень на обычном месте, на вершине холма. Я приду один и без оружия и, клянусь памятью моего отца, я не причиню тебе никакого вреда. Твое присутствие будет означать, что ты взяла на себя те же обязательства. Взаимной злобой ничего не добьешься, я верю, что мы достигнем взаимопонимания. Надеюсь на успешное разрешение наших разногласий.

Твой сосед Гордиан».

День выдался безоблачным, на вершине не было ни малейшего ветерка. Хороший день, особенно для конца января, месяца, который принес достаточно неприятностей, чтобы их хватило на целый год.

Я сел на пенек и посмотрел на поместье, такое спокойное и мирное, что невозможно было поверить, что посреди этой идиллии могут происходить такие чудовищные события. Солнце стояло в зените и висело так низко, что напоминало лампу. Я долго ждал и подумал было, что мое предложение отклонено. Но вот неподалеку зашелестели ветки, и из кустов вышла Клавдия.

Она выглядела как обычно: толстые пальцы, пухлые щеки, приплюснутый нос, беспорядочно растрепанные волосы, собранные в узел на макушке. На ней была толстая шерстяная туника с плащом. Не сказав ни слова, она подошла ко мне, села рядом и тоже принялась изучать пейзаж. На ее горле я заметил несколько горизонтальных полос — следы моего кинжала. Время от времени она невольно дотрагивалась до них.

После непродолжительного молчания она сказала:

— С чего начнем?

— С самого начала. Перед тем, как что-то обсуждать, скажи честно: ты совсем не причастна к смерти своего кузена Луция?

Она посмотрела мне в глаза, но тут же отвернулась.

— Как ты мог подумать...

Я поднял руку.

— Никаких протестов, Клавдия. Только «да» или «нет».

— Я — убила Луция? Что за вопрос! Нет, конечно, нет! Он умер на Форуме, среди множества людей, схватившись за грудь. Люди каждый день умирают, это так естественно...

— И ты помогла природе взять свое? Немного яда...

— Гордиан, нет!

Я изучал ее профиль, пока она смотрела вниз, на поместье.

— Я верю тебе. У меня нет причин думать, что ты могла убить своего кузена, но я хотел удостовериться наверняка. Понимаешь, он же был моим другом. И мне важно знать, не помог ли кто ему в его смерти.

Было очевидно, что мне предстоит задавать вопросы, а Клавдии отвечать. Поэтому не стоило торопиться. Мы еще немного помолчали.

— Ты склонила Конгриона на свою сторону тогда, когда я послал его помочь тебе подготовиться к собранию родственников? — спросил я наконец.

Она пожала плечами.

— Не трудно было. Конгрион не любит тебя, презирает твою жену. Некоторые рабы терпеть не могут бывших рабов; Конгрион ненавидит это просто из принципа. От его таланта и вся его гордость, а таланта ему не занимать, надеюсь, что с этим ты согласишься. Всю жизнь он проработал в поместье богатого патриция и вдруг оказался собственностью... Гордиан, вряд ли нужно упоминать твою родословную, не так ли?

— Да, я предпочел бы, чтобы ты не упоминала моих предков. Итак, ты сказала Конгриону, что если он согласится помогать тебе, то станет твоим рабом. И он пошел на то, чтобы стать твоим шпионом в моем поместье.

— Что-то вроде этого.

— Поверишь ли ты, что в течение долгого времени я подозревал Арата?

— Арата? — переспросила Клавдия. — Тебе лучше знать. Луций говорил, что он один из самых лучших рабов в поместье. Лучшего управляющего и не найти.

— Постепенно и я это понял. Но вернемся к Конгриону: когда в моей конюшне появилось первое безголовое тело, то ведь его принес Конгрион, правда?

— Почему ты меня спрашиваешь? Ведь ты, наверное, уже все узнал от него.

— Не все, а кое-что. Мне пришлось много домысливать, а некоторые подробности можешь поведать только ты, Клавдия. Итак, вернемся к тому дню, когда мы сожгли первую порцию сена. В воздух подымались заметные столбы дыма, видные со всех окрестностей. К нам пришел твой раб, якобы передать нам в дар немного фиников, а в ответ я передал ему

свежих яиц. Мне тогда показалось, что он пришел узнать, отчего пошел дым и что здесь горит, оказалось, на самом деле он пришел переговорить с Конгрионом по поводу того, как доставить мертвое тело. Я помню, что он долгое время оставался на кухне, но думал, что он пробует пирожные.

На следующий день прибыла повозка с едой и горшками. Конгрион сказал, что она приехала из Рима и что он распорядился о ней, минуя Арата. Я тогда был сердит на Арата и забыл про Конгриона. Теперь я понимаю, зачем он настаивал на том, чтобы разгрузать ее самому, — среди горшков был спрятан труп. Повозка же приехала из твоего поместья, а вовсе не из Рима. Конгрион спрятал тело на кухне, а после ему удалось перетащить его в конюшню. Неудивительно, что он так вспотел и дрожал, а я-то подумал, что он просто запыхался и сердится на Арата. Итак, я знаю, откуда появилось тело и кто его туда приволок. Но кто был Немо?

— Немо?

— Так я назвал безголовый труп, поскольку имени его не знал. По телу трудно было сказать, раб он был или свободный. Если раб, то домашний, не занятый тяжелым трудом. Немо был твоим поваром? Не так ли?

Клавдия поглядела на меня искоса.

— Откуда тебе известно? Я даже Конгриону ничего не говорила.

— Ты сама сказала, но тогда я не обратил на это внимания. Помнишь, как ты прислала Конгриона обратно и поблагодарила меня в письме? — Я достал кусочек пергамента из-под туники. — Я сохранил его.

Я был тронут твоей благодарностью и обещанием помочь, если настанут трудности. Но было кое-что еще. Давай я прочту тебе: «...благодарю за предоставление рабов... особенно за повара Конгриона, чьи способности не уменьшились с тех пор, как он служил моему кузену Луцию. И я вдвойне благодарна, поскольку мой собственный повар заболел и Конгрион не просто помог, а оказался необходимым». Итак, твой повар болел. А потом умер.

— Откуда ты знаешь?

— Ты сама сказала мне! Это было на восточной стороне холма. Мы смотрели на Кассианову дорогу, ты принесла медовые пирожные, и мы с Метоном их ели. «Их испек мой новый повар сегодня утром, — сказала ты. — Он, конечно, не Конгрион, но печь умеет». Твой новый повар, Клавдия, потому что старый заболел и умер и тебе пришлось заменить его. Но поскольку ты такая экономная — жалеешь даже кусочка пирожного, — то нашла применение его мертвому телу — запугать меня. Итак, Немо не был насильно убит, не правда ли? Он умер от болезни, и ты отрубила ему голову, чтобы никто в моем поместье его не узнал. Ведь некоторые рабы могли бы опознать его по лицу.

— Ты понятлив, Гордиан. Испугало ли тебя появление мертвеца без головы?

— Я испугался, но совсем по другим причинам, не имеющим ничего общего с соседями и их угрозами выжить меня с этой земли. Я скрыл этот случай от всех, даже от Конгриона. Не правда ли, странно, что Конгриону не о чем было докладывать твоему человеку, когда он пришел в следующий раз?

— Да.

— Тем временем я продолжал доверять тебе, потому что рабы, занятые на кухне, сообщили мне, что ты очень тепло отзывалась обо мне и защищала меня перед родственниками. Ты же сама подкинула мне идею, чтобы мои рабы наблюдали за тобой. Ты пошутила насчет того, что они могут отравить твоих родственников, но я попросил их держать уши открытыми. И вот они «подслушали», как ты споришь с Гнеем, Манием и Публием. Но ты и хотела, чтобы они подслушали ваш разговор, не так ли? Я решил, что ты единственный мой союзник в стане врагов, и когда в моем поместье начали твориться безобразия, я подозревал всех, кроме тебя. И если бы мне пришлось в отчаянии продать поместье, то я обратился бы к соседу, который все время оставался на моей стороне, не так

ли?

Клавдия заерзала на своем пне.

— Что-то вроде того, — сказала она тихо.

— Первый безголовый труп появился в середине июня. Тогда ничего особо плохого не произошло. Я не так понял причину его появления и решил, что это связано с некоторыми моими обязательствами, данными еще в городе, и что меня против воли вовлекают в одно предприятие. Но потом ничего не произошло только потому, что тебя в поместье не было. Ты уехала в Рим, посмотреть городской дом Луция на Палантине, доставшийся тебе в наследство.

Второе тело появилось в середине квинтилия, когда мы приехали из Рима после выборов и дня рождения Метона. Ты хотела подольше задержаться в Риме, но вернулась раньше нас, ты еще сказала мне за обедом, что собираешься домой. Ты также привела в гости своего кузена Мания, а его до печального смешное поведение еще больше убедило меня, что ты мой союзник. Ты вернулась в тот день, когда Гней в гневе убил своего раба Форфекса. Возможно, ты и не собиралась подкидывать мне второй труп, но если уж представилась возможность — не пропадать же телу зря! Ты украла его из укромного места среди камней, где его похоронили рабы Гнея. И снова труп доставил твой раб и передал его Конгриону. Его наверняка привезли в тачке. Раб твой так часто приходил к нам на кухню, что его просто не замечали.

Тебе было известно, что я видел Форфекса, и поэтому снова было необходимо отрезать голову, чтобы скрыть его личность. Ты бы и руки ему отрезала, но откуда же тебе было знать, что Метон вспомнит о родимом пятне? Гней признал, убил Форфекса, но отрицал свою причастность к его появлению в моем колодце. Он, кажется, совсем ничего не знал об этом.

— Верно, — призналась Клавдия.

— Так я и понял. И снова у меня были причины кое-кого подозревать, но после разговора с Гнеем я совсем запутался. Я продолжал управлять поместьем, несмотря на нехватку сена и загрязненный колодец. Продолжил строительство водяной мельницы...

— Дурацкое приспособление! — вырвалось у Клавдии.

— Да, я теперь понимаю, как, должно быть, ты была разочарована, видя мое упорство; приходила сюда, на вершину холма, жадно смотрела на мое поместье и видела, что я продолжаю работу, несмотря на твои усилия. Мельница стала символом моего успеха, и поэтому тебе было неприятно смотреть на нее, когда я пригласил тебя к себе. Я ощутил твое нежелание смотреть на нее, но думал, что причиной этому сама мельница. Ты хорошо скрываешь свои чувства!

— Когда женщина хочет добиться своего, то ей просто необходимо скрывать свои чувства, особенно если у нее нет мужа и сыновей! — сказала Клавдия.

Меня поразила горечь и ярость в ее голосе, и я сразу увидел другого человека, непохожего на добродушную матрону, которую я знал раньше, словно маска спала и обнажила отвратительное лицо. Две ночи подряд я размышлял, как Клавдия могла пойти на такие подлые действия. Теперь я видел совсем другую женщину, чье коварство до поры до времени тщательно скрывалось. А как иначе может выжить женщина без семьи в этом яростном мире? До меня только сейчас дошло, что Клавдия и в самом деле виновата в моих бедах.

— Я снова немного запутался, когда Гней предложил мне купить у меня поместье, — хотя я теперь понимаю, что это ты подтолкнула его поговорить со мной. Он даже что-то сказал про тебя, будто ты поведала ему, что у меня неприятности, но я решил, что до него просто дошли слухи. На самом деле ты хотела, чтобы он раздосадовал меня, а затем подбросила еще один труп, чтобы вовсе вывести меня из себя. Я тогда как раз собирался уезжать и не мог даже задержаться. И это к лучшему, а то я бы без раздумий напал на Гнея.

— Третий труп тоже некогда был твоим рабом? Ты не убивала Немо, он умер от

болезни. Форфекса ты тоже не убивала. Но этого-то ты убила, Клавдия?

— Почему ты так считаешь? — сказала она, бросая на меня мрачный взгляд.

— Потому что тебе надо было на ком-то проверить свой яд. Ты уже однажды проверила его на Клементе. Он был своего рода свидетелем, просыпался той ночью, когда Конгрион сбросил труп в колодец. Он, правда, очень смутно помнил, что происходило, но даже старый бедный Клемент представлял некоторую угрозу — дело ведь нешуточное, Конгрион строил козни против собственного хозяина. И от него нужно было избавиться. Ты дала моему повару стрихнин. Поэтому у него так посинели губы, его тошнило, он задыхался и не мог ничего сказать. Я всегда подозревал, что его поторопили отправиться на тот свет. Теперь я точно знаю, ведь Конгрион во всем признался.

Но яд, убивший старика, мог не подействовать на сильного мужчину сорока семи лет, поэтому ты захотела испытать его на одном из своих рабов, не так ли? Как ты выбрала свою жертву, Клавдия? Он что, был нерадив или обидел тебя? Или же он просто подходил по возрасту и телосложению?

Она уставилась вдаль и не говорила ни слова.

— Бедняга — быть рабом у такой хозяйки! А раз уж ты убила его, то не пропадать же трупу! И еще раз запугать Гордиана! Ты снова приказала отрубить ему голову и отправить в мое поместье. Его, как и Немо, обнаружила моя дочь. Неужели ты настолько хладнокровна, что тебе ничего не стоит так обескуражить маленькую девочку? Вероятно, да, ведь ты показала, что и не на такое способна.

Клавдия резко встала.

— Я пришла сюда не для того, чтобы меня судили, и уж тем более ты. В твоём послании говорилось, что нам нужно решить вопросы и достигнуть взаимопонимания. Давай, делай свое предложение, оставь обвинения на потом.

— Садись, Клавдия. Ты ведешь себя как убийца, когда суд перечисляет его преступления.

— Отравить раба — не убийство.

— Ах да, но кража чужого ребенка — уж наверняка преступление.

— Хватит! — сказала она и повернулась, чтобы уйти. Я схватил ее за плечи и силой опустил на пенек.

— Ты поклялся, что не причинишь мне вреда! — крикнула она и вынула короткий кинжал из-под туники. Я выбил его из ее руки, и она закрыла лицо руками. Я огляделся по сторонам — никого вроде не было.

— Да, Клавдия, я поклялся и сдержу свое слово, хотя никто из людей и богов не обвинит меня, если я задушу тебя прямо здесь, собственными руками. Послушай, что я хочу сказать, отбрось свое высокомерие. Не отрицай, что хотела отравить меня. Конгрион и в этом признался! Ты потеряла терпение. Проходили месяцы, и вот ты решилась на убийство свободного гражданина — ах, всего лишь выскочки-плебея! Ты думала, что без меня тебе удастся убедить Экона и Вифанию продать тебе поместье, или ты их тоже решила отравить?

Это должен был сделать Конгрион. Твой раб убеждал его в этом, но он отказывался. Это было уже слишком для него. Клемент он убил из чувства самосохранения, но убить хозяина — слишком большое преступление. И вдруг оказалось, что их разговор подслушивает маленькая девочка. Остальное тебе известно. Единственное, чего я не могу понять, — с какими мыслями ты отправила Диану в заброшенную шахту, где она могла легко погибнуть или умереть с голоду? Или потом ты забрала бы ее и продала в рабство куда-нибудь в Остию, пока ее родители плакали бы от горя?

Глаза Клавдии дико сверкнули. Я подошел к ней, чтобы она не могла убежать.

— Я сказал, что не трону тебя, хотя в данный момент и жалею об этом обещании. Тебя следовало бы наказать, Клавдия, — за двуличность, за высокомерие, за убийство, за похищение ребенка, за то, что ты заставила так страдать Вифанию. Но твои кузены не станут

терять времени даром и сидеть сложа руки, они примутся мстить мне, и когда же наша вражда закончится? Я слишком многое повидал в этом мире, чтобы верить в справедливость и правосудие, божие или людское. Мы сами творим свою справедливость, своими руками, и я хочу предложить тебе сделку, здесь и сейчас.

— Сделку?

— Взаимное соглашение, Клавдия, и назад мы уже больше не оглянемся. Мои сыновья не согласятся, они считают, что тебя нужно уничтожить, как бешеную собаку. Вифания тоже не обрадуется. Она хочет выцарапать тебе глаза. Но они подчинятся моему решению. А решение мое таково, что тебе должно достаться это поместье.

Она так посмотрела на меня, что я решил, что она не слышала моих слов. Потом она посмотрела вниз, и глаза ее замерцали.

— Это шутка, Гордиан?

— Не шутка, а сделка. Тебе достанется поместье, как ты и хотела, а мы переедем в Рим, где хранятся все записи, и я перепишу поместье на тебя. А в обмен...

Она повернула голову и настороженно посмотрела на меня.

— В обмен ты подаришь мне дом на Палантине, который тебе завещал Луций, вместе со всей обстановкой.

— Это невозможно!

— Почему? Зачем тебе дом в городе? Он для тебя ничего не значит.

— Это роскошный дом, он стоит целое состояние!

— Да, он, пожалуй, будет стоить больше, чем все поместье, особенно принимая во внимание коллекцию статуй, роскошный мрамор, элегантную мебель в комнатах и расположение на Палантине. Ценный дом. Мне кажется, тебе неприятно, что в нем будет жить такой недостойный человек, как я, ну что ж, Луций ведь хотел, чтобы мне досталась часть его наследства, и я от своего не отступлюсь. Он думал, что больше всего радости мне доставит поместье. Мне тут было хорошо, но из-за него у меня множество неприятностей.

Ты же, с другой стороны, страстно мечтаешь получить его. Ты удвоишь свои владения, станешь предметом зависти своих родственников. Так что, как ты понимаешь, обмен равноценен. Ты можешь предложить что-нибудь другое?

Она смотрела вниз и дрожала.

— Из-за тебя я пустилась на хитрости и подлости, Гордиан, но разве ты не понимаешь, что значит для меня эта земля? Я мечтала о ней, еще будучи девочкой. Мне снилось, что она моя. Но она досталась Луцию. И каждый год я радовалась, что он не женился и не оставил наследника, ведь всегда был шанс, что я переживу его и она станет моей. Терпение, терпение! Потом, правда, Гней стал жаловаться на свою судьбу, и было решено, что он первым вступит во владение чьим-нибудь наследством. Но все равно надежда была. И вдруг Луций решил оставить поместье какому-то незнакомцу из города — ах, ты даже не представляешь, каким это было ударом для меня! Земля ушла от меня навсегда! Но теперь...

— Значит, ты принимаешь условия?

Она глубоко вздохнула.

— Ты хочешь, чтобы я оставила дом на Палантине нетронутым. Так следует поступить и с поместьем.

Как легко она перешла от мечтаний к делу, подумал я.

— Конечно, к чему мне сельский инвентарь в городе?

— А рабы? Они останутся?

— Да, кроме тех, что я привез с собой.

— И Арат тоже останется?

— И Арат.

— Жестоко передавать его в руки такой хозяйки! Но как Арат обойдется без поместья, ведь он уже много лет только и делал, что управлял им.

— А как насчет Конгриона?

Я уставился в голубое небо.

— У меня все права казнить его, — сказал я тихо.

— Никто не обвинит тебя, — заметила Клавдия, задумчиво изучая свои пальцы. — Хотя тебе трудно будет убить его, тебе такие вещи не нравятся.

— Сам я убивать не буду. Предательство его немыслимо — заговор против хозяина, похищение хозяйской дочки. Если бы я разгласил это, то сколько бы нашлось желающих побить его камнями в назидание другим рабам! Но ведь тогда стало бы известно и о твоей причастности.

Клавдия нервно перебирала пальцами.

— Можно, например, продать его, чтобы избавиться, — сказал я. — За такого искусного повара много заплатят. Но как можно передать его в другие руки и не предупредить о его коварстве, и кто купит его, узнав правду? Нет, я долго думал — Конгрион остается в поместье, хочешь ты того или нет.

Глаза ее загорелись. Как сможет она есть приготовленные им блюда, зная о его способности к предательству? Ну ладно, пусть получает его. Пусть эти змеи живут вместе!

— Ты принимаешь мое предложение, Клавдия?

Она глубоко вдохнула и выдохнула:

— Принимаю.

— Хорошо. Тогда посмотри на него в последний раз и иди домой. Оно пока не твое, а до тех пор я не хочу встречаться ни с тобой, ни с твоими родственниками, так им и скажи. Вопрос решат наши адвокаты. И больше никогда в жизни я не желаю тебя видеть.

Она встала и медленно пошла прочь, но после нескольких шагов остановилась и обернулась.

— Гордиан, ты веришь в богов? Ты веришь, что наше процветание зависит от Фортуны, а жизнь и смерть от Рока?

— О чем ты говоришь, Клавдия?

— Когда я была совсем юной, у меня родился ребенок. Не важно, от кого и как это произошло. Отец пришел в ярость. Он спрятал меня, чтобы никто не узнал, а затем унес ребенка в дикое место на горе Аргентум и оставил его там. Я плакала, выла, потому что была молода и ничего не понимала. Я сказала ему, что он убил моего ребенка, но он ответил, что просто отдал его на милость богов и им решать, оставлять ли его в живых или нет.

Я не стану извиняться за то, что сделала ради того, чтобы получить желанное. Извинения мои ничего для тебя не значат, а также ничего не значат и для меня. Но знай, что я бы никогда не убила твою дочь своими руками. Когда этот дурак Конгрион доставил ее ко мне, что мне оставалось делать? Я решила отнести ее на гору Аргентум и оставить в шахте.

— Где она могла упасть в пропасть и разбиться! — вскрикнул я. — Или умереть от голода и холода.

— Да, но в этом я уже была бы не виновата. Понимаешь? Я оставила ее на попечение богам. Твоя дочь в порядке, тебе достался прекрасный дом на Палантине, а мне — поместье. В конце концов мои действия привели к лучшему.

— Клавдия, — сказал я, вздыхая и сжимая зубы. — Уходи отсюда побыстрее, или я не ручаюсь за себя и свое обещание!

ГЛАВА СОРОК ВТОРАЯ

— Папа, тебя хочет видеть какой-то человек, — сказала Диана, запыхавшись от бега.

Я отложил свиток.

— Диана, сколько раз можно повторять, чтобы ты не открывала дверь — для этого у нас есть специальный раб. Здесь, в городе...

— А почему нельзя?

Я вздохнул. Происшествие с Конгрионом нисколько не напугало ее. Я зевнул, вытянул руки и посмотрел на статую Минервы в глубине сада. Сделанная из бронзы, она была раскрашена так реалистично, что, казалось, вот-вот задышит. Она была единственной женщиной в доме, которая не спорила и не возражала мне. Луций, должно быть, заплатил за нее огромнейшую сумму.

— Я, папа, узнала его. Он говорит, что он наш сосед.

— О Юпитер, надеюсь, не бывший сосед по поместью.

Я представил себе, как перед нашей дверью стоит один из Клавдиев, и встревожился. Я поднялся и пересек сад. Диана бежала за мной.

У двери оказался не один, а целых два человека с многочисленной свитой рабов. Тот, кого Диана узнала, был Марк Целий. Я мысленно посчитал месяцы — прошел почти год, как он появился в моем поместье и напомнил о долге Цицерону. Я не понял, как Диана могла узнать его, ведь теперь он был гладко выбрит и подстрижен совершенно обычно; этим летом никто уже не следовал прошлогодней моде.

За ним стоял сам Цицерон. С тех пор, как я видел его в последний раз на Форуме, он немного потолстел.

— Видишь, — сказала Диана, указывая на Целия, — я знаю его.

— Граждане, извините, что у меня такая невоспитанная дочь.

— Ерунда, — сказал Цицерон. — Никто еще не встречал меня настолько любезно и добродушно. Можно войти, Гордиан?

Они проследовали за мной в сад, а рабы остались снаружи. Я приказал принести бутыль с вином и чаши; гости пили и хвалили мои апартаменты. Цицерон заметил статую Минервы. Я знал, что у него в доме имеются дорогие статуи богов, но моя была ценнее, насколько я понял. Я мысленно улыбнулся.

— Замечательный у тебя дом, — сказал Цицерон.

— Просто великолепный, — отозвался Целий.

— Спасибо.

— Итак, ты оставил поместье, — сказал Цицерон. — И это после того, как я немалыми усилиями помог тебе добиться его.

— Твоя работа не пропала зря. Поместье обратилось этим домом, как гусеница становится бабочкой.

— Когда-нибудь объяснишь поподробней. Ну а пока добро пожаловать снова в город. Теперь мы соседи. Мой дом находится совсем неподалеку.

— Да, я знаю. Со своей верхней террасы я могу видеть его на Капитолийском холме.

— Я тоже теперь твой сосед, — вступил в разговор Марк Целий. — Я как раз снял небольшой дом за углом. Плата просто невероятная, но в последнее время у меня появились деньги.

— В самом деле? — спросил я, решив, что неудобно задавать вопрос, откуда.

— Прекрасный сад, — сказал Цицерон. — И еще более прекрасная статуя. Если только ты когда-нибудь задумаешь расстаться с нею, то обратись ко мне...

— Я пока не собираюсь ее продавать. Все в этом доме когда-то принадлежало моему лучшему другу.

— Понимаю. — Он глотнул вина. — Но мы пришли не только для того, чтобы посмотреть на твое жилище, Гордиан. Я хочу попросить тебя об одном маленьком одолжении.

— Неужели? — спросил я, чувствуя холодок, несмотря на жаркое солнце.

— Да. — Он выглядел слегка усталым. — Но сначала я спрошу, так ли хороши здешние частные удобства, как и общественные?

— Иди вниз по коридору, — сказал я.

Цицерон извинился и вышел.

Целий наклонился ко мне.

— Диспепсия, расстройство желудка, — пояснил он. — Сейчас стало хуже, чем в прошлом году. Знаешь, иногда я сомневаюсь, удастся ли ему иной раз закончить речь перед Сенатом.

— Спасибо за ценные сведения, Марк Целий.

Он рассмеялся.

— На самом деле его желудок поправился с тех пор, как Сенат принял то постановление весной.

— Какое постановление?

— Согласно которому прощаются все, приговорившие заговорщиков к смерти.

— Ах, да, меня в то время не было в городе. Но сын мне писал об этом: «Всем членам Сената, магистратам, свидетелям, осведомителям и другим, вовлеченным в нарушение закона, согласно чему казнили Публия Лентула, Гая Корнелия Кетега и других, Сенат римский дарует защиту от преследования». Другими словами, Сенат спас их.

— Да, и это очень хорошо для Цицерона. А иначе его бы привлекли к суду за убийство.

— А почему бы и нет? Казнь была совершенно незаконной.

— Пожалуйста, не говори этого, когда Цицерон вернется! Или, по крайней мере, пока я не уйду.

— Ты уходишь, так рано?

— Не могу оставаться. У меня назначена встреча на улице Ткачей — хочу купить себе ковры для нового жилища. У этого торговца редкостные цвета, как раз под цвет глаз одной вдовы, с которой я надеюсь сойтись поближе.

— У тебя всегда был изысканный вкус, Марк Целий...

— Спасибо.

— Что меня всегда интересовало, кому же ты служишь. Ты знал обоих очень хорошо, когда же ты решил перейти на сторону Цицерона и оставить Катилину?

— Гордиан! У тебя у самого нет вкуса, если задаешь такой вопрос.

— Потому что он ставит под сомнение твой юношеский идеализм?

— Нет, потому что он ставит под сомнение наличие у меня здравого смысла. Зачем мне выбирать того, кто заведомо проиграет? Да, я знаю, что ты думаешь о Катилине и Цицероне. Иногда целесообразность перевешивает над вкусом. — Он глотнул вина. Посмотрев в ту сторону, куда ушел Цицерон, он наклонился и сказал тихим голосом: — Но если хочешь узнать правду... настоящую правду...

— А не ложную...

— Да, да. На самом деле в прошлом году я уже не служил ни Катилине, ни Цицерону, хотя оба считали меня своим человеком.

— Никому из них? Кому же тогда?

— Моему старому учителю, Крассу.

Увидев недоверие на моем лице, Марк Целий пожал плечами.

— Понимаешь, ему же надо было наблюдать за обоими, знать, как они к нему относятся; и я хорошо справлялся с работой. Ты думаешь, только один Цицерон наводнил город своими шпионами? Да Красс и платит лучше.

— Насколько я понимаю, они все тебе платили за услуги. Мне кажется, ты и сам иногда не понимаешь, на чьей ты стороне. Так ты говоришь, Красс?

Он улыбнулся.

— Я сказал тебе как человеку, в порядочности которого я уверен. Ты болтать не будешь. Да ведь ты и не знаешь, верить мне или нет.

— Мне кажется, ты сам себе не веришь.

Он подался назад со смущенным видом.

— Мне кажется, тебе лучше жить в городе, Гордиан. Ты отдыхаешь, выглядишь бодрее, чем в провинции.

Через мгновение к нам присоединился Цицерон. Целий встал и попрощался с нами обоими.

— Уже уходишь? — спросил Цицерон.

— У него дело — подобрать ковер под цвет глаз, — объяснил я.

Цицерон улыбнулся, чтобы скрыть недоумение, и Целий ушел.

— Итак, как я уже говорил, у меня к тебе небольшая просьба.

— Не знал, что я до сих пор что-то должен тебе.

— Гордиан, оглянись! — сказал он, указывая на сад с колоннами, статуями и фонтаном. — Ты мне сам дал понять...

— Поверь мне, Цицерон, я заслужил этот дом, каждый его камушек! — проговорил я с такой страстностью, что он придержал свою риторику.

— Хорошо, но сначала выслушай меня.

— Хорошо, но мне кажется, если кто-то и должен просить об одолжении, так это я. Называй это компенсацией, если хочешь. Несколько месяцев тому назад, когда я еще жил в поместье, мне был нанесен ущерб людьми из Рима. Они искали Катилину в моем доме. Кто их послал ко мне? Кто приказал им обыскать мой дом и напугать мою семью? Если бы они нашли его, то убили бы на месте, в этом я не сомневаюсь.

Цицерон нахмурился. Либо я раздосадовал его, либо у него опять неполадки с желудком.

— Ладно, ладно, Гордиан, будем считать, что и я тебе должен. Ведь ужасно сознавать, что Отец Отечества в должниках у тебя? Но ты же доверяешь мне. Так ты выслушаешь меня или нет?

Я поставил чашу на стол и скрестил руки.

Цицерон улыбнулся.

— Очень простая вещь, поверь. Понимаешь, ведь официально никто из армии Катилины не остался в живых после Пистории...

— Я тоже слышал об этом, — сказал я, вспомнив лязг оружия. — Все они погибли, сражаясь.

— Да, все они были римлянами и оставались ими до самой смерти, как ни жестоко они заблуждались. Но до моего сведения дошло, что, по крайней мере, двое осталось — отец и сын.

— Неужели? И как ты об этом узнал?

— У меня ведь повсюду осведомители, не забывай об этом. И мне кое-что нужно от этих уцелевших.

— Не отмщения, я надеюсь. И так уже было достаточно казней и судов после гибели Катилины. Мне казалось, что всех врагов государства уже наказали.

— Нет. От них мне нужно, чтобы они вспомнили речь Катилины.

— Его речь?

— Ту, что он произносил перед сражением. Ведь он должен был ее произнести, как всякий римский полководец.

— Возможно. А почему она тебя интересует?

— Чтобы завершить мои записи в качестве консула. У меня есть записи всех речей за предыдущий год — мои выступления против Катилины, обсуждения в Сенате — Тирон постарался. Есть копии писем, согласно которым обвинили заговорщиков, записи речи помощника Антония перед битвой...

— У него, кстати, что-то было не в порядке...

— Кишки у него были не в порядке, — сказал он сочувствующим тоном человека, страдающего от хронической диспепсии. — Но ни у кого нет речи Катилины перед его

последней битвой. Забудь слово «одолжение», я заплачу серебром тому, кто поведаст ее мне.

— Тебе она нужна для написания воспоминаний?

— Почему бы и нет? Заговор Катилины был одним из наиболее значительных событий за всю историю Республики. А что до моей роли, так некоторые даже говорят, что иногда я достигал такой власти, что приближался к образу царя-философа, каким он описан у Платона. Они, конечно, преувеличивают, но...

— Пожалуйста, Цицерон... — Теперь у меня заболел живот.

— Мне нужна речь Катилины, нужна для потомства. На твоих условиях. Ты можешь сам записать ее на досуге, можешь продиктовать Тиرونу.

— И он тут же запишет ее своей скорописью?

— Да, если будешь говорить достаточно быстро.

Я поморщился при мысли о том, что речь Катилины попадет в руки его преследователя. А с другой стороны, разве можно дать бесследно исчезнуть его словам? Что еще из его наследства переживет века? Статуи его никогда не будут воздвигнуты, историки его не прославят, сына он не оставил. Через несколько лет останутся одни лишь слухи и злословия.

Оставалась, конечно, еще водяная мельница. Ее задумал Луций Клавдий, а Катилина разрешил трудную загадку. Это памятник им обоим. Перед тем как отдать поместье Клавдии, я хотел сжечь ее, чтобы она не переходила в недостойные руки. Я даже раздал рабам факелы и молотки, но, только увидев, как крутится колесо, сразу отказался от этой мысли. Пусть она стоит памятником всем нам, кто ее строил.

Цицерон кашлянул и перенес меня опять в мой городской дом.

— Даже если я и присутствовал в Пистории, — сказал я, — и даже если я слышал его речь, неужели ты думаешь, что я запомнил ее слово в слово?

— Да, я уверен, Гордиан. У тебя превосходная память на подобные вещи. Таковы твои способности и таланты — ты можешь запоминать все детали, особенно слова. Я же помню, как ты слово в слово цитировал высказывания, сделанные за много лет до того.

— Твоя правда, Цицерон. Знаешь, что я вспомнил, когда увидел тебя у своего порога? Слова, произнесенные давно умершим человеком. Это было более чем восемнадцать лет назад, в твоём старом доме на Капитолийском холме, ночью после суда над Секстом Росцием. Помнишь? Мы прибыли в твой дом, ты, я и Тирон, увидели снаружи охранников и рабов Суллы и нашли самого диктатора внутри, он ожидал нас в твоей библиотеке.

Цицерон задержал дыхание, словно это воспоминание до сих пор беспокоило его.

— Ну да, конечно, я помню ту ночь. Мне показалось, что сейчас нас казнят и выставят головы на шестах.

— Я тоже так подумал. Но для укушенного чудовища, каким тогда был Сулла, он оказался довольно миролюбивым и приветливым. Хотя он не льстил нам, отнюдь. Меня он назвал собакой, выкапывающей кости, и сказал, что у меня на морде вечно будет грязь и червяки.

— Он и вправду так сказал? Я едва помню.

— О Тиране он сказал, что тот не так уж и прелестно выглядит, чтобы ты позволял ему всякие вольности, и предложил вместо того его выпороть.

— Похоже на слова самого Суллы.

— А помнишь, что он сказал про тебя?

Он напрягся.

— Не помню точно, что ты имеешь в виду.

— «Глупый храбрец, или безумный честолюбец, или то и другое», — сказал он. Умный молодой человек и замечательный оратор, как раз такой, какого он бы предпочел видеть в своих рядах, но он понимал, что ты никогда не пойдешь на это, потому что твоя голова забита республиканскими добродетелями и презрением к тирании. А потом он сказал — я попробую дословно привести его слова: «У тебя ложные представления о благочестии и о своей

природе. Я-то старая лиса и чую в этой комнате еще одну лису. Вот что я тебе скажу, Цицерон: дорога, которую ты выбрал, ведет только к одному — к тому месту, где я сейчас нахожусь. Может, ты и не зайдешь настолько далеко, но никуда уже больше не свернешь. Посмотри на Луция Суллу и увидишь свое отражение».

Цицерон наградил меня леденящим взглядом.

— Таких слов я не припомню.

— Нет? Тогда, возможно, ты и не поверишь, когда я вспомню речь Катилины.

Он немного растаял.

— Так что же ты делал в лагере Катилины?

— Искал заблудившегося ягненка, который оказался львенком. Но разве ты ничего не знаешь от своих осведомителей?

— Многое от них ускользает, например мысли. Ах, Гордиан, знать бы, что ты поддашься на уговоры Катилины, не посылал бы я к тебе Марка Целия. Мне казалось, ты сразу его раскусил. Вместо того, мне кажется, он развратил тебя. Не в буквальном смысле, конечно, надеюсь. — Он рассмеялся.

Я посмотрел на статую Минервы. Ее молчание успокаивало меня; не поддаваться гневу — это уже мудрость.

— Ты не сожалеешь о чем-нибудь за время своего консульства, Цицерон?

— Ни о чем не сожалею.

— И даже о том прецеденте, который ты создал для хрупкой и ветхой Республики? Ни о том, что ты мог бы освободиться от влияния оптиматов и постараться изменить ход вещей?

Он потряс головой и снисходительно улыбнулся.

— Перемены — враги цивилизации, Гордиан. Зачем к ним стремиться, если власть и так в руках достойнейших? То, что ты называешь прогрессом, может быть лишь упадком и разрушением.

— Но Цицерон, ты же Новый Человек! Ты родом из низкой семьи, а стал консулом. Ты должен желать перемен.

— Чтобы быть откровенным, нужно вводить в круг Лучших Людей новых членов, а некоторые из них, как Катилина, должны падать в грязь. Таково равновесие, задуманное богами...

— Богами! Как ты можешь быть атеистом и провозглашать себя орудием Юпитера?

— Это же метафора, Гордиан, — сказал Цицерон терпеливо, словно прощал меня, неразумного ребенка, за то, что я все понимаю буквально.

Я вздохнул и снова посмотрел на Минерву, мое терпение начинало истощаться.

— Мне кажется, я должен сейчас побыть один, Цицерон.

— Конечно. Надеюсь, что я найду выход. — Он встал, но не повернулся. Он ожидающе смотрел на меня.

— Хорошо, — сказал я. — Присылай Тирона завтра утром. Я по памяти произнесу речь Катилины, если вспомню.

Цицерон кивнул, слегка улыбнулся и повернулся, чтобы уйти.

— Возможно, Тирон лучше тебя помнит слова Суллы, — добавил я и заметил, как плечи Цицерона слегка шевельнулись.

ЭПИЛОГ

С момента визита в мой дом на Палантине Цицерона прошло четыре года.

Я думал, что история закончена, насколько это возможно в нашем постоянно изменяющемся мире, но с тех пор произошло кое-что еще, придавшее особый блеск событиям, и, наконец, все стало на свои места. Так и статую Юпитера делали несколько лет,

прежде чем установить в надлежащем месте.

Цезарь постепенно упрочивал свое положение; два года тому назад он создал коалицию (или триумvirат, как говорили на Форуме) с Крассом и Помпеем, а в прошлом году, в возрасте сорока одного года, его выбрали консулом. Теперь он отправился в Галлию, умирять непокорные племена гельветов. Я желаю ему всяческих успехов, хотя бы потому, что в его войсках сражается мой сын.

Вскоре по возвращении в Рим мой сын записался в войско под командованием Марка Муммия, но служить Помпею ему не нравилось. Сейчас он в армии Цезаря. Меня озадачил его выбор жизненного призвания, но я смирился. (Он всегда неизменно гордился шрамом, полученным в сражении при Пистории.) В своем последнем письме, посланном из города Бибракта, в земле Эдуев, Метон так живо описывал сражения с гельветами, что у меня волосы дыбом вставали, — и когда только маленький мальчик, которого я некогда усыновил, стал воином, радующимся при виде крови? Перед началом сражения, писал Метон, Цезарь приказал удалить всех лошадей, чтобы все римляне подверглись равной опасности — что напомнило мне о сражении под началом менее удачливого полководца. Метон уверял меня, что Цезарь — военный гений, но это ничего не говорило отцу, который предпочел бы видеть сына скромным, но живым, чем прославленным, но мертвым.

Я часто пишу ему, никогда не зная наперед, дойдут ли до него мои письма. Сражение при Пистории сблизило нас в каком-то смысле, но и разъединило в другом. Мне гораздо легче писать ему, чем разговаривать с ним лицом к лицу. Но я всегда боюсь, что пишу уже к умершему и не знаю этого.

Здесь я привожу копии двух моих писем, написанных в разное время. Первое — написано в апреле:

«Моему любимому сыну Метону, служащему под командованием Гая Юлия Цезаря в Галлии, от любящего отца в Риме, да пребудет с тобой Фортуна.

Ночь тепла, а еще теплее она становится от языков пламени, вырывающихся из дома, расположенного неподалеку.

Сейчас я все объясню.

Некоторое время тому назад я читал книгу в саду. Взглянув на темнеющее небо, я заметил, что оно имеет какой-то странный красноватый оттенок, но подумал, что это от багрового заката. Я собирался позвать раба, чтобы он принес лампу, но он сказал, что у двери ожидает посетитель. В сад ворвался наш сосед Марк Целий и спросил, можно ли посмотреть на пожар с нашей террасы. Мы вместе поднялись в мою спальню, где уже стояла Вифания и смотрела, как пламя охватывает дом Цицерона.

Несколько дней тому назад Цицерон уехал, опасаясь преследования народного трибунала Клодия. Недовольство Цицероном зрело уже давно. Находятся такие, кто славит его до сих пор, но многие, даже самые приверженные его поклонники, уже устали от того, что он постоянно вспоминает, как героически пресек заговор Катилины, и все его высказывания стали расхожими шутками. Смеются и над его самонадеянностью, тщеславием и грубостью. Красс презирает его, Помпей едва терпит, а то, что испытывает к нему Цезарь, ты и сам знаешь. Было множество людей во всех классах и слоях общества, которые симпатизировали Катилине, хотя и не присоединялись к нему. Они терпеть не могут, когда Цицерон хвастается своей победой и поносит мертвого.

Клодий способный политик, он сумел организовать народ (Хозяин Толпы, называют его) и до полусмерти запугать оптиматов. Говорят, что с Цицероном у них личная вражда (из-за жены Цицерона, Теренции, которая обвинила сестру Клодия в том, что она собиралась разлучить ее с Цицероном — подумать только!), но вскоре Клодий понял, что стал представителем всех тех, кто недоволен бывшим консулом. Чтобы вызвать к себе симпатию, Цицерон отрастил волосы в знак траура и так ходил по улицам, но люди Клодия все равно ходили за ним, смеялись,

забрасывали грязью, а сторонники Цицерона что-то не спешили показываться. И что только случилось с толпой, которая провозгласила его Отцом Отечества несколько лет тому назад? Толпа непостоянна, Метон.

Цицерон так испугался за свою жизнь, что сбежал из Рима, а Клодий созвал народное собрание, чтобы изгнать его за то, что он «приговорил граждан Рима к смерти незаконно», и запретить всем в пределах пятисот миль от Рима предоставлять ему убежище. (Несмотря на то, что Сенат принял постановление о ненаказуемости тех, кто приговорил заговорщиков.) Позже было решено, что всякий, кто выступает с предложением вернуть Цицерона в Рим, является врагом народа, до тех пор, пока «те, кого Цицерон отправил на тот свет, не родятся снова». У Клодия довольно резковатое чувство юмора.

Итак, Цицерон сбежал в Грецию, а Клодий принялся буйствовать. Дом Цицерона на Палантине весь охвачен огнем. Я пишу тебе при свете пожара, и мне не нужна лампа. Невозможно заснуть от света, даже если бы я и захотел.

Будешь ли ты спорить, что здешние события поинтереснее твоих гельветов?

Куда все это нас заведет, я не знаю, но, думаю, Цицерона мы видели не в последний раз: когда охотники уходят, лиса возвращается в свою нору.

Я желаю тебе счастья в службе под командованием Цезаря; каждый день я молю богов, чтобы они сохранили тебе жизнь и чтобы ты скорей возвращался домой».

А это письмо я написал сегодня, в иды секстилия:

«Моему любимому сыну Метону, служащему под командованием Гая Юлия Цезаря в Галлии, от любящего отца в Риме, да пребудет с тобой Фортуна.

Я только что вернулся из поездки в Арреций. Как хорошо вернуться домой, в Рим, увидеть снова радостную Вифанию и твою сестру Диану, у которой через несколько дней будет день рождения — двенадцать лет. Они посылают тебе привет, и Экон тоже, и Менения, и их близнецы, которых совершенно ничем невозможно унять (хотел бы я стать дедушкой на пятом десятке жизни, как большинство людей! — боюсь, что теперь я слишком стар).

Но я хочу рассказать тебе, что увидел в пути. Давно я уже не ездил на север по Кассиановой дороге; я даже намеренно избегал ее, не желая вновь видеть свое бывшее поместье, но вот вынужден был поехать в Арреций по делу о неверной жене и пропавшем ожерелье. (Если хочешь узнать о нем поподробней, то оставляй службу, возвращайся домой и принимайся за работу своего отца!)

По дороге туда я торопился и едва взглянул на знакомые места. Гора Аргентум, холм, виноградники, поля — я почувствовал ностальгию, которая долго не проходила. Возвращался не торопясь, подъехав к горе, я спешил и пошел пешком.

Я заметил, что стена на севере поместья постепенно разрушается. Поля подернулись дымкой от жары и пыли, но сам дом я увидел, а также прилегающие строения. Водяной мельницы не видно совсем — от нее остался только фундамент. Она разрушена.

Я едва не поскакал верхом к дому, но сдержался и вместо этого стоял и смотрел. Некоторое время спустя из конюшни выехала повозка, запряженная волон; в ней сидел раб, которого я не знал в лицо. Я подошел поближе и спросил, здешний ли он.

— Да, — ответил он. Он был какой-то запуганный и не смотрел мне прямо в глаза.

— Тогда, может, скажешь, почему твоя хозяйка ломает стену на севере?

— Это не хозяйка, — пробормотал он, удивившись такому вопросу, — это хозяин.

— Хозяин? — переспросил я, думая, уж не вышла ли Клавдия замуж. — А как его зовут?

— Маний Клавдий. Он унаследовал это поместье, потому и разрушает стену. Трудная работенка! Теперь у него столько земли, сколько видно по обе стороны вон того холма, и стены ему ни к чему.

— А что же случилось с Клавдией?

— А, с его кузиной, от которой ему и досталась эта земля? Она умерла — год тому назад.

— И как она умерла?

— Очень неожиданно. Говорят, что по всему телу пошли судороги, а язык почернел. Наверное, она что-то съела.

Я некоторое время молчал, усваивая эту новость.

— А водяная мельница — зачем ее разрушили?

— Так приказал мой хозяин, Маний. Он сказал: «Эта конструкция — просто вызов рабовладению!»

— Да, я понял.

— Извините, — сказал раб, глядя в землю, — но вы, должно быть, старый хозяин, тот, что был до Клавдии.

— Да, верно.

— Старые рабы говорят, что при вас был «золотой век».

— В самом деле? Да, золотые времена не так уж долго длятся, и в действительности там бывает не так уж и хорошо — одно воспоминание. Скажи, а Арат до сих пор управляющий?

— Да, и самый лучший из тех, на кого мне приходилось работать.

— Да, верно, твой хозяин, должно быть, ценит его. Скажи, а Конгрион до сих пор повар?

— Он был им до тех пор, пока хозяин не унаследовал поместье. Потом его освободили и услали в город с кошельком серебра. Представьте себе только!

— Да, — сказал я. — Понятно.

Я надеюсь, что выводы ты сделаешь сам.

Я вот рассказываю эту историю, передаю слова, как если бы ты сам там был, и мне очень тебя недостает. Я опасаясь за твою жизнь. Хотя мы разные, но есть вещи, которые кроме нас никто лучше не поймет, и я ценю тебя. Если бы не ты, то никто бы уже не вспомнил некоторые мгновения моей жизни, и мне бы показалось, что это всего лишь сон.

Я посмотрел на поместье, и в голове моей сразу пробудились воспоминания, они кружатся и кружатся в моем мозгу, словно гарпии. Кому, как не тебе, мог я рассказать все, что думаю о Каталине? Зачем я столько времени провел зря, подозревая его и противясь его влиянию? Но другая часть меня говорит: а если бы ты поддерживал его, отдался ему всем сердцем и душой — то чем бы все это закончилось? А самая моя скептическая часть утверждает до сих пор, что он был просто очаровательный шарлатан, не столь уж и отличающийся от остальных.

Насколько я знаю, у римлян нет бога сожаления или сомнения — да и откуда ему взяться, когда римлянам не пристало испытывать подобные чувства? Поэтому нет и алтаря, куда я положил бы свои мысли, очистил их пламенем, и они превратились бы в пепел. Вместо этого я продолжаю жить с сомнениями и сожалениями, люблю тех, кто мне близок, удивляюсь судьбе Цицерона и Клавдии и продолжаю размышлять, как, должно быть, и ты, над загадкой Катилины».

ОТ АВТОРА

Мало кто из исторических персонажей столь противоречив, как Луций Сергий Катилина. Всего лишь поколение спустя после описываемых событий Вергилий в своей «Энеиде» изображал его как проклятую душу. В течение столетий его считали либо героем, либо разбойником. Два исследования, напечатанные в разное время и в разных местах,

подтверждают это. Сравните: «*Patriae Parricida*. История ужасного заговора Катилины против Римского Сообщества», опубликованная неизвестным автором в Лондоне в 1683 г., и книга Эрнесто Паласио «Катилина: Революция и восстание против римской плутократии», вышедшая в Буэнос-Айресе в 1977 г. Так кто же такой Катилина — злодей-бунтовщик или герой-революционер?

Бен Джонсон оставался верен классической традиции, считавшей Катилину бунтовщиком, когда во времена короля Иакова, в 1611 г., писал свою трагедию «Заговор Катилины», о которой вспомнили после Реставрации. Вольтер в своей пьесе «Спасенный Рим, или Катилина» выставлял Цицерона как достойного человека для своего Века Разума, а Катилина казался ему сторонником хаоса; Цезаря посылают сражаться с заговорщиками!

Из книги Гастона Боссьера «Колдовство Катилины», 1905 г., мы узнаем, что Робеспьера называли «современным Катилиной». (В 1850 г. Ибсен решил по-новому взглянуть на историю и изобразил Катилину озабоченным воистину гамлетовским вопросом — как бороться с тиранией.)

Проблема в том, что в современных Катилине источниках он оценивается негативно. Знаменитые четыре речи Цицерона против Катилины стали моделью для обвинительных речей, Саллюстий же, сторонник Цезаря, имел свою точку зрения, когда писал «*Bellum Catilinae*». Читая эти произведения, нужно делать поправку на актуальность. Даже из них можно узнать, что Цицерон некогда симпатизировал Катилине, а Саллюстий, повторяющий любые обвинения против него, словно уличный стенограф, тем не менее приводит и оправдания.

Многие современные историки, не задумываясь, видят в Катилине злодея, хотя и знают, что таким его описали его недруги. Другие стараются найти истину под пластами исторических преданий, но чаще используют фигуру Катилины для своих построений. Хуже всех поступают те, кто объявляет свою точку зрения «последним словом», а последнего слова не может быть хотя бы потому, что машина времени нам недоступна и с мертвыми мы общаться не можем.

К счастью, писатель — не историк, он волен давать свою оценку событиям, тем более что повествование ведется от несведущего первого лица. Основные детали в «Загадке Катилины» верны, включая политические события и речи. А что касается точки зрения Гордиана и его умозаключений — то читатель волен сам составлять свое мнение по этому поводу. Я вовсе не старался реабилитировать Ричарда III в «Дочери времени». Катилина и теперь остается тем, чем был и в свое время, — загадкой.

Я должен отдать дань уважения тем сочинениям, которые придали моей книге живость и драматичность. «Заговор Катилины» Генри Хатчинсона (1967) остается до сих пор моей любимой книгой на историческую тему. Отмечу также «Защиту Катилины» Уолтера Аллена, «Воспитание Юлия Цезаря» Д. Кана, название одной из глав которой — «Заговор Цицерона и Катилины» — подсказало мне одну из основных идей моей книги.

Среди остальных источников, после Цицерона и Саллюстия, идут римские историки Аппиан и Дион и, конечно же, «Жизнеописания» Плутарха, сокровищница ярких деталей, откуда мне стало известно и о скорописи Тирона, и о споре Катона с Цезарем, когда тому подали любовное послание Сервилии, и о самой загадке, заданной Катилиной Сенату. Жаль, что Плутарх не оставил нам подробного жизнеописания Катилины!

Большую часть исследований я провел в Публичной библиотеке Сан-Франциско, а также в библиотеке Перри Кастанеды в Техасском университете. Я благодарен Майклу Бронски и Вольте Воравски за доступ в библиотеку Гарварда.

Как всегда, я благодарю моего издателя Майкла Деннса и его помощника Кейта Кала; благодарю Пенни Киммел за чтение рукописи; свою сестру Гвин, хранительницу компьютера, и, конечно, Рика Соломона, хозяина «Макинтоша» и всех его чудес.